300972

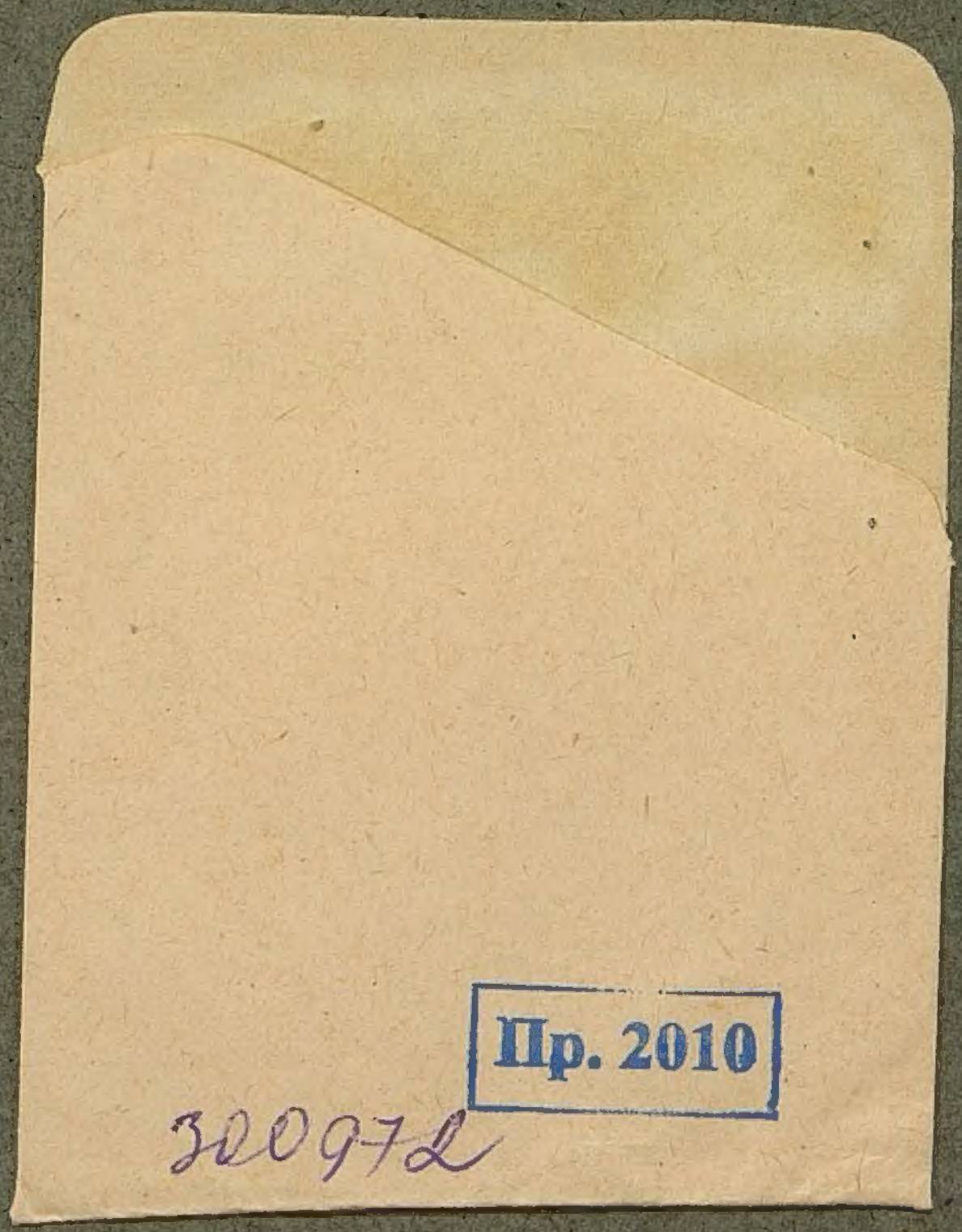
Проф. Александръ Трачевскій

Наполеонъ I.

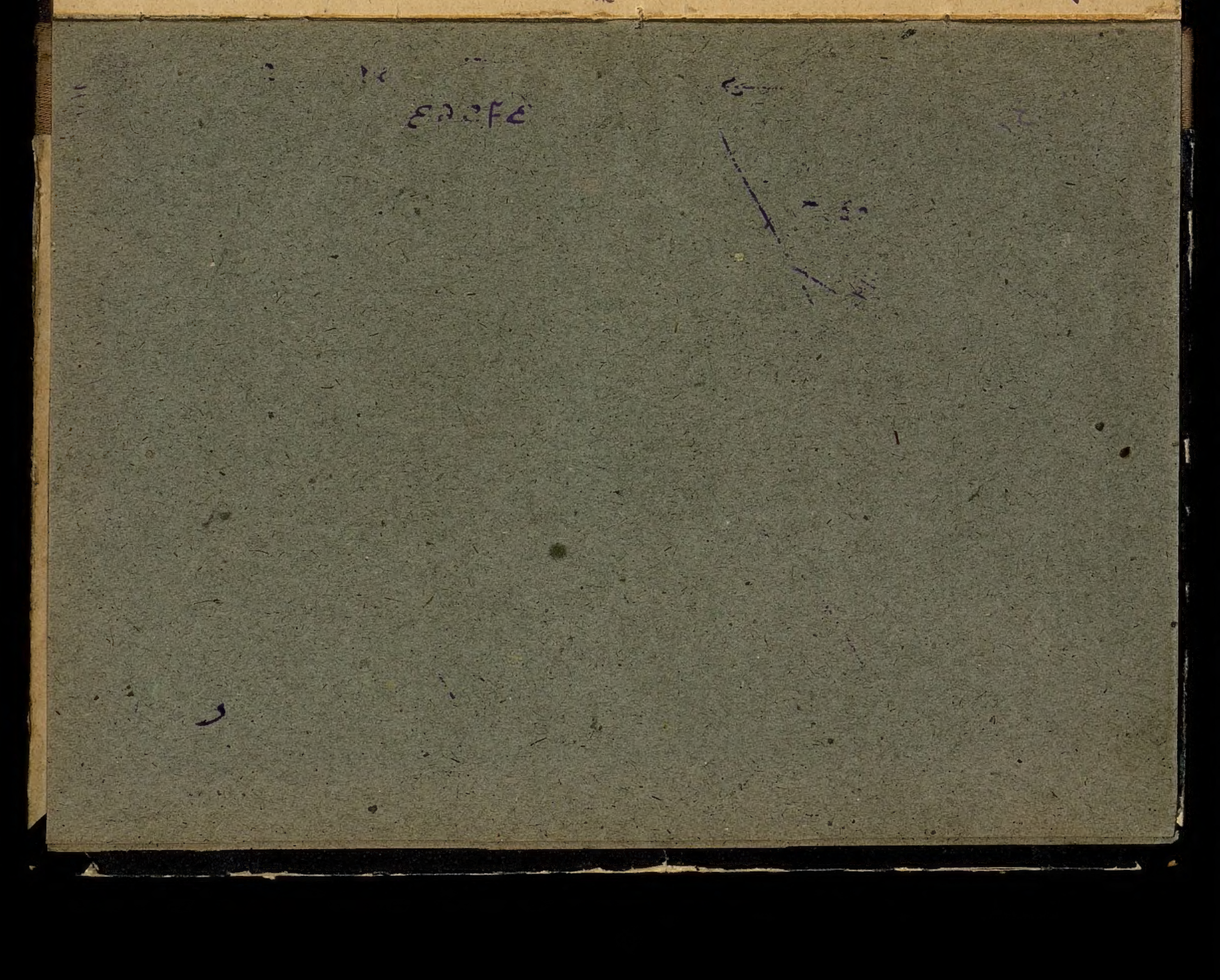
ПЕРВЫЕ ШАГИ И КОНСУЛЬСТВО

1769-1804.

61.26
V
224,



Пр. 2010
300972



проф. АЛЕКСАНДРЪ ТРАЧЕВСКІЙ.

НАПОЛЕОНЪ I.

ПЕРВЫЕ ШАГИ И КОНСУЛЬСТВО.

1769—1804.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1907.

ПРОВЕРЕНО в 1937 г.
Свердловская Высш. Коммун. с/х. Школа им. В. И. Ленина Фундаментальная Библиотека
БИБЛИОТЕКА Свердловского Госуниверситета им. А. М. Горького
БИБЛИОТЕКА Коммунистического Университета

Къ нашимъ читателямъ.

Среди множества сюрпризовъ еще непонятой послѣдней минуты исторіи, „конецъ вѣка“ поражаетъ насъ необычайнымъ оживленіемъ всеобщаго интереса къ личности Наполеона I.

Внезапность такого знаменательнаго явленія, конечно, только кажущаяся. Оно вызвано естественными и крупными причинами.

Человѣчество готовилось подвести итоги великаго вѣка, который оставался загадкой, какъ доказали потомъ жалкіе некрологи при его похоронахъ. Оно оглянулось далеко назадъ, на начало XIX столѣтія, и задумалось надъ явленіемъ громадной важности. Это начало, какъ плодъ воистину „великой“ революціи, еще не умерло. Его содержаніе еще не исчерпано отдаленными потомками богатырей, худосочными сынами XX вѣка. Въ немъ лежатъ зерна *всесторонняго* развитія цивилизаціи, которая и теперь отчасти пробавляется багатымъ наслѣдіемъ того времени. Сейчасъ, когда рожденіе Новой Россіи потрясло міръ, всѣ—и у насъ и за границей—невольно сравниваютъ наши вожделѣнія съ идеалами, возвѣщавшими наступленіе XIX вѣка.

Та удивительная эпоха нашла себѣ достойнаго, по размѣрамъ, представителя. То былъ героямъ герой, стоявшій головой выше сонма тѣхъ странныхъ людей, которыхъ нашъ поэтъ такъ и назвалъ: „богатыри—не вы!“ Изъ дали цѣлаго вѣка передъ нами рѣзко вырисовывается знакомая и дѣтямъ фигура „капральчика“, въ сѣрой шинели, въ треуголкѣ, надѣтой шиворотъ-навыворотъ, со сложенными на груди ру-

ками, съ пронзительнымъ взглядомъ, устремленнымъ въ пространство. Мы, русскіе, гордимся, любуясь этимъ чарующимъ образомъ, какъ отлился онъ подъ пластическимъ перомъ того художника слова, закатомъ дней котораго открывается XX вѣкъ.

Въ обаяніи этого образа кроется вторая причина загадочнаго явленія „конца вѣка“, связанная съ цѣлымъ умственнымъ теченіемъ. Знакомый и Россіи „великанъ изъ далекихъ чуждыхъ странъ“ цѣлое поколѣніе приковывалъ къ себѣ взоры вселенной непосредственно, собственными подвигами. Затѣмъ вниманіе другого поколѣнія занимала „Наполеоновская легенда“: міровыя начала, связанныя съ нею, продолжали развиваться и бороться въ жизни. Но вотъ, въ срединѣ вѣка, шумъ сталъ улегаться. Полетъ естествознанія упразднялъ выспренность романтизма; эволюціонная теорія искореняла пережитки чудеснаго, въ томъ числѣ всякое богатырство.

Вдругъ, къ концу вѣка, на ряду съ разнообразною „упадочностью“, воскресъ старый эстетизмъ. Обнаружилась погоня за художественными „воплощеніями“ этики, за символами добра и зла. Ницшеанцы играли въ „сверхчеловѣка“. Въ исторіи возрождалось первобытное наивное стремленіе народовъ воплощать въ одномъ образѣ дѣянія цѣлыхъ поколѣній. Англичанинъ Карлейль, блестящій писатель, но плохой ученый, пустилъ въ ходъ „героепоклонство“ (heroworship). А какого же вамъ больше героя, какъ не Наполеонъ!

Воскресшій пережитокъ поэзіи чудесъ, сказокъ, привидѣній былъ поддержанъ особымъ обстоятельствомъ въ политикѣ. Когда обаяніе гиганта начала вѣка уходило въ безмятежную область исторіи, глазамъ изумленнаго и негодующаго человѣчества вдругъ предстала его карикатурная миніатюра. Правда, не прошло поколѣнія, какъ это воспроизведеніе не по времени рухнуло въ пропасть забвенія, откуда оно внезапно вынырнуло: но Наполеонъ „Малый“ [1]) словно

---

[1]) *Victor Hugo*: Napoléon le Petit. 1852.

былъ созданъ для воскрешенія великаго дяди въ памяти народовъ.

Понятно, что послѣ Седана опять поднялся шумъ вокругъ тѣни Наполеона I. На этотъ разъ, казалось, насталъ послѣдній расчетъ потомства съ прельстительнымъ, черезчуръ громкимъ именемъ. „Наполеоновская легенда“ возрождалась, такъ сказать, съ другого конца: выступила армія „хулителей“, выражаясь словами принца Наполеона [1]). Третья, настоящая, прочная республика торжествовала побѣду надъ цезаризмомъ, который, въ лицѣ и Великаго и Малаго Наполеона, дважды пожралъ ея предшественницъ. Мѣсто Наполеоновской легенды занимала легенда революціонная. Лѣтъ двадцать спустя республика запечатлѣла свою побѣду пышнымъ празднованіемъ юбилея своей прародительницы—„великой революціи“.

Но это же празднованіе вызвало глубокое изученіе той эпохи. И документальное безпристрастіе вскрыло кровную связь между концомъ XVIII и началомъ XIX вѣка. А тутъ подошло указанное выше героепоклонство. И совершилось новое чудо съ образцомъ „великаго человѣка“: міръ былъ пораженъ воскресеніемъ Наполеоновской легенды въ ея прежнемъ, лучезарномъ, сіяніи. Въ туманной дали столѣтія гигантъ его начала опять сталъ вырисовываться колоссальною, непоколебимой статуей. И онъ уже оказывался „исчадіемъ революціи“, окруженнымъ, какъ у Корреджіо, электрической атмосферой чарующихъ отблесковъ великой эпохи. Человѣчество словно опять вступило въ волшебный кругъ. Казалось, онъ вновь наполнялся шумомъ жестокихъ битвъ, низвергающихся троновъ да шопотомъ дьявольскаго макіавелизма. „Роковой человѣкъ“, какъ назвали современники Бонапарта съ самаго начала, опять овладѣвалъ всеобщимъ вниманіемъ. Онъ снова вторгался во всѣ стороны жизни — отъ раскрывшихся архивовъ до театральной сцены, до мебели и дамскихъ модъ.

---

1) *Prince Napoléon*: Napoléon et ses détracteurs. 1887.

Въ исторіографіи эта горячка принесла существенную пользу. Наука точная, теперь опирающаяся на документы архивовъ—исторія продолжала преданія 1860 годовъ. Сама—мать эволюціонизма, она внушала, что если встрѣтится намъ загадочное явленіе, мы не должны сотворять себѣ изъ него кумира: слѣдуетъ кропотливо, безъ предвзятыхъ мыслей, безъ доктринерства и пристрастій, изслѣдовать его зародыши и окружающую среду. И теперь уже стало смѣшно доказывать, что никакой геній не исполняетъ задачи создателя—творить изъ ничего. Этотъ вопросъ сталъ и въ Россіи покончennымъ дѣломъ послѣ уясненія преобразованій нашего „самодержавнаго великана“ [1]).

И улеглись страсти по отношенію къ Наполеону. Вмѣсто партійной размалевки героя съ той или другой стороны, выступило стремленіе уяснить причины этого поразительнаго явленія, докопаться до „генезиса“, родословія, слившихся въ немъ идей и интересовъ. Начали приходить, конечно, ко взгляду самому естественному, простому, какъ Колумбово яйцо. А главное, это — взглядъ научный: онъ опирается на факты, засвидѣтельствованные документально.

Истиннымъ рудникомъ основныхъ документовъ служатъ архивы. Изслѣдованіе ихъ началось, съ легкой руки извѣстнаго историка Ранке, въ 1830 годахъ. И оно тотчасъ же дало блестящіе результаты, доказавъ неопровержимо ошибочность многихъ воззрѣній на историческія событія и лица. Но ревнивыя и близорукія правительства долго ограничивали раскрытіе истины болѣе старыми временами. Лишь въ 1860 годахъ дошли до эпохи великой революціи, затѣмъ слегка стали открываться архивы и для XIX вѣка, и именно въ Берлинѣ, Вѣнѣ, отчасти въ Лондонѣ. Главныя сокровища, бумаги

---

[1]) Въ нашей *Русской Исторіи* (II, §§ 198 — 221) настаивается на этой точкѣ зрѣнія. Мы даже отнесли времена Алексѣя Михайловича, Ѳедора III и Софьи, какъ непосредственную подготовку Петра, къ *новой* исторіи Россіи. И мы не встрѣтили возраженій на этотъ взглядъ.

парижскаго и петербургскаго архивовъ, хранились еще подъ семью печатями, какъ „государственная тайна“.

Мы были поражены, когда, въ 1880 году, французская республика заявила намъ, что, по древнему уставу, ея архивы открыты наукѣ только „до смерти Людовика XV“. Но тогда же, благодаря либерализму Фрейсинэ и настойчивости ученыхъ, началась реформа и здѣсь. И мы получили доступъ къ документамъ по эпохѣ Наполеона I. Собравъ, въ теченіе полутора года, все, что было тамъ цѣннаго, мы обратились въ петербургскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, который, въ сущности, былъ совсѣмъ закрытъ для науки, такъ какъ въ немъ хранятся дѣла только XIX вѣка. Съ особаго разрѣшенія высшей власти, мы и здѣсь получили доступъ къ документамъ временъ Наполеона I. Въ 1890—1893 годахъ мы издали важнѣйшія бумаги парижскаго и петербургскаго архивовъ въ „Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества“, подъ названіемъ: „Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I“. Эти бумаги обнимаютъ 1800—1808 годы [1]).

Передъ нами, можно сказать, открылся новый міръ. Дороже всего было для насъ документальное подтвержденіе обще-научнаго взгляда на историческія личности. Первыя же инструкціи и депеши Наполеона въ Петербургъ оказались дѣломъ великой революціи. Намъ показалось, что здѣсь лежитъ ключъ къ пониманію загадочной личности „героя“ начала вѣка. Мы высказывали нашъ взглядъ съ университетской каѳедры въ Одессѣ и въ публичныхъ курсахъ тамъ же и въ Петербургѣ. Въ 1890 году, при началѣ нашего изданія архивскихъ документовъ, мы напечатали:

Колоссальная фигура, изваянная отечественнымъ Гомеромъ въ „Войнѣ и мирѣ“, можетъ носиться въ нашемъ воображеніи не въ томъ видѣ, какой она будетъ принимать въ калейдоскопѣ каждаго тома

---

[1]) Остальное, до самаго 1815 года, сдано нами въ помянутое общество для дальнѣйшаго изданія. Съ тѣхъ поръ прошло 12 лѣтъ, но эти документы еще не увидѣли свѣта.

этого изданія. На ея научное, не романическое изображеніе можно рѣшиться развѣ по окончаніи всего дѣла. Къ тому времени, конечно, установится *историческій* взглядъ на точку отправленія новѣйшей исторіи, равно далекій какъ отъ панегирика, такъ и отъ пасквиля, — взглядъ, отсутствіе котораго ясно изъ неудачнаго портрета Бонапарта, набросаннаго рукой даже такого мастера, какъ Тэнъ. Къ тому времени исто ики станутъ доискиваться не столько личной окраски, внесенной Наполеономъ I въ событія, сколько его безсознательнаго служенія требованіямъ времени. Смѣемъ думать, что наши документы именно выставятъ титана новой исторіи ея рабомъ. Они докажутъ, что каждый его шагъ и замыселъ, въ основѣ, — не его достояніе.

Десять лѣтъ спустя, въ 1900 году, намъ пришлось, въ нашемъ очеркѣ, въ біографической библіотекѣ Павленкова, развивать тотъ же взглядъ — уже въ такой, болѣе положительной формѣ:

5 мая 1821 года не стало Наполеона. Такъ „народовъ ненависть почила, и лучъ безсмертія горитъ“ на томъ „пустынномъ и мрачномъ гранитѣ“, гдѣ 80 лѣтъ тому назадъ новаго прикованнаго Прометея „сторожилъ, какъ онъ, непобѣдимый, какъ онъ, великій океанъ“. Понятно, что этотъ казематъ казался „проклятымъ островомъ“ тому „сверхчеловѣку“, для котораго вся Европа была „удушливо тѣсна“. Однако въ этомъ историческомъ Прометеѣ, какъ и въ его миѳическомъ первообразѣ, все — человѣческое, какъ силы, такъ и слабости; только все — въ преувеличенныхъ размѣрахъ. Судьба словно желала, чтобы на этомъ примѣрѣ потомство легче разглядѣло свойства разрѣшителей своихъ величайшихъ задачъ. Но вышло какъ разъ наоборотъ.

Въ теченіе цѣлаго вѣка не былъ понятъ самый страстный представитель одной изъ самыхъ страстныхъ эпохъ. Съ нимъ связанъ такой бурный міровой переворотъ, что его самого судили страсти, а не разумъ: Наполеоновская „легенда“ боролась съ исторической карикатурой. Только „конецъ вѣка“, озаренный небывалымъ сіяніемъ науки, въ видѣ эволюціонизма, устраняющаго чудеса повсюду, подошелъ къ спокойной оцѣнкѣ всего „сверхчеловѣческаго“. Благодаря сухимъ, какъ муміи, но безпрекословнымъ, какъ вѣчный судія, документамъ архивовъ, къ числу погребаемыхъ пережитковъ отошла и теорія „героепоклонства“. И тутъ герой нашей біографіи оказался самымъ наглядным, самымъ поучительнымъ примѣромъ.

Теперь историкъ, какъ бы съ нотаріальными актами въ рукахъ, можетъ сказать приверженцамъ героепоклонства: „Наполеона I словно совсѣмъ и не было“. По крайней мѣрѣ уже никто не опровергнетъ того

факта, что нѣтъ у него ни одного замысла, ни одного вожделѣнія, которые не вытекали бы изъ прошлаго, не были бы прямымъ и неизбѣжнымъ завершеніемъ задачъ вчерашняго дня. Это иногда поражаетъ изслѣдователя даже въ мельчайшихъ подробностяхъ: довольно вспомнить первыя депеши консула въ Петербургъ, знаменитый планъ итальянской кампаніи или же египетскій замыселъ.

Если „роковой человѣкъ“ изображаетъ собой все человѣческое въ слишкомъ выпукломъ видѣ, то это преувеличеніе было лишь въ уровень съ необычайной порой въ жизни человѣчества. Эта нервная, почти до эпилепсіи, натура была дочерью печальнаго поколѣнія. То поколѣніе, какъ плодъ измученныхъ тяжкимъ недугомъ отцовъ, болѣзненно спѣшило жить: оно, до совершеннолѣтія, усиливалось породить массу великихъ задачъ, которыхъ хватило на цѣлый вѣкъ. Не могла быть иною личность, которая, при всѣхъ условіяхъ попасть въ „великіе люди“, оказалась исполнительницей неумолимыхъ законовъ эволюціи обществъ, нерѣдко даже слѣпымъ, безсознательнымъ *орудіемъ исторіи*. Эта личность сама сказала намъ, отправляясь въ Россію: „Чую—меня влечетъ къ невѣдомой цѣли. Когда достигну ея, довольно будетъ одного атома, чтобы низвергнуть меня. Но нужно довершить начатое“.

Эта бурная, какъ стихія, натура ощущала инстинктивную, завѣщанную великимъ переворотомъ, ненависть „человѣка народа“ къ „привилегированнымъ“ стараго порядка, хотя она не постигала ею же вызваннаго національнизма. Она съ злорадствомъ искореняла *пережитки феодализма* по всей Европѣ и гордилась этой задачей, хотя задача была незавидна: бѣлыми ручками нельзя было разгребать навозную кучу „стараго порядка“. А свобода, такъ же, какъ и миръ, представлялись великану въ благодатной дали будущаго, какъ міровое и завершительное воплощеніе трехъ волшебныхъ словъ „великой революціи“: „моему сыну пристанетъ покой конституціоннаго короля“ говорилъ онъ. Наполеонъ „чуялъ“, что онъ ломаетъ корень старины, и точно такъ же повсюду, какъ вездѣ идеи Просвѣщенія, нерѣдко безсознательно, проводились первой республикой. Въ лебединой пѣснѣ міродержца, въ этомъ полубезумномъ потокѣ фразъ, излившемся передъ юнымъ „либерализмомъ“, въ лицѣ Констана, есть слова съ историческимъ смысломъ: „Для мірового господства нужна была безграничная власть... Да, я желалъ мірового господства: но кто не пожелалъ бы его на моемъ мѣстѣ? Самъ міръ призывалъ меня управлять собой“.

Углубляясь въ изученіе того безпримѣрнаго времени, вглядываясь въ вожделѣнія окружавшихъ Наполеона лицъ, начинаешь понимать восторженность возвышеннѣйшихъ поэтовъ разныхъ странъ и партій. При всѣхъ печальныхъ сторонахъ героя нашей біографіи, которыхъ

мы вовсѣ не думали скрывать, чувствуешь утѣшеніе хоть въ томъ, что, въ данномъ случаѣ, роковой историческій законъ воплотился въ почти миѳологическомъ гигантѣ, котораго не даромъ горячо ненавидѣли столпы старины, какъ „исчадіе революціи“, не дававшее имъ покоя нарушавшее ихъ гробокопанье. Въ этомъ смыслѣ иныя созданія Наполеона, даже во внутренней политикѣ, живутъ и теперь. Вообще же его дѣятельность послужила источникомъ тѣхъ всесторонних движеній, которыя наполнили весь только что истекшій вѣкъ.

Мы только подтверждаемъ новыми документами взглядъ, который сдѣлался достояніемъ науки со времени открытія архивовъ для Наполеоновской эпохи. Его раздѣляютъ уже всѣ историки, которые идутъ этимъ надежнымъ путемъ [1]).

Такъ, положительно безпримѣрна судьба, постигшая память „рокового человѣка“, какъ представителя перехода между двумя важнѣйшими эпохами исторіи. Съ этой стороны Наполеона можно назвать безсмертнымъ.

При такомъ безсмертіи, можно себѣ представить, что̀ изображаетъ собой „литература“ по эпохѣ Наполеона I! Она поистинѣ необозрима. Уже колоссально само по себѣ одно такое предпріятіе, какъ ея критическій указатель, издаваемый, съ 1894 года, итальянцемъ *Lumbroso*: Saggio di una bibliografia raggionata dell'epoca Napoleonica. Здѣсь, прежде всего, масса мемуаровъ, записокъ и дневниковъ, какою не щеголяла ни одна эпоха въ исторіи до такой степени. И среди нихъ видимъ такія крупныя произведенія, какъ записки *Меттерниха*

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ интересно признаніе новаго спеціалиста по эпохѣ Наполеона I, лейпцигскаго профессора *Buchholtz'a*, заявленное и въ личномъ письмѣ къ намъ, и въ „Preussische Jahrbücher“ за 1896 г.

Намъ пріятно было встрѣтить тотъ же взглядъ и у такого знатока революціи, какъ *Aulard*, постоянно излагающій его и съ каѳедры въ Сорбоннѣ, и въ редактируемомъ имъ журналѣ „La Révolution française“. Вотъ его слова, въ предисловіи ко 2-й серіи „Etudes et Leçons sur la révolution française“ (1898): „Не нужно придавать много значенія лично этямъ, даже знаменитымъ: нужно видѣть самыхъ дѣятельныхъ и важныхъ агентовъ эволюціи новой Франціи въ организованныхъ группахъ, которыя сложились во время революціи“.

(1880—1884), *Талейрана* (1890—1892), *Марбо* (1891), г-жи *Ремюза*. Не говоримъ уже о цѣлой библіотекѣ военныхъ мемуаровъ, съ замѣтками самого Наполеона во главѣ—„Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoleon, écrits à S-te Hélène par ses généraux qui ont partagé sa captivité. 1813—1825. 8 томовъ. Эти замѣтки поясняются біографіей знаменитаго военнаго теоретика *Jomini* (La vie politique et militaire de Napoléon. 1827. 4 тома) и изслѣдованіями нѣмецкаго военнаго писателя *Bleibtreu* (Die napoleonischen Kriege.—Der Imperator и др. 1870—1893).

По изобилію, а особенно по значенію, съ мемуарами поспорятъ документы или подлинные акты какъ военнаго, такъ и гражданскаго свойства. Они, какъ мы видѣли, появились массами въ послѣднее время, благодаря открытію государственныхъ архивовъ для ученыхъ. Въ Россіи въ послѣднее время къ этой работѣ присоединился *П. И. Щукинъ*: съ 1897 г. онъ издалъ 8 большихъ томовъ „Бумагъ, относящихся до Отечественной войны“. Для парламентской жизни Франціи необходимы *Archives parlementaires*. Важное значеніе имѣютъ и разныя переписки, въ родѣ *Pozzo di-Borgo:* Correspondance diplomatique, 1891. Во главѣ ихъ стоитъ 32-томная переписка самого *Наполеона I* (Correspondance de Napoléon I. 1858 — 1870), хотя по ней прошлась рука издателя-племянника—не къ выгодѣ истины. Существенными документами служатъ и современные событіямъ журналы, особенно англійскіе и французскіе, съ *Moniteur* во главѣ.

Нечего и говорить о множествѣ монографій—отдѣльныхъ сочиненій, посвященныхъ различнымъ вопросамъ или эпохамъ, даже годамъ жизни Наполеона. Укажемъ только на болѣе любопытныя и новѣйшія изъ нихъ.

Для характеристики самой личности Наполеона важны: *Masson:* Napoléon et les femmes, 1893. Nap. chez lui, 1894. Nap. inconnu, 1895. Les cavaliers de Nap., 1897. Nap. et sa famille, 4 тома.—*Lévy*: Nap. intime, 1893. Nap. et les femmes, 1896.—*Meneval*: Nap. et Marie Louise.—*Welschinger:* Le divorce de Nap

1889.—По части дипломатіи обращаютъ на себя вниманіе: *Houssaye:* 1814 (1888), 1815 (1890). *Rambaud:* L'Allemagne sous Alexandre I (1874). — *Vandal:* Napoléon et Alexandre I, 1891—1896; 3 тома. — *Tatisscheff:* Alexandre I et Napoléon. 1891. — Для внутренней дѣятельности Наполеона имѣютъ значеніе: *Blanc:* Napoléon I, ses institutions civiles et administratives. 1880.— *Welschinger:* La censure sous le premier Empire, 1882. La police sous le Consulat et sous l'Empire, 1886.—*Debidour:* Histoire des rapports de l'Eglise et de l'Etat en France, 1898. (Богатая библіографія вопроса.)—Для общества эпохи важны: *Schmidt:* Pariser Zustände während der Revolutionszeit. 1871—1876. 3 т.—Братья Goncourt: Histoire de la société française pendant le Directoire. *Bertin:* La société du Consulat et de l'Empire, 1890. *Bondois:* Napoléon et la société de son temps, 1895. — Для Наполеонидовъ интересно сочиненіе геїдельбергскаго профессора, изучающаго и русскую исторію, *Kleinschmidt'a:* Die Eltern und Geschwister Napoléons I, 1878.

Для первыхъ шаговъ Наполеона есть много мелкихъ изслѣдованій знатока французской революціи, сорбоннскаго профессора *Aulard.* Укажемъ на его „L'etablissement du consulat" (въ журналѣ „Révolution française" за 1895) и „Le landemain de 18 brumaire" (въ „Revue de Paris" за 1896). — Вопросъ о заговорахъ при Наполеонѣ вызвалъ, можно сказать, цѣлую свою литературу. Больше всего поработали тутъ Ernest *Daudet*, братъ романиста, съ консервативнымъ направленіемъ, и *Pingaud.* Оба они лѣтъ 20 занимаются исторіей эмигрантовъ, по архивскимъ даннымъ; послѣдній обращаетъ особенное вниманіе на Россію. Новое (1894) изданіе книги Пэнго „Un agent secret sous la Révolution et l'Empire" снабжено драгоцѣнной перепиской Антрэга съ „друзьями"—съ гнѣздомъ международныхъ заговорщиковъ и шпіоновъ. Исторію венсенской драмы освѣщаютъ *Welschinger*: Le duc d'Enghien, 1888, и *Boulay de la Meurthe*, 1886. Для уясненія заговоровъ Пишегрю и Кадудаля много слѣлали *Lebon* (L'Angleterre et l'émigration, 1882), *Masson* (Le departement des

Affaires etrangères pendant la Révolution), *Guillon* (Les complots militaires sous le Consulat et l'Empire) и *Remacle* (Bonaparte et les Bourbons. Rélations secrètes des agents de Louis XVIII, à Paris, sour le Consulat). Интересны заявленія племянника заговорщика, *George de Cadoudal*: G. Cadoudal et la Chouannerie). *Martel* (Conspiration de Georges, 1887) опровергъ ихъ на основаніи лондонскихъ документовъ.

Само собою разумѣется, что основательное изученіе Наполеона немыслимо безъ помощи сокровищъ парижской *Bibliothèque Nationale*. Тамъ находятся два важныхъ рукописныхъ библіографическихъ указателя 1): Catalogue de la Collection Napoléonienne du baron Larrey. 1896. — 2) Histoire de France, особенно III томъ (1866).—Русская литература небогата самостоятельными сочиненіями. Мы укажемъ на мелочи въ своемъ мѣстѣ. Изъ крупныхъ трудовъ пользуются заслуженной извѣстностью сочиненія *Шильдера* (Александръ I), *Богдановича* (о 1812 г.) и *Даниловскаго* (о 1814 г.).

Велика была и роль искусства въ исторіи „рокового человѣка“. Здѣсь онъ опять представляетъ большія затрудненія для изслѣдователя: мудрено разобраться въ массѣ художественныхъ воспроизведеній его личности и дѣятельности, изъ которыхъ многія стали какою-то наивной обыденностью. Огромный запасъ рисунковъ, характеризующихъ ту эпоху, даютъ *Laurent* (1826), *Norvins* (1827), *Peyre* (1888), *Grand-Carteret* (1895, по англійскимъ эстампамъ). Обращаемъ вниманіе читателей на новѣйшее роскошное изданіе, выпущенное въ свѣтъ въ Парижѣ *Арманомъ Дайо* (Dayot), въ 1895 году. Авторъ впервые далъ полную „наполеоновскую иконографію“, положивъ массу труда на ея собираніе. Онъ рылся въ архивахъ, библіотекахъ и музеяхъ, а также въ собраніяхъ частныхъ лицъ, начиная съ принцевъ и принцессъ фамиліи бывшаго императора. Онъ обратилъ вниманіе не на одни портреты, сцены, монеты, медали, но также на карикатуры и на произведенія художественной промышленности, въ которыхъ какъ бы символизовались взгляды народовъ и эпохи на

гиганта начала вѣка. Наконецъ, мы сейчасъ получили извѣщеніе о началѣ новаго обширнаго и роскошнаго изданія—*Laumann*: Le repos de l'Aigle. Merveileuse histoire de Napoléon-le-Grand.

Конечно, труднѣе всего было бытописанію справиться съ главною задачей—дать цѣльный обликъ этого гиганта и настоящее описаніе его дѣла, а тѣмъ болѣе—сдѣлать ихъ всеобщимъ достояніемъ. Правда, были попытки создать біографію Наполеона I; но до послѣдняго времени ихъ нельзя было назвать удачными. Онѣ были неполны и односторонни, отличались духомъ партійности; а по размѣрамъ это были безконечные разсказы о всякихъ мелочахъ, иногда почтенные въ научномъ смыслѣ, но непригодные для большой публики. По изобилію фактическихъ данныхъ до сихъ поръ не утратили своихъ достоинствъ старѣйшія сочиненія дипломата временъ императора, *Bignon'a* (Histoire de France sous Napoléon. 1838—1850. 14 томовъ), и *Thiers'a* (Historie du Consulat et de l'Empire. 1845—1862. 20 томовъ). Это — главные изъ почитателей Наполеона. Выступившіе противъ нихъ „хулители" далеко не кончили своей задачи. Таковы *Lanfrey*: Histoire de Napoléon. 1867—1875. 5 т. (доведено до 1811 г.) и *Taine*: Le régime moderne. 1891—1894. 2 т. (только первые шаги Наполеона). Изъ новѣйшихъ біографовъ, строго научныхъ, опирающихся на новыя данныя, *Jung* (Bonaparte et son temps, 1880—1881, 3 тома) дошелъ только до 1799 г.; а *Chuquet* (La jeunesse de Napoléon, 2 тома)—до 1793 г.

Все упомянутое относится къ прошлому вѣку. Въ текущемъ столѣтіи горячка увлеченія Наполеономъ нѣсколько остыла, за новыми злобами дня. Но она вовсе не прошла: миновалъ только одинъ изъ ея припадковъ. Продолжается разработка архивовъ, которые далеко не обслѣдованы вполнѣ: богатѣйшія сокровища испанскаго Эскоріала и папскаго Ватикана все еще охраняются церберами „государственныхъ тайнъ", замкнутыя подъ „семью печатями". Дальнѣйшая разработка доступнаго наукѣ матеріала уже успѣла дать рядъ

крупныхъ трудовъ. Вотъ болѣе важные. *Masson*: Napoléon et sa famille, томы V и VI (доведены до 1812 г.). — *Chuquet:* La jeunesse de Napoléon, III-й томъ (доведено до взятія Тулона).— *Rosbery*: Napoléon, the last phase.—*Lévy:* Napoléon et la paix.— *Lanzac de Laborie:* Le Consulat provisoire.—*Pingaud*: Bernadotte, Napoleon et les Bourbons. — *Marcaggi:* Le genèse de Napoléon (доведено до осады Тулона). — *Daudet* издалъ на-дняхъ обширное собраніе своихъ очерковъ, которое удостоилось академической преміи. — *Jean Jorès*, извѣстный вождь французскихъ соціалистовъ, только-что далъ VI томъ своей „Histoire socialiste“, гдѣ Brousse и Turot разсматриваютъ консульство и имперію съ соціальной точки зрѣнія. Конецъ сочиненія *Sorel'я* (VII томъ, 1806—1812 гг.), удостоеннаго большой академической преміи (l'Europe et la Révolution française), освѣщаетъ международныя отношенія эпохи.

Появляются даже такіе хроники-романы, какъ *Lepelletier*: Le fils de Napoléon, которые разсчитываютъ на сбытъ, несмотря на все свое убожество. Не забудемъ, что предстоятъ столѣтія такихъ чудесъ, какъ Аустерлицъ, Іена, Эйлау, Тильзитъ, наконецъ, Бородино, Дрезденъ, Лейпцигъ, Сто Дней. Но важнѣе всего, что человѣчество еще не изжило основъ, которыя частью разрушалъ, частью утверждалъ Наполеонъ I.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, научная разработка нашего вопроса. Что касается ея популяризаціи, то до послѣдняго времени вовсе не было общедоступныхъ біографій Наполеона I, если не считать такихъ слабыхъ попытокъ, какъ *Вальтеръ-Скотта* (1827) и *Шлоссера* (Zur Beurteilung Napoleons. 3 тома. 1832—1835). Онѣ стали появляться только съ вышеуказаннымъ возрожденіемъ всеобщаго интереса къ первому императору. Любопытно, что всѣ эти новыя попытки не принадлежатъ французамъ. Пражскій профессоръ *Fournier* (Napoléon I. 1886—1889. 3 томика, съ обширной библіографіей) далъ едва ли не самую удачную исторіографію, искусно приноровленную именно для большой публики. Болѣе односторонни работы англичанъ *Seely* (A short history of Napoléon.

1896) и *Wolseley* (Decline and fall of Nap. 1894); первая, написанная мѣстами художественно, особенно хороша для дипломатовъ, вторая (бывшаго военнаго министра)—для оцѣнки полководца. Книжка *Holland Rose'a* (Life of Napoléon I), появившаяся въ сборникѣ профессоровъ „Cambridge historical Series“ и выдержавшая много изданій,—хорошій учебникъ. Наконецъ, довольно удачное, хотя и не вездѣ ясное, общедоступное жизнеописаніе представляетъ двухтомный трудъ американскаго профессора *Слоона*. Онъ переведенъ на русскій языкъ (1896).

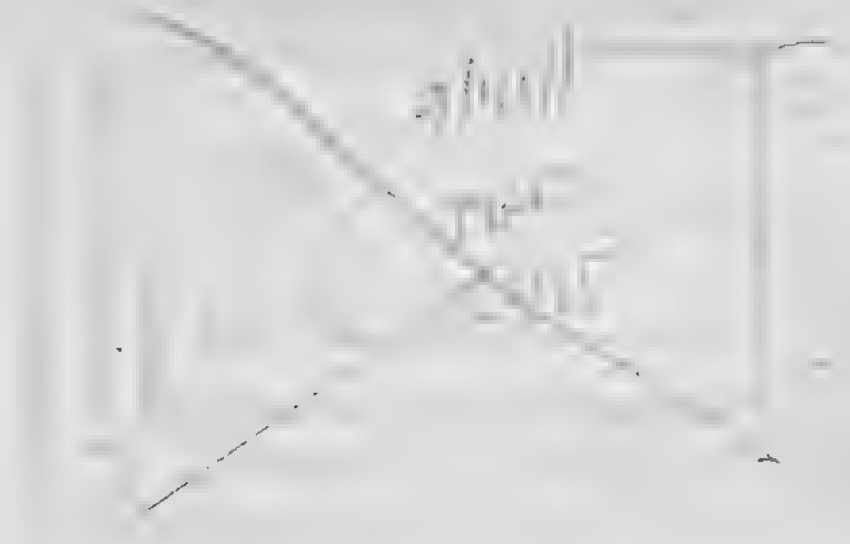
При всей научной добросовѣстности названныхъ писателей, на ихъ трудахъ, конечно, отразились различныя точки зрѣнія и на самый предметъ, и на способъ его представленія, согласно съ національными требованіями. Но у насъ не было и нѣтъ собственнаго, непереводнаго, жизнеописанія Наполеона I, которое брало бы въ расчетъ, помимо исторической истины, интересы русскаго читателя и его требованія отъ самаго изложенія. А долженъ же быть русскій „Наполеонъ“!

Мы рѣшились попытаться восполнить этотъ пробѣлъ, въ самой общедоступной формѣ, въ видѣ краткаго, безпритязательнаго разсказа, но основаннаго на самостоятельной разработкѣ матеріала, отчасти даже новаго. Если бы наши читатели нашли это сжатое изложеніе столь обширнаго предмета хотя бы не темнымъ, мы сочли бы себя удовлетворенными за долгій трудъ.

Парижъ. 1—14 іюня 1905 г.

А. Набуліоне Буонапарте.

15 августа 1769 г.—11 марта 1796 г.
26 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ.



I. Отчій кровъ. 1769—1779.

Корсика и Паоли.—Карло и Летиція Буонапарте.—Покровитель.

На перепутьѣ между Франціей и Италіей, въ 250 в. отъ Генуи, лежитъ гранитный островъ Корсика, обитатели котораго и теперь причисляются этнографами къ „дѣтямъ природы“. Корсиканцы, которыхъ насчитывается до 300.000, все еще народецъ малообразованный; а корсиканки, эти рабыни своихъ мужчинъ, сплошь и рядомъ безграмотны. Они пренебрегаютъ земледѣліемъ, кормятся скотоводствомъ, рыбной ловлей да кустарными промыслами. Въ горныхъ трущобахъ, среди непролазныхъ кустарниковъ, слывущихъ земнымъ раемъ, еще укрываются „бандиты“—герои знаменитой „вендетты“, или родового кровомщенія.

Лѣтъ полтораста тому назадъ Корсика казалась совсѣмъ усѣпленнымъ пережиткомъ первобытности. Лишь изрѣдка, въ восточной полосѣ, лѣнивая соха слегка трогала заглохшую ниву. Лишь по откосамъ террасъ, тамъ и сямъ, пестрѣли виноградники и оливковыя рощи; да и тѣмъ вѣчно угрожали бурливые горные потоки—плодъ внезапныхъ перемѣнъ капризнаго климата. А на хребтахъ горъ красовались дѣвственные лѣса каштановъ, вѣчно зеленыхъ елей и дубовъ, прерываемые прогалинами пахучихъ луговъ. Среди нихъ, на склонахъ скалъ, лѣпились лачужки, гдѣ валялось, вокругъ очага, на козьихъ шкурахъ, крѣпкое, выносливое, ловкое племя горцевъ, которые славились храбростью и проворствомъ тигра, острымъ зрѣніемъ и стремительностью орла.

Какъ увидимъ ниже, при характеристикѣ Наполеона, почти всѣ черты этого племени отразились въ нашемъ героѣ, котораго не даромъ часто называли просто „Корсиканцемъ“. Корсиканецъ—

малорослый, но коренастый парень, съ прелестными глазами и зубами. Онъ простъ, трезвъ и честенъ, какъ дикарь: воровство у него—неслыханное дѣло. Онъ не знаетъ ни усталости, ни смущенія; его безстрастіе въ несчастіи и мужество вошли въ пословицу. Ему незнакома улыбка; онъ врагъ всякихъ развлеченій. У него тонкій, проницательный умъ, схватывающій слабыя струнки людей и вооруженный острою памятью ребенка да „корсиканскими стрѣлами“ — ядовитыми словечками. Но корсиканецъ — рабъ чудовищнаго воображенія и пылкихъ страстей. Онъ легко предается страшному гнѣву и не забываетъ обидъ: вендетта для него—добродѣтель. И ради нея онъ пойдетъ на самое тонкое лукавство, пользуясь своимъ краснорѣчіемъ, этимъ даромъ южанъ.

Въ душѣ корсиканца таится сатанинская гордость. Въ описываемое время каждый островитянинъ считалъ себя равнымъ Цезарямъ и не переносилъ не только презрѣнія, но даже равнодушія. „Судя по вашимъ притязаніямъ, — говорилъ Наполеонъ своимъ сестрамъ, — подумаешь, что мы получили корону изъ рукъ покойнаго короля, нашего отца“. Онъ же утверждалъ, что его соплеменники „не созданы для лопаты“. Корсиканецъ считалъ себя царемъ дома: его семья, какъ у дикарей, исполняла всѣ черныя работы и не смѣла ѣсть съ нимъ за однимъ столомъ. Онъ былъ повелителемъ и внѣ дома. Его страстью была политика, интрига: по словамъ Паоли, онъ „привыкъ отожествлять благо государства съ собственнымъ благомъ“.

Этому способствовалъ допотопный родовой бытъ, съ его кровавыми распрями, напоминавшими шотландскіе кланы, и съ похожимъ на Россію общиннымъ устройствомъ: нигдѣ въ Европѣ право старѣйшинства, первородства, не почиталось до такой степени. Политиканство поддерживалось еще вѣчной борьбой вліяній итальянскихъ, аррагонскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ. Ему давало пищу и суевѣріе дикарей: каждый корсиканецъ вѣрилъ въ „свою звѣзду“.

Эта-то полудикая пустыня, почти безъ городовъ, безъ дорогъ и гостиницъ (ихъ замѣняло первобытное гостепріимство островитянъ), привлекла вниманіе міра около полутораста лѣтъ тому на-

задъ. „Корсика,—говорилъ Наполеонъ,—есть какъ бы естественная принадлежность Прованса; и она годна для операцій въ Италіи и для охраны левантійской торговли“. А Руссо писалъ въ 1762 году: „Еще есть въ Европѣ страна, годная для законодательства: это — о. Корсика. Мужество и твердость, съ которыми этотъ доблестный народъ сумѣлъ вновь добыть себѣ свободу и защитить ее, поистинѣ заслуживаютъ того, чтобы какой-нибудь мудрецъ научилъ его, какъ обезпечить ее за собой. Мнѣ чудится, что придетъ день, когда этотъ островокъ повергнетъ Европу въ изумленіе“. Тогда же этотъ загадочный островокъ прославился на весь міръ, благодаря похваламъ Вольтера, Монтескьё, Фридриха II: онъ какъ бы давалъ предчувствовать, въ миніатюрѣ, грядущую „великую революцію“.

Корсика уже 350 л. бунтовала противъ своей завоевательницы — Генуи. Въ 1735 году она даже объявила себя особымъ царствомъ, благодаря какому-то нѣмецкому барону, „королю“ Ѳеодору. Но въ 1752 г. Корсика вдругъ привлекла къ себѣ взоры философовъ и прогрессистовъ всего міра. Она не только стала независимой республикой, но и обѣщала осуществить идеалъ „естественнаго человѣка“ и „общественнаго договора“, который овладѣлъ тогда умами, подъ вліяніемъ чародѣя Руссо. Всюду загремѣло имя ея благороднаго 25-лѣтняго патріота — Пасквале Паоли.

Глубокомысленный философъ, мудрый законодатель, искусный дипломатъ, блестящій полководецъ, возвышенная, но цезарская душа, Паоли хотѣлъ сдѣлать изъ Корсики образецъ всеобщаго прогресса и демократіи на основахъ новаго „Просвѣщенія“. Онъ вытѣснилъ владыкъ своего острова, генуэзцевъ, подавилъ дворянство и духовенство, призвалъ евреевъ, насаждалъ образованіе, торговлю и промыслы. „Старый порядокъ“ отомстилъ этому пророку новизны, въ лицѣ Людовика XV, жаднаго короля Франціи. Дѣло было такъ. Генуя обратилась въ Парижъ за помощью, тѣмъ болѣе, что Франція была должна богатой республикѣ нѣсколько милліоновъ. Людовикъ захватилъ островъ въ 1769 году и уже болѣе не разставался съ нимъ. Онъ назначилъ его

„губернаторомъ“ графа Марбёфа (Marbeuf). Паоли скрылся въ Англію.

Лѣтъ 20 спустя великій старецъ Корсики былъ утѣшенъ на чужбинѣ звуками родной вендетты. Одинъ юный земляк̀ъ писалъ ему: „Я родился, когда 30.000 французовъ, изрыгнутыхъ моремъ на берега моей родины, занятнали престолъ свободы потоками крови. Вотъ гнусное зрѣлище, представшее моимъ первымъ взорамъ! Крики умирающихъ, стоны и жалобы обиженныхъ, слезы отчаянія окружали мою колыбель... Я родился, когда умерло мое отечество“.

Этотъ неукротимый корсиканецъ, захвативший лѣтъ 15 спустя послѣ этого письма престолъ поработительницы своего отечества, родился именно въ 1769 году, 15 августа, въ Аяччьо [1]).

Когда Наполеонъ сталъ великимъ, лесть изобрѣтала ему много чудесныхъ генеалогій, наподобіе большихъ баръ временъ Людовика XIV. Его производили и отъ Желѣзной Маски (пока не было доказано, что она — вовсе не братъ этого короля), и отъ византійскихъ императоровъ, даже отъ сарацинъ и Юлія Цезаря. Теперь извѣстно доподлинно, что *Буонапарте*—одинъ изъ патриціанскихъ родовъ Тосканы, издавна переселившихся на Корсику.

Буонапарте всегда пользовались вліяніемъ въ своемъ околоткѣ и считались людьми достаточными. Это было и нетрудно. „Въ Корсикѣ, — говорилъ Жозефъ, — нѣтъ богатыхъ; у самыхъ богатыхъ

---

[1]) Мы придерживаемся этого года, не считая доказательной критику послѣдняго времени, которая выставляла 1768 годъ. Она утверждала, что отецъ подчистилъ годъ въ метрикѣ сына, такъ какъ иначе Наполеонъ выходилъ изъ лѣтъ, установленныхъ для пріема въ Бріенскую школу. Но въ такомъ случаѣ Жозефъ не былъ бы старшимъ братомъ; а никто въ семьѣ не отнималъ у него этого права, и самъ Наполеонъ высоко чтилъ его за это. Отецъ, умирая въ 1785 году, завѣщалъ Жозефу семью, какъ старшему, а это много значило въ родовомъ быту корсиканцевъ. Самъ Жозефъ, въ письмѣ къ матери 1835 года, заявилъ, что въ теченіе полувѣка онъ исполнялъ это завѣщаніе „согласно съ своей ролью и долгомъ“. А главное—сохранилась подлинная метрика Наполеона I: въ ней ясно значится, что онъ „родился 15 августа 1769 г.“.

едва наберется 20.000 ливровъ дохода. Но такъ какъ все относительно, то нашъ достатокъ—одинъ изъ самыхъ значительныхъ в „Аяччьо“. У этого клана были свои домики, нѣсколько виноградниковъ, мельница. Дѣла поправились, когда мелкій юристъ въ Аяччьо, Карло Буонапарте, женился на дочери шоссейнаго надзирателя, Летиціи Рамолино, которая принесла въ приданое также домикъ и нѣсколько виноградниковъ.

Этотъ Карло былъ настоящій кавалеръ переходной поры: Изящный, любезный, кутила и карьеристъ, добрякъ въ семьѣ, онъ былъ остроуменъ, краснорѣчивъ и просвѣщенъ, любилъ Вольтера и ненавидѣлъ іезуитовъ. Карло былъ вѣчно въ долгахъ, вѣчно суетился, почти не жилъ дома, беззастѣнчиво лѣзъ ко всѣмъ съ попрошайствомъ. Сначала это была правая рука Паоли, его личный секретарь, потомъ—орудіе французовъ на островѣ. Карло завѣщалъ своему второму сыну, Наполеону, свои красивые сѣрые глаза, вкусъ къ изящной словесности да страсть къ интригамъ карьеризма. Онъ умеръ 38-ми лѣтъ, ничего не оставивъ нашему герою, кромѣ рака въ желудкѣ и долговъ, не считая четырехъ братьевъ и трехъ сестеръ, которые всѣ пережили Наполеона, за исключеніемъ Каролины.

Жена Карло, Летиція, считалась чудомъ красоты: ее называли св. Анной Рафаэля. Этой римской матроны, видомъ и нравомъ, лишь осторожно касалось жало злоязычества [1]). Летиція всегда казалась крестьянкой. Крѣпкая тѣломъ и душой, она передала своему любимчику, Наполеону, черты своего лица, съ его оливковымъ цвѣтомъ, свою изумительную выносливость и энергію, свой тонкій умъ и неразборчивость въ средствахъ: другія дѣти больше походили на отца. Невѣжественная, грубая, далекая отъ

---

[1]) Въ послѣднее время *Hérisson* (Le cabinet noir) прямо назвалъ отцомъ нашего героя Марбёфа, который благоговѣлъ передъ 19-лѣтней красавицей, хотя родившей уже 4 ребенка, сталъ другомъ дома Буонапарте и особенно покровительствовалъ Наполеону, родившемуся въ ту пору. Наполеонъ потомъ сдѣлалъ вдову Марбёфа баронессой и далъ ей пенсію въ 15.000 фр.—„въ признательность за заслуги мужа“. Онъ осыпалъ милостями ея сына и дочь.

всякихъ свѣтскихъ обычаевъ, эта дочь горъ всегда сохраняла свой корсиканскій выговоръ [1]). Наполеонъ называлъ свою мать „мужской головой на женскомъ туловищѣ“. Когда онъ бился у нея подъ сердцемъ, эта „мать Гракховъ“ (слова Паоли) ходила по горамъ при свистѣ пуль. Когда онъ замышлялъ Сто Дней, она сказала ему: „Небо не дозволитъ вамъ умереть отъ яда или средп достойнаго васъ досуга. Отправляйтесь, слѣдуйте за своей судьбой“.

Но здравый смыслъ подсказывалъ ей сомнѣніе. Во все время могущества Наполеона она повторяла: „Если только это продлится“. И прибавляла: „Нужно откладывать про запасъ. Вѣдь, рано или поздно мнѣ свалится на руки 7—8 монарховъ“. И она копила деньгу до того, что заставляла внучку ложиться пораньше: меньше выйдетъ дровъ и свѣчей. Но зато она предложила своему любимцу на о. св. Елены все свое состояніе и соглашалась быть его служанкой. Скрягой оставалась Летиція и когда была величавой Сударыней-Матерью (Madame Mère), и когда, послѣ 1815 г., проживала въ Италіи у своего единоутробнаго брата, Фэша. Она умерла 86-ти лѣтъ, оставивъ огромное богатство.

У корсиканской Юноны было многочисленное потомство—13 дѣтей. Изъ нихъ выжило восьмеро—Жозефъ, Наполеонъ, Люсьенъ, Люи и Жеромъ, Элиза, Полина и Каролина. Всѣ они почитали ее и любили до конца своей жизни. Наполеонъ говорилъ на о. св. Елены о попечительности своихъ друзей: „Все это не то, что материнскія заботы. Ахъ, maman Летиція!“ И не даромъ. Летиція страстно любила свое отродье, защищала его какъ насѣдка цыплятъ. Ради дѣтей она переносила все, кормилась „порціями“, когда овдовѣла, но сумѣла прожить въ Марсели на скудную пенсію. Но она воспитывала своихъ дѣтей по-корсикански: Карло приходилось защищать ихъ отъ ея гнѣва. Однажды она такъ

---

[1]) Летиція говорила въ 1809 году: „Me croyez *houreuse?* Je ne le *souis* pas, quoique mère *dou* quatre rois... Je *souis piu* riche que mes enfants. J'ai *oune millione* l'année. L'*emperour* me dit que je *souis* une vilaine, que je ne donne jamais à *mangiare* и т. п.

хватила своего Набуліоне [1]) за пустяки на прогулкѣ, что онъ кубаремъ скатился со скалы.

Набуліоне стоилъ того. Онъ былъ большой забіяка. Вотъ его собственныя слова: „На меня ничто не дѣйствовало. Я не отступалъ ни передъ чѣмъ и ничего не боялся: колотилъ одного, царапалъ другого и наводилъ страхъ на всѣхъ моихъ сверстниковъ. Больше всего доставалось отъ меня старшему брату, Жозефу. Онъ всегда оказывался избитымъ, да еще получалъ выговоръ: я сваливалъ на него вину прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ одуматься и сообразить, въ чемъ дѣло“.

Ничто не могло обуздать бѣсенка. По его собственному признанію, обученіе его было „самое жалкое“. Ничего не могла передать ему грубая мамка, которая любила его больше своихъ дѣтей и потомъ была осыпана милостями императора. 11-лѣтній дядюшка Фэшъ выучилъ Набуліоне грамотѣ, а одинъ церковникъ—катехизису. И все это на грубомъ корсиканскомъ нарѣчіи. Одно время мальчикъ ходилъ къ монахинямъ, въ іезуитскую школу. Здѣсь онъ увлекся ариѳметикой. Пришлось даже устроить на задворкахъ комнатку, куда уединялся 8-лѣтній математикъ для своихъ вычисленій; по вечерамъ онъ выходилъ оттуда и странствовалъ по улицамъ, молчаливый, разсѣянный, со спустившимися чулками. Сверхъ того онъ любилъ барабанъ и свою деревянную саблю. Бѣлую булку, которую давали ему на завтракъ, онъ мѣнялъ на солдатскій хлѣбъ: „Нужно привыкать къ нему:

---

[1]) Такъ называли нашего героя тогда въ семьѣ; горцы произносили даже *Lapulion*. Вообще это имя необычайно. На первой исповѣди Наполеона архіепископъ парижскій замѣтилъ, что его нѣтъ даже въ календарѣ. „Святыхъ—цѣлая куча, а въ году только 365 дней“ возразилъ отрокъ. Карло Буонапарте слѣдовалъ примѣру своего знатнаго дѣда: онъ надавалъ своимъ дѣтямъ имена какъ разъ, какъ было у того. Со смертью одного изъ нихъ онъ возстановлялъ порядокъ. Оттого Жозефъ назывался Набуліоне, когда у него былъ старшій братъ, а по смерти его сталъ Жозефомъ, а Элиза называлась сначала Маріей и Анной. Наполеонъ I, по его собственнымъ словамъ, примирился со своимъ именемъ, такъ какъ оно было малоизвѣстно, поэтично и звучно.

вѣдь, я буду солдатомъ“ объяснялъ онъ матери. На мальчика производили сильное впечатлѣніе разсказы о подвигахъ Паоли и о войнѣ корсиканцевъ за независимость.

Наконецъ Марбёфъ выхлопоталъ любимцу Летиціи королевскую стипендію въ одной изъ военныхъ школъ, что̀ было нелегко. Этихъ школъ было мало, а многочисленное дворянство старалось пристраивать туда всѣхъ своихъ сыновъ. Герольдмейстеръ строго высчитывалъ число „колѣнъ предковъ“ кандидата; и монархъ самъ просматривалъ списки счастливцевъ—„питомцевъ короля“. Чтобы подготовить дѣтей, Карло отвезъ Жозефа и Набуліоне въ Отёнъ (между Дижономъ и Луарой). Тамъ, въ гимназіи, у одного аббата нашъ герой въ три мѣсяца научился съ грѣхомъ пополамъ переводить и писать по-французски. Жозефъ остался въ Отёнѣ готовиться къ духовному званію такъ же, какъ и дядюшка Фэшъ; его, а потомъ и Люсьена, взялъ къ себѣ мѣстный епископъ, родственникъ Марбёфа. Набуліоне былъ привезенъ въ 1779 году въ „королевскую школу“ въ *Бріеннѣ* [1]),— городкѣ, гдѣ и теперь нѣтъ 2.000 жителей.

II. Воспитаніе кадета. 1779—1785 гг.

Военная школа въ Бріеннѣ. — Военная академія въ Парижѣ. — Корсиканскій патріотъ.

„Военное“ училище въ Бріеннѣ вовсе не походило на корпусъ. Это просто была гимназія или пансіонъ „кадетъ-жантильомовъ“, какъ называли тогда дворянчиковъ, напоминавшій обычную іезуитскую коллегію. Имъ руководили монахи ордена миноритовъ. Они завели внѣшній лоскъ. Классы и особенно показныя залы блестѣли чистотой, пища была доброкачественна: король платилъ за своихъ питомцевъ 700 ливровъ въ годъ — сумма весьма щедрая по тому времени. Молодые жантильомы приносили

---

[1]) *Бріеннъ* лежитъ въ 150 в. къ востоку отъ Парижа.

съ собой фамильное изящество манеръ, а здѣсь обучались „украшеніямъ ума“—танцамъ, фехтованью, даже музыкѣ и рисованію пейзажей. Но наука хромала, за исключеніемъ математики и новыхъ языковъ (нѣмецкій и отчасти англійскій). Не было даже обычныхъ жалкихъ „курсовъ физики и естественной исторіи“. Ученики не одолѣвали даже премудростей французскаго правописанія. Преподаватели были тупицы, да и тѣхъ вѣчно смѣняли; плохъ былъ и математикъ Пишегрю.

А главное—все лѣнилось и небрежничало. Даже по части „религіи“ пасторы смотрѣли только, чтобы ихъ питомцы неукоснительно исповѣдывались каждый мѣсяцъ. Молодежь похваливала ихъ за то, что они умѣли въ нѣсколько минутъ отхватывать обѣдню. Къ тому же дуновеніе вольтерьянства проникало уже и сюда. Его испытывалъ и Набуліоне: онъ признавался, что явился въ Бріеннъ благочестивымъ, а вышелъ оттуда, „познавъ всѣ пороки и безпорядки монастырей“. Юные жантильомы больше занимались жизнью. Они получали изъ дому приличныя „карманныя деньги“, съ которыми тотчасъ знакомились „нимфы“ Бріенна.

Въ эту-то среду попалъ корсиканскій звѣрокъ. Онъ нелегко выражался по-французски и съ невозможнымъ выговоромъ; онъ, впрочемъ, всегда и на всѣхъ языкахъ писалъ съ ошибками. Товарищи насмѣхались надъ этимъ смуглымъ, худымъ, какъ спичка, гладковолосымъ корсиканцемъ, который дичился ихъ, какъ бѣднякъ и иностранецъ, и былъ неуклюжъ и нервенъ, иногда до истерики. Коверкая его вовсе недворянское имя, они называли его Paille-au-nez (Солома-въ-носу).

Плодъ морского улыбающагося юга попалъ въ материковую мрачную природу однообразной Шампани и въ стѣны монастыря. „Лишиться родной комнатки и садика, по которому бѣгалъ въ дѣтствѣ, не имѣть отчаго крова — это значитъ быть безъ отечества!“ жаловался мальчикъ. Одинъ товарищъ говоритъ: „Мрачный, даже дикій, онъ словно явился изъ пустыни, изумленно и недовѣрчиво оглядывая людей. Онъ ненавидѣлъ всякія игры, всякія дѣтскія забавы. Онъ все учился и сидѣлъ сиднемъ въ удѣлен-

помъ ему углу сада. И горе было тому, кто подходилъ къ нему незваный! Однажды, вечеромъ, при фейерверкѣ кадетовъ взорвало коробку съ порохомъ. Дѣти разбѣжались въ страхѣ, и нѣсколько человѣкъ перескочили заборчикъ Наполеона. Онъ прибѣжалъ, пылая гнѣвомъ, и давай тузить ихъ лопатой".

Правда, то былъ фейерверкъ въ честь „нашего отца, Людовика XVI". А въ душѣ юноши кипѣлъ корсиканскій патріотизмъ. Онъ просилъ своихъ высылать ему книги о родномъ островѣ. Онъ называлъ захватъ Корсики французами „низостью". Онъ поклонялся Паоли какъ кумиру: „Хотѣлось бы походить на него!" восклицалъ мальчикъ. Однажды Наполеонъ сказалъ товарищамъ съ негодованіемъ: „Надѣюсь, придетъ время, когда я освобожу Корсику. Кто знаетъ? Нерѣдко судьба цѣлой имперіи зависитъ отъ одного человѣка".

Въ мрачномъ юношѣ созрѣвалъ тотъ революціонный духъ, который тогда уже разливался по всей Франціи. Онъ злился на „деспотизмъ монаховъ" и шелъ впереди недовольныхъ. Разъ патеры даже высѣкли ихъ; корсиканецъ перенесъ страданіе, не пикнувъ, и негодовалъ, какъ на „трусовъ", на товарищей, которые издавали крики или плакали. Наполеонъ вообще часто бранилъ и наставлялъ своихъ однокашниковъ: „Товарищи не любили меня, — сознавался онъ потомъ. — Но и они говорили: „Опасно затрогивать его".

Въ случаѣ обиды, этотъ молчаливый, не знавшій улыбки волчонокъ бросался на нихъ съ кулаками, какъ бѣшеный, не справляясь объ ихъ числѣ.

И гордость корсиканца удовлетворялась, когда зимой товарищи сами избирали его своимъ командиромъ въ имъ же выдуманной игрѣ въ снѣжныя крѣпости. По его словамъ, это — онъ выставлялъ образецъ „новой" войны. Каждый день изобрѣтались имъ искусные маневры и сооружались такіе форты, что на нихъ приходили любоваться и монахи школы, и обыватели городка. „Я,—говорилъ онъ потомъ,—уже чуялъ инстинктомъ, что моя воля должна подчинять себѣ чужую волю и мнѣ должно принадлежать то, что мнѣ нравится".

Отрокъ казался старикомъ. Въ письмахъ домой, сухихъ, краткихъ, здравомысленныхъ, почти повелительныхъ, какъ рѣчь Летиціи, онъ съ 13-ти лѣтъ заботился о братьяхъ какъ отецъ, радовался, что Люсьенъ тоже попалъ въ военную школу, и журилъ Жозефа за отреченіе отъ духовнаго званія. Начальники хвалили его за успѣхи по исторіи и географіи, въ особенности же по математикѣ. Они не могли быть такого же мнѣнія объ его поведеніи. Когда одинъ изъ нихъ сдѣлалъ ему неправильное замѣчаніе, Наполеонъ такъ вскипятился, что ошалѣлый монахъ спросилъ:

— Кто вы, сударь, чтобы такъ отвѣчать мнѣ?

— Человѣкъ, — былъ отвѣтъ.

15-лѣтній юноша уже опредѣлилъ свою карьеру. „Военное поприще — лучшее въ свѣтѣ“ сказалъ онъ, и благодарилъ „великаго двигателя человѣческихъ дѣлъ“ за то, что Онъ даровалъ ему „непреодолимую склонность“ къ оружію. Потомъ онъ припоминалъ съ гордостью: „Тогда уже всѣ говорили, что этотъ юноша созданъ для геометріи“.

Самъ юноша предавался широкимъ мечтамъ, въ уединеніи своего садика. Онъ пожиралъ тамъ жизнеописанія великихъ людей, особенно восхищаясь Плутархомъ, который, впрочемъ, всѣмъ кружилъ головы въ ту пору. Тутъ-то въ немъ „расширялись чувства и парила въ высь душа, свободная отъ узъ эгоизма“. Онъ завидовалъ героямъ, „изумлявшимъ міръ“, и восхищался Лакедемономъ: его прозвали Спартіатомъ. Но Наполеонъ читалъ все это въ переводахъ. Онъ презиралъ латынь и вообще риторику, не понималъ, „что такое слогъ“. Онъ любилъ точныя знанія, опытъ.

„Роковой человѣкъ“ вступалъ въ жизнь существомъ самобытнымъ, свободнымъ отъ преданій, подражаній, отъ ига словъ.

За успѣхи Буонапарте былъ переведенъ въ концѣ 1784 года въ парижскую военную школу—также королевскимъ стипендіатомъ. То было высшее учебное заведеніе—родъ военной академіи. Тамъ молодые люди уже разбивались по спеціальностямъ. Наполеонъ выбралъ артиллерію. Здѣсь было больше вакансій; приходилось много работать, особенно надъ математикой; а этого не любили

кадеты-жантильомы. Артиллерія вообще была въ модѣ, считалась „корпусомъ талантовъ“, а французская слыла первою въ Европѣ.

Въ новой школѣ положеніе Буонапарте было не лучше, чѣмъ въ старой. Среди разныхъ Рогановъ и Монморанси, бѣдность его выдѣлялась даже больше прежняго: тогда умеръ отецъ Наполеона, а графъ Марбёфъ пересталъ давать его сыну пособіе.

Бѣдный Карло восклицалъ передъ смертью: „Гдѣ Набуліоне, отъ меча котораго задрожатъ короли? Гдѣ мой сынъ, который измѣнитъ лицо земли? Онъ защититъ меня отъ моихъ враговъ! Онъ спасетъ мнѣ жизнь!“ Этотъ сынъ долго, глубоко скорбѣлъ о смерти отца; и пуще прежняго разгоралась въ немъ ненависть пролетарія къ „большимъ барамъ“. Вспоминая борьбу съ ними товарищей-бѣдняковъ, онъ восклицалъ съ наслажденіемъ: „Какихъ тумаковъ надавалъ я имъ тогда!“

Наполеонъ попрежнему мечталъ о Корсикѣ, одиноко шагая по заламъ, съ руками за спиной: онъ даже началъ писать поэму объ ея свободѣ. Товарищи подтрунивали надъ нимъ. Онъ выхватывалъ рапиру и бросался на всѣхъ, вспоминая своего Паоли.

Буонапарте трудился больше прежняго; иногда онъ сказывался больнымъ, закрывалъ ставни, зажигалъ лампу и работалъ, не выходя по цѣлымъ днямъ. И было надъ чѣмъ работать. Парижская школа считалась образцовою не по одному внѣшнему блеску (содержаніе каждаго кадета стоило больше 4.000 ливровъ): ее посѣщали именитые иностранцы. Здѣсь дѣльно проходились высшія науки, а математику преподавалъ знаменитый Монжъ, приглашавшій на экзамены Лапласа. Здѣсь усердно производились всякія боевыя упражненія; и устройство было полковое. Вмѣсто мертвой латыни было введено государственное право и много занимались новыми языками. Буонапарте больше прежняго изучалъ математику: онъ отличился по ней на экзаменѣ. Онъ вообще увлекался только фактами да практической стороной науки: нѣмецкій учитель-философъ назвалъ его „скотиной“.

Наполеонъ такъ усердно трудился надъ математикой, что опередилъ многихъ товарищей. Вмѣсто того, чтобы киснуть 2—3 года въ школѣ, онъ черезъ годъ сдалъ экзаменъ на степень по-

рѣчика или „второго лейтенанта“ артиллеріи, притомъ 42-мъ изъ 58 своихъ старшихъ товарищей.

16-лѣтняго юношу назначили въ IV артиллерійскій полкъ, который стоялъ въ Валансѣ, въ Дофинэ. Онъ выѣхалъ туда въ октябрѣ 1785 года.

Сколько ни натерпѣлся нашъ Набуліоне въ обѣихъ школахъ, онъ считалъ пребываніе въ нихъ своимъ „счастливымъ временемъ“ и потомъ щедро вознаградилъ тамъ всѣхъ, отъ учителей до швейцаровъ. И не даромъ. Теперь онъ вступилъ въ жизнь, которая была для него злою мачехой.

III. Гарнизонъ. 1785—1789.

Захолустья Валанса, Дуэ и Оссона.—Прозябаніе „бурбона“.—Подготовка великаго человѣка.

Новоиспеченный лейтенантъ застрялъ на четыре года въ провинціальныхъ гарнизонахъ: его IV артиллерійскій полкъ стоялъ сначала въ Валансѣ, въ Дофинэ (2 года), потомъ въ Дуэ, на границѣ съ Фландріей (полгода), наконецъ въ Оссонѣ, близъ Дижона ($1^1/_2$ года).

То была самая тяжкая и самая поучительная пора въ жизни нашего героя. Онъ испытывалъ и нищету, и муки Тантала, переживая первыя броженія великой эпохи. Тогда-то слагался этотъ геній перехода между двумя вѣками: и на его примѣрѣ лучше всего видно, какъ „великіе люди“ совершенно естественно, буднично зрѣютъ плодами своего времени, его послушными орудіями.

Впрочемъ, въ Валансѣ сначала было еще сносно. Городокъ лежалъ въ здоровой, пріятной мѣстности, изобилующей плодами, овощами и лугами. Казармы были просторныя и благоустроенныя. Полкъ былъ дѣльный: онъ „постоянно предавался требующимъ обдумыванія занятіямъ“. При немъ состояла образцовая артиллерійская школа, въ которой обучались даже именитые

русскіе—братья Ланскіе. Солдаты вѣчно работали при строгой дисциплинѣ. Офицеры съ „хорошимъ духомъ“ считались украшеніемъ городка и жили въ добромъ товариществѣ,—всѣ на „ты“ между собой. Они проходили серьезную школу: и Наполеонъ служилъ сначала рядовымъ, потомъ сержантомъ, изучая все до мелочей. Онъ самъ говорилъ потомъ: „То было лучшее въ Европѣ войско. Все было по-семейному. Начальники были поистинѣ отцы, и все народъ самый храбрый, достойный, чистый, какъ золото. Они были только слишкомъ пожилые. Молодые офицеры подсмѣивались надъ ними: сарказмъ и иронія были тогда въ модѣ. Но они обожали ихъ и отдавали имъ полную справедливость“.

Наполеонъ притащился въ Валансъ въ грузномъ „дилижансѣ“ съ чувствомъ освобожденнаго школьника. Казна снабдила его дюжиной „вещей и нарядовъ“: онъ восхищался синимъ академическимъ мундиромъ, который всегда казался ему красивѣйшимъ въ мірѣ. Онъ повеселѣлъ, болталъ съ товарищами, лакомился съ ними пирожками, даже участвовалъ въ ихъ школьническихъ продѣлкахъ съ добрымъ начальствомъ. Въ Валансѣ всѣ ласкали красиваго серьезнаго офицерика; онъ началъ посѣщать мѣстное общество. Буонапарте даже взялъ нѣсколько уроковъ танцованія, которымъ пренебрегалъ въ школахъ.

Наконецъ онъ влюбился-было въ дебелую дѣвицу Коломбье и путешествовалъ къ ней пѣшкомъ за 10 в. Впрочемъ, онъ рѣдко видѣлся съ нею внѣ семьи, и то лишь для того, чтобы избѣжать „частыхъ посѣщеній, которыя развязываютъ языкъ злымъ людямъ и не нравятся встревоженнымъ маменькамъ“. На этихъ свиданіяхъ парочка лакомилась вишнями, напоминая „Исповѣдь“ Руссо. Ставши императоромъ, Наполеонъ осыпалъ родню Коломбье милостями, а ее самое назначилъ фрейлиной Летиціи.

Но счастье не продолжалось и полгода. Затѣмъ—передъ нами опять неуклюжій, мрачный корсиканскій звѣрокъ. Непривѣтливыя черты даже развились подъ ледянымъ взглядомъ мачехи-судьбы. Тогда высшіе чины въ арміи доставались только сынкамъ богатой знати; Наполеону предстояло лѣтъ 10 дослуживаться до

Т 6 Бкі
9

„ѣерваго“ лейтенанта и лѣтъ 15—до капитана, а затѣмъ выходить въ отставку съ орденомъ, на скудную пенсію. А его бѣдности не предвидѣлось конца. Умеръ Марбёфъ; правительство отняло субсидію, которую давало корсиканскому клану нашего героя за разведеніе тутовника. А на шеѣ Летиціи очутились Люи и Люсьенъ. Жеромъ бросилъ мысль о церкви и сталъ сначала плохимъ адвокатомъ, потомъ неудачнымъ продавцомъ прованскаго масла. У Летиціи завелись долги, а не было прислуги.

Главное чувство было оскорблено въ душѣ Наполеона, желавшаго играть роль Провидѣнія для своихъ. „Печальное положеніе семьи мучитъ меня тѣмъ болѣе, что не вижу средствъ помочь горю“ писалъ онъ тогда. Самъ онъ получалъ всего 100 фр. въ мѣсяцъ; да у него проживалъ еще одно время любимецъ-братишка, Люп. Въ ту же пору нашъ лейтенантъ схватилъ перемежающуюся лихорадку, которая доводила его до бреда; онъ не могъ избавиться отъ нея цѣлыхъ семь лѣтъ. „У меня одно только средство—работать,—писалъ онъ въ іюнѣ 1789 года.—Я одѣваюсь лишь разъ въ восемь дней и совсѣмъ мало сплю со времени моей болѣзни. Повѣрите ли, я ложусь въ 10 ч., а встаю въ 4. Ѣмъ только разъ въ день“.

Служба не могла развлечь снѣдаемаго тоской молодого лейтенанта. Онъ быстро освоился со всѣми ея немудрепыми тонкостями. Да она и не нравилась ему за свою косность и мелочность: онъ такъ пренебрегалъ ею, что однажды былъ посаженъ подъ арестъ патріархами гарнизона. Его мало занимали сраженія и тактика старой системы: онъ старался запастись только практическими свѣдѣніями, какъ орудіями ремесла, карьеры. И полкъ уже гордился имъ какъ лучшимъ знатокомъ артиллеріи, въ которую онъ вносилъ новые пріемы.

Лейтенантъ больше всего интересовался литературнымъ чтеніемъ. „Когда нечего было дѣлать, я все-таки думалъ, что не должно терять времени“ говорилъ онъ потомъ. Наполеонъ поглощалъ множество книгъ, записавшись въ мѣстную библіотеку; онъ черкалъ ихъ на поляхъ, дѣлалъ выписки, вдумывался, критиковалъ. При поѣздкахъ его чемоданчикъ былъ полонъ книгъ.

Впослѣдствіи Наполеонъ разсказывалъ г-жѣ Ремюза: „Поступивши на службу, я скучалъ въ гарнизонахъ. Я началъ читать романы, которые страшно занимали меня. Я самъ пробовалъ писать ихъ и давалъ волю своему воображенію. Но это чтеніе перекрещивалось съ пріобрѣтенными положительными знаніями: меня забавляло, какъ это мечты тотчасъ контролируются разумомъ. Мысленно я переносился въ идеальный міръ и сравнивалъ себя, чѣмъ онъ отличается отъ окружающей меня дѣйствительности".

Этотъ идеальный міръ былъ плодъ знаменитаго „Просвѣщенія" второй половины XVIII вѣка. Тогда и въ гарнизонной казармѣ царилъ властитель думъ—Жанъ-Жакъ Руссо. Буонапарте больше всего увлекался его проповѣдью, хотя и критиковалъ размалевку дикаря. Дамы даже сравнивали задумчивый взглядъ красиваго поручика со взорами пророка Просвѣщенія. Наполеонъ, который тогда же пять разъ проглотилъ „Вертера" Гёте, вдавался въ чувствительность, свойственную той порѣ. Онъ сознавался, что „Новая Элоиза" Руссо „вскружила ему голову". Юноша мечталъ о пустынномъ островѣ, гдѣ онъ могъ бы „укрыться отъ людскихъ соблазновъ, отъ игры честолюбій, отъ мимолетныхъ страстей". Онъ много ходилъ по горамъ, „любя подниматься надъ горизонтомъ". Затѣмъ спѣшилъ въ свою комнатку, въ одно окно, съ хромой мебелью.

Тяжкія минуты переживались въ этой комнаткѣ. Въ дневникѣ лейтенанта проскользали безсвязныя слова смутнаго отчаянія.

„Вѣчно одинокій среди людей, возвращаюсь я домой мечтать съ самимъ собой, отдаваться всей силѣ моей тоски. Куда уношусь я сегодня? Къ смерти. А я—на зарѣ моихъ дней и могу надѣяться еще долго прожить! Уже 6—7 лѣтъ не былъ я на родинѣ. Что за радость вновь увидѣть моихъ знакомыхъ и родныхъ! Не предвѣщаетъ ли мнѣ полнаго счастья то сладкое чувство, которое пробуждается во мнѣ при воспоминаніи о радостяхъ моего дѣтства? Какая же нелегкая заставляетъ меня желать собственной погибели? А, впрочемъ, и правда: что я такое въ мірѣ? Долженъ же я умереть: такъ отчего же не убить себя сейчасъ?

Будь мнѣ шестьдесятъ, я преклонился бы предъ предразсудками современниковъ и терпѣливо ждалъ бы, пока природа совершитъ свой путь. Но моя жизнь начинается несчастьемъ, ничто не готовитъ мнѣ радости: такъ къ чему же переносить такую жизнь? Какъ же далеки люди отъ природы! Какъ они трусливы, низки, войнолюбивы! Жизнь мнѣ въ тягость; радости бѣгутъ отъ меня; все для меня—мученіе. Люди, съ которыми я живу и, вѣроятно, буду всегда жить, такъ же далеки отъ меня по природѣ, какъ блескъ луны отъ свѣта солнца! Стало-быть, я не могу вести ту жизнь, которая одна только могла бы сдѣлать мое существованіе сноснымъ: отсюда—безконечное отвращеніе ко всему...“

Идеализмъ юности вырывалъ нашего лейтенанта изъ оковъ личнаго заурядnаго счастья. Наполеонъ тотчасъ устыдился своей мимолетной слабости къ вишнямъ. Рукою кающагося писалъ онъ: „Любовь—сбивающая съ пути страсть, первый бичъ добродѣтели, раскаленная жаровня!“ Позже, когда ему было 22 года, онъ прибавилъ въ своемъ „Разговорѣ о любви“:

„И я былъ разъ влюбленъ, и довольно помню это, чтобы отвергать метафизическое опредѣленіе любви, которымъ только запутываютъ дѣло. Я отрицаю ея права на существованіе. Мало того, я считаю ее вредной и для всего общества, и для каждаго въ отдѣльности. Словомъ, по мнѣ, любовь приноситъ больше зла, чѣмъ добра: было бы истиннымъ благодѣяніемъ, если бы Господь избавилъ людей отъ нея... Это—бредъ, болѣзнь... Царю міра, мужчинѣ, недостойно находиться въ цѣпяхъ существа слабѣйшаго разумомъ и тѣломъ. Развѣ довѣрятъ защиту осажденнаго отечества или государственную тайну безсильному ребенку, который волнуется отъ одного движенія другого лица?“

Юноша, одаренный талантомъ, а съ нимъ и честолюбіемъ высшаго разбора, рвался на міровое поприще. Онъ жаждалъ знаній: „Вотъ еще одно пріобрѣтеніе!“ воскликнулъ онъ, прослушавъ мимоходомъ курсъ астрономіи. Наполеонъ читалъ много по географіи, не забылъ и Бюффона. Но больше всего привлекали его науки государственныя, что̀ потомъ очень пригодилось ему: при его огромной памяти, онъ, при составленіи Наполеоновскаго

кодекса, сыпалъ цитатами изъ кодекса Юстиніана и изъ Монтескьё, которыхъ поглотилъ тогда. Точно такъ же Наполеонъ изучилъ тогда „Богатство Націй“ Адама Смита, „Науку Законодательства“ Филанджьери, „Отчетъ“ Неккера, не говоря уже объ „Общественномъ Договорѣ“ Руссо. Все это сводилось къ исторіи, которую онъ считалъ „основой нравственныхъ наукъ, свѣточемъ истины, разрушительницей предразсудковъ!“

Предразсудковъ! Да, Наполеонъ отдавалъ дань времени. Ему хотѣлось перевернуть заскорузлыя понятія, передѣлать свѣтъ заново. Роль революціонера подходила къ этому выскочкѣ: онъ и якшался тогда больше съ такими же униженными, какъ онъ самъ,— съ адвокатами, мелкими чиновниками, буржуа. Они прислушивались къ его рѣзкимъ словамъ, которыя онъ запмствовалъ у Вольтера, Дидро, Мабли, а больше всего—у Рэналя, счастливаго автора „Исторіи обѣихъ Индій“ [1]).

Въ началѣ революціи имя Рэналя было на устахъ у всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Іезуитъ, извѣстный проповѣдникъ, Рэналь— типичный аббатъ временъ Просвѣщенія. Онъ вдругъ примкнулъ къ энциклопедистамъ, да такъ, что къ его „Индіямъ“ спльно приложилъ руку самъ Дидро. Немудрено, что его сочиненіе,— родъ маленькой, общедоступной „Энциклопедіи“, — удостоилось сожженія чрезъ палача (1781), а самъ онъ принужденъ былъ странствовать по Европѣ: онъ навѣдался и въ Петербургъ, откуда возвратился наканунѣ революціи.

По обычаю „философовъ“ эпохи, обращенный патеръ воспользовался Индіями лишь какъ предлогомъ для протеста противъ стараго порядка вообще и противъ религіи въ особенности. Оттого-то его риторичное и слабое въ научномъ отношеніи сочиненіе стало знаменемъ минуты и жгло сердца людей. Въ немъ, напримѣръ, управленіе Китая сравнивалось съ французскими порядками, не въ пользу послѣднихъ, что̀ напоминало „Персидскія Письма“ Монтескьё. При этомъ авторъ горячо предсказывалъ

---

[1]) *Raynal*: Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Amsterdam. 1771. 7 томовъ.

крушеніе стараго порядка и даже объявлялъ революцію долгомъ честныхъ людей.

Наполеонъ написалъ тогда „Письма о Корсикѣ“—исторію своей родины въ духѣ Рэналя. Онъ далъ ее на просмотръ эксъ-патеру, съ которымъ познакомился лично въ 1787 году.

Совершенно въ духѣ своего учителя и „Исповѣди“ Руссо, Буонапарте признается: „Обученіе и исторія—вотъ великіе враги религіи.... Съ тѣхъ поръ какъ я началъ пріобрѣтать свѣдѣнія, началъ разсуждать, моя вѣра пошатнулась“. Уже въ парижской школѣ онъ пересталъ посѣщать церковныя службы. Остались только вѣра въ свою „звѣзду“ да привычки дѣтства. Пораженный неожиданностью, онъ крестился и воскликналъ: „Іисусе Христе!“ Чѣмъ дальше, тѣмъ больше юный лейтенантъ возставалъ противъ тѣхъ, которые пользуются „страстью къ чудесному“ и „запугиваньемъ“. Онъ не находилъ словъ, чтобы клеймить фанатизмъ, „страшное вліяніе котораго заглушаетъ священные законы человѣчества, озвѣряетъ народы и, въ концѣ-концовъ, куетъ оковы для людей“. Подобно Вольтеру, онъ считалъ христіанство орудіемъ разслабленія государствъ. Вмѣстѣ съ Дидро онъ ставилъ выше ученіе Аполлонія Тіанскаго и желалъ истребленія такихъ „каналій и плутовъ“, какъ черноризцы, и такого „страшнаго грабительства“, какъ папство.

Наполеонъ писалъ, какъ Руссо: „Учрежденія, ставящія человѣка въ противорѣчіе съ самимъ собой, не стоятъ мѣднаго гроша“. А вотъ какъ бы самъ Рэналь, съ его слогомъ эпохи: „Лишь немногіе изъ королей не заслуживаютъ быть сверженными съ престола... О, гордые земные тираны, смотрите, чтобы не заговорили ваши подданные! Предразсудки, привычки, религія, все это—плохіе оплоты. Ваши троны рухнутъ, какъ только ваши народы скажутъ, оглянувшись на себя: „*Мы—тоже люди!*“ Общественное мнѣніе—щитъ свободы, революція—„спасительное движеніе“. Какъ больно видѣть, что исторія стала „суха и мелка“, что націи „прикованы къ угрюмому покою рабства“, что это—„униженные рабы, которые убиваютъ другъ друга своими цѣпями, въ угоду фантазіямъ своихъ господъ!“ Неужели не пришелъ конецъ этимъ „чудови-

щамъ-завоевателямъ?“ „Неужели не явится Вильгельмъ Тель? Взоры всѣхъ устремлены на этого мстителя народовъ... Всѣ участвуютъ въ работѣ Вашингтона, радуются его успѣхамъ, слѣдятъ за нимъ за десятки тысячъ верстъ: его дѣло—дѣло всего человѣчества“.

Но это дѣло уже началось дома, въ самой Франціи. Лѣтомъ 1789 года по департаментамъ тамъ и сямъ слышался подспудный ропотъ народа. Вспыхивали бунты среди голодныхъ, извѣрившихся массъ: IV-му полку уже пришлось неохотно усмирять по сосѣдству „мятежниковъ“. Были безпорядки и въ немъ самомъ. И. Буонапарте находилъ, что нѣтъ силы, которая „могла бы измѣнить стихіи и предупредить событія, порождаемыя самою природой вещей и обстоятельствами“. Онъ съ любовью слѣдилъ за началомъ 1789 года, „столь лестнымъ для людей добра“. А когда открылось, въ маѣ, первое собраніе временъ революціи, передъ нимъ встала „возрожденная“ Франція.

„Въ мигъ все измѣнилось! — восклицалъ онъ. — Изъ нѣдръ націи сверкнула электрическая искра: эта нація вспомнила о своихъ правахъ, о своей силѣ. О, человѣкъ, человѣкъ! Какъ ты презрѣненъ въ рабствѣ и какъ великъ, когда тебя зажигаетъ любовь къ свободѣ! Предразсудки разсѣиваются, твоя душа возвышается, разумъ вступаетъ въ свои права! Возрожденный, ты становишься воистину царемъ природы!“

Наполеонъ преклонялъ главу предъ этою „августѣйшей“ сходкой народа, передъ этими чистыми борцами за правду противъ „чернецевъ“, — передъ Байи, Лафайетомъ, Мирабо, Барнавомъ, Робеспьеромъ.

Гарнизонный поручикъ не смѣлъ мечтать попасть въ сонмъ такихъ свѣтилъ Франціи.

Да развѣ онъ французъ?

Въ его душѣ волчонка пуще прежняго пылалъ патріотизмъ корсиканца. Ему были особенно дороги Руссо и Рэналь за то, что они именно предвѣщали Корсикѣ великую будущность. Онъ радовался революціи потому, что она открывала ей „перспективу улучшенія ея положенія“. Его сердце трепетало отъ блаженства

при мысли увидѣть милый островъ и своихъ. А когда юноша навѣдывался туда, онъ, какъ опъяненный, „угадывалъ приближеніе родины и съ закрытыми глазами“. Корсика предстояла ему „украшенною всѣми дарами“. Она пронизывала его „электричествомъ своей природы“. Онъ погружался въ сладкую тоску, когда солнце опускалось въ море, словно „въ нѣдра безконечнаго“.

И онъ мечталъ тогда о другомъ великомъ островѣ, — о нерокрушимой скалѣ свободы, пріютившей его славнаго Паоли, объ „отечествѣ Ньютона, Локка и столькихъ независимыхъ, благородныхъ характеровъ, не знающемъ монаховъ“.

Вотъ источникъ замѣчательной, но только теперь замѣченной черты Наполеона! Этотъ человѣкъ, положившій свою жизнь на гигантскую борьбу съ „коварнымъ Альбіономъ“ [1]), велъ ее какъ бы поневолѣ, словно орудіе исторіи для сокрушенія „прирожденнаго врага“ Франціи. Въ душѣ онъ всегда питалъ столько же пристрастія къ британцамъ, сколько презрѣнія къ французамъ. Онъ довѣрчиво отдался имъ, когда закатилась его звѣзда. На о. св. Елены, терзаемый грубымъ англійскимъ тюремщикомъ, онъ часто расхваливалъ его соотечественниковъ, какъ людей „въ сущности весьма почтенныхъ“, какъ „натуры высшаго закала, чѣмъ французы“. А въ описываемое время на Корсикѣ этого французскаго лейтенанта называли „англоманомъ“ [2]).

---

[1]) Эта борьба — такое выдающееся явленіе, что она нерѣдко ослѣпляла историковъ. Она заставляла впадать въ односторонность Тьера, въ особенности же англійскихъ писателей. Глубоко задуманное сочиненіе *Seeley* (Short history of Napoleon I, 1886) страдаетъ какъ бы маніей объяснить всю наполеоновскую эпоху ненавистью Бонапарта къ Англіи. То же замѣтно у *Розбери* (Napoleon, the last phase).

[2]) *Chuquet* (La jeunesse de Napoleon, II, 41-45), обратившій вниманіе на указанную черту Наполеона, нашелъ въ кембриджской библіотекѣ чрезвычайно рѣдкія записки (на англійскомъ языкѣ) Массеріи, проживавшаго тогда на Корсикѣ. Здѣсь сказано: „Наполеонъ и его братья были самыми горячими борцами за самое справедливое и благородное дѣло независимости людей, свободы страны. Такъ какъ мы были дружны, и я былъ привязанъ къ той странѣ, то французскіе роялисты называли насъ *англо-маньяками;* а я называлъ этихъ братьевъ Гракхами“.

Но что же этотъ лейтенантъ сдѣлалъ для своей родины?

„Солдатъ долженъ принадлежать только своему знамени“ писалъ онъ тогда.

Стало-быть, Буонапарте былъ не Вильгельмомъ Телемъ, не вторымъ Паоли, а французскимъ жандармомъ на Корсикѣ?..

„Французы! Вамъ мало было отнять у насъ самое дорогое: вы еще растлили наши нравы... Хорошъ я буду на родинѣ! Какимъ языкомъ заговорю я съ ней! Если нѣтъ отечества, хорошій гражданинъ долженъ умереть... Если бъ поперекъ моей дороги стояла одна только чья-либо жизнь, я не задумался бы вонзить клинокъ въ грудь тирана и тѣмъ отомстить за мою отчизну и попранныя права!..“

Вотъ отчего питомецъ парижской школы выбралъ Валансъ: IV полкъ, какъ болѣе южный, высылалъ двѣ роты для гарнизоновъ Корсики. Вотъ для чего лейтенантъ надоѣдалъ начальству отпусками, которыхъ ухитрился получить на 21 мѣсяцъ въ четыре года. Изъ нихъ четырнадцать мѣсяцевъ онъ провелъ на родинѣ. Остальное время онъ употребилъ на поѣздки въ Парижъ — не для себя.

Наполеонъ только попробовалъ столичной жизни: побывалъ въ театрѣ, познакомился въ Пале-Роялѣ съ извѣстными созданіями, которымъ, впрочемъ, читалъ наставленія, ужасаясь ихъ соціальному положенію. Но все это тотчасъ же надоѣло юношѣ. Онъ занимался въ Парижѣ возстановленіемъ субсидіи Летиціи за тутовники. А главное — его и здѣсь преслѣдовала корсоманія. Онъ досадовалъ, что „обязанъ служить“. Лейтенантъ говоритъ намъ, что будь у него состояніе, онъ жилъ бы въ Парижѣ „частнымъ лицомъ“ — не для развлеченій, а для того, чтобы „французы лучше слышали стоны корсиканцевъ“.

Такъ кипѣла горечь въ душѣ корсиканца на службѣ у поработителей его родины, въ душѣ республиканца, революціонера, принужденнаго охранять своимъ мечомъ главу европейскаго деспотизма! Гордый, нетерпѣливый южанинъ чуялъ въ себѣ жизненный талантъ: его томили бездѣйствіе и пошлость быта заурядnаго „бурбона“. Буонапарте метался какъ левъ въ клѣткѣ.

Не забудемъ, что онъ причислялъ себя къ „философамъ“, а ихъ аксіомой было всемогущество Разума, въ смыслѣ личности, которая можетъ сразу передѣлывать народныя учрежденія и нравы. Къ тому же нашъ поручикъ раздражалъ себя чтеніемъ о великихъ полководцахъ и правителяхъ да о таинственномъ Востокѣ, который ждетъ новаго Александра, а покуда—обогащаетъ Англію.

Набуліоне закидывалъ правительство назойливыми и почти дерзкими просьбами въ пользу семьи, при чемъ лукавилъ и привиралъ; но ему или не отвѣчали, или отдѣлывались шуточками.

Бѣдняга не разъ хватался за литературный трудъ: но онъ не владѣлъ перомъ и не находилъ издателей. У него накопился тогда запасъ разныхъ набросковъ, отрывковъ, даже одной корсиканской повѣсти съ восточными ужасами, ядами и кинжалами; была и драма „Графъ Эссексъ“, во вкусѣ Дидро и Вольтера. Все это бумагомаранье, пропитанное пылкимъ революціоннымъ духомъ, онъ тщательно истреблялъ потомъ. Гарнизонный авторъ возился больше всего со своими „Письмами о Корсикѣ“, какъ съ дойною коровой. Когда открылась конституанта и Паоли собирался въ Корсику, онъ написалъ ему вышеприведенное письмо, какъ посвященіе. Получивъ холодный отвѣтъ, онъ хотѣлъ посвятить свое дѣтище Неккеру, но тотъ бѣжалъ тогда изъ Франціи. Буонапарте внезапно являлся то въ Парижѣ, то въ Корсикѣ. Но всюду неудачи. И честолюбецъ готовъ былъ выдвинуться хоть на русской службѣ, въ битвахъ съ турками; но Екатерина II отвергла его предложеніе.

Положеніе было невыносимо и непоправимо. Его могла измѣнить только міровая буря, которая перевернула бы вверхъ дномъ весь бытъ Европы.

И она уже подходила. Въ описанной безпорядочности, лихорадочности жизни геніальнаго офицерика Франціи уже чуялось вѣяніе „великой революціи“ точно такъ же, какъ въ его чтеніи, писаніяхъ и мысляхъ отражалось Просвѣщеніе. Наполеонъ говорилъ потомъ: „Революція подходила ко мнѣ; и меня очаровывало то равенство, которое должно было возвеличить меня“.

Тутъ слышалось предвосхищеніе словъ воплощенія революціи Дантона: „Для успѣха нужно только дерзать, дерзать и дерзать!“

Великая революція уже отовсюду глядѣла на великаго честолюбца своими кровяными очами. Она затронула даже его IV полкъ. А его родина была уже въ огнѣ. Въ сентябрѣ 1789 года онъ бросился туда какъ боевой конь, заслышавшій шумъ битвы. По дорогѣ Наполеонъ остановился въ Валансѣ. Его дѣвица Коломбье вышла замужъ за отставного капитана. Знакомый старичокъ-аббатъ сказалъ ему:

— Дѣла идутъ такъ, что каждый можетъ сдѣлаться королемъ въ свою очередь. Если вы станете королемъ, господинъ Буонапарте, займитесь христіанской религіей.

— Если стану королемъ, сдѣлаю васъ кардиналомъ,—шутливо отвѣчалъ лейтенантъ.

IV. Отмѣна „стараго порядка“. 1789.

Основы предреволюціоннаго быта. — Протестъ и идеи Просвѣщенія.— Паденіе старины.

Нашъ лейтенантъ скакалъ на родину мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ въ Парижѣ былъ формально отмѣненъ пресловутый *старый порядокъ* (ancien régime). Дальше мы ничего не поймемъ въ исторіи Бонапарта, если не обрисуемъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, основъ этого порядка и свергнувшихъ его силъ. Вѣдь, враги Наполеона называли его „исчадіемъ революціи“, а революція — дочь стараго порядка, который, вдобавокъ, былъ отчасти возстановленъ императоромъ. Чтобы понять внука, нужно познакомиться съ матерью и дѣдушкой — съ дѣдушкой, быть-можетъ, особенно, принимая въ расчетъ новое ученіе объ атавизмѣ.

Старый порядокъ понять нетрудно, особенно намъ, русскимъ, въ настоящее время.

Въ сущности, „старый порядокъ“ старъ какъ міръ и вездѣ одинаковъ въ своей наивной простотѣ. Кто не испыталъ его на себѣ, особенно благодаря той подготовкѣ, названной „реставра-

щіей“, которая господствовала въ Европѣ до половины XIX вѣка? Есть страны, гдѣ можно и сейчасъ изучать его пережитки.

Въ политикѣ, это — абсолютизмъ или цезаропапизмъ, союзъ алтаря съ тропомъ; въ общественномъ быту, это—феодализмъ или привилегированность высшаго сословія; въ культурѣ — лжеклассицизмъ въ широкимъ смыслѣ слова, т.-е. господство преданій, условности, иго общепринятыхъ на вѣру словъ да произвольныхъ умозрѣній. Вообще старый порядокъ, это — почти непостижимое для простого взгляда зрѣлище: наверху—самый тонкій, но самый тяжелый слой. Настоящее отрицаніе законовъ механики, которые, наконецъ, отомстили за себя, перевернувъ все кверху ногами.

Эта анти-механика достигла полнаго развитія во Франціи при Людовикѣ XIV: именемъ этого короля названа эпоха, съ которой началась подготовка великой революціи. Здѣсь абсолютизмъ дошелъ до буквальнаго воплощенія всей націи въ особѣ короля. Нигдѣ онъ не обманулъ ожиданій народа до такой степени, какъ во Франціи. Масса, какъ вездѣ, бросилась къ нему въ объятія, видя въ немъ общаго врага феодализма. Но онъ воспользовался ею лишь какъ орудіемъ для вырыванія жала у спесивой знати.

Лишивъ власти первые два государственные „чина“ (духовенство и дворянство), абсолютизмъ оставилъ за ними права надъ безчинными, какъ за *привилегированными* (privilegiés). Онъ разорвалъ ихъ патріархальныя связи съ низами общества и превратилъ ихъ въ придворнаго паразита, живущаго на счетъ народа безъ всякихъ обязанностей относительно массъ. Изъ этихъ-то „сливокъ общества“ создался „свѣтъ“, или узкій кругъ „жантильомовъ“, блогороднаго дворянства, съ его особенною культурой.

То было прямое отрицаніе правды, естественности и нравственности: эти „порядочные“ люди, или „учтивцы“ (hommes honnêtes) стали карикатурой „честныхъ людей“ (honnêtes hommes). И они до того отдѣлились отъ народа въ душныхъ кельяхъ дворца, что не было предѣловъ ихъ барской спеси предъ „мужланствомъ“ (roture) и „канальей“ (canaille) или „сволочью“ (vilain).

Среди мужланства, правда, уже выдѣлялся верхній слой — будущая буржуазія, которая именовалась тогда *третьимъ чиномъ*

(tiers ètat). Но онъ походилъ на привилегированныхъ и старался подражать имъ. То былъ „буржуа-жантильомъ“ Мольера. Онъ назывался „ваше степенство“, а его дамы—„madame“ да „mademoiselle“; онъ даже покупалъ титулы. Но лишенный политическихъ правъ, онъ былъ такимъ же нулемъ въ государствѣ, какъ жантильомъ и владыка. А привилегированные на каждомъ шагу оскорбляли его, давая ему чувствовать его „мужланство“.

Ихъ-то особенно ненавидѣлъ третій чинъ. Онъ зналъ себѣ цѣну. Къ нему переходило богатство нищавшей знати; ему должали сами короли. Онъ становился очагомъ просвѣщенія: въ него вселялась душа націи, въ видѣ „свободныхъ профессій“ и даже министерскихъ портфелей. Но буржуа не понималъ, что ему не добраться до власти безъ помощи массъ: онъ презиралъ ихъ не меньше, чѣмъ привилегированные, и, въ свою очередь, старался прижать ихъ. Въ качествѣ „мастера“, онъ былъ бариномъ (maître) для ремесленниковъ, которые уже превращались въ городской „пролетаріатъ“. Въ качествѣ скупщика дворянскихъ имѣній, онъ становился тѣмъ же помѣщикомъ для крестьянъ.

Вышелъ неожиданный урокъ юристамъ. По закону (de jure), во Франціи предъ революціей масса была поставлена лучше, чѣмъ даже въ Англіи: это не былъ рабъ, ни даже крѣпостной, а „обыватель“ (habitant) и „народъ“ (peuple). А на дѣлѣ (de facto) то была наковальня, на которой работали три молота разомъ—феодализмъ, абсолютизмъ и капитализмъ. Въ Англіи фермеръ отдавалъ $^1/_4$ сбора ландлорду, землевладѣльцу, который притомъ уплачивалъ его повинности; во Франціи господствовало половничество, и на мужикѣ лежали всѣ государственные налоги и барщины. Немудрено, что у несчастнаго опускались руки съ отчаянія; въ 1750 г. была уже четверть заброшенныхъ пашенъ.

А на крестьянинѣ лежала еще воинская повинность, которая была частью насиліемъ, частью обманомъ. Такъ какъ армія состояла преимущественно изъ добровольцевъ, то вербовщики такъ залавливали „прекрасную молодежь“: „У насъ три раза въ недѣлю танцы, два раза—игры на вольномъ воздухѣ; остальное время солдаты играютъ въ кегли, въ чехарду, ходятъ въ караулъ и на

ученье. Почти все время посвящается удовольствіямъ, а жалованье большое". На дѣлѣ оказывалось: 6 су (меньше гривенника) на все-про-все да безногая кровать на двоихъ для „боевой цѣпной собаки".

Безграмотный „народъ" долго сваливалъ всѣ эти бѣдствія на ненавистныхъ привилегированныхъ и отчасти на буржуа: онъ еще почиталъ корону какъ божественное установленіе. Передъ нами удивительный общественный строй: всѣ классы на ножахъ между собой, ненавидятъ другъ друга. *Разложеніе общества*— вотъ первая основа революціи.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше выдвигалась вторая основа — всеобщее *недовольство правительствомъ*. Даже привилегированные поняли, что они — лишь орудіе абсолютизма, который притомъ разорялъ ихъ придворною службой. Сознавшіе свою силу буржуа выставили, въ видѣ брошюры Сіейса, гордый запросъ: „Что такое третій чинъ?—Все.—Чѣмъ онъ былъ доселѣ въ политикѣ?—Ничѣмъ.—Чего требуетъ онъ?—Стать чѣмъ-нибудь?" А „народъ" сталъ вѣрить, что Людовикъ XVI и Марія Антуанета—вампиры, высасывающіе кровь младенцевъ. Онъ уже выставлялъ цѣлыя арміи разбойниковъ, называя ихъ „освободителями".

Это чувство овладѣвало всѣми по двумъ причинамъ. Вообще роль абсолютизма тяжка: отбирая власть у народа, онъ становится отвѣтственнымъ за все рѣшительно. Передъ революціей сельскія общины должны были просить „дозволенія интенданта", чтобы починить подгнившій столбъ въ часовнѣ. Въ такомъ случаѣ, правительство можетъ существовать, лишь выдвигая отъ времени до времени такихъ революціонеровъ на тронѣ, какъ Петръ I или Фридрихъ II. А французскій абсолютизмъ окостенѣвалъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Лишь въ 12-й часъ, когда, можно сказать, и стѣны кричали о реформахъ, онъ соблаговолилъ снизойти до нихъ. Но и то былъ лишь обманъ, камень вмѣсто хлѣба. Судьба Берниса и Шуазеля, въ особенности же Тюрго и Неккера, показываетъ, что „новаторы" приходились не ко двору.

Вторая причина всеобщаго недовольства лежала въ *Просвѣщеніи*, которое называютъ еще „философіей" XVIII вѣка и на-

правленіемъ „энциклопедистовъ“. Напрасно окрестили это умственное движеніе именемъ „отрицанія“. Отрицаніе было только вначалѣ, у его источниковъ. Всякое новое направленіе подготовляется *протестомъ* новыхъ силъ противъ заживпшейся старины. Въ данномъ случаѣ онъ совершенно правильно начался съ войны за испанское наслѣдство, когда обнаружились всѣ ужасы Геркулесовыхъ столбовъ абсолютизма. Столь же правильно протестъ поднялся сначала противъ второй части формулы „цезаропапизмъ“. Нужно было прежде всего освободить умы отъ узъ средневѣкового папскаго преданія. Лютеръ началъ со „свободнаго изслѣдованія“ Библіи; новые философы поставили божествомъ „Разумъ“.

Со словъ чужеземцевъ свободныхъ странъ, Локка, Спинозы и Бэля, во Франціи заговорили о свободѣ совѣсти и о критикѣ высшаго начала. Уже передъ смертью Людовика XIV при дворѣ жаловались, что всѣ молодые люди стали „атеистами“. Тогда же выступалъ Вольтеръ, главною задачей котораго было „давить негодницу“, т.-е. католическую церковь. Вскорѣ присоединяется критика политическая. Скромный придворный владыка, Фенелонъ, доказывалъ королю-Солнце, что во Франціи „государство—старая машина, которая развалится при первомъ столкновеніи“. Затѣмъ посыпались планы ограниченія абсолютизма, которые завершились англійскимъ идеаломъ, овладѣвшимъ умами, благодаря блестящему „Духу Законовъ“ Монтескьё. А этотъ идеалъ — „права“ человѣка, неприкосновенность личности, охраняемая участіемъ самихъ „гражданъ“ въ управленіи. Энциклопедистовъ даже упрекали въ томъ, что они говорили все про одни права: да, но прежде шла рѣчь объ однѣхъ обязанностяхъ.

Въ политикѣ дѣло критики легче, чѣмъ въ общественномъ быту: соціальный вопросъ разрабатывался нѣсколько позже и медленнѣе. Однако феодализмъ не избѣгнулъ своей участи такъ же, какъ и цезаропапизмъ. Уже по смерти Людовика XIV одинъ маститый членъ парламента съ точностью прокурора сосчиталъ, что во Франціи „15 милліоновъ свидѣтелей противъ 300 лицъ, обогащающихся на ихъ погибель“. Паскаль и Ла-Брюйеръ гово-

рили, что „у вельможъ нѣтъ души“, что они состоятъ изъ однихъ корыстныхъ „вожделѣній“, и что нужно всѣмъ стать „народомъ“. Также думалъ кроткій аббатъ Сенъ-Пьеръ, который все хлопоталъ о вѣчномъ мирѣ и ввелъ слово „благотвореніе“, какъ переводъ знаменитой „филантропіи“, овладѣвавшей тогда сердцами. А его ученикъ, министръ д'Аржансонъ, писалъ: „Прилагается много заботъ о томъ, чтобы богачи стали еще богаче; но не думаютъ о равенствѣ, объ этомъ высшемъ благѣ государствъ, къ которому законы должны стремиться всѣми силами“.

Разумъ вмѣсто авторитета, природа вмѣсто преданій и условностей, права человѣка, святыня личности, свобода совѣсти, братское человѣколюбіе,—это ли не положительныя начала? И не они ли лежатъ въ основаніи всѣхъ знаменитыхъ „тетрадей“ (cahiers) или наказовъ, данныхъ Франціей своимъ депутатамъ въ 1789 году? А эти тетради пользуются уваженіемъ всѣхъ историковъ, какъ дѣльная программа реформъ. Такъ, протестъ, отрицаніе незамѣтно перешли въ положительный идеалъ новой жизни. Громадная армія борцовъ за него, при всемъ разнообразіи оттѣнковъ въ мысляхъ, шла подъ однимъ знаменемъ. Для всякаго были очевидны язвы старины и цѣлебныя средства. Отсюда священная формула—*свобода, равенство и братство*, которую мы читаемъ на всѣхъ трехцвѣтныхъ знаменахъ и офиціальныхъ бумагахъ революціи.

Эта упрощенная формула новаго человѣческаго бытія быстро проникла всюду. Ее понимали сердцемъ въ крестьянскихъ избахъ, выносившихъ на себѣ главное бремя стараго порядка. Она вызывала восторги интеллигенціи, благодаря талантливымъ, остроумнымъ книжкамъ и сценическимъ представленіямъ. Она раздавалась даже въ чертогахъ жантильомовъ и у подножія версальскаго престола, хотя бы какъ обязательная красивая мода, какъ забавное литературное явленіе. Наконецъ, она стала міровымъ университетомъ, благодаря главному труду лучшихъ умовъ — „Энциклопедіи“ (1751 — 1780), этому арсеналу торжествующаго новаго міровоззрѣнія по всѣмъ вопросамъ жизни и теоріи.

Но энциклопедисты съ ихъ „вольтерьянствомъ“ естественно не могли сразу проникнуть въ суть жизни. Они служили первому вопросу въ каждомъ дѣлѣ—опредѣленію его формы, болѣе внѣшнихъ сторонъ. Они-то особенно занимались критикой стараго порядка, и именно цезаропапизма. Оттого они и привели къ революціи; но ихъ вліяніе отражалось лишь на ея первыхъ шагахъ. Она, предвѣщанная ими, даже смутила ихъ. Энциклопедисты вскорѣ показались уже людьми покладистыми, готовыми на сдѣлки—оппортунистами. Имъ хотѣлось только подправить старый порядокъ съ помощью свободы и филантропіи. Въ „Le monde comme il va“ сытый Бабукъ, какъ и его авторъ, Вольтеръ, находилъ, что „хотя не все ладно, но все-таки сносно“. Орудуя однимъ умомъ, безъ сердца, энциклопедисты говорили только про политику, государство и личность. Для этого, думали они, достаточно переименовать деспотизмъ „произвольный“ въ „законный“ или замѣнить его словомъ „просвѣщенный абсолютизмъ“. Вольтеръ не слыхалъ, какъ Фридрихъ II сказалъ про него: „Я подержу его еще съ годъ: нужно выжать лимонъ—и выбросить корку“.

А гдѣ же „свѣтъ“ съ его исковерканной лжекультурой? Гдѣ массы, „народъ“, и проклятый вопросъ — „экономика“, т.-е. хозяйственныя нужды? Гдѣ эти нѣдра исторіи?

Экономисты говорили только о „богатствахъ“, объ ихъ производствѣ, требуя лишь полной свободы личности, которая пусть себѣ и „дѣйствуетъ“ во всю (laisser faire, laisser passer). Они забывали о „распредѣленіи богатствъ“,—о томъ, что „дѣйствовать“ могутъ лишь немногіе капиталисты. Тутъ Бабукомъ выходилъ буржуа, рабомъ котораго становился городской пролетарій: экономическая школа „физіократовъ“ думала только о мужичкѣ-земледѣльцѣ. А раздобрѣвшій фабрикантъ или купецъ тотчасъ заводили свой „свѣтъ“-кривляку, съ его дамочками въ „гюрлюберлю, фижмахъ и фалбалахъ“, съ жадными и развратными „соколками“ золотой молодежи, съ раздушенными „покойчиками“, съ той слащавой жеманностью, которая называлась въ живописи „magnardise“, въ зодчествѣ — „рококо“, а въ литературѣ—„marivaudage“.

Сущность жизни сохранилась прежняя: массы опять оставались за флагомъ. Слѣдовало говорить уже не о политической реформѣ, а о передѣлкѣ общества, начиная съ его внѣшняго быта, кончая его душой, его женщиной и дѣтьми. И явился пророкъ новой жизни — „геніальный чудакъ“, Жанъ-Жакъ Руссо, который умеръ, когда Наполеону было девять лѣтъ.

Этотъ „безсмертный мститель за человѣческую природу“, выражаясь словами Мирабо, раскрылъ тайну всѣхъ. Онъ расширилъ содержаніе жизни, добавивъ „разумъ“ энциклопедистовъ чувствомъ и фантазіей,—этими основами грядущаго романтизма. Онѣ привели его къ „исканію чего нѣтъ“, къ „жизни за правду“, къ „сладострастію грезъ“ о лучшемъ будущемъ: оттого онъ такъ неотразимо дѣйствовалъ на молодежь. Этотъ деревенскій „медвѣдь“ съ адской ненавистью отнесся къ лживому „свѣту“, къ исковерканному обществу привилегированныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ проклялъ и всю цивилизацію за ея пороки: его догматами стали нѣмая природа и созданный его мечтами идиллическій „дикарь“. „Новый Діогенъ“ воспиталъ въ себѣ, въ пустынности своего бытія, пламенную любовь ко всѣмъ обдѣленнымъ и слабымъ и „неугасимую ненависть къ притѣснителямъ бѣдныхъ людей“.

Этихъ-то нищихъ духомъ онъ поставилъ вѣнцомъ творенія: „самодержавіе народа“, дающаго власть правителямъ по „договору“, его полное равенство со всѣми, терпимость къ ближнему— вотъ что хотѣлъ поставить пророкъ на развалинахъ прогнившаго стараго строя. Самъ сынъ нищаго, мученикъ отчаянія, Руссо глубже всѣхъ захватывалъ болѣзнь вѣка, смѣлѣе всѣхъ выступалъ съ кореннымъ лѣченіемъ и жегъ сердца пламенной рѣчью трибуна, писалъ слезами и кровью. Оттого-то къ его, нерѣдко фантастическому, голосу прислушивались и львицы „свѣта“, и труженицы избъ. Въ среднихъ и низшихъ классахъ у Руссо было во сто разъ больше читателей, чѣмъ у Вольтера. И въ теченіе всей эпохи, да долго и послѣ, мы встрѣчаемся на каждомъ шагу съ „руссоизмомъ“, притомъ не только въ политикѣ, но также въ литературѣ, искусствѣ, въ нравахъ всего міра. Даже

въ русской дѣйствительности онъ возродился, передъ крушеніемъ „стараго порядка“, въ формѣ „толстовства“...

Невѣжда въ наукѣ, софистъ, „архи-дуракъ“ Вольтера, Руссо побѣдилъ разоблачавшихъ его ошибки энциклопедистовъ. Онъ, какъ пророкъ, чуялъ нужду настоящаго, а слѣдовательно прозрѣвалъ будущее: его желанія еще не всѣ исполнились до нашихъ дней. Его голосъ, повторяемъ, доносится къ намъ изъ Ясной Поляны. Какъ сынъ народа, вмѣщающій въ себѣ его скорбь, обиду и месть, Руссо отразился въ заревѣ революціи, когда выступила черноземная сила массъ, — будущій „четвертый чинъ“.

До тѣхъ же поръ престолъ занималъ Вольтеръ, отецъ жирондистовъ, конституціонализма и либерализма XIX вѣка. Подъ напѣвъ Бабука „старый порядокъ“ надѣялся опять обмануть народъ, сдѣлавши, для отвода глазъ, маленькую уступку противному „духу нововведеній“: 5-го мая 1789 г. были собраны старые, невинные, „генеральные штаты“ или государственные чины,—мы сказали бы теперь „Государственная Дума“.

Но въ старые мѣха влилось новое вино. Генеральные штаты тотчасъ же сами переименовали себя въ „національное собраніе“, а потомъ—въ „конститюанту“, т.-е. въ учрежденіе для начертанія конституціи или новаго государственнаго уложенія. Это значило, что нація пріобрѣла настоящее представительство, а слѣдовательно власть переходила отъ привилегированныхъ и бюрократіи или чиновничества къ третьему чину.

Дѣйствительно, въ конститюантѣ прежде всего убрали трупъ феодализма, уже исчезавшаго въ жизни: въ „божественную ночь“ 4-го августа были законно отмѣнены права привилегированныхъ. Возникло равенство передъ закономъ: по примѣру Америки, всѣ французы стали называться „гражданами“ (citoyens). Вскорѣ появилась и *первая конституція* временъ революціи (1791). Она учреждала парламентскую монархію, съ выборнымъ провинціальнымъ управленіемъ и съ судами нашего времени. Выборы были введены даже въ офицерство и въ духовенство. Послѣднее стало также „гражданскимъ“ и, какъ все чиновничество, присягало

конституціи; церковныя имущества сдѣлались „національнымъ достояніемъ“ и были пущены въ продажу, а подъ ихъ залогъ были выпущены „ассигнаты“, или кредитныя бумажки.

V. Родина и якобинство. 1789—1792.

Поручикъ-смутьянъ и Паоли. — Опять гарнизонъ.—Французскій капитанъ и корсиканскій подполковникъ.—За штатомъ.

Семья не узнала своего Набуліоне. Въ прежніе пріѣзды онъ важничалъ новомодной философіей, туманными гипотезами и фантастическими прожектами,—къ великой досадѣ Летиціи: разсудительная матрона видѣла, что съ такимъ багажомъ ея Провидѣніе останется плохимъ служакой и неудачнымъ попрошайкой у правительства. Революція встряхнула силы поручика и дала имъ выходъ: передъ нами уже осторожный практикъ, смѣло и ловко хватающійся за жизненные опыты.

Началась самая замысловатая и характерная пора въ жизни Буонапарте, но наиболѣе темная: онъ всячески самъ заметалъ ея слѣды и желалъ, чтобы его біографы начинали прямо съ тулонскаго подвига, хотя для нихъ важны именно эти 6 лѣтъ (1789—1795), когда закалялись основныя черты „великаго человѣка“. То былъ разгаръ революціонной бури, которая ломала, какъ былинку, жизнь даже опытныхъ людей, метавшихся, словно угорѣлые, изъ стороны въ сторону. А нашъ юный поручикъ оказался искуснымъ кормчимъ, который блистательно провелъ свой утлый челнъ между Сциллой и Харибдой. Тутъ-то онъ обнаружилъ и дерзкую самоувѣренность, и безшабашную отвагу, и неразборчивость въ средствахъ, и макіавелистическое лукавство.

Буонопарте говорилъ тогда въ своей семьѣ: „Кто не согласился бы съ радостью умереть подъ ударами кинжаловъ, лишь бы сыграть роль Цезаря? Одинъ лучъ славы, выпавшій на долю великаго человѣка, былъ бы достаточнымъ вознагражденіемъ за насильственную смерть“. А своимъ политическимъ товари-

щамъ онъ проповѣдывалъ: „Законъ подобенъ статуямъ боговъ, которыя иногда приходится окутывать завѣсой“. Онъ не скрывалъ предъ ними своего презрѣнія къ „обабившимся трусамъ, прозябающимъ въ сладкомъ рабствѣ“, и хвастался, что желаетъ „прославиться среди своихъ“.

Словомъ, Буонапарте, подобно Цезарю, рѣшилъ, что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ послѣднимъ въ городѣ: онъ задумалъ овладѣть Корсикой, что̀ устроило бы и его семью, которая лежала у него на сердцѣ. Но чувствуя подъ ногами вулканическое сотрясеніе революціи, онъ не хотѣлъ разрывать и съ ненавистной поработительницей своего отечества.

Отсюда двойная игра.

Конечно, дѣло не выгорѣло бы, если бы не всеобщая анархія; но должно отдать справедливость и той тонкой казуистикѣ, съ которою велъ его дерзкій поручикъ. Благодаря ловкимъ прошеніямъ, гдѣ большую роль играли лихорадка, желудочныя боли и семья, онъ изъ 6-лѣтней службы въ IV полку большую часть времени провелъ въ отлучкахъ, и отчасти безъ разрѣшенія начальства. Подконецъ онъ вышелъ сухимъ изъ воды, когда уже совсѣмъ завязъ-было въ тинѣ: когда истекъ срокъ отпуска, и начальство потребовало его, онъ перешелъ въ національную гвардію Корсики. При этомъ смѣльчакъ ухитрился не только остаться французскимъ офицеромъ, но и получить жалованье за время своего дезертирства.

Въ первый свой пріѣздъ Буонопарте пробылъ на родинѣ 1 годъ и 2 мѣсяца, теперь — 1 годъ и 4 мѣсяца (съ октября 1789). Тогда онъ ничего не сдѣлалъ, теперь достигъ лишь мимолетныхъ успѣховъ. Но они обнаружили рѣдкую энергію и изворотливость со стороны юноши безъ денегъ и связей, за которымъ было одно только преимущество—единственнаго корсиканца съ высшимъ военнымъ образованіемъ.

Маленькая Корсика задала неопытному честолюбцу большую задачу. Она больше походила на хаосъ, чѣмъ сама Франція. Конечно, и здѣсь возникли свои консерваторы, либералы и радикалы: къ первымъ принадлежала горсть дворянъ и духовенство,

ко вторымъ — буржуазія прибрежныхъ городовъ, къ третьимъ — масса, особенно въ горахъ. Но дѣло осложнялось тѣмъ, что консервативное меньшинство мирилось съ чужеземнымъ игомъ, остальные же стремились къ независимости Корсики и назывались *патріотами* и *паолистами*. Сверхъ того, кипѣла старая вражда между родами, которая спутывала партіи. Наконецъ, революція разнуздывала страсти, особенно среди такихъ пылкихъ и рѣшительныхъ головъ, какъ корсиканскіе юноши. Такъ, на дорогѣ Наполеона вдругъ сталъ его пріятель, который съ тѣхъ поръ жилъ местью Бонапартамъ: то былъ Поццо ди-Борго, который превосходилъ Наполеона и силой своего клана, и талантомъ интригана.

Наполеонъ прибылъ домой на готовую бурю. Конституанта только-что объявила Корсику „французскимъ департаментомъ“,— и патріоты злобно поглядывали на свою Бастилію на цитадель въ Аяччьо. Тотчасъ заварилась каша. „Неутомимая дѣятельность Буонапарте привела все въ движенье, наэлектризовала весь Аяччьо“ говоритъ очевидецъ. Наполеонъ сговорился со своимъ пріятелемъ Поццо и съ братомъ Жозефомъ, который признавался потомъ, что „находился въ томъ возрастѣ, когда глубоко чувствуешь то, что считаешь справедливымъ“. И всюду появились трехцвѣтныя кокарды, злые памфлеты противъ „тиранiи“, клубы паолистовъ, — все истинные очаги радикализма.

Въ этихъ-то клубахъ впервые раздалась краткая, рѣзкая, безсвязная рѣчь Наполеона, дышавшая ненавистью къ французамъ и якобинствомъ. Тогда же онъ научился вліять на массы, болтая по избамъ и раздавая деньги,—вѣроятно, клубскія. Наконецъ, была составлена петиція или челобитная въ конституанту, которую первый подписалъ французскій „артиллерійскій офицеръ“. Здѣсь Наполеонъ не пощадилъ французскихъ правителей, которые „унижали и пожирали“ островитянъ. Онъ требовалъ для корсиканцевъ „возстановленія правъ, дарованныхъ всѣмъ природой“. Петиція настаивала на учрежденіи самоправленія, подъ именемъ „національнаго комитета“, и на введеніи милиціи. Мысль о милиціи привезъ съ собой Буонапарте: онъ уже видѣлъ зарожденіе націо-

нальной гвардіи во Франціи и рѣшилъ подыматься съ помощью штыковъ. Петиція кончалась требованіемъ амнистіи для Паоли и бѣжавшихъ съ нимъ.

Конституанта осыпала корсиканцевъ привѣтствіями и похвалами; а тѣ пришли въ неистовый восторгъ отъ сліянія съ великою свободною націей. Буонапарте больше всѣхъ кричалъ: „Да здравствуетъ нація, Мирабо, Паоли!“ Онъ восклицалъ про Францію: „О, просвѣщенная, великодушная нація! Ты раскрыла намъ свою грудь: отнынѣ у насъ одни интересы и заботы съ тобой! Исчезло раздѣляющее насъ море!“ И „Письма о Корсикѣ“ были заброшены. Въ то же время Наполеонъ устроилъ горячій адресъ „великому человѣку“ и овацiи, когда Паоли прибылъ изъ Лондона, въ іюлѣ 1790 г. Онъ гордо шелъ подлѣ „отца отечества“, стараясь заговаривать съ нимъ.

Бонапарты прослыли тогда „бѣшеными“ паолистами и французами. Паоли также приласкалъ ихъ, вспомнивая дружбу покойнаго Карло. Онъ сказалъ нашему юношѣ: „Наполеонъ, у тебя нѣтъ ничего нынѣшняго; ты не нашего вѣка; у тебя чувства героя Плутарха. Мужайся! Ты взлетишь высоко“. Паоли называлъ имя француза „благороднѣйшимъ званіемъ“. Старикъ уже не мечталъ о независимости Корсики: онъ думалъ только о реформахъ въ духѣ конституанты. Онъ былъ радъ, что конституанта разрѣшила корсиканцамъ выбрать самимъ „директорію“ (правленіе) и завести національную гвардію.

Но въ директорію не попалъ никто изъ Бонапартовъ. Самъ Наполеонъ не могъ взять въ толкъ, что ему не давали никакихъ мѣстъ уже по его молодости. И онъ опять „все мутилъ“,—доносили въ Парижъ. Ревизоръ конституанты назвалъ даже всю эту шайку „самыми презрѣнными людьми и фанатиками, лишенными честнаго имени и всякаго довѣрія“. Наполеонъ всюду вмѣшивался; втирался въ собранія и ораторствовалъ, не имѣя никакого права; исподтишка возбуждалъ бунты, выставляя другихъ впередъ. Въ муниципалитетѣ Аяччьо онъ орудовалъ черезъ попавшаго туда Жозефа. Въ клубѣ патріотовъ онъ былъ душой: „при трудномъ вопросѣ, — говоритъ очевидецъ, — всѣ взоры искали въ залѣ

гражданина-лейтенанта, который одним словомъ разсѣивалъ сомнѣнія". Буонапарте обучалъ молодежь стрѣлять и воодушевлялъ ее пылкими словами о свободѣ и отечествѣ. Одинъ крестьянскій парень говоритъ: „Наполеонъ столько бумаги черкалъ, рвалъ, жегъ, что ея не хватало въ деревнѣ. Это былъ, конечно, талантливый и ученый человѣкъ; но такіе люди обыкновенно — сумасшедшіе".

Лейтенантъ-неудачникъ все хаялъ. Онъ представлялъ даже Паоли человѣкомъ устарѣвшимъ, отсталымъ. Всѣ жители Аяччьо у него—„злыдни и глупцы". Но больше всего воевалъ онъ „съ низкими поклонниками аристократіи" да съ духовенствомъ. Онъ послалъ въ конституанту характерный доносъ на корсиканскаго депутата знати Буттафоко: онъ полонъ злости, клеветъ, риторическихъ преувеличеній. И опять пошли проклятія французамъ, „поработителямъ родины", во имя „предтечь свободы". Наполеонъ снова взялся за „Письма о Корсикѣ". Въ уединенномъ гротѣ измыслилъ онъ еще трактатъ „О человѣческомъ счастьѣ", надѣясь, подобно Руссо, получить премію отъ ліонской академіи. Это — опять Рэналь, подъ другимъ соусомъ; но брошюрка была написана такъ безсвязно, риторично, съ такими орографическими ошибками, что академія даже не удостоила автора отвѣтомъ.

Наполеону оставалось властвовать въ семьѣ, которая была почти вся въ сборѣ. „Съ нимъ не спорили,—говоритъ Люсьенъ,— онъ сердился при малѣйшемъ замѣчаніи и выходилъ изъ себя при малѣйшемъ сопротивленіи". Наполеонъ обратилъ свой домъ не-то въ казарму, не-то въ монастырь: каждый часъ у всякаго былъ строго распредѣленъ. Наконецъ истекъ срокъ и новому отпуску. Въ февралѣ 1791 года лейтенантъ IV полка возвратился въ свой гарнизонъ, въ Оссонъ. Эмиграція такъ уменьшила тогда офицерство во Франціи, что ему не только простили все, но еще сдѣлали его первымъ лейтенантомъ, съ 1.300 фр. жалованья.

Прежняя нищета, прежняя возня съ Люп, который опять сидѣлъ на его шеѣ, готовясь къ офицерскому экзамену, да заботы о семьѣ, гдѣ одинъ только Жозефъ имѣлъ скудный заработокъ въ

муниципалитетѣ. Въ казармѣ лейтенанту принадлежала одна только комната, съ дрожащей кроватью, столикомъ и двумя стульями. Былъ еще чуланчикъ, гдѣ на скамейкѣ спалъ братишка, котораго офицеръ обучалъ математикѣ и иногда угощалъ пощечинами. Впослѣдствіи Наполеонъ такъ описывалъ ту пору:

„Я не ходилъ въ кофейню, не посѣщалъ общества, ѣлъ сухой хлѣбъ, самъ чистилъ платье, чтобы оно дольше прослужило. Чтобы не выдѣляться отъ товарищей, я жилъ медвѣдемъ, вѣчно одинъ въ моей комнаткѣ, съ моими книгами, которыя были тогда моими единственными друзьями. И цѣною какой суровой бережливости относительно самаго необходимаго покупалъ я себѣ это удовольствіе! Сбережешь, бывало, франковъ пять—и съ дѣтской радостью направляешься въ книжную лавку; и съ завистью долго разсматриваешь полки, пока карманъ позволитъ тебѣ купить что-нибудь“.

Пришлось даже задолжать 100 фр. портному и за шпагу. Бѣдняга работалъ по 16 ч. въ сутки, надѣясь опять добыть копейку перемъ. Тогда-то былъ написанъ „Разговоръ о любви“, а также „Разсужденіе объ естественномъ состояніи“.

Четыре мѣсяца спустя (іюнь 1791) Буонапарте былъ опять переведенъ въ Валансъ. Раскрылись старыя раны. Нищета еще болѣе нагло взглянула въ глаза юноши: жалованье стали платить неаккуратно, да и то ассигнатами, которые быстро падали въ цѣнѣ. А кругомъ — волненія, разжигавшія нетерпѣніе честолюбца. Вслѣдствіе попытки короля бѣжать къ врагамъ Франціи радикализмъ надвигался всюду девятымъ валомъ. Конституанта велѣла всѣмъ присягать конституціи. Долина Роны становилась очагомъ якобинства. „Эта страна полна рвенія и огня, — писалъ Наполеонъ: — она послала петицію о судѣ надъ королемъ“. Здѣсь какъ грибы росли отдѣленія парижскаго клуба якобинцевъ.

Въ Валансѣ образовалось общество друзей конституціи, душой котораго сталъ Буонапарте. Онъ сближался съ мѣщанами да съ крестьянами, приглядываясь къ зачаткамъ „федераціи въ пользу революціи“. Онъ осуждалъ эмиграцію, которая овладѣвала и его товарищами, чуть не бросившими его въ воду. „Южная кровь

струится въ моихъ жилахъ столь же быстро, какъ Рона!“—воскликалъ онъ, и сталъ открыто за республику, когда и въ Парижѣ о ней заговаривали лишь немногіе. По его мнѣнію, роялисты „полагаютъ много усилій на поддержку сквернаго дѣла и ничего не могутъ доказать“. Онъ публично пилъ за здоровье якобинцевъ и негодовалъ на монарховъ, поднимавшихся уже противъ Франціи: „Напрасно они воображаютъ, что патріоты склонятъ головы передъ деспотомъ въ митрѣ, передъ факиромъ въ монастырѣ, въ особенности же передъ разбойникомъ съ пергаментами“.

Взглядъ Буонапарте ясенъ изъ всѣхъ выписокъ и замѣчаній на книгахъ, которыя онъ опять поглощалъ во множествѣ, стараясь въ особенности „завоевать исторію“. Но лучше всего онъ выразился въ „Ліонской рѣчи“, которая показываетъ также, что лейтенантъ уже относился критически къ своимъ учителямъ и выбирался на собственный путь. Это—сочиненіе, по обыкновенію, несвязное, риторическое, переполненное всевозможными мыслями. Но тутъ весь *тогдашній* Наполеонъ.

Это — пылкій революціонеръ, республиканецъ, и все еще корсиканецъ, Руссо и Рэналь вмѣстѣ, заклятый врагъ привилегированныхъ и особенно перваго чина. „Гдѣ короли, тамъ нѣтъ людей: тамъ только рабъ-угнетатель—существо болѣе низкое, чѣмъ рабъ-угнетенный. Конечно, всѣ тираны будутъ въ аду, но туда же попадутъ и ихъ рабы: послѣ угнетенія націи самое большое преступленіе — терпѣть это угнетеніе“. Авторъ „Рѣчи“ даже признаетъ равенство, хотя и не безусловное. „Законъ долженъ каждому обезпечить извѣстную собственность. Долой неравный раздѣлъ имуществъ, долой такой варварскій законъ, какъ право первородства! Не должно быть ни богатыхъ, ни нищихъ. Пусть самый малый человѣкъ имѣетъ что-нибудь!“ Отчего бы не сдѣлать такъ, какъ Паоли на Корсикѣ, который чрезъ каждые три года дѣлилъ „piagge“ (берега) между обитателями? Авторъ превозноситъ Брута, Катона, въ особенности же спартанцевъ за ихъ мужество; слова „сила“, „энергія“ у него на каждой страницѣ.

Любопытно, что онъ проклинаетъ недостатки, которыми отличался историческій Наполеонъ,—воображеніе, страстность, въ осо-

бенности же честолюбіе. Въ его глазахъ Александръ Македонскій, Карлъ V, Филиппъ II, Кромвель, Ришельё, Людовикъ XIV,— истинные бичи человѣчества. А геніи? „Несчастный! Я сожалѣю его: онъ вызоветъ обожаніе и зависть у своихъ ближнихъ, но будетъ жалче всѣхъ. Равновѣсіе нарушено: онъ будетъ несчастнымъ. О, огонь геніальности! Но не будемъ тревожиться: онъ такъ рѣдокъ! Геніальные люди — метеоры, которые вспыхиваютъ, чтобы озарять свой вѣкъ!“

Но, вотъ, Европа подымается противъ революціи; барабаны бьютъ. Конституанта требуетъ набрать батальоны добровольцевъ. Наполеонъ опять выхлопоталъ отпускъ, забралъ до 300 фр. жалованья впередъ—и въ третій разъ укатилъ на родину, въ сентябрѣ 1791 года.

На Корсикѣ опять пошли интриги, волненія—пуще прежняго. Наполеонъ сказалъ тогда: „Лучше не браться за дѣло, чѣмъ дѣлать на половину“. Онъ сталъ настоящимъ главой семьи по смерти дѣда, оставившаго небольшую сумму; старшіе, дядя Фэшъ и Жозефъ, совсѣмъ стушевались. Затѣмъ лейтенантъ затѣялъ сдѣлаться начальникомъ національной гвардіи. Должность была выборная. Наполеонъ обходилъ добровольцевъ ложью, клеветой, обольстительными словами; они ѣли и спали у него по комнатамъ и на лѣстницахъ, къ ужасу Летиціи, видѣвшей исчезновеніе наслѣдства дѣда. Буонапарте запугалъ одного соперника и вызвалъ его на дуэль (онъ былъ изъ первыхъ фехтовальщиковъ въ Брієннѣ); его якобинцы плѣнили другого и побили третьяго—друга, Поццо ди-Борго. Такъ явился „предтеча великихъ государственныхъ ударовъ“ (coups d'Etat), по словамъ современника: Наполеонъ сталъ въ одно и то же время французскимъ лейтенантомъ и корсиканскимъ подполковникомъ.

Буонапарте получилъ въ руки войско, и отъ „новаго Агамемнона“,—говоритъ очевидецъ,—житья не стало. Онъ выгналъ капуциновъ, какъ „неприсяжныхъ“ конституціи, и чуть не захватилъ цитадели въ Аяччьо. Для этого онъ три дня велъ войну съ своимъ роднымъ городомъ, который стоялъ за „лицемѣровъ“, поднимая противъ него горцевъ. И онъ же называлъ жителей Аяччьо

„людоѣдами“, сваливалъ на нихъ всю вину и доказывалъ, что „при такомъ страшномъ кризисѣ необходимы энергія и смѣлость“.

То было первое въ жизни Наполеона командованіе войсками, и среди междоусобія. Молодой офицеръ показалъ, какъ на дѣлѣ онъ былъ далекъ отъ идилліи своихъ писаній. Онъ убивалъ граждапъ и женщинъ, вымаривалъ городъ голодомъ; какъ опьяненный, командиръ пускалъ въ ходъ все, что попадалось подъ руку. Рядомъ—какая безустанность, смѣлость, изворотливость, смѣсь насилія съ хитростью, умѣнье справляться съ неопытною и незнавшею дисциплины шайкой волонтеровъ и крестьянъ!

Жители Аяччьо жаловались на него, какъ на „клеветника“ и разбойника. Корсиканскіе депутаты въ Парижѣ называли его „кровожадпымъ тигромъ“. Самъ Паоли посовѣтовалъ ему съѣздить въ Парижъ и снабдилъ его деньгами и хорошими аттестаціями. И было пора убираться. Буонапарте опять просрочилъ; и его вычеркнули изъ списковъ французской арміи.

VI. Конецъ корсиканства. 1792—1793.

Опять на службѣ.— Еще разъ Корсика.— Гибель „батюшки“.— Вѣчное проклятіе.—Бѣгство съ родины.

Въ маѣ 1792 года явился въ Парижъ нашъ 23-лѣтній подполковникъ. Онъ былъ наверху несчастья. Въ карманѣ—пи гроша, карьера разбита. Передъ нами дезертиръ Франціи, интриганъ и смутьянъ Корсики; самъ министръ призналъ его поведеніе „крайне предосудительнымъ“. Но онъ пріѣхалъ съ двумя сокровищами въ душѣ, всемогущими въ смутное время. Его осѣняла надежда, которую онъ назвалъ тогда „факаломъ противъ ударовъ судьбы“: она была плодомъ сознанія таланта и опыта, внушеннаго ему послѣдними подвигами на родинѣ. А главное, въ Наполеонѣ проснулась страшная сила—его дьявольское честолюбіе. Братъ Люсьенъ писалъ тогда: „Я замѣтилъ въ немъ честолюбіе, не вполнѣ эгоистическое, но превосходящее его любовь къ общему благу. Та-

кой человѣкъ, думается мнѣ, опасенъ въ свободномъ государствѣ. Мнѣ кажется, онъ очень склоненъ къ тиранству; и онъ овладѣетъ имъ, если только сдѣлается королемъ. Его имя станетъ ужасомъ потомства и чувствительныхъ патріотовъ“.

Революція-миніатюра на Корсикѣ дала Наполеону полезные уроки. Онъ видѣлъ на примѣрѣ своихъ соперниковъ, какъ нужно не только дерзать, но и лукавить. Впечатлительный, рѣшительный юноша вдругъ бросаетъ свою откровенность, становится сдержаннымъ, какъ опытный дипломатъ: тогда же онъ изучилъ книгу Макіавеля. Навѣщая свою сестру, Элизу, въ аристократическомъ сен-сирскомъ институтѣ, онъ самъ корчилъ барина, „притворяясь съ этими дамами“. Люсьенъ опять пророчилъ: „Вижу, что въ случаѣ революціи онъ постарается держаться на уровнѣ и для своего счастья даже перевернуться (volter casaque)“. Тогда у Наполеона проявилась страсть читать чужія письма, которою потомъ такъ хорошо пользовались многіе, въ особенности же Жозефина.

Еще важнѣе былъ другой урокъ. Вѣдь, корсиканская Бастилія не была взята только потому, что между товарищами не было ладу, а добровольцы не знали дисциплины. Отсюда — ненависть къ анархіи: безпощадная власть становится кумиромъ. Буонапарте еще революціонеръ въ душѣ. Но онъ уже презираетъ даже своихъ пріятелей, парижскихъ якобинцевъ, какъ смутьяновъ и болтуновъ: это — „дураки, лишенные здраваго смысла“. Наполеонъ зорко слѣдилъ за событіями, стараясь „схватить нить столькихъ различныхъ плановъ“, и проницательно предсказывалъ ходъ революціи. Онъ уже понялъ „интригана“ Дюмурье и многихъ „жалкихъ людей“, стоявшихъ во главѣ.

По мѣрѣ того, какъ событія принимали „прямо революціонный оборотъ“, Буонапарте становится „фейетистомъ“, конституціоналистомъ. Онъ видѣлъ уже спасеніе только въ Лафайетѣ, какъ главѣ „честныхъ людей“ (honnêtes gens), въ борьбѣ съ „чернью“ (populace). Въ его глазахъ 20 іюня 1792 года, когда въ парламентѣ и Тюльери произошло извѣстное „оскверненіе власти“, было „очень опаснымъ примѣромъ“. Подполковникъ хо-

лодно смотрѣлъ тогда на толпу изъ окна; а когда онъ вышелъ на улицу, съ своимъ презрительнымъ видомъ, „чернь“ чуть не побила этого „мосье“. А про 10-е августа, когда престолъ рухнулъ среди крови тѣлохранителей короля, Наполеонъ говорилъ потомъ: „Я чувствовалъ, что если бы позвали меня, я защищалъ бы короля. Я былъ противъ тѣхъ, которые хотѣли создать республику посредствомъ черни. Сверхъ того, я видѣлъ, какъ штатскіе нападали на людей въ мундирахъ. Это непріятно затронуло меня (cela me choquat)“.

Недавно Буонапарте говорилъ товарищу, что „революція—хорошее дѣло для военныхъ, одаренныхъ умомъ и мужествомъ“. А, вотъ, теперь могучія событія неслись мимо него бѣшенымъ потокомъ; онъ же, бѣдняга, напрасно околачивалъ пороги министровъ, ища какого-нибудь мѣстечка. Онъ заложилъ даже часы, питался порціей въ 6 су и собирался, вмѣстѣ съ бріенскимъ товарищемъ, Бурьеномъ, превратиться въ съемщика квартиръ. Онъ старался заморить червяка честолюбія. „Умѣряйте себя во всемъ, если желаете жить счастливо“ писалъ философъ въ мундирѣ Люсьену. Самъ онъ мечталъ о 4--5 тысячахъ франковъ доходу, чтобы наслаждаться семейными радостями. „Народы не заслуживаютъ столькихъ стараній снискать ихъ любовь“. Во всякомъ случаѣ французы недостойны этого: „Въ Парижѣ—народъ самый ничтожный, злой; все клеветники да насмѣшники. Всякій заботится лишь о собственныхъ выгодахъ; никогда низкая интрига не процвѣтала до такой степени“.

Одна надежда—милая Корсика. „Все это кончится ея независимостью“, и великій Паоли „станетъ всѣмъ“. Буонапарте все писалъ домой, требуя новостей. Онъ посѣщалъ проживавшихъ въ Парижѣ соотечественниковъ и привязался къ Пермонамъ потому, что „мадамъ любила принимать корсиканцевъ“. Какъ бы опять попасть домой! Кстати, въ такое время тамъ умному и мужественному военному легче всего можно было стать королемъ Ѳедоромъ.

Эта, счастливая для честолюбцевъ, пора опять спасла нашего неудачника. Наполеонъ пріѣхалъ въ Парижъ мѣсяцъ спустя

послѣ того, какъ законодательное собраніе, смѣнившее конституанту, объявило войну Австріи. Она началась неудачами, въ которыхъ Буонапарте обвинялъ полководцевъ. Ничего не было готово. Неопытные новобранцы разбѣгались при первыхъ выстрѣлахъ. Офицеры-жантильомы присоединились къ цѣлой арміи „эмигрантовъ“. Тутъ были и всѣ школьные товарищи Наполеона. И вотъ, нашъ лейтенантъ опять въ IV полку, да еще съ чиномъ капитана, съ 1.660 фр. содержанія и съ зачетомъ всего прошлаго, что̀ доставило ему разомъ болѣе 1.000 фр. Сверхъ того, онъ продолжалъ числиться подполковникомъ добровольцевъ на Корсикѣ, за что также получалъ 4 фр. 10 су въ день.

Правда, вскорѣ пришлось отказаться отъ этой благодати. Корсиканскій кланъ былъ въ восторгѣ отъ того, что его главарь наконецъ „основался“ во Франціи. Начальство торопило отъѣздомъ: IV полкъ уже находился „въ разгарѣ дѣятельности“. Но Буонапарте не спѣшилъ въ огонь за новое отечество: въ его головѣ все еще сидѣла гвоздемъ Корсика. Событія подстрекали дерзость. Свершилось 10-е августа: королевская власть была „временно пріостановлена“; законодательное собраніе уступило мѣсто конвенту. „Событія летятъ!—писалъ Наполеонъ дядѣ.—Пусть наши враги лаются; ваши племянники сумѣютъ пробиться“.

Набуліоне затѣялъ перевестись въ морскую артиллерію, выставляя такія права: „признанныя“ знанія по своей части, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ; поручаемыя ему „особыя работы, требовавшія наиболѣе разсудительности и проницательности“; наилучшія аттестаціи изъ Корсики насчетъ его „цивизма“, т.-е. революціонной благонамѣренности; наконецъ, необходимость „возвратить его къ любимымъ занятіямъ“. А главное—капитанъ надѣялся попасть съ флотомъ на Корсику, и возстановить тамъ свое званіе подполковника.

Революція опять помогла, давши отличный поводъ хлопотать о новомъ отпускѣ. Она закрыла монастыри, а съ ними и Сен-Сиръ: нельзя же было сестрѣ, барышнѣ Элизѣ, ѣхать одной домой!

Наполеонъ пережилъ гдѣ-то ужасную сентябрьскую бойню „подозрительныхъ“, о которой всегда хранилъ упорное молчаніе.

Онъ выѣхалъ въ половинѣ этого мѣсяца со спутницей, про которую Жозефъ писалъ: „Изъ трехъ нашихъ сестеръ Элиза больше всѣхъ походила на Наполеона и физически, и нравственно“.

Появившись въ четвертый разъ на Корсикѣ, Буонапарте принялся за прежнее съ удвоенной энергіей. Передъ нами опять искатель приключеній, но съ небывалой самоувѣренностью. Теперь въ его домѣ уже танцовали каждый вечеръ: семья впервые вся была въ сборѣ; ее оживляли подросшія сестры,—красивыя, живыя, смѣлыя созданія. Если Летиція не переставала плакаться на бѣдность, при такомъ большомъ гнѣздѣ, глава семьи утѣшалъ ее: „Отправлюсь въ Индію — и черезъ нѣсколько лѣтъ возвращусь набобомъ, привезу хорошее приданое всѣмъ сестрамъ. Вѣдь, англичане хорошо платятъ! Нето можно воевать и противъ нихъ, устроивъ артиллерію индусамъ“,

А пока передъ нами опять самозванный „подполковникъ“, но съ повелительнымъ тономъ, съ горделивыми манерами. Это — словно посланецъ парижскаго якобинства, которое именно тогда овладѣло Франціей подъ видомъ *конвента*, казнило короля (21 января 1793), провозгласило *республику* и уже начало побѣждать Европу. Онъ тоже думалъ уничтожить „тирановъ“ въ своемъ углу. Корсиканскіе якобинцы бросились отнимать о. Сардинію у Савойскаго дома. Наполеонъ никогда не упоминалъ объ этой жалкой экспедиціи: онъ оставилъ свои пушки сардинцамъ; собственные моряки чуть не убили его.

Возвратившись послѣ пораженія, Буонапарте взялся опять за интриги. Теперь онъ началъ воевать съ самимъ „батюшкой“ (babbo) Корсики. Тогда конвентъ объявилъ войну и англичанамъ. Паоли не могъ выступить противъ пріютившей его „великодушной, свободной“ націи, которая притомъ вызвала въ немъ восторгъ своей конституціей. Онъ не терпѣлъ республиканцевъ и французовъ. А Наполеонъ покончилъ съ патріотизмомъ своей юности. Онъ уже называлъ Францію „матерью-отечествомъ“, а ея якобинцевъ — „нашими“. Онъ увѣрялъ всѣхъ, что „Корсика можетъ существовать лишь въ единеніи съ Франціей“. Наконецъ, онъ прямо стакнулся съ комиссарами конвента, присланными

надзирать за старымъ „конституціоналистомъ“: они сдѣлали его инспекторомъ артиллеріи на Корсикѣ. Наполеонъ уже собирался, съ ихъ согласія и съ помощью подкупа, опять овладѣть цитаделью въ Аяччьо; но вышла такая же жалкая исторія, какъ „сардинская экспедиція“.

Мало того. Настало полное банкротство того клана, который былъ „созданъ для низкой интриги“, какъ говорили корсиканцы. Паоли, который припоминалъ дружбу Карло съ Марбёфомъ, давно уже не довѣрялъ Бонапартамъ. Подвиги „юноши съ желтымъ носомъ“ раздражали его. Онъ уже говорилъ, что „въ немъ сидятъ два Марія и одинъ Сулла“. Поццо ди-Борго, ставшій правою рукой старика, разжигалъ вражду. Вдругъ узнаютъ, что исчезнувшій Люсьенъ очутился въ Тулонѣ и тамъ въ якобинскомъ клубѣ открыто сдѣлалъ на Паоли самый гнусный доносъ, который былъ тотчасъ же отправленъ въ конвентъ. Тогда же стало извѣстно, что конвентъ изготовилъ приказъ объ арестованіи великаго патріота.

Корсиканцы поднялись за своего „батюшку“, какъ одинъ человѣкъ. Главный клубъ патріотовъ въ Аяччьо „извергъ изъ своихъ нѣдръ этихъ недостойныхъ сыновъ, которые были разрушительною болѣзнью и всегда старались расточать кровь и деньги народа на позоръ и преступленія“. Національный совѣтъ острова объявилъ эту шайку „отъявленными врагами свободы, жадными честолюбцами, готовыми продаться кому угодно за горсть золота или за хорошее мѣстечко“. Онъ гордо постановилъ: „Принимая во вниманіе, что корсиканскому народу непристойно заниматься фамиліей Буонапартовъ, мы предоставляемъ ихъ угрызеніямъ собственной совѣсти и суду общественнаго мнѣнія, которое уже приговорило ихъ къ вѣчному проклятію и безславію“.

Самъ народъ менѣе милостивъ. Разъяренная толпа разрушила гнѣздо клана, съ его пожитками и виноградниками. Друзья Буонапартовъ были одни брошены въ тюрьму, другіе изгнаны. Самъ Наполеонъ бѣжалъ, частью пѣшкомъ, частью на какомъ-то одрѣ, но былъ изловленъ. Ночью ему удалось выскочить изъ окна и скрыться у одного пріятеля. Тамъ онъ провелъ двое сутокъ въ

какой-то пещерѣ; онъ болталъ, читалъ своего Роллена, отлично спалъ. Въ то же время Летиція со всѣмъ гнѣздомъ пробиралась по ночамъ къ берегу, скрываясь въ кустарникахъ, поочередно съ дѣтьми садясь на единственнаго коня. Кланъ соединился на французской эскадрѣ, которая отплыла въ Тулонъ въ іюнѣ 1793 года.

Но наканунѣ Буонапарте пустилъ корсиканскую стрѣлу въ „европейскаго Вашингтона“: онъ послалъ въ конвентъ доносъ на „друга англичанъ и аристократовъ“. Ехидная бумага восклицала патетически: „Вотъ сколько вѣроломства вмѣщается въ груди человѣка! И какое роковое честолюбіе ослѣпляетъ этого 68-лѣтняго старца! У Паоли доброта и нѣжность на лицѣ, а въ сердцѣ—ненависть и месть. Въ его глазахъ масляное чувство, а въ душѣ—желчь!“ Конечно досталось „продажному слугѣ“ батюшки, Поццо. Конвентъ изрекъ опалу обоимъ „измѣнникамъ французской республики“.

Паоли снова предался англичанамъ. Но они назначили вице-королемъ Корсики своего сэра Элліота, которымъ овладѣлъ ловкій Поццо ди-Борго. Теперь батюшка и въ глазахъ британцевъ сталъ „бунтовщикомъ и старой змѣей“. Паоли опять удалился въ Лондонъ. До самой своей смерти (1807) онъ съ любовью слѣдилъ за полетомъ корсиканскаго орла, называя его „нашимъ патріотомъ, нашимъ національнымъ“. Онъ внушалъ юному поколѣнію соотечественниковъ: „Свобода была цѣлью нашихъ революцій. Теперь корсиканцы владѣютъ ею: все равно изъ какихъ рукъ они получили ее. Счастье, что она дана намъ славнымъ соотечественникомъ, который отомстилъ за насъ всѣмъ, кто унижалъ насъ. Теперь имя Корсики уже не презрѣнно. И на великомъ европейскомъ поприщѣ появляются другіе ея сыны: у нихъ будутъ таланты, благородное честолюбіе и блестящій примѣръ Бонапарта“.

Наполеонъ также называлъ батюшку „великимъ человѣкомъ на маленькомъ поприщѣ“, однимъ изъ „тѣхъ геніевъ, которые возрождаютъ униженный народъ“. Но ради своего оправданія онъ всегда поддерживалъ мысль своего доноса объ „измѣнѣ“ старика.

Такъ кончилась эпопея маленькой революціи на родинѣ Бонапартовъ.

Изъ сыновъ Корсики выдвинулся въ Европѣ Поццо ди-Борго, достойный соперникъ Наполеона по интригамъ и мстительности. Сначала онъ вытѣснилъ „батюшку“. Когда тотъ жаловался на него Элліоту, сэръ воскликнулъ:

— Да, вѣдь, вы же сами дали мнѣ его!

— Правда, но я далъ вамъ его какъ хорошую бритву, которая бреетъ бороду въ рукахъ искуснаго цирюльника и рѣжетъ горло въ рукахъ обезьяны“.

Затѣмъ Поццо сталъ русскимъ дипломатомъ и посвятилъ свои силы родной вендеттѣ. Этотъ-то тонкій, вкрадчивый корсиканецъ разжигалъ ненависть Александра I къ Наполеону. Онъ сгубилъ „рокового“ соплеменника въ 1814 году своими совѣтами союзникамъ.

VII. Авиньонъ и Тулонъ. 1793.

Армія конвента и Карно. — „Святая гильотина“ и федерализмъ. — Служебныя странствія. — Капитанъ-литераторъ. — Первый военный подвигъ.—Значеніе взятія Тулона.

Подобно бѣгству Магомета изъ Мекки въ Медину, бѣгство Наполеона съ Корсики во Францію имѣло міровое значеніе. Кончался безвѣстный корсиканецъ Набуліоне Буонапарте: начинался препрославленный французъ *Наполеонъ Бонапартъ*. Прекратилась Одиссея неудачника, юнаго искателя приключеній среди волнъ революціи. Передъ нами все еще тщедушный, неуклюжій, хвастливый у себя дома, бьющій на театральность и риторику офицерикъ, котораго грызетъ червякъ честолюбія. Лишенный строгихъ воззрѣній, онъ хватается за все, чтобы выдвинуться, но ни къ чему не выказываетъ особыхъ способностей: онъ не любитъ военной службистики, а политика и литература ему не по плечу. Онъ еле-еле пробавляется мелкими хитростями, которыя стоятъ ему большихъ усилій. Онъ, какъ проходимецъ, просто

пщетъ добычи, не задаваясь широкими цѣлями, не выходя за предѣлы своей маленькой Корсики.

Но Бонапартъ уже выброшенъ своей родиной. Онъ перестаетъ быть корсиканцемъ: если года два онъ еще думаетъ о своемъ островѣ, то лишь побуждаемый местью патріотамъ; а когда, въ 1796 году, ему удалось снова завоевать Корсику для Франціи, онъ уже интересовался ею меньше, чѣмъ Мальтой или Корфу. Однако Наполеонъ въ душѣ не сталъ и французомъ. Передъ нами вырисовывается сатанинское честолюбіе, безъ отечества, безъ границъ. Этотъ космополитъ тѣмъ опаснѣе, что въ немъ таятся силы, которымъ могла дать просторъ революція, затягивавшая его въ свой водоворотъ. Онъ необычайно самоувѣренъ и упоренъ, мужественъ и безпабашно коваренъ, остороженъ и сдержанъ внѣ дома. Онъ проницателенъ и наблюдателенъ, а потому опытенъ, какъ иной старикъ, и мастеръ изворачиваться, перемѣнять фронтъ по требованію обстоятельствъ. Пока—ничего особеннаго. Но при такомъ запасѣ внутреннихъ силъ и опыта, да еще въ революціонную пору, могло случиться, что на этомъ юношѣ оправдается поговорка: „война родитъ героевъ“.

А война была уже въ разгарѣ. И какая! Обуреваемая революціей, республика боролась почти со всей монархической Европой. Послѣ первыхъ пораженій она вдругъ показала невиданный примѣръ патріотизма и военной доблести. Когда былъ уничтоженъ тронъ, состоявшій въ союзѣ съ непріятелемъ, когда утвердился конвентъ и пронесся по странѣ кликъ „отечество въ опасности!“ картина вдругъ измѣнилась. „Терроромъ“ или ужасомъ, требованіемъ отъ всякаго „вѣрить или умирать“, якобинцы сковали волю Франціи и двинули ее противъ „тирановъ“, поднявъ „войну-пропаганду“. Однимъ изъ первыхъ рѣшеній конвента было: „Мы даруемъ братство и помощь всѣмъ народамъ, желающимъ пріобрѣсти свободу“. Онъ далъ пароль генераламъ: „Побѣда или смерть!“ Было объявлено поголовное ополченіе. Словно изъ земли выросло 14 армій—болѣе милліона солдатъ. Франція обратилась въ сплошную военную мастерскую.

Конвентъ превзошелъ себя въ усердіи, смѣлости и умѣньѣ выбирать людей. Его комиссары самоотверженно подымали ополченіе по департаментамъ и самолично бросались на врага впереди арміи. А въ центрѣ его работалъ несравненный *Карно*, дѣдъ президента нашихъ дней.

Скромный, прямодушный, недоступный соблазнамъ труженикъ, работавшій по 16 ч., Карно только въ блестящую пору Наполеона не былъ у дѣлъ; зато самъ предложилъ императору свою шпагу послѣ несчастнаго похода въ Россію. Никто не умѣлъ такъ выбирать людей и выдвигать таланты. Этотъ-то „устроитель побѣдъ“ взелъ новую систему войны, согласную съ духомъ времени и французовъ: это—*натискъ массами* да *Дантоновское дерзновеніе*. „Искусство генерала, — говорилъ Карно, — состоитъ въ томъ, чтобы всегда встрѣчать непріятеля съ превосходными силами“. У него всѣ арміи дѣйствовали то врозь, то слитно, словно полки на полѣ сраженія; безъ палатокъ и обозовъ, онѣ какъ вихрь переносились съ мѣста на мѣсто, уже до битвы поражая нравственно неповоротливыхъ „рутинеровъ“, генераловъ Европы. Карно всегда сначала подготовлялъ битву огромною и мѣткою артиллеріей, за которою слѣдовала стремительная атака въ штыки. Онъ предоставлялъ свободу дѣйствій своимъ солдатамъ, полагаясь на ихъ развитость, ловкость и патріотизмъ.

Карно поднялъ на ноги всю Францію. Онъ создалъ лучшую въ свѣтѣ артиллерію, положилъ основы славной кавалеріи, устроилъ образцовое интендантство, которое лучше содержало солдатъ, чѣмъ въ 1870 г. Наконецъ, онъ далъ Франціи блестящую плеяду полководцевъ, во главѣ которыхъ стояли сначала Гошъ и Пишегрю, потомъ самъ Бонапартъ. За заслуги чины слѣдовали по недѣлямъ: оттого многимъ генераламъ не было 30-ти лѣтъ. И такъ какъ даже за несчастье полагалась гильотина, то имъ оставалось побѣждать или умирать.

Арміи были достойны такого хозяина. То были уже не добровольцы, а *реквизиціонеры* или ополченцы. Все у нихъ было налегкѣ: кургузый синій камзолъ, короткіе панталошки, деревянные лапти на ногахъ, а то и ничего; на головѣ шляпчонка, если

не якобинскій колпакъ, съ трехцвѣтной кокардой, на спинѣ дѣтскій ранецъ съ манеркой, на штыкѣ—хлѣбецъ съ порціей мяса, а въ зубахъ—носогрѣйка. Но синій камзолъ „босоножекъ“ посрамилъ бѣлые капоты первой коалиціи, состоявшей почти изо всей Европы, а трехцвѣтка (tricolore) „обошла міръ“, какъ предвѣщалъ Лафайетъ. Именитые генералы безропотно поступали подъ начальство талантливыхъ юношей. „Офицеры,—говоритъ Сультъ,—съ ранцами на спинѣ, безъ жалованья, жили пайками, наравнѣ съ солдатами. У солдатъ—такое же самоотреченіе. Никогда не было арміи болѣе послушной, болѣе одушевленной и рьяной; никогда не было столько добродѣтели въ войскахъ“.

Каждый реквизиціонеръ былъ героемъ идеи и мстителемъ за отечество, оскорбленное наглыми манифестами алчныхъ союзниковъ. Съ огнемъ въ глазахъ распѣвалъ онъ свою рыдающую марсельезу или удалую „Дѣло пойдетъ (Ça ira)!“ Не то повторялъ лозунгъ конвента: „Война дворцамъ, миръ избамъ!“ Придетъ онъ въ чужую страну—первымъ дѣломъ приладитъ на мостовой колышками деревцо, а на немъ повѣситъ якобинскій колпакъ съ трехцвѣткой: это—„древо свободы“. А рядомъ приклеитъ такое воззваніе: „Братья и друзья! Мы завоевали вамъ свободу и отстоимъ ее; ваши тираны уже разбѣжались; мы защитимъ васъ отъ ихъ мести и козней“.

Съ такими молодцами, воплощавшими обновленную націю, съ августа 1793 года въ военной исторіи Франціи настала блестящая эпоха, которая длилась полтора года. По отчету Карно, было 27 большихъ и 120 мелкихъ побѣдъ; у непріятеля пало 80.000 человѣкъ и столько же плѣнено; взято 106 крѣпостей и городовъ, 230 фортовъ и редутовъ, до 4.000 пушекъ, 70.000 ружей, болѣе 50.000 пудовъ пороху и 90 знаменъ.

Подвиги французовъ начались на сѣверѣ, въ Бельгіи. Затѣмъ пошли чудеса и на югѣ, гдѣ у конвента были слабыя силы. Здѣсь они связаны съ именемъ Бонапарта и съ войной внутренней.

Насколько велики заслуги конвента на военномъ поприщѣ, настолько же ужасны были мѣры, которыми онѣ были достигнуты. Взявшіе въ руки власть якобинцы или „монтаньяры“ (горцы),

какъ именовались они по мѣсту въ конвентѣ, вездѣ видѣли „подозрительныхъ“. Въ ихъ глазахъ неблагонамѣренными стали даже „цареубійцы“, какъ назывались жирондисты, подавшіе голосъ за казнь Людовика XVI. Лѣтомъ 1793 г. монтаньяры овладѣли страной, подъ видомъ комитета общественнаго спасенія и его диктатора, Максимиліана Робеспьера. Они частью истребили, частью разогнали жирондистовъ. Ихъ „революціонный трибуналъ“ въ Парижѣ, подстрекаемый такими кровожадными фанатиками, какъ Маратъ, сталъ инквизиціоннымъ судилищемъ. Ихъ „національные агенты“ или „комиссары“ конвента разъѣзжали по странѣ съ „святою гильотиной“, безпощадно производя „патріотическое очищеніе“.

Пролитая кровь сограждан взывала къ возмездію. Департаменты и безъ того тяготились централизаціей столицы: благодаря конституантѣ, развивавшей мѣстное самоправленіе, они считали себя какъ бы Соединенными Штатами Америки. Это стремленіе, названное тогда *федерализмомъ*, развилось теперь подъ вліяніемъ разбѣжавшихся жирондистовъ. Вспыхнуло междоусобіе почти въ $^2/_3$ Франціи, въ особенности же на сѣверѣ и югѣ. На сѣверѣ, въ Вандеѣ, обнаружился подъемъ „стараго порядка“: поднялся роялизмъ мужика-паписта руководимаго жантильомами и непри-сяжными священниками.

Важнѣе было движеніе самихъ революціонеровъ противъ той временной жестокой формы, которую приняла республика въ рукахъ монтаньяровъ. Оно-то направило кинжалъ Немезиды человѣколюбія, нормандки Шарлоты Кордэ, въ сердце Марата. Этотъ жирондистскій федерализмъ сосредоточивался въ богатыхъ просвѣщенныхъ городахъ юга: здѣсь буржуазія отстаивала свое достояніе и свой покой противъ террора пролетаріевъ или „санкюлотовъ“ (безштанниковъ). Особенно оскорбился второй, по богатству и обширности, городъ Франціи—промышленный Ліонъ: онъ звѣрски расправился съ мѣстною „коммуной“ или якобинскимъ клубомъ. За нимъ послѣдовалъ Тулонъ: онъ даже сдался англичанамъ, которые ввели въ его портъ сильную эскадру и превратили его во „второй Гибралтаръ“. Мятежъ уже охватывалъ Мар-

сель и Бордо. Провансальскіе федералисты образовали армію, которая тѣснила войско конвента и уже дошла до Авиньона. Самыя событія на Корсикѣ, выгнавшія якобинцевъ-Бонапартовъ, были лишь звеномъ въ цѣпи юнаго федерализма.

Вотъ почему корсиканскимъ изгнанникамъ пришлось вскорѣ бѣжать изъ Тулона и чуть не питаться подаяніемъ. Нашъ клапъ кое-какъ перебрался въ Марсель, гдѣ еще державшіеся якобинцы помогли ему: Летиціи дали пособіе; Жозефа пристроили въ армію, Люсьена и Фэша—въ комиссаріатѣ.

Самъ Наполеонъ поспѣшилъ въ Ниццу, гдѣ квартировалъ тогда IV полкъ, какъ часть „итальянской арміи“ Брюна, которая была выставлена противъ сардинцевъ, занимавшихъ горные проходы нижняго Пьемонта. Его назначили капитаномъ береговой батареи. Брюнъ послалъ его въ Авиньонъ за порохомъ. Наполеонъ пробирался проселками, чтобы избѣжать встрѣчи съ торжествующими федералистами. Онъ присоединился къ небольшой арміи, высланной на югъ монтаньярами, подъ начальствомъ генерала-живописца, хвастливаго рутинера Карто, ничего не понимавшаго въ военномъ дѣлѣ. Комиссарами конвента при ней были корсиканецъ Салличетти, пріятель Бонапартовъ, и Огюстенъ Робеспьеръ, младшій братъ Максимиліана. У Карто было такъ мало офицеровъ, что онъ задержалъ капитана у себя. Двинувшись на Тулонъ, онъ оставилъ его въ тылу, для устройства артиллерійскаго парка въ *Авиньонѣ*.

Подъ бокомъ былъ Валянсъ. Воспоминанія тяжкой юности и литературныхъ мечтаній въ послѣдній разъ пронеслись въ воображеніи Наполеона. Онъ вдумывался въ событія въ тиши безшумной работы въ средневѣковомъ папскомъ городкѣ. Корсика уже исчезла въ морскомъ маревѣ; а тамъ, на материкѣ, сверкали боевыя молніи, которыя озаряли славой какого-нибудь Пишегрю, презрѣннаго учителя Бріеннской школы. Бонапартъ попросился въ рейнскую армію, а пока, со скуки, опять взялся за перо.

Оно также преобразилось. „Ужинъ въ Бокерѣ“—первое удачное произведеніе Наполеона. Здѣсь — ясный, сильный, даже правильный слогъ. Здѣсь пониманіе военнаго дѣла и мѣткая обри-

совка хаоса политическихъ партій, въ формѣ разговоровъ Платона. Солдатъ (авторъ) хладнокровно споритъ съ марсельцемъ. Допуская „нѣкоторыя неправильности въ дѣйствіяхъ Горы“, онъ убѣждаетъ однако его, что дѣло федерализма пропграно, какъ непатріотичное. Нужно „думать только о побѣдѣ надъ Европой“; а конвентъ добился ея, и его должно признать „истиннымъ монархомъ“. Федералисты же, подобно Паоли, играютъ въ руку англичанамъ, австрійцамъ, аристократамъ и эмигрантамъ. Наполеонъ уже прямо выставляетъ военный догматъ о томъ, что сила есть право и что успѣхъ оправдываетъ все. Онъ какъ бы забылъ, что въ донесѣ на Паоли обрушивался на тѣхъ корсиканцевъ, которые говорили: „Если нужно выбирать, то становись на сторону торжествующихъ; лучше быть пожирателемъ, чѣмъ пожраннымъ“.

Этотъ „Ужинъ“ — одинъ изъ множества памфлетовъ, которые разбрасывалъ авангардъ Карто: тогда вездѣ „маленькая война перьями“ предшествовала революціоннымъ арміямъ. Но для насъ брошюрка имѣетъ свое значеніе. Здѣсь Наполеонъ впервые пускается въ океанъ политики, и такъ удачно, что конвентъ напечаталъ „Ужинъ“ на казенный счетъ. Его комиссары стали друзьями автора. Вскорѣ Летиція получила денежное пособіе: Фэшъ, Жозефъ и „Робеспьеристъ“ Люсьенъ сдѣлались смотрителями интендантскихъ складовъ; Люп попалъ въ военную академію.

Самъ Наполеонъ, ожидавшій перевода на Рейнъ, собирался возвратиться въ Ниццу; но его упросили пойти съ арміей Карто, гдѣ у него не было и должности. Какъ только прибыли на мѣсто, въ первой стычкѣ съ англичанами палъ артиллерійскій капитанъ: Карто передалъ его постъ автору „Ужина въ Бокерѣ“.

Тулонъ считался неприступнымъ, а у французовъ было всего 6 осадныхъ орудій и мало людей; канониры — неопытная молодежь; начальники — Карто, а послѣ него подобный же господинъ. Наконецъ, по настоянію Наполеона же, прислали умнаго генерала. Онъ поддержалъ юнаго „капитана Пушку“, который жестоко спорилъ съ рутинерами объ „аксіомахъ“ дѣла, замѣтивъ тотчасъ

„всю нашу глупость, все невѣжество, всѣ страстишки и предразсудки штабныхъ“, какъ доносилъ онъ конвенту.

Наполеонъ показалъ себя уже при первой вылазкѣ изъ города: въ „Монитерѣ“, отъ 7 декабря 1793 года, былъ упомянутъ „Буона Парте“, какъ наиболѣе отличившійся офицеръ. Затѣмъ онъ началъ упорно настаивать на своемъ простомъ, геніальномъ планѣ наступленія. Онъ одолѣлъ, съ помощью очарованныхъ имъ комиссаровъ, Огюстена Робеспьера и Барра. Вѣдь тутъ заговорила свѣжая сила таланта, впервые выступили основы тактики Наполеона, взятой у Карно, — подавленіе врага сплоченной мощью артиллеріи и „нравственнымъ“ вліяніемъ смѣлости!

Всѣ предсказанія Буонапарте сбылись, и особенно благодаря ему самому. Онъ подобралъ способныхъ помощниковъ, стянулъ отовсюду много пушекъ, провіанту, людей и лошадей, воевалъ съ поставщиками и офицерами, — словомъ, былъ душой осады. Онъ показалъ примѣръ „мастерскаго удара“, — быстраго взятія несокрушимой твердыни, безъ инженерныхъ подходовъ, одною ловкою постановкой батарей и отчаянными приступами. Онъ же подавалъ примѣръ храбрости. При штурмѣ главнаго редута, въ ливень, подъ бурей, среди кромѣшной тьмы, когда англійскія суда давали по 100 выстрѣловъ въ минуту, онъ третьимъ вскочилъ наверхъ; подъ нимъ падали кони. Онъ справедливо говорилъ потомъ: „Меня считали неуязвимымъ; и я поддерживалъ это мнѣніе, скрывая легкія раны“.

Всѣ восхищались этой храбростью, мѣткимъ взглядомъ и превосходными знаніями молодого капитана, а больше всего дьявольскимъ рвеніемъ тщедушнаго человѣка, опьяняемаго битвой. Барра писалъ объ „этомъ вѣчномъ движеніи, объ этой физической дрожи, полной энергіи, которая шла отъ головы до конечностей“. Онъ говоритъ, что капитанъ спалъ лишь урывками, у своихъ батарей, на землѣ, завернувшись въ шинель. Начальство доносило въ Парижъ: „Большія научныя свѣдѣнія, такой же умъ, а храбрость даже чрезмѣрная — вотъ слабый очеркъ достоинствъ этого рѣдкостнаго офицера... Повысьте его, не то онъ самъ возвысится“. И всѣ свидѣтельствовали, что, когда, послѣ побѣды, комиссары

начали жестоко расправляться съ „измѣнниками“, Буонапарте сдерживалъ ихъ, даже самъ спасалъ несчастныхъ.

Наполеонъ всегда съ особенной любовью вспоминалъ Тулонъ, какъ первый поцѣлуй славы, какъ предтечу своей „звѣзды“.

VIII. Ницца и терроръ. 1794.

Заря счастья. — Генералъ-якобинецъ. — Маленькій дворъ въ Ниццѣ. — Посольство въ Геную. — Конвентъ и его созидательная работа. — Смыслъ террора. — 9-е термидора.

Но пока создастся Карлъ Великій, нашему герою пришлось испить до дна чашу преслѣдовавшихъ его неудачъ. Для него настали самые грозные удары судьбы, тѣмъ болѣе чувствительные, что они пали на него тотчасъ послѣ столь же головокружительныхъ первыхъ успѣховъ.

Взятіе Тулона было спасеніемъ конвента, уже окруженнаго толпой внутреннихъ враговъ: безъ него англичане и австрійцы уже были бы въ предѣлахъ Франціи. Немудрено, что 24-лѣтній капитанъ сразу сталъ бригаднымъ генераломъ и былъ назначенъ въ новую „итальянскую“ армію, на которой сосредоточивалось вниманіе всего міра. Ему поручили тамъ главное дѣло—инспектированіе береговыхъ укрѣпленій.

Тотчасъ же поправился и жадный корсиканскій кланъ. Жозефъ, не безъ подлога, достигъ чина подполковника и доходнаго мѣста главнаго интенданта на югѣ; еще онъ женился тогда на дочери одного суконщика и взялъ за ней 150.000 ливровъ. Люсьенъ сталъ смотрителемъ интендантскихъ складовъ и тоже женился на знатной, хотя и небогатой особѣ. Даже отрокъ Люи вдругъ превратился въ капитана и адъютанта при артиллерійскомъ управленіи.

А самъ Наполеонъ уже замѣчалъ, что не только солдаты, но и офицеры начинаютъ вѣрить въ его „звѣзду“. Комиссары конвента при итальянской арміи, Робеспьеръ младшій и Саличетти,

эти „представители народа“, стали его орудіями, а сестра Робеспьеровъ — его любовницей. Огюстенъ Робеспьеръ писалъ своему всемогущему брату: „Этотъ человѣкъ одаренъ сверхъестественными достоинствами (d'un mérite transcendant)“. Мармонъ прибавляетъ: „У него былъ такой даръ предвидѣнія! Онъ пріобрѣлъ надъ представителями народа неописуемое вліяніе“.

Это вліяніе въ значительной степени объясняется перемѣной въ нравѣ Наполеона. Въ ту минуту, когда люди зрѣлые теряли голову отъ превратностей революціи, когда главари конвента зарывались отъ властолюбія, возгордившись взятіемъ Тулона, самъ юный герой не былъ опьяненъ внезапнымъ успѣхомъ. Напротивъ, онъ словно отрезвѣлъ, сталъ сдержанъ, остороженъ. Онъ весь зарылся въ свое дѣло, какъ службистъ до педантства: съ ребяческой точностью новичка исполнялъ онъ всѣ мелочи своего ремесла. Съ другой стороны, онъ старался очаровывать всѣхъ, привлекать сердца. А главное—Наполеонъ ловко прочищалъ себѣ дорогу къ будущему. Онъ продиктовалъ комиссарамъ для отправки въ Парижъ такой искусный свой формуляръ, что его лживость (былъ даже накинутъ годикъ службы) не бросалась въ глаза. А честному Карно, не спавшему ночей за работой, некогда было высчитать, что молодецъ прослужилъ всего 8 лѣтъ и 3 мѣсяца, изъ которыхъ 4 года и 10 мѣсяцевъ находился въ отпуску или же въ самовольной отлучкѣ.

Труднѣе всего было справиться съ политическимъ вопросомъ. Наполеонъ уже чуялъ, что сила якобинства виситъ на волоскѣ. Ему не нравилось, что братья были слишкомъ горячи, неосторожны,— особенно Люсьенъ, который называлъ себя Луціемъ Брутомъ и кичился прозвищемъ „Робеспьерика“. Но пока счастье зависѣло отъ конвента — и Наполеонъ выказывалъ республиканскій духъ. Въ своемъ формулярѣ онъ усиленно отрицалъ свое дворянское происхожденіе.

Мадемуазель Робеспьеръ замѣчаетъ въ своихъ „Запискахъ“: „Бонапартъ былъ республиканцемъ, я могла бы сказать даже — монтаньяромъ: по крайней мѣрѣ, когда я была въ Ниццѣ (1794), онъ производилъ на меня такое впечатлѣніе своимъ образомъ мыслей.

Впослѣдствіи побѣды вскружили ему голову, и онъ сталъ стремиться къ господству надъ согражданами. Но какъ артиллерійскій генералъ въ итальянской арміи онъ былъ сторонникомъ широкой свободы и истиннаго равенства".

Выказывая такое направленіе, Наполеону, при его умѣньи обдѣлывать людей, нетрудно было овладѣть комиссарами: его называли „тайнымъ совѣтникомъ" Огюстена Робеспьера. И онъ сталъ душой всѣхъ дѣлъ на югѣ, которыя устраивались даже безъ вѣдома конвента, хотя въ итальянской арміи дивизіоннымъ генераломъ былъ заслуженный Массена, едва ли не лучшій, послѣ Наполеона, полководецъ эпохи. Наполеонъ распоряжался всѣмъ, отлично изучивъ побережье отъ Тулона до Ниццы, какъ свидѣтельствуетъ его докладъ военному министру; и въ его головѣ уже смутно рисовался геніальный планъ „итальянской кампаніи". Тутъ-то проявилась впервые и его основная идея полководца, — та самая, которою руководился Карно: „Въ битвахъ, какъ и при осадѣ крѣпости, надо направлять всѣ силы на одну точку и стараться тутъ обезпечить себѣ численное превосходство".

И уже совершилось первое военное чудо въ жизни „рокового человѣка". Исполняя его планъ, Массена ловкими обходами въ одинъ мѣсяцъ вырвалъ у австрійцевъ и сардинцевъ Приморскія Альпы и разобщилъ ихъ съ англійскимъ флотомъ. Онъ уже захватилъ и перевалъ Тенду, эту дверь въ Ломбардію.

Между тѣмъ какъ Массена былъ въ огнѣ, Бонапартъ оставался въ резервѣ. Онъ недурно проживалъ въ Ниццѣ со всѣмъ кланомъ. Тамъ образовался родъ маленькаго двора, наполненнаго веселымъ обществомъ молодыхъ республиканцевъ, которое оживлялось присутствіемъ красивыхъ сестеръ юнаго генерала.

На недѣлю Наполеонъ съѣздилъ въ Геную, при чемъ впервые обнаружился и его дипломатическій талантъ. Успѣхъ французовъ зависѣлъ отъ этой республики: она не только стояла на соединительной линіи союзниковъ, но и одна только могла прокормить ихъ армію, такъ какъ югъ Франціи былъ истощенъ междоусобіемъ. А генуэзская олигархія ненавидѣла якобинцевъ: ея городъ служилъ притономъ англичанъ и французскихъ дезертировъ. Напо-

леонъ такъ запугалъ маленькую республику грознымъ ультиматумомъ, что ея дожъ обязался соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Буонапарте кстати осмотрѣлъ укрѣпленія Генуи и шушукался съ корсиканскими патріотами.

Казалось, карьера генерала-якобинца была наконецъ упрочена.

Но вся эта Шехерезада счастья вдругъ рухнула, какъ по маповенію волшебнаго жезла. Разразился новый, и самый страшный, ударъ судьбы, который велъ уже прямо къ гильотинѣ. Какъ только Наполеонъ возвратился изъ Генуи, 9-го термидора по республиканскому календарю (27-го іюля 1794), скатились подъ гильотиной головы обоихъ Робеспьеровъ.

Ударъ оказался тѣмъ разительнѣе, что онъ былъ совершенной неожиданностью, какъ все въ ту бурную пору. Французы съ полнымъ правомъ могли сказать тогда про себя: „Какъ мало прожито, какъ много пережито!“ Съ конца конституюанты (гл. IV), въ три года, они сами перевернулись не разъ и перевернули міръ. Совершились чудеса, „безпримѣрныя въ лѣтописяхъ міра“, какъ выразился знаменитый англійскій политикъ Фоксъ. Сами, повидимому, погибая въ хаосѣ анархіи, французы выступили почти противъ всей Европы и вышли побѣдителями изъ безумной борьбы. Съ начала 1794 года они уже вездѣ были за своими границами. Избитая коалиція монарховъ распалась. Самъ упорный владыка Англіи, Питтъ Младшій, палъ духомъ, когда было усмирено поддерживаемое имъ возстаніе роялистовъ въ Вандеѣ. Онъ видѣлъ, какъ конвентъ собирался отомстить ему высадкой въ Англію.

И дѣло казалось возможнымъ. Бельгія и голландская Фландрія были присоединены къ Франціи, и Шельда была открыта торговлѣ на пагубу Темзы. Остальная Голландія стала копіей и вассаломъ конвента, подъ именемъ Батавской республики. Фридрихъ-Вильгельмъ II прусскій, отвлеченный на востокъ окончательнымъ раздѣломъ Польши, уже рѣшился измѣнить союзникамъ и началъ переговоры. И они вскорѣ привели къ базельскому миру съ Франціей (апрѣль 1795),—къ этому лавровому вѣнку военнаго и дипломатическаго искусства революціи. Этотъ миръ предоставлялъ францу-

замъ лѣвый берегъ Рейна, а пруссакамъ—протекторатъ надъ нейтрализованнымъ сѣвероиъ Германіи до „разграничительной линіи“ по Майну. Это значило нанести смертельный ударъ Германской имперіи и обратить Пруссію въ послушное орудіе Франціи.

Конвентъ ловко воспользовался алчностью Берлина, которая подрывала нравственное значеніе Пруссіи въ „фатерландѣ“, или нѣмецкомъ отечествѣ. Онъ разжегъ старое соперничество между потсдамскими Гогенцоллернами и вѣнскими Габсбургами: съ тѣхъ поръ стали возможны баснословные успѣхи Наполеона вообще, и въ Австріи особенно. Словомъ, торжествующая республика уже достигла Рейна, Альпъ и Пиренеевъ, т.-е. своихъ *естественныхъ границъ*. Она въ одинъ мигъ возвратила Франціи предѣлы древней Галліи—заслуга, которой не могла оказать монархія почти въ десять вѣковъ. Она уже проложила себѣ путь къ міродержавію.

Военные успѣхи умиротворили Францію и внутри. Историческая наука выяснила теперь неразрывную связь между войной и революціей: послѣдняя положительно непонятна безъ первой. „Франція—не что иное, какъ громадная крѣпость въ осадѣ“ говорилъ Бареръ, одинъ изъ крупныхъ дѣятелей революціи. Крайности революціонеровъ были прежде всего обычными условіями военнаго положенія, на которое была поставлена вся осажденная страна: оно называлось только новымъ именемъ, заимствованнымъ у древняго Рима—„Отечество въ опасности!“ Дѣйствія французскихъ войскъ на границахъ были какъ бы вылазками гарнизона, которыя тотчасъ же отражались въ средоточіи крѣпости,—на парижскомъ правительствѣ.

Это—двѣ чашки вѣсовъ. Пораженіе, врагъ въ предѣлахъ отечества, онъ идетъ на столицу,—и каждый гражданинъ становится солдатомъ, и въ каждомъ сердцѣ кипятъ ненависть къ королю, призывающему непріятеля, да подозрительность и жажда мести „собакамъ-аристократамъ“, рыскающимъ въ хвостѣ вражеской арміи, подъ видомъ „эмигрантовъ“. И работаетъ прожорливая гильотина надъ головами всѣхъ, кто не „державный народъ“ т.-е. не якобинецъ, не „санкюлотъ“. Побѣда, врагъ прогнанъ,—и насыщенное чудовище дремлетъ. По духу времени и по праву

французовъ въ немъ пробуждается даже сантиментализмъ Руссо: его объятія раскрываются для всеобщаго „братства“; его рука протягивается на помощь всѣмъ угнетеннымъ „тиранiей“, и у себя дома, и за границей.

Вотъ разгадка магическаго вліянія якобинцевъ, какъ удава надъ кроликомъ. Отечество въ опасности довѣрило имъ свое спасеніе,—и они спасли его, „дѣйствуя, какъ природа, которая заботится только о сохраненіи вида, не щадя особей“, какъ выразился другъ и правая рука Робеспьера, непреклонный идеалистъ, Сен-Жюстъ. Якобинцы представляли сплоченную силу уже въ законодательномъ собраніи, смѣнившемъ конституанту въ концѣ 1791 года. Здѣсь болѣе умѣренные, хотя уже склонявшіеся къ республикѣ, жирондисты лишь съ самаго начала имѣли преобладающее значеніе, пока былъ внѣшній миръ. Когда же, весной 1792 г., открылась борьба съ монархической Европой, начали выдвигаться якобинцы или „горцы“, какъ называли ихъ по занятымъ ими скамьямъ на самомъ верху амфитеатра залы засѣданій.

Революція измѣнила бы самой себѣ, если бы, объявивъ войну міру по принципу, не объявила войны собственной монархіи, которая призывала враговъ. И не прошло полугода, какъ началось господство Коммуны или „Общины“, какъ называли, для краткости, общинный совѣтъ представителей частей Парижа. Тогда-то французы потеряли голову отъ страшныхъ извѣстій. Крѣпости на сѣверо-востокѣ падали. Врагъ шелъ къ Парижу. Въ Тюльери были захвачены бумаги, уличавшія Людовика XVI и особенно Марію-Антуанету въ сношеніяхъ съ нимъ. И возникла гильотина, а съ нею и „сентябрьская бойня“ 1792 г., которая скосила тысячи головъ всякихъ „подозрительныхъ“. Вслѣдъ за тѣмъ открылся конвентъ. То было „собраніе всей націи для созданія себѣ правительства“. Но подъ вліяніемъ войны оно превратилось въ „терроръ“ или сплошной ужасъ, въ гражданскую войну.

Конвентъ прежде всего объявилъ республику. Затѣмъ открылся жестокій 1793-й годъ. Въ январѣ послѣдовала казнь „Людовика Капета, бывшаго короля“; въ іюнѣ погибли жирондисты,—эти „цареубійцы“, оказавшіеся уже черезчуръ умѣренными, а

слѣдовательно „подозрительными“. Съ іюля „терроръ сталъ на очереди“, какъ офиціально объявила парижская Коммуна. Это значило, что конвентъ самъ призналъ правительствомъ кровавую диктатуру, какой исторія не видала со временъ Марія и Суллы.

Настала передѣлка всей жизни по новому идеалу, хотя онъ не былъ кѣмъ-нибудь измышленной „сплетней“: то былъ небывалый порядокъ вещей, сложившійся самъ собою, по требованію обстоятельствъ. Имъ орудовалъ тріумвиратъ, Цезаремъ котораго былъ Максиміліанъ Робеспьеръ. Этотъ фанатикъ новой идеи установлялъ догматы „благодѣтельнаго террора“ и направлялъ ихъ ходъ въ жизни. Его апостолъ, Сен-Жюстъ, съ самозабвеніемъ юноши крестилъ народъ „кровью и слезами“, по его собственнымъ словамъ. Кутонъ былъ первымъ палачомъ при „святой гильотинѣ“.

Сила, смыслъ террора состояли въ томъ, что онъ былъ новою попыткой рѣшить не одинъ политическій, но и соціальный вопросъ, этотъ рычагъ приближавшагося вѣка. „Великая“ революція какъ бы программно пережила цѣлыя столѣтія развитія обществъ. Она началась съ вольтерьянства, съ признанія правъ „третьяго“ чина (гл. III); а черезъ четверть года уже господствовалъ мимолетно руссоизмъ, „четвертый“ чинъ. Робеспьеръ—по преимуществу пророкъ „Общественнаго Договора“. Уже добытая „свобода“ временно уступала мѣсто „равенству“. Подъ именемъ „народа“ (peuple), замѣнившимъ древнее понятіе „націи“, уже разумѣлась „державная“ масса пролетаріата. „Отомщу же я, разъ навсегда, за *черпь*, которую вы осыпаете такими богохульствами!“ воскликалъ Робеспьеръ еще въ конституантѣ. Теперь онъ прибавлялъ: „Первый соціальный законъ—обезпеченіе каждому возможности существовать. Все необходимое для поддержанія жизни составляетъ совокупную *собственность общества*: лишь излишекъ есть личная собственность“.

Вышелъ „Наказъ“ главнаго комиссара конвента, Фушэ, „всѣмъ революціонерамъ и коммунарамъ“, служившій катехизисомъ якобинца. Въ немъ разъясняется разница между „народомъ“ и тою „буржуазной аристократіей“, которая легко вырождается въ денежное, а затѣмъ и въ родовое дворянство. „Народъ, это—совокупность

французскихъ гражданъ. Это — не тотъ привилегированный по богатству классъ, который присваиваетъ себѣ всѣ наслажденія жизни, всѣ блага общества. Народъ, это—по преимуществу безчисленный классъ бѣдняковъ, который доставляетъ защитниковъ нашимъ границамъ, кормитъ общество своимъ трудомъ, украшаетъ его своими талантами, дѣлаетъ ему честь своими добродѣтелями. Помните, что вашъ лозунгъ—война замкамъ, миръ избамъ!“

Тѣ же начала легли въ основаніе *конституціи 1793 года* или второго революціоннаго уложенія. Она демократичнѣе созданія конститюанты: въ ней вѣетъ духъ Руссо. Здѣсь читаемъ: „Общественная помощь—священный долгъ: общество должно содержать несчастныхъ гражданъ, доставляя работу способнымъ трудиться и пропитаніе — хилымъ“. Державность народа выступаетъ до того, что даже не признается передача ея путемъ полномочій: каждый законъ подвергается опросу гражданъ. „Законодательный Корпусъ“ выходитъ не только изъ всеобщей голосовки (suffrage universel), но и путемъ прямыхъ выборовъ, притомъ лишь на 1 годъ. „Исполнительный Совѣтъ“ также избирается, и тоже на 1 годъ. Судебная власть осталась избирательной, какъ было постановлено еще конститюантой.

Демократизмомъ проникнута вся созидательная работа, которою конвентъ поразилъ міръ, коснувшись всѣхъ сторонъ жизни въ три года, работая лишь урывками, въ немногіе дни, свободные отъ потрясеній внѣшнихъ и внутреннихъ. Въ этой работѣ положены основы новаго быта, которыя частью сохранились до нашихъ дней, и не въ одной Франціи, частью ждутъ своего окончательнаго развитія. Таковы: гражданскій кодексъ, новый способъ веденія финансовъ, метрическая система мѣръ и вѣсовъ, широкій планъ народнаго просвѣщенія и всевозможной благотворительности. Но больше всего было сдѣлано для соціальнаго вопроса; и тутъ-то особенно проявилась забота о державномъ народѣ. Правительство само строило мосты, дороги, каналы, задумывалось даже объ „организаціи труда всего французскаго народа“ и о надѣленіи неимущихъ землей даромъ. Съ этою цѣлью было ограничено право собственности: завѣщать могъ только тотъ,

у кого были дѣти, да и то лишь $^1/_{10}$ своего имущества. Къ тому же вели такія мѣры, какъ налогъ на богатыхъ и „максимумъ“ или высшая цѣна предметовъ первой необходимости, а также блестящій планъ искорененія нищенства.

Но созидательная работа конвента сгушевывалась передъ болѣе видною и драматичною страстью разрушенія. Фанатикъ-якобинецъ, устрашенный монархами, разъяренный сопротивленіемъ старины, приставалъ ко всякому съ своимъ символомъ вѣры, восклицая: „Вѣруй, или умри!“ И „святая гильотина“ начала гулять по Франціи, чтобы истреблять „федерализмъ“ (гл. VII) и всякихъ „подозрительныхъ“. Особенно разсвирѣпѣла она послѣ паденія Тулона, подкрѣпившаго колеблющуюся власть конвента.

А между тѣмъ съ побѣдами надъ коалиціей исчезло главное оправданіе террора. И душа француза начала перевертываться. Самъ грозный Дантонъ и „фонарщикъ“ Демуленъ смягчились. Они вдругъ превратились изъ кровопійцъ въ пророковъ „модерантизма“ или революціонной умѣренности: ихъ называли даже „милостивцами“ (indulgents). Въ апрѣлѣ 1794 г. они были гильотинированы вмѣстѣ со многими своими приверженцами.

Настали 114 дней „великаго террора“ или ничѣмъ не стѣсняемой диктатуры Робеспьера. Теперь могъ осуществиться идеалъ новой жизни. Отъ самого Робеспьера не осталось плана его исполненія. Но отъ Сен-Жюста уцѣлѣлъ набросокъ новаго „Устава“ жизни („Institutions“, какъ у Кальвина). Это—„соціальная республика“, царство пролетаріевъ, воплощеніе ученія того Руссо, прахъ котораго былъ помѣщенъ тогда въ Пантеонѣ. Новый идеалъ былъ освященъ новою религіей Верховнаго Существа.

Замѣчая недовольство повсюду, Сен-Жюстъ воскликнулъ, что правители „даже не имѣютъ права быть милостивыми и сердобольными къ измѣнникамъ“. И конвентъ издалъ законъ о „безжалостномъ наказаніи“ враговъ народа. По Франціи запылали „большія печи“, т.-е. началось изготовленіе „хлѣбовъ“ (такъ называли тогда головы казненныхъ) для гильотины цѣлыми партіями.

Эта жесточайшая пора террора разукрашена людоѣдскими сказаніями, благодаря усердной фантазіи эмигрантовъ, „неприсяж-

ныхъ“ священниковъ и иностранцевъ. Это — то же, что фальшивые ассигнаты англичанъ, подложные „Монитёры“ и масса лживыхъ пасквилей и вздорныхъ карикатуръ друзей старины. Увы, зачѣмъ! Тутъ легенды излишни: и безъ нихъ передъ нами та картина ада, которая вполнѣ объясняетъ внезапный оборотъ исторіи.

У націи лопнуло терпѣніе. Милосердіе да ненависть къ террору стали душой жизни. Готовилась новая Шарлота Кордэ: въ квартирѣ Робеспьера нашли молодую дѣвушку съ ножомъ. Наконецъ, сами орудія и палачи диктатора, составлявшіе ужасный Комитетъ Общественнаго Спасенія, возстали противъ него. И совершилось 9-е термидора. Терроръ и якобинство рухнули сразу въ вырытую ими самими кровавую пропасть.

IX. Заключеніе въ фортѣ и „бѣлый терроръ“. 1795.

Двухнедѣльный арестъ.—Французскій патріотъ.—Корсиканская экспедиція. — Душа военныхъ плановъ и наказовъ арміямъ. — Отставка. — Буржуазія и „золотая молодежь“. — „Бѣлый терроръ“. — „Гракхъ“ Бабёфъ.— 13-е вандемьера.

Среди лѣта 1794 года все разомъ рухнуло во Франціи. Оставалась одна только армія, и побѣдоносная: нація была тамъ душой и тѣломъ. А арміей-то заправлялъ опасный генералъ-якобинецъ.

Но этотъ генералъ былъ не заурядный честолюбецъ, который бросился бы, сломя голову, выручать дружественное ему правительство. Мы видѣли, что онъ уже задолго до 9-го термидора чуялъ оборотъ исторіи. Когда, наканунѣ катастрофы, Огюстенъ Робеспьеръ предложилъ ему начальство надъ парижскими войсками, чтобы поддержать своего колебавшагося брата, тотъ отвѣчалъ: „Въ Парижѣ труднѣе снести свою голову, чѣмъ въ арміи. Еще не время. Потерпите: я позже буду командовать Парижемъ“.

То былъ голосъ разсчетливаго и неистощеннаго политической борьбой полководца, который набирался силъ вдали отъ адской сутолоки и коварныхъ превратностей столицы.

Какъ только въ Ниццу пришла вѣсть о гибели Робеспьеровъ, Буонапарте тотчасъ пустилъ корсиканскую стрѣлу въ своего пріятеля, Огюстена. Отъ отправилъ письмо къ французскому дипломату въ Генуѣ, зная, что тотъ не замедлитъ сообщить объ этомъ въ Парижъ. „Я былъ немного тронутъ (un peu affecté) его катастрофой,—писалъ онъ. — Я любилъ его и считалъ безупречнымъ. Но если бы онъ былъ даже моимъ отцомъ, я закололъ бы его собственноручно, когда бы онъ вздумалъ разыграть роль тирана“ [1]).

Но было уже поздно. Саличетти, самъ заметая свои слѣды, шепнулъ въ Парижѣ, что Наполеонъ былъ „изобрѣтателемъ плановъ“ у диктатора и главнымъ виновникомъ смутъ на Корсикѣ; другой комиссаръ конвента увѣрялъ даже, что въ Генуѣ онъ переговаривался съ коалиціей.

И вотъ, Буонапарте былъ лишенъ генеральства. Затѣмъ его подвергли допросу. Его бумаги опечатали, а самого посадили 12-го августа въ фортъ Каррэ, близъ Антиба. Приговоръ гласилъ, что это сдѣлано „въ видахъ всеобщей безопасности, послѣ казни заговорщика Робеспьера“. Неудачникъ могъ утѣшиться только тѣмъ, что его братьевъ и Фэша не тронули, какъ ничтожества.

Все потеряно; а товарищи, даже ничтожные, такъ и лѣзутъ впередъ! Пишегрю уже начальникъ сѣверной арміи, Журданъ—маасской, Сен-Сиръ, Клеберъ, Бернадотъ—уже дивизіонные генералы. А Гошъ, геніальный и благородный Гошъ, этотъ опаснѣйшій соперникъ, уже пріобрѣлъ славу ловкимъ изгнаніемъ австрійцевъ изъ Эльзаса и снискалъ всеобщую любовь человѣчнымъ усмиреніемъ Вандеи. Впрочемъ, судьбѣ-мачехѣ не сломить было человѣка, про котораго пріятели уже говорили, что онъ кончитъ тропомъ или эшафотомъ. Буонапарте не падалъ духомъ. Вѣдь, счастьемъ было уже то, что его запрятали на югѣ, а не спровадили въ Парижъ, гдѣ архи-якобинца ждала гильотина. А тамъ Сали-

---

[1]) Наполеонъ III не помѣстилъ этого письма въ своей официальной „Correspondance de Napoleon“.

четти, уже „очистившійся“, снова сталъ за стараго пріятеля, тѣмъ больше, что въ бумагахъ осторожнаго генерала не нашли ничего подозрительнаго. Между „термидорцами“, низвергнувшими Робеспьера, оказались такіе пріятели, какъ Барра.

Наконецъ не дремалъ самъ узникъ. Онъ отправилъ въ конвентъ краснорѣчивое посланіе патріота, для котораго Франція уже стала „patrie“, а Корсика — только „département“. Здѣсь значилось:

„Развѣ я съ начала революціи не держался вашихъ убѣжденій? Развѣ меня не видѣли въ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ? Развѣ я не былъ солдатомъ, дерущимся съ чужеземцами? Я пожертвовалъ пребываніемъ въ моемъ департаментѣ, покинулъ мое добро и владѣнія, все потерялъ ради республики. И меня вышвырнуть вмѣстѣ съ врагами отечества? Патріоты безразсудно лишатся генерала, который былъ не безполезенъ республикѣ?.. Послушайте, снимите угнетающее меня бремя, возвратите мнѣ уваженіе патріотовъ: и тогда я готовъ черезъ часъ охотно отдать мою жизнь, если ее потребуютъ злые люди. Я такъ мало цѣню ее и довольно часто пренебрегалъ ею. Только мысль, что я могу еще разъ быть полезнымъ отечеству, внушаетъ мнѣ мужество нести ея бремя“.

Черезъ два дня другое письмо: „Сознаніе совѣсти поддерживаетъ спокойствіе моей души, но чувства моего сердца возмущены. Я чувствую, что съ холодной головой, но съ горячимъ сердцемъ невозможно жить долго въ подозрѣніи“.

Недѣли черезъ двѣ послѣ допросовъ и разборки его бумагъ начальство убѣдилось, что арестантъ „можетъ быть полезенъ республикѣ своими военными и мѣстными познаніями“. Наполеонъ былъ выпущенъ изъ форта, который кучка его пріятелей хотѣла уже взять приступомъ. Вслѣдъ за тѣмъ ему возвратили генеральскій чинъ, но отправили въ Ниццу, какъ опальнаго, безъ дѣла.

Какъ только явился онъ туда, тотчасъ корсиканскимъ выходцамъ удалось убѣдить правительство въ необходимости „освободить ихъ родину отъ тиранніи англичанъ“. Буонапарте былъ

назначенъ начальникомъ артиллеріи при экспедиціонномъ отрядѣ. Даже враги изумлялись рвенію и трудолюбію, съ которыми онъ цѣлыхъ полгода подготовлялъ эту „военную прогулку“. Но его снабдили столь скудными средствами, что англичане не дали даже высадиться французамъ.

Наполеонъ ни словечкомъ не касается въ своихъ воспоминаніяхъ этой неудачи, хотя онъ не былъ виноватъ въ ней. Можно повѣрить ему, что онъ не одобрялъ морского дѣла: онъ предпочиталъ энергичное наступленіе итальянской арміи къ Риму,— къ этому ключу въ сводѣ стараго порядка, гдѣ чернь, науськиваемая патерами, умертвила французскаго посланника. Недовольны были и въ Парижѣ. Тамъ окончательно возпегодовали на этихъ корсиканскихъ проходимцевъ, которые вездѣ мутили, интриговали да набивали себѣ карманы.

Новое начальство назначило Буонапарте въ пѣхоту. Правда, оно думало воспользоваться его „дѣйствительными познаніями въ арміи“. Но для героя Тулона это было униженіемъ. Позже онъ оцѣнилъ пѣхоту: ея командировъ, а не артеллпристовъ, возводилъ онъ въ маршалы. Но тогда онъ раздѣлялъ всеобщій предразсудокъ: „Кто не служилъ въ артиллеріи, — говоритъ Мармонъ, — тотъ не можетъ представить себѣ, какъ артиллерійскіе офицеры презирали пѣхотную службу“. Къ тому же Наполеона назначили командиромъ пѣхотной бригады въ „западную“ армію, т.-е. въ Вандею, гдѣ предстояли безславныя схватки съ мятежниками, возставшими за тронъ и алтарь. И онъ долженъ былъ служить подъ начальствомъ своего сверстника, препрославленнаго Гоша. А тамъ, въ Италіи, гдѣ онъ столько поработалъ, кто-нибудь другой, счастливецъ, будетъ исполнять его геніальный планъ!

Оттого-то Буонапарте не спѣшилъ въ Паржъ. Дорогой онъ останавливался у знакомыхъ; шутилъ и игралъ съ дамами, даже давалъ уроки своему неизбѣжному Люп. Но явившись въ столицу 28-го мая 1795 года, онъ тотчасъ же смекнулъ, что термидорцы не прочны, и рѣшился выжидать. Онъ скрылъ свою обиду, не подалъ въ отставку, а только прибѣгнулъ къ своему обычному маневру: взялъ отпускъ на 20 дней, подъ предлогомъ болѣзни,

и отправилъ своихъ лошадей въ Вандею. При этомъ онъ ухитрился доказать начальству свое „старшинство“, насчитавъ 17 лѣтъ службы, и получить большіе прогоны, накинувъ много лишнихъ верстъ. Когда срокъ отпуска истекъ, на сцену снова явилась лихорадка, на этотъ разъ дѣйствительная: отпускъ продлили до августа.

Между тѣмъ, вслѣдствіе борьбы партій, въ разстроенномъ конвентѣ начальство смѣнилось. Вліяніе перешло, между прочимъ, къ свидѣтелямъ тулонскаго подвига Наполеона, Барра и Фрерону, и къ ихъ пріятелю, Тальену.

Буонапарте воспрянулъ духомъ. Явилась докладная записка, полная и дерзкой самоувѣренности даровитаго выскочки, и корсиканскихъ стрѣлъ. Въ ней сказано: „Генералъ Буонапарте, который командовалъ артиллеріей при весьма серьезныхъ обстоятельствахъ и содѣйствовалъ выдающимся успѣхамъ, ожидаетъ справедливости отъ членовъ Комитета Спасенія, завѣдующихъ военными дѣлами: онъ надѣется, что они возстановятъ его въ должности и избавятъ отъ мученій видѣть свое мѣсто занятымъ людьми, которые всегда были въ сторонѣ, оставались чуждыми нашимъ побѣдамъ и невѣдомыми арміи, а теперь выступаютъ, чтобы вырвать себѣ плоды побѣды, опасностей которой они сумѣли избѣжать“.

Новое начальство временно прикомандировало генерала къ Топографическому Бюро, — комиссіи, которая занималась составленіемъ военныхъ плановъ и наказовъ для арміи. Тамъ тотчасъ замѣтили его „заслуги по части мѣръ, полезныхъ для итальянской арміи“. Буонапарте работалъ дни и ночи, завелъ образцовый порядокъ, писалъ отличные наказы. Онъ тотчасъ увлекъ всѣхъ своимъ планомъ итальянской кампаніи и союза съ Турціей противъ Австріи, при чемъ просилъ послать его начальникомъ артиллеріи въ Константинополь.

„Я назначенъ вмѣсто Карно, чтобы составлять планы дѣйствій для нашихъ армій,— писалъ Наполеонъ Жозефу 20-го августа.— Если захочу, могу получить казенную командировку въ Турцію, гдѣ буду пользоваться хорошимъ жалованьемъ и громкимъ титуломъ...

Теперь все спокойно, но, кажется, готовится буря... Постановленіе Комитета Спасенія, съ благодарностью мнѣ за наказы для арміи и планы кампаніи, составлено въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, что, чего добраго, меня не пустятъ въ Турцію. Ну, что жъ, посмотримъ, что будетъ! Быть-можетъ, мнѣ надняхъ придется и здѣсь отломать кампанію". Недѣли двѣ спустя новое письмо: „Мой наступательный планъ принятъ: скоро намъ придется переживать въ Ломбардіи важныя дѣла... Ничего не вижу въ будущемъ, кромѣ пріятнаго. А если и выйдетъ *иначе*, то будемъ жить настоящимъ: мужественный человѣкъ пренебрегаетъ будущимъ"...

Генералъ уже нанялъ сносную квартирку и хлопоталъ о покупкѣ хорошенькой дачки. Онъ завелъ собственнаго секретаря: то былъ преданный Жюно.

Но вдругъ случилось *иначе*. Опять перемѣнилось начальство: возобладали заклятые враги якобинства, — тѣ „люди", которыхъ такъ отдѣлалъ юный генералъ въ своей докладной запискѣ. Кромѣ этого дерзкаго документа, имъ бросилась въ глаза новая бумага смѣльчака о вознагражденіи его за какихъ-то лошадей,—требованіе, которое, по справкамъ, оказалось наглымъ подвохомъ. 15-го сентября Буонапарте былъ „вычеркнутъ изъ списка офицеровъ за отказъ отправиться къ назначенному посту".

Оставалась одна только надежда — на турецкаго султана. Наполеонъ горячо схватился за планъ командировки на берега Босфора. Но „въ данную минуту, однако, обнаруживаются нѣкоторые тревожные признаки подготовляющагося мятежа", — писалъ онъ многозначительно Жозефу 26-го сентября.

Буонапарте не ошибся. Настала новая буря, при которой понадобились такіе молодцы, какъ онъ.

Термидорцы взялись за передѣлку конвента въ духѣ того „милосердія", которое избавило ихъ отъ краснаго террора. Ужасный Комитетъ Спасенія сталъ барашкомъ въ рукахъ ихъ главарей,—такихъ отступниковъ якобинства, какъ Барра, Фушэ, Фреронъ и Тальенъ.

Грозная парижская Коммуна сдала власть дѣловымъ комиссіямъ конвента, которыя блистали присутствіемъ такого геніаль-

наго труженика и честнѣйшаго патріота, какъ Карно. Тюрьмы раскрылись, и однимъ изъ первыхъ „подозрительныхъ“ вышелъ славный, великодушный Гошъ. По провинціямъ гоненія за „федерализмъ“ были остановлены указомъ конвента.

Но ангелу милосердія еще рано было опуститься на многострадальную Францію. Термидорцы жестоко ошиблись: вмѣстѣ съ диктаторомъ, они сами, вчерашніе якобинцы, погубили всю свою систему. Революція смѣнилась „контръ-революціей“. Вторая Варѳоломеевская ночь была тѣмъ печальнѣй, что она была лишена оправданія первой — патріотизма отчаянія: сгубившія Робеспьера побѣды продолжались; и именно тогда онѣ доставили блестящій базельскій миръ. Реакція была плодомъ одной гнусной и неразумной мести героямъ террора, безкорыстно спасавшимъ „отечество въ опасности“. А рядомъ шло утоленіе жажды наслажденій, удовлетвореніе требованій себялюбія послѣ долгаго поста.

Якобинцы проповѣдывали правило своего пророка, Руссо: „Должно откинуть и подавить все, что ведетъ къ сосредоточиванію страстей на мерзости личнаго *я*“. А теперь нашъ корсиканецъ, армейскій служака, не узналъ Парижа. „Довольство,—говоритъ онъ,— роскошь, хорошій тонъ, танцы, зрѣлища, первыя въ мірѣ красавицы, лекціи, библіотеки, искусства, балы, прогулки,— все опять пошло въ ходъ. О терроръ помнятъ не больше, чѣмъ о сновидѣніи. Подумаешь, что всякій старается наверстать время, когда онъ страдалъ. А неизвѣстность будущаго заставляетъ ничего не жалѣть для удовольствій настоящаго“.

Воскресли салоны Сен-Жермена. Но важнѣе были гостиныя красавицъ и женщинъ „новаго слоя“ аристократіи—добродушной „Богоматери Термидора“, г-жи Тальенъ, и ученой г-жи Сталь, родоначальницы „либерализма“. Одинъ изъ салоновъ держала вдова гильотинированнаго генерала Богарнэ, креолка Жозефина, служившая очагомъ зарождавшейся военной знати, съ ея игрой въ высшую политику.

Въ этой смѣнѣ формъ жизни былъ глубокій смыслъ. То пировалъ на кровавыхъ развалинахъ дѣйствительно новый общественный слой—*буржуазія*, цвѣтъ которой назывался „золотой молодежью“.

Революція смяла родовитыхъ привилегированныхъ съ помощью пролетарія; но на ихъ мѣстѣ поднялась новая, имущественная, знать, примыкавшая, на свою погибель, къ эмигрантамъ, которые возвращались толпами, какъ крысы послѣ наводненія.

Золотая молодежь уже кишѣла и въ арміи, въ особенности же въ національной гвардіи. На ней особенно ярко отразился духъ противореволюціи, поддерживаемый ужасными разсказами выходцевъ изъ тюремъ и освободившейся печати. У нея завелась своя мода — отрицаніе якобинской: кокетливая „шапка-человѣчество“, изъ-подъ которой едва видѣлись подстриженные волосы и висѣли „собачьи уши“ (два локона до плечъ), „корсетъ—правосудіе“, короткіе „кюлоты“, необъятные пестрые галстухи съ затѣйливыми бантами, сѣрые фраки съ зелеными отворотами, какъ у мятежниковъ Вандеи. Эти новые „петиметры“ безбожно душились: ихъ называли „мюскаденами“ (мускусными лепешками). Они, какъ дѣти, картавили, восклицая на каждомъ шагу: „inc(r)oyable (невѣроятно)!“ Ихъ подруги также ломались и носили длиннѣйшіе хвосты; ихъ называли „мервельёзами“ (чудесницами). Главною принадлежностью золотой молодежи была палка-свинчатка или суковатая дубина, которую они наименовали своею „исполнительной властью“.

Эти франты совали свой носъ всюду, отыскивая иного рода „подозрительныхъ“: они избивали якобинцевъ безъ всякаго суда. То же дѣлалось въ провинціи: золотая молодежь образовала свой клубъ, наподобіе якобинскаго; и его отдѣленіями покрылись департаменты.

Начался *бѣлый терроръ*, это отвратительное пятно 1795 г.: щеголеватый „бѣлый якобинецъ“, ухаживая за своей дамой, прельщалъ ее показываньемъ пальца въ крови. Въ провинціи, особенно на злополучномъ юго-востокѣ, цѣлые полгода свирѣпствовала „Іисусова рота“ мюскаденовъ, поддерживаемая фанатизмомъ крестьянъ, которые открывали запечатанныя церкви и преслѣдовали „присяжныхъ“ поповъ. Въ конвентѣ шло „очищеніе“—теперь уже съ другого конца. Сюда возвратились жирондисты,—эти уцѣлѣв-

шія жертвы краснаго террора, уже склонявшіяся къ роялизму. Они изгопяли якобинцевъ со всѣхъ мѣстъ. Секціи Парижа, этотъ источникъ Коммуны, были уничтожены; революціонный трибуналъ былъ замѣненъ военнымъ судомъ, который не уступалъ ему въ юридическихъ убійствахъ. Всякіе якобинскіе клубы были строго запрещены.

Бѣлый терроръ свирѣпѣлъ тѣмъ болѣе, что опять поднимался жестокій соціальный вопросъ: „бѣдный чортъ“ (pauvre diable), этотъ несчастный пролетарій, купавшійся въ крови и слезахъ, какъ главное орудіе революціи, возставалъ поневолѣ, съ отчаянія и голода.

Парижъ переполнился нищими-пришельцами. А ассигнаты пали до $^1/_{40}$ назначенной цѣны, такъ что „обладателю 10-тысячнаго годового дохода нечѣмъ было жить“ говоритъ очевидецъ. Въ то же время былъ отмѣненъ „максимумъ“—и кулаки-скупщики сразу вогнали хлѣбъ въ 20 фр. за фунтъ. Между тѣмъ съ отмѣной секціи пролетарій лишился своего послѣдняго пропитанія—подешной платы. Ударила суровая зима: замерзли водопроводы; а топлива почти вовсе не было въ Парижѣ. И, вотъ, среди издыхающей толпы рабочихъ предмѣстій раздался неслыханный голосъ новаго пророка. Какой-то „Гракхъ“ Бабёфъ говорилъ уже не о бунтахъ, а о преобразованіи „общества“ въ корнѣ. Онъ проповѣдовалъ объ „истинномъ“, т.-е. „полномъ“, даже имущественномъ, „равенствѣ“.

То рождались соціализмъ и коммунизмъ, хотя еще безъ имени и строгой программы. Якобинцы же указывали пролетарію на забытую конституцію 1793 года, какъ на законное орудіе „соціальной“ реформы, какъ на воскрешеніе „золотого вѣка Робеспьера“.

Въ апрѣлѣ голодъ достигъ крайнихъ размѣровъ. „Бѣдный чортъ“ попробовалъ повторить кровавую расправу временъ Дантона. Но у него не было уже ни вождей, ни плана, ни организаціи. Войска Пишегрю, національные гвардейцы и золотая молодежь легко потопили мятежъ въ крови. Предмѣстья были обезоружены: они перестали существовать, какъ политическая сила.

Затѣмъ появилась *конституція III года*, третья въ теченіе революціи, которая была также реакціей демократизму. Она сохра-

няла республику, но вводила имущественный цензъ, вмѣсто всеобщей голосовки, и вообще ограничивала выборное начало. О братствѣ не упоминалось ни словечкомъ; равенство признавалось только гражданское, передъ закономъ. Свобода была ограничена: даже воспрещались тайныя общества, сходки, адресы и прошенія скопомъ. Подлѣ нижней палаты, названной Совѣтомъ Пятисотъ, поставлена верхняя—Совѣтъ Старѣйшинъ съ правомъ запрета (veto). Исполнительная власть была вновь отдѣлена отъ законодательной. Она вручалась *директоріи* изъ пяти членовъ, не моложе 40 лѣтъ, которая имѣла право назначать всѣхъ чиновниковъ.

„Директорія“ означала, что конвентъ боялся уже не одного пролетарія. Старый порядокъ воскресалъ быстро. Роялисты уже становились наглыми: они открыто провозглашали брата Людовика XVI, графа Прованскаго, „Людовикомъ XVIII“; а другой братъ, графъ Артуа, пытался высадиться въ Вандеѣ, съ помощью англичанъ. У республиканцевъ зарождался страхъ, какъ бы не повторился тотъ „ужасъ безъ конца“, который вызвалъ „ужасный конецъ“. Оттого-то побоялись принять любезный всѣмъ идеалъ Соединенныхъ Штатовъ Америки: „президентъ“ какъ разъ обратился бы въ какого-нибудь возвращеннаго Бурбона, какъ случилось полвѣка спустя съ племянникомъ Наполеона I.

И вышло подражаніе древнему Риму, только вмѣсто двухъ консуловъ назначили пять директоровъ. Мало того. Конвентъ до того опасался выбора друзей старины, что рѣшился на вопіющее нарушеніе общаго права гражданъ: онъ постановилъ, чтобы двѣ трети депутатовъ въ новыхъ палатахъ были избраны изъ его членовъ.

Эти-то двѣ трети вызвали первый настоящій мятежъ роялистовъ. Поддержанные недалекой буржуазіей, а также обѣщаніями Пишегрю и англичанъ, друзья стараго порядка устроили свой „денекъ“ (journée). Этотъ бунтъ извѣстенъ подъ именемъ *13-го вандемьера III года* (5 октября 1795). Онъ былъ усмиренъ; но выборы въ парламентъ показали силу роялизма по всей странѣ. Республика была спасена только „двумя третями“, которыя доставили большинство умѣреннымъ жирондистамъ (не изъ „цареубійцъ“), прошедшихъ и въ директора. Ей помогло недостойное

поведеніе Бурбоновъ: „Людовикъ XVIII“ издалъ мстительный манифестъ, который угрожалъ солдатамъ возвратомъ знатныхъ командировъ, а гражданамъ—отобраніемъ національныхъ имуществъ въ пользу эмигрантовъ и „неприсяжныхъ“. Конвентъ закрылся 26-го октября при восторженныхъ кликахъ: „Да здравствуетъ республика!“

X. Не у дѣлъ. Жозефина. 1795.

Бѣдствія опальнаго.—„Безуміе жениться“.—Портретъ страннаго генерала.—Спаситель конвента.—„Бонапартъ“.—Жозефина и бракъ.

Въ тотъ день, когда произошло знаменательное въ жизни Наполеона 13-е вандемьера, истекло пять мѣсяцевъ съ его появленія въ Парижѣ. Уже въ седьмой разъ судьба наносила ему, повидимому, смертельный ударъ. Онъ самъ рисовалъ себя такъ: „Я теперь—словно наканунѣ сраженія. Твердая увѣренность, что двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать... Убѣжденъ въ безразсудкѣ задумываться о будущемъ. Все складывается такъ, что я долженъ пренебрегать и своей судьбой, и смертью. Если такъ пойдетъ дальше, я, кажется, не стану даже сворачивать съ дороги передъ встрѣчнымъ экипажемъ“.

Наполеону стало опять такъ же плохо, какъ въ Оссонѣ (гл. III). Даже хуже: онъ уже вкусилъ сладость успѣха, обонялъ ѳиміамъ славы. Его мучили заботы о родныхъ, которые раздѣляли его опалу. Сестры бѣдствовали съ Летиціей въ Марсели. Братья лишились мѣстъ. Люсьенъ попалъ даже въ тюрьму, а на его плечахъ были жена и ребенокъ. Люи былъ разжалованъ и лишь изъ милости попалъ въ кадеты на казенный счетъ. Самъ Наполеонъ нищенствовалъ, на скудномъ жалованьѣ заштатнаго генерала. Онъ жилъ въ плохой меблированной комнаткѣ и съ трудомъ добился казеннаго сукна для замѣны поношеннаго мундира, въ которомъ щеголялъ среди золотой молодежи. Онъ занималъ у своего Жюно, который одинъ только остался при немъ: Мармонъ укатилъ въ рейнскую армію.

Буонапарте пускался на все—опять хватался за литературу, пробовалъ торговать книгами, замышлялъ спекулировать церковными имуществами на деньги Жозефа. „Немножко ассигнатовъ, привезенныхъ изъ арміи,—говоритъ Мармонъ,—ушли на неудачную биржевую игру“. Наполеонъ спалъ всего три часа; и на его лицѣ показывались признаки невралгіи. У него планы смѣнялись планами съ лихорадочной поспѣшностью; тоска и отчаяніе перемежались дерзкими мечтами о собственномъ домѣ, дачѣ, кабріолетѣ и тройкѣ. Несчастный чуть не каждый день пишетъ своимъ, особенно Жозефу, и отъ волненія не можетъ кончать писемъ. Но онъ восклицаетъ: „Бодритесь, веселитесь, не заботьтесь! Живу только счастьемъ моихъ. Дамъ вамъ счастье! Фортуна никогда не покидаетъ меня въ моихъ предпріятіяхъ“. А въ душѣ мучительный знакомый голосъ: „Воинъ долженъ побѣдить, или умереть на ложѣ славы“...

Опальный всюду жаловался на несправедливость министерства: онъ закидывалъ его прошеніями и прожектами, которые тамъ называли „химерами“. Праздный неудачникъ то слушалъ курсъ астрономіи, то сваталъ богатую невѣстку Жозефа, которая, однако, вышла за Бернадота. Сегодня онъ задумывался о смерти, Завтра готовъ былъ продать свою саблю англичанамъ въ Остъ-Индію, не то ихъ врагамъ — русскимъ. Храбрецъ, выходившій послѣ 9 ч. вечера на улицу (тогда рѣдко кто рѣшался на это), страшился сыщиковъ бѣлаго террора: видныхъ якобинцевъ все арестовывали и казнили. Онъ требовалъ „раскаянія“ даже отъ своихъ прежнихъ друзей и истолковывалъ „Ужинъ въ Бокерѣ“ въ консервативномъ духѣ.

А самъ ходилъ только къ госпожѣ Пермонъ—вдовѣ съ взрослыми дѣтьми, у которой собирались якобинцы и корсиканцы и которая бѣжала, наконецъ, тайкомъ изъ Парижа. Говорятъ, онъ предлагалъ руку и этой сверстницѣ своей матери: такъ овладѣвало имъ, отъ бездѣйствія и возраста, „безуміе жениться“ (la folie de se marier)! Впрочемъ, старушка была знатнаго рода, а главное—богата.

Лишь подконецъ Буонапарте началъ посѣщать Барра, который превратился въ душу золотой молодежи и прелестницъ

сомнительной строгости. въ особенности Жозефины Богарнэ, и даже попалъ въ директора. „Барра: — говоритъ онъ, — игралъ видную роль; а мнѣ, въ моемъ положеніи, непремѣнно надо было уцѣпиться за кого-нибудь“. Ему льстило и знакомство съ такимъ салономъ, какъ у „маркизы“ Богарнэ: онъ говорилъ тогда Мармону, что ему хотѣлось бы войти въ „высшее общество“.

А тамъ его не баловали: скорѣе чуждались этого страшнаго якобинца. Непріятны были его искривленныя губы, его строгое, испитое лицо оливковаго цвѣта, казарменность его манеръ, сальность походныхъ разсказовъ, небрежность въ одеждѣ. Отъ всей его молчаливой, раздраженной, но холодной фигуры вѣяло чѣмъ-то рѣзко-повелительнымъ и гордымъ, отчаяннымъ и загадочнымъ: его сравнивали съ Маратомъ.

Дамы наблюдательны. Г-жа Пермонъ описываетъ тогдашняго Наполеона такъ: „У него рѣзкія, угловатыя черты лица, маленькія руки съ длинными худощавыми пальцами, длинные растрепанные волосы. Онъ ходитъ безъ перчатокъ (безполезная издержка!), носитъ дурно сшитые и плохо вычищенные башмаки, имѣетъ болѣзненный видъ отъ худобы и желтоватости лица, скрашеннаго лишь глазами, которые сверкаютъ умомъ и твердостью духа“. Другая дама добавляетъ: „Съ такимъ господиномъ непріятно встрѣтиться вечеромъ у лѣса. Мундиръ у него до того истасканный, такой жалкій, что я сначала не повѣрила, что это — генералъ. Говорили, что онъ очень бѣденъ и гордъ, какъ шотландецъ“. А жена его школьнаго товарища, Бурьена, говоритъ: „Онъ сталъ еще холоднѣе и загадочнѣе; улыбка у него фальшивая и зачастую неумѣстная. На него находятъ припадки какой-то озлобленной веселости: тогда чувствуешь себя крайне неловко и утрачиваешь дружеское къ нему расположеніе“.

Особенно интересенъ, даже самъ по себѣ, тонкій отзывъ вдовы Богарнэ. Жозефина писала подругѣ: „Я въ восторгѣ отъ мужества генерала, отъ его всезнанія, мѣткости сужденій, живости ума, съ которою онъ, кажется, понимаетъ каждаго раньше, чѣмъ тотъ выскажется. Но, признаюсь, меня страшитъ, что онъ, повидимому, желаетъ властвовать надъ всѣмъ. Въ его пытливомъ взорѣ

что-то грозное, непостижимое, что̀ смущаетъ даже нашихъ директоровъ... Барра увѣряетъ, что добудетъ генералу начальство надъ итальянской арміей, если онъ женится на мнѣ. А Буонапарте сказалъ мнѣ: „Такъ, по-ихнему, мнѣ нуженъ покровитель! Погодите: они сами будутъ пресчастливы, если я захочу стать ихъ покровителемъ. Прп мнѣ—сабля; а съ нею я далеко пойду!..“ Не знаю, почему, но это смѣшное самомнѣніе до того опутываетъ меня, что я считаю возможнымъ все, чего ни пожелаетъ этотъ странный человѣкъ. А онъ обладаетъ чрезвычайно пылкимъ воображеніемъ, не дозволяющимъ предвидѣть его предпріятія и поступки“.

Эта корсиканская, первобытная вѣра въ свою „звѣзду“ была такъ глубока, что юный генералъ не боялся окружать себя талантами, которые могли только оттѣнять его блескъ. Отсюда — его отчаянная смѣлость и скоропалительность: ему хотѣлось вдругъ взлетѣть выше всѣхъ, когда и всѣ-то подпимались быстро. На замѣчаніе насчетъ его молодости онъ отвѣчалъ: „На полѣ брани живо старѣются“. Если онъ увлекался античностью, подобно всѣмъ французамъ той поры, то не Аѳинами и республикой, а Римомъ, съ его непобѣдимыми легіонами и міродержавіемъ.

„Роковой человѣкъ“ бросился въ водоворотъ издыхающей революціи, какъ иностранецъ и честолюбецъ: ему были чужды страданія французской „канальи“, какъ называли привилегированные пролетарія; онъ не терпѣлъ массовыхъ, безпорядочныхъ движеній. Въ рѣзкомъ, холодномъ, какъ сталь, лаконизмѣ писемъ и рѣчей генерала уже стушевывались слѣды „чувствительности“ и „идеологіи“. Впрочемъ, онъ еще помнилъ Аркадію своей ранней юности: въ его походной сумкѣ хранился экземпляръ Руссо; на всей его фигурѣ еще лежалъ отпечатокъ идеализма революціи, который усиливалъ его обаяніе, прикрывая исполинскій эгоизмъ.

Этого-то чудака, почти мальчишку, который, безъ роду-племени, безъ связей и богатствъ, уже очаровывалъ всѣхъ, обстоятельства вдругъ вознесли на степень спасителя правительства.

Наканунѣ 13-го вандемьера мятежники открыто готовились къ борьбѣ. Правительство не могло медлить: отъ исхода умѣлой

битвы зависѣло его существованіе. Ночью, послѣ бурнаго засѣданія конвента въ Тюльери, Барра былъ назначенъ начальникомъ „внутренней“ арміи. Онъ и не подумалъ бы объ этомъ, если бы утромъ не получилъ записочки отъ Буонапарте. Теперь онъ согласился — съ условіемъ, чтобы секундъ-генераломъ назначили „корсиканскаго офицерика, который не станетъ церемониться“.

Конечно, Барра устранился, возложивъ кровавую расправу на Наполеона. Послѣдній съ жаромъ взялся за дѣло: его судьба была связана съ судьбой конвента.

У Буонапарте было всего 5.000 солдатъ противъ 20.000 мятежниковъ. Но за него былъ опытъ битвъ въ узкихъ ущельяхъ Альпъ. А главное—онъ полагался на своихъ любимицъ — на пушки, которыхъ недоставало противнику. Артиллерійскій офицеръ Мюратъ молодецки спроворилъ ихъ изъ артиллерійскаго парка, за городомъ, къ Тюльери, такъ что мало кто и замѣтилъ этотъ маневръ. Мятежники не знали даже, что командуетъ побѣдитель Тулона: приказанія отдавались именемъ Барра. Буонапарте и въ донесеніи о боѣ не упомянулъ себя: онъ исчезъ тотчасъ послѣ дѣла, какъ былъ невидимкой до него.

Тѣмъ болѣе поразила всѣхъ испитая, вдохновенная фигурка генерала, возникавшая, на конѣ, всюду, гдѣ кипѣлъ бой, словно духъ крови и смерти. Наполеонъ проявилъ глубокое пониманіе дѣла и лихорадочное рвеніе, но соединенное съ математической точностью расчета. Онъ сразу пустилъ въ ходъ перекрестный огонь картечи, какъ бы давая міру первый урокъ великаго значенія артиллеріи. Часа въ четыре все было кончено: и парижанъ погибло не больше двухъ сотенъ. На другой день столица приняла обычный видъ: театры были переполнены.

Вслѣдъ за тѣмъ графъ Артуа съ англичанами бѣжали восвояси. Вандея замерла; и 80.000 войска были переведены оттуда на границы.

Міровой переворотъ былъ очевиденъ. Но немногіе могли измѣрить его глубину. Дѣло въ томъ, что новая форма правленія въ „столицѣ міра“, директорія, началась съ работы пушекъ и штыка: гражданская власть становилась подъ охрану военной. Расчищался путь цезаризму.

И Цезарь былъ налицо: „генералъ Вандемьеръ“ (такъ называли Наполеона другіе генералы) сталъ главнокомандующимъ внутренней арміи: его имя, уже знакомое войскамъ, вышло изъ мрака неизвѣстности для всего свѣта. Передъ нами другой человѣкъ: изъ куколки выпорхнулъ мотылекъ. Буонапарте уже окруженъ штабомъ, гдѣ первенствуютъ родные и друзья съ Мармономъ и Жюно во главѣ. У него уже любимая повелительная фраза: „Мое намѣреніе таково (mon intention est)“.

Буонапарте даже перемѣнилъ свой четкій почеркъ на непостижимыя ребяческія каракули. Вскорѣ онъ сталъ подписываться *Бонапартъ*: „Buonaparte“ выдавало его итальянское происхожденіе. Онъ сталъ „роковымъ человѣкомъ“. „Счастье со мной!“—пишетъ онъ 14-го вандемьера; „судьба“ начертываетъ онъ на обручальномъ кольцѣ своей невѣсты. Его вѣра въ свою „звѣзду“, его высокомѣріе достигли степени дезорсти и наглости.

Обнаружилась и алчность корсиканца-пролетарія. У Бонапарта отличный экипажъ и красивый домъ. Онъ схватился за финансовыя спекуляціи, — и на семью полился золотой дождь: разъ ей сразу было послано четыреста тысячъ франковъ. Люсьенъ былъ освобожденъ и посланъ къ матери въ Марсель; Люп сталъ поручикомъ; Жозефу обѣщано мѣсто консула; Жеромъ попалъ въ парижское высшее училище. Въ то же время нашъ генералъ, съ одной стороны, оказался такимъ чудеснымъ полицейскимъ, что уже не было бунтовъ, несмотря на голодовку, съ другой — сталъ покровителемъ всѣхъ опальныхъ и неудачниковъ. Онъ раздавалъ мѣста и деньги интереснымъ людямъ всевозможныхъ партій и хлѣбъ — голодающимъ; онъ льстилъ направо и налѣво, всѣхъ очаровывалъ. Счастливчикъ ухаживалъ и за дамами, сталъ чуть не великосвѣтскимъ львомъ.

Но къ концу этого чудеснаго года — новая перемѣна въ „фатальномъ“ человѣкѣ: онъ внезапно погрузился въ прежнюю угрюмую задумчивость и сталъ нелюдимъ; онъ опять сдѣлался неуклюжимъ, раздражительнымъ, грознымъ. Директора смущались, не знали, что̀ дѣлать съ своимъ спасителемъ.

Но, вотъ, Барра провѣдалъ отъ своей *Жозефины Богарнэ*, что страшный генералъ врѣзался въ нее по-уши: онъ любитъ даже ея дѣтей, а также „все, что она ни дѣлаетъ и говоритъ, всѣхъ, кого она видитъ, ея платья,—все, что касается его обожаемаго друга“. Чтобы понять природу Бонапарта, особенно въ виду его разсужденій о любви въ Валансѣ, приведемъ одну изъ множества его записочекъ къ Жозефинѣ, относящихся къ той порѣ:

„Жду тебя, полный тобой! Твой образъ и вчерашній опьяняющій вечеръ не даютъ покоя моимъ чувствамъ. Милая, несравненная Жозефина, какое странное впечатлѣніе производите вы на мое сердце! Сердитесь ли вы на меня, печальны ли вы, безпокоитесь ли,—моя душа разрывается отъ мученій, и нѣтъ покоя вашему другу. А развѣ я нахожу его, когда отдаюсь владѣющему мной глубокому чувству, когда я впиваю съ вашихъ устъ, изъ вашего сердца пожирающее меня пламя? Ахъ, этой ночью я понялъ, что вашъ образъ—не вы сами. Ты ѣдешь въ полдень; черезъ три часа увижу тебя. До тѣхъ поръ тысячу разъ цѣлую, mio dolce amor. Но ты не цѣлуй меня: иначе—я сгорю!“

Эта страсть разбила даже главное чувство корсиканца. Наполеонъ зналъ, что его завистливая родная семья возненавидитъ соперницу, съ которой онъ будетъ дѣлить свое сердце. Особенно должна была негодовать матрона Летиція, которая считала и все счастье генерала-Вандемьера „временнымъ“ („provisoire“, писала она тогда Жозефу).

Современникъ говоритъ: „Мягкость нрава Жозефины, благоволеніе, блиставшее въ ея взорахъ, проявляемое не только въ рѣчахъ, но и въ тонѣ голоса, какая-то свойственная креолкамъ безпечность, сквозящая въ ея манерахъ и движеніяхъ, даже когда она старается нравиться,—все это придавало ея существу прелесть, которая перевѣшивала блестящую красоту обѣихъ ея соперницъ (г-жъ Рекамье и Тальенъ)... То не была особенно умная женщина. Это—креолка, крайне кокетливая, мало образованная. Но она понимала, чего недоставало ей, и не роняла себя въ разговорѣ. Она обладала тонкимъ чутьемъ и отлично умѣла говорить всякому пріятное. Къ сожалѣнію, ей недоставало

серьезности чувствъ и истиннаго величія души". Другіе прибавляютъ, что то была интриганткa, отлично игравшая слезами, лестью, всякой ложью.

Словомъ, предъ нами непостижимое сліяніе безсознательнаго эгоизма, тонкаго расчета и полнаго самозабвенія страсти, украшенной нѣжностью, граціей, кружевами и брильянтами; а вмѣстѣ съ тѣмъ то была рабыня вспышекъ страсти и случайныхъ встрѣчъ.

Этотъ недостатокъ проявился и въ отношеніяхъ креолки къ Бонапарту. Въ ея вышеупомянутомъ письмѣ къ подругѣ читаемъ: „Наконецъ, часто мое, уже готовое, согласіе останавливало именно то, что̀ должно бы нравиться мнѣ, — сила этой страсти, проявляемая съ такой энергіей, что въ ея искренности нельзя сомнѣваться. Можно ли мнѣ, уже утратившей первую молодость, надѣяться сохранить надолго эту бурную нѣжность генерала, похожую на припадокъ безумія? Не сталъ бы онъ сожалѣть о потерѣ блестящей связи? И тогда, что̀ я отвѣчу, что̀ мнѣ останется дѣлать?"

Другого дѣла Жозефина не признавала: она и не думала о своихъ дѣтяхъ.

Увядающая роза склонилась на совѣты всемогущаго Барра, которому уже надоѣдали сумасбродныя и даже для него дорогія выходки томной креолки. Она сдалась также своей вѣрѣ въ геній необыкновеннаго жениха, сулившій блестящую будущность. Она уже мечтала быть пристроенной (casée): она гадала на кофе, ѣздила по ворожеямъ. Наконецъ, интересенъ былъ этотъ „mariage de raison" (бракъ по расчету). Страстной креолкѣ надоѣло служить забавницей истасканнаго сластолюбца, который никогда не любилъ ни одной женщины. Она еще способна была на минутное увлеченіе чувственностью, напоминая вспышки погасающей лампы. И ей предстояло испытать послѣднюю „авантюру", приключеньице, съ обезумѣвшимъ юношей, повторить всю знакомую гамму любви. А выйдетъ неудача въ „свѣтѣ" — не трудно повернуть оглобли, отдаться другому, бросивъ околдованнаго, какъ выжатый лимонъ.

Но и Бонапартъ, при всей пылкости своей страсти, не былъ чуждъ расчета. Онъ видѣлъ всемогущество женщинъ, воскрес-

шее, какъ при „старомъ порядкѣ“, въ обществѣ, спѣшившемъ испить чашу наслажденій до дна. „Женщины,—писалъ онъ Жозефу,—всюду: въ театрахъ, на прогулкахъ, въ библіотекахъ. Въ кабинетѣ ученаго сидятъ самыя милыя особочки; здѣсь только, во всемъ свѣтѣ, онѣ достойны кормила правленія. И мужчины совсѣмъ одурачены ими: они думаютъ только о нихъ, живутъ только для нихъ“. Бонапартъ видѣлъ, что для хорошей карьеры требуются эти царицы „свѣта“, и склонялся передъ ними, сознавая свое неумѣнье владѣть его условностями. Злой на языкъ Люсьенъ восклицаетъ: „Что было бы съ нимъ, если бы онъ, подобно Магомету, не нашелъ себѣ Хадиджи?“ Когда богачки, г-жа Перманъ и невѣстка Жозефа, отказали, годилась и Жозефина, которая прикрывала свое безденежье пышной жизнью и была наперсницей главы директоріи.

А тутъ еще, съ одной стороны, горячность корсиканской крови, съ другой—опытность кокетки, которая „съ талантомъ употребляла бѣлила и румяна“ и умѣла пускать въ ходъ „туалетные фокусы, при блескѣ свѣчъ“ (слова г-жи Ремюза и Люсьена). Жозефина, удостоившая своихъ ласкъ политиковъ и банкировъ, залучила и генерала, котораго встрѣтила у Барра. Тутъ дѣйствовали не одна нѣжная небрежность лѣнивыхъ позъ на диванчикѣ надвоихъ, не одно свободное и очень открытое платье пеньюара: выскочкѣ льстило и ласковое слово аристократки, непривычное для слуха солдата-пролетарія. Вѣдь, маркиза Богарнэ понижалась, становясь „гражданкой Бонапартъ!“ Наполеона плѣнялъ и аптечно-парниковый ароматъ „стараго порядка“: по его собственнымъ словамъ, обращеніе Жозефины дышало „спокойствіемъ и достоинствомъ двора“.

Вотъ признаніе самого Наполеона, поясняющее все сказанное: „Однажды, когда я сидѣлъ подлѣ нея, она лестно отозвалась о моемъ высокомъ талантѣ; и эта похвала отуманила меня. Съ тѣхъ поръ я все обращался къ ней, всюду слѣдовалъ за ней, наконецъ страстно влюбился. И когда я еще не смѣлъ признаться, наше общество дало ей понять. Когда дѣло разгласилось, Барра заговорилъ со мной о немъ. У меня не было при-

чишъ отпираться. „Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—вы должны жениться на г-жѣ Богарнэ. Вы можете пустить въ ходъ ваше знаніе и вашъ талантъ; но вы одиноки, безъ состоянія и связей. Женитесь: это дастъ прочную опору“.

Барра осуществилъ намекъ. Нищая Жозефина оказалась самою богатой невѣстой: Бонапартъ, самый младшій изъ генераловъ, получилъ, наканунѣ свадьбы, должность главнокомандующаго итальянской арміей. 9-го марта 1796 года онъ вступилъ въ гражданскій бракъ, при которомъ присутствовалъ геній лжи: въ брачной записи невѣста помолодила себя на 4 годика, женихъ постарѣлъ на годъ. То же сдѣлали при своихъ свадьбахъ Жозефъ и Люсьенъ. И вышло такъ, что всѣ трое братьевъ родились въ одномъ и томъ же, 1768-мъ, году.

Наполеонъ только три дня наслаждался упоеніемъ любви безраздѣльно: 12-го марта онъ уже поскакалъ за Альпы. И жена уже не принадлежала ему. Напрасно онъ изо дня въ день слалъ ей страстныя мольбы летѣть къ его груди: она собиралась цѣлыхъ два мѣсяца, пока не кончился салонный сезонъ столицы. То она была больна, чувствуя какъ бы беременность; то „традиціи“ знати не дозволяли женамъ быть въ походѣ. Такъ увѣряли ее высокородные обожатели, которыхъ теперь стало больше прежняго; во главѣ ихъ стоялъ нѣкій Шарль — олицетворенное ничтожество великосвѣтскаго фатовства.

„Я въ отчаяніи, — писалъ полководецъ къ Карно, — жена не ѣдетъ. У нея навѣрное есть любовникъ, который держитъ ее въ Парижѣ. Да будутъ прокляты всѣ женщины!“

Наконецъ директорія погнала Жозефину, опасаясь, что ея генералъ броситъ армію и прискачетъ къ своей суженой. Супруга двинулась, съ плачемъ и—со своимъ Шарлемъ, котораго она пристроила адъютантомъ въ итальянскую армію. Зиму и осень, эти славные дни мужа, она проводила, порхая, со своимъ штатомъ флирта, между Миланомъ, Болоньей и Римомъ. Тамъ она застряла и въ ту минуту, когда Наполеонъ поскакалъ въ Парижъ съ лавровыми вѣнками.

Б. Наполеонъ Бонапартъ.

12 марта 1796—9 ноября 1799.
3 года и 7 мѣсяцевъ.

XI. Колыбель „рокового человѣка“. 1796.

Условія зарожденія міродержца. — Безпомощность Франціи. — Театръ первыхъ подвиговъ. — „Великолѣпные босоножки“. — „Снятіе оковъ съ народовъ“. — Идеалъ Марса въ юности. — Его сподвижники. — Отрицаніе „героепоклонства“. — Новая тактика и Карно. — Проза дѣйствительности.

Казалось, Бонапартъ летѣлъ, какъ угорѣлый, въ Италію, чтобы сломить себѣ шею. Онъ былъ какъ въ лихорадкѣ. Его обуревала еще не насыщенная страсть къ Жозефинѣ, которой онъ посылалъ пламенныя письма чуть не съ каждой станціи. Его томила жажда славы и величія: онъ вѣрно разсчитывалъ, что ея утоленіе—тамъ, за далекими, но хорошо знакомыми горами, а не въ столицѣ Франціи. Парижане ненавидѣли его въ глубинѣ души за 13-е вандемьера. Завистники и „свѣтъ“ насмѣхались надъ нимъ и подставляли ему ножку. Самъ честный Карно, цѣнившій его талантъ, не довѣрялъ назойливому выскочкѣ: онъ не далъ ему портфеля военнаго министра, какъ ни настаивалъ Барра. Наконецъ, въ Парижѣ Бонапартъ былъ только человѣкъ извѣстной партійки, въ арміи же — герой всей націи, а при удачѣ—и міровой геній.

Между тѣмъ, повидимому, все было противъ него. Директорія колебалась въ самомъ основаніи. Въ казнѣ не было ни гроша. Бонапартъ очистилъ поскребушки, отправляясь въ армію. Ассигнаты ничего не стоили; да еще англичане уже наводнили Францію фальшивыми бумажками. Всюду свирѣпствовалъ такой голодъ, что сложилась поговорка: „тощъ, какъ французъ“. Одинъ роялистъ справедливо писалъ директорамъ:

„Ваше положеніе поистинѣ ужасно. За исключеніемъ Пруссіи, всѣ великія державы Европы — ваши отъявленные враги. Вы

потеряли въ бояхъ и госпиталяхъ большую часть юношества: скоро рекрутскіе наборы станутъ невозможны. Обработка земли пала отъ недостатка рабочихъ рукъ, лошадей и удобренія. Уничтожена ваша торговля, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя; фабричные рабочіе потеряли кто жизнь, кто разсудокъ. Недостаетъ и военныхъ запасовъ для вашихъ судовъ, а также всѣхъ чужеземныхъ произведеній. Нѣтъ у васъ кредита ни дома, ни за границей".

Не лучше было въ арміи. Есть картина, изображающая раздачу одному батальону за отличіе по парѣ деревянныхъ башмаковъ на брата. Голодные солдаты падали духомъ отъ послѣднихъ неудачъ. Заклятый врагъ, Англія, разъяренная базельскимъ миромъ 1795 года, который разстроилъ первую коалицію монарховъ и сдѣлалъ Пруссію орудіемъ Парижа, пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы отомстить Франціи нашествіемъ австрійцевъ и сардинцевъ. Республика отвѣчала смѣлымъ и величественнымъ планомъ: Карно повелѣлъ „докопать императора и освободить Италію".

Но онъ началъ не съ того конца. У границъ Италіи была оставлена маленькая армія (38.000 человѣкъ и 30 пушекъ). Карно сосредоточилъ свое вниманіе на двухъ рейнскихъ арміяхъ, которыя должны были молніеносно двигаться на Вѣну весной 1796 г. Ими командовали достойные люди, разгромившіе первую коалицію.

Таковъ былъ скромный, дѣльный *Журданъ*, который до революціи торговалъ въ лавочкѣ, какъ „неблагородный". А подлѣ красовался *Гошъ*—первый послѣ Наполеона стратегъ, сынъ охотника и принцъ видомъ, величавый, но человѣчный покоритель враговъ и сердецъ, особенно женскихъ. Но даже такой благороднѣйшій отпрыскъ революціи былъ превзойденъ на этотъ разъ серьезнымъ, образованнымъ, приличнымъ *Моро* (Moreau): образецъ хладнокровія, стойкости духа, дисциплины и гуманности, Моро бросался въ опасность для спасенія товарищей и „старался, чтобы всѣ столько же уважали характеръ французовъ, сколько страшились ихъ оружія".

Но этимъ доблестнымъ генераламъ повредилъ самъ Карно, у котораго на этотъ разъ геометрія черезчуръ перевѣсила стра-

тегію: преслѣдуя свой любимый планъ—охватывать врага съ боковъ, онъ слишкомъ разъединилъ объ арміи. Этимъ воспользовался единственный изъ австрійцевъ, не походившій на вѣнскихъ рутинеровъ, — братъ императора Франца II, молодой эрцегерцогъ Карлъ. То былъ храбрый воинъ, даровитый организаторъ и человѣкъ образованный, скромный, независтливый; солдаты любили его. И какъ полководецъ, онъ былъ способенъ на хорошіе планы. Но онъ медленно соображалъ; и его осторожность доходила чуть не до боязливости, особенно въ виду горячаго, изворотливаго противника.

Карлъ бросился между растянутыми арміями врага и оттѣснилъ ихъ такъ, что ихъ спасло отъ погибели только знаменитое въ военныхъ лѣтописяхъ отступленіе Моро. А вслѣдъ за тѣмъ умеръ Гошъ (сентябрь 1797 г.), эта краса французскихъ войскъ, который болѣе Наполеона былъ достоинъ великой роли: его уже называли „французскимъ Вашингтономъ“. Внезапную смерть героя приписывали то Бонапарту, то Пишегрю, хотя онъ скорѣе палъ жертвой женолюбія.

Французы истомились, впадали въ отчаяніе: всѣ жаждали мира, уже только съ „естественными границами“ (Рейнъ, Ницца, Пиренеи), бросая первоначальную мечту о міровой революціонной пропагандѣ. Но для этого нужна была война, необходимая для правительства, въ виду еще сильныхъ партій роялистовъ и якобинцевъ. Требовались именно внезапныя, чудесныя побѣды въ Италіи. Это было въ интересахъ не одного Бонапарта, но и директоровъ, которые видѣли въ немъ своего спасителя и опасались рейнской арміи, этого притона якобинства. Для всѣхъ ихъ Италія представляла самое привлекательное поприще: она славилась своими богатствами, скопленными въ теченіе вѣковъ, благодаря міровой торговлѣ и благодатной природѣ.

А тамъ, въ суровыхъ ущельяхъ горъ, изнывала заброшенная армійка, покрытая лохмотьями или кусками кожи. Она давно уже не видала денегъ: даже генералы получали 8 фр. въ мѣсяцъ. Въ ея управленіи царствовала анархія. А противъ нея стояли, въ боевомъ порядкѣ, четыре австрійскихъ арміи, опиравшіяся на рядъ

неприступныхъ крѣпостей, съ знаменитой Мантуей во главѣ. Ихъ охранялъ съ суши изворотливый и хозяйственный „привратникъ Альпъ“, сардинскій король, а съ моря — англійскій флотъ, подъ командой талантливаго, отважнаго и упорнаго Нельсона. Французской арміи въ Италіи была поставлена невозможная задача: ее разрѣшилъ герой, рожденный тогда войной и революціей.

Положеніе Бонапарта было отчаянно лишь съ виду: въ сущности, онъ былъ окруженъ самыми счастливыми условіями. Важнѣе всего было то, что непріятель никуда не годился. Австрія и Германія представляли собой средневѣковую развалину, главное въ Европѣ убѣжище всякой отсталости и высокомѣрной бездарности. Ихъ императоръ, Францъ II, хотя молодой человѣкъ, сверстникъ Бонапарта, былъ лицемѣромъ ретроградства, игрушкой іезуитовъ и эмигрантовъ, узкимъ фанатикомъ крестоваго похода противъ „яда революціи“. Онъ не обращалъ вниманія на Италію, хотя парижскіе аристократы извѣщали его, уже въ началѣ 1796 г., что французы рѣшили вторгнуться туда „во что бы то ни стало“. Его итальянскія арміи были снабжены старыми ружьями, у которыхъ зачастую не хватало кремней. Во главѣ ихъ стояли такіе ветхіе рутинеры, какъ 72-лѣтніе Больё; да и тѣ не смѣли сдѣлать шагу безъ приказа не нюхавшихъ пороху тушицъ придворнаго совѣта въ Вѣнѣ.

Эти лже-полководцы были приверженцами старой школы, когда война была частью парадомъ экзерциргауза, частью маневрированіемъ черепахи, „съ обезпеченіемъ тыла“ и съ охраной „каждаго пунктика“. Они безсмысленно растягивали свои войска, навьюченныя безконечнымъ багажомъ. Вдобавокъ австрійцы ревновали сардинцевъ: то были „союзники съ расходящимися линіями отступленія“. Бонапарту было обидно драться съ этими мастодонтами военщины; а они не принимали никакихъ предосторожностей противъ этого „мальчишки“ и его барановъ [1]). Наконецъ, фран-

[1]) Враги приписывали успѣхи Бонапарта подкупу. Сохранилось одно его письмо отъ 1797 г., гдѣ онъ, называя австрійское начальство отвратительнымъ“ (détestable), прибавляетъ: „Невѣрно, будто я подкупилъ военачальниковъ; я и не думалъ объ этомъ. Но я настаиваю на

цузамъ помогъ великій герцогъ тосканскій: онъ не пропустилъ неаполитанскихъ войскъ черезъ свои владѣнія.

Въ рукахъ Бонапарта были и всѣ положительныя условія успѣха, помимо его собственнаго генія. Передъ нимъ развертывался наилучшій театръ войны — всѣ эти перерѣзанныя горами и потоками мѣстности, которыя онъ зналъ какъ свою квартиру, изучивъ ихъ еще въ 1794 г.: онъ цѣлую послѣднюю зиму составлялъ планы, записки, особенно карты, въ которыя и не заглядывали его противники.

У Бонапарта была и лучшая въ свѣтѣ армія, поставленная имъ уже въ 1794 г. въ крѣпкія, искусно выбранныя позиціи. То было невиданное въ Европѣ „поголовное ополченіе“ конвента, — самъ народъ подъ ружьемъ. То были уже закаленные въ эпическихъ походахъ бойцы, но все молодежь, ловкая, смѣтливая, легкая на подъемъ: 38.000 Наполеоновъ въ миніатюрѣ! Въ ней еще не остылъ восторгъ революціи: ею руководилъ не одинъ инстинктъ, но и сознаніе борьбы за человѣческія права, за магическія три слова революціи. Одинъ сержантъ всегда молился такъ: „Справедливый Боже! Возьми подъ свой святой покровъ великодушную націю, которая сражается лишь за равенство“. Одинъ отставной капитанъ 66-ти лѣтъ самъ вновь явился на службу. Когда ему отняли лѣвую руку, онъ взялъ ее въ правую и потрясалъ ею, восклицая: „Да здравствуетъ республика! У меня еще остается десница, чтобы защищать ее!“

Это—тѣ „босоножки“ (гл. VII), которые шли освобождать своего брата, итальянскаго „каналью“, отъ ига „тирановъ“. И ихъ встрѣчалъ такой же могучій, пылкій союзникъ. По всему полуострову носились свободолюбивыя пѣсни итальянскаго поэта-народника, Альфьери, словно стонъ замученнаго народа. При появленіи французовъ всюду вырастало „древо свободы“. Героевъ-лохмотниковъ дѣти засыпали цвѣтами; а женщины кидались имъ въ объятья.

томъ, что не было у нихъ ни одного генеральнаго штаба, въ которомъ многіе высшіе офицеры не были бы преданы мнѣ и подкуплены. Оттого я зналъ не только объ ихъ рѣшеніяхъ, но и о замыслахъ; и я разрушалъ ихъ прежде, чѣмъ они вполнѣ созрѣвали“.

Самъ юный вождь любилъ тогда „красавицу Италію“, эту мать французской культуры, эту пышную, покрытую чудесами искусства страну, гдѣ и лаццарони смотритъ счастливцемъ, утопая въ морѣ блеска отъ глубокаго неба, искрящихся волнъ и горныхъ сѣдинъ, чувствуя, какъ прозрачный воздухъ льется въ душу. „Италія, Италія!“ восклицалъ онъ восторженно, почуя на лонѣ Альпъ, у Тендскаго перевала, еще въ началѣ 1795 г.

Можно понять гравюру итальянскаго художника „Свобода Италіи“, посвященную тогда „свободнымъ людямъ“. Передъ нами Геркулесъ, съ разорванными цѣпями, у памятника Виргилія. Его обнялъ десницей маленькій генералъ съ очаровательно-задумчивымъ лицомъ, обвившій другою рукой станъ дебелой красавицы-Италіи, которая положила свои длани на его плечо и подняла благодарные взоры къ небу. Надъ блаженною группой летятъ музы, съ вѣнками, и трубятъ славу. Вдали вырисовывается веселый городокъ среди красивыхъ горъ. Кругомъ роскошная растительность.

Этотъ генералъ гравюры похожъ, по выраженію лица, на знаменитый портретъ-картину барона Гро, изображающій Бонапарта на мосту у Арколэ, съ знаменемъ въ рукахъ. Дивно идеализованныя, вдохновенныя черты юнаго генія битвъ отчасти соотвѣтствовали дѣйствительности. Тогдашняго 27-лѣтняго Наполеона любили не одни босоножки, уже увѣровавшіе въ его „звѣзду“. Все подчинялось обаянію этого героя, когда, только вступивъ въ Миланъ, онъ воскликнулъ: „Не то еще будетъ!“ Онъ превращалъ даже банкировъ въ поэтовъ своими величавыми фантазіями и фанатичной вѣрой въ себя. Въ его испитыхъ чертахъ подвижника, окаймленныхъ длинными прядями жиденькихъ волосъ, лежали глубокая дума и сосредоточенная энергія непобѣдимой страсти. На всемъ его существѣ чувствовалось сіяніе свѣжей славы и юности. Въ его походномъ чемоданчикѣ хранились Руссо, Вольтеръ, Монтескьё и Тацитъ, а въ душѣ—идеалъ чистой славы Паоли, какъ возродителя человѣчества. Герой почти не спалъ за работой, ѣлъ, что попало, ходилъ чуть не въ рваныхъ мундирчикахъ. Онъ очаровывалъ сослуживцевъ товарищеской простотой; въ депешахъ

восхвалялъ ихъ, а о себѣ ни слова. И руки его оставались чистыми среди грудъ награбленнаго золота. Кумиръ лагеря, онъ всячески защищалъ солдатиковъ, безпощадно преслѣдовалъ интендантскихъ крысъ, которыхъ называлъ „riz-pain-sel“ (рисъ-хлѣбъ-соль).

На бивуакахъ онъ жилъ мечтами „при лунномъ свѣтѣ“ да перечитывалъ „Новую Элоизу“ и „Вертера“. Онъ пылалъ страстью къ своей Жозефинѣ. Онъ посылалъ ей такія признанія:

„Меня интересуютъ почести лишь потому, что ты ими интересуешься; стремлюсь къ побѣдѣ потому, что это тебя обрадуетъ: иначе я покинулъ бы все, чтобы самому броситься къ твоимъ ногамъ. Милый другъ, будьте увѣрены и смѣло увѣряйте другихъ, что я люблю васъ превыше всякаго воображенія. Знайте, что каждое мое мгновеніе посвящено вамъ; что не бываетъ часа, когда бы я не думалъ о васъ; что мнѣ никогда не случалось думать о другой женщинѣ; что всѣ онѣ кажутся мнѣ некрасивыми, неграціозными, лишенными остроумія. Вы, вы одна, такая, какой вижу васъ мысленно, можете мнѣ нравиться и поглотить всѣ способности моей души, пучины которой вы измѣрили. Въ моемъ сердцѣ не осталось заглаженныхъ складокъ, которыя не были бы раскрыты передъ вами. Всѣ мои мысли подчинены вамъ; въ васъ вся моя умственная и физическая энергія. Моя душа такъ связана съ вами, что тотъ день, когда вы перестанете меня любить или когда жизнь ваша прекратится, будетъ также днемъ моей смерти. Природа и вся земля облечены, въ моихъ глазахъ, прелестью единственно лишь потому, что вы здѣсь живете... Между любящими сердцами устанавливается какъ бы магнетическая связь. Вамъ извѣстно, что я не могу вынести даже и мысли о томъ, чтобы у васъ завелся любовникъ... Я вѣрю въ вашу любовь и горжусь ею. Несчастья являются, вѣдь, только испытаніями, еще болѣе увеличивающими силу взаимной нашей привязанности. Младенецъ, столь же милый, какъ и его мать, увидитъ свѣтъ въ вашихъ объятіяхъ! Подумаешь, до чего доходитъ моя слабохарактерность! Я пожертвовалъ бы, кажется, всѣмъ за возможность увидѣться съ тобой хоть на одинъ день! Тысячу разъ цѣлую ваши

глазки и губки. Восхитительная женщина! Какимъ могуществомъ ты обладаешь! Зная, что тебѣ нездоровится, я положительно чувствую себя больнымъ. Впрочемъ, у́ меня дѣйствительно лихорадочный жаръ. Не задерживай у себя курьера больше 6 часовъ: отправь его тотчасъ же ко мнѣ съ драгоцѣннымъ письмомъ отъ царицы моего сердца".

Въ бояхъ Бонапартъ десятки разъ былъ въ когтяхъ смерти: подъ нимъ было убито 19 лошадей; онъ переходилъ пропасти подъ пулями. Въ его „Запискахъ" на о. св. Елены описаніе тѣхъ медовыхъ дней славы — самыя искреннія, самыя чарующія страницы.

Эти страницы проникнуты тѣмъ, прежнимъ, духомъ „третьяго чина": онѣ напоминали поручика Валяпса, автора „Ужина въ Бокерѣ". Въ рѣчахъ и воззваніяхъ юнаго главнокомандующаго магическій девизъ революціи еще не былъ забытыми словами: въ нихъ кипѣла ненависть пролетарія и выскочки къ знати и преданіямъ, къ устоямъ стараго порядка. Онъ съ наслажденіемъ шельмовалъ „этихъ наглыхъ монарховъ, презрѣнныхъ тирановъ", которые до того боялись своихъ „народовъ", что когда Габсбургу посовѣтовали воспользоваться одушевленіемъ тирольцевъ, онъ воскликнулъ: „Лучше зажать ротъ врагу какою-нибудь провинціей, чѣмъ вооружить народъ, т.-е. разрушить тронъ". Побѣдитель мечталъ тогда даже о раздѣлѣ Турціи въ союзѣ съ Россіей, съ тѣмъ, чтобы была возстановлена Польша и чтобы „изъ гробницъ великихъ предковъ Греціи вышелъ геній Свободы". И когда его мысль касалась впервые коренного переустройства Франціи, ему грезилось, что тогда „вся Европа станетъ свободной".

Но потомка выходцевъ изъ Италіи, которой Франція была обязана своей культурой, больше всего трогала судьба этой скованной „красавицы". Въ немъ уже не было и слѣда мелкаго корсиканскаго патріотизма: онъ даже совѣтовалъ не замѣщать должностей на островѣ туземцами. Бонапартъ жилъ мечтой, которая два поколѣнія спустя овладѣла и душой его подражателя—племянника. Онъ думалъ „возстановить итальянское отечество" во всей его цѣлости—„отъ Альпъ до Іоническаго м., отъ Среди-

земнаго м. до Адріатики". Онъ надѣялся „перелить" (rofondre) итальянцевъ, чтобы создать изъ нихъ „націю".

Какъ только босоножки перевалили черезъ Альпы, Бонапартъ потрясъ ихъ, какъ электрической искрой, воззваніемъ на ихъ и на французскомъ языкахъ: „Народы Италіи!—возвѣстилъ онъ. — Французская армія пришла разбить ваши цѣпи. Французскій народъ—другъ всѣхъ народовъ. Идите къ нему съ довѣріемъ! Республика, поклявшись ненавидѣть тирановъ, поклялась также въ вѣрности братству народовъ. Побѣдоносныя арміи наглыхъ королей, конечно, должны распространять ужасъ среди побѣжденныхъ; но республиканская армія, вынужденная воевать насмерть съ королями, посвящаетъ себя дружбѣ народовъ, которыхъ ея побѣды освобождаютъ отъ тиранніи".

А своимъ солдатамъ Бонапартъ говорилъ послѣ первыхъ подвиговъ: „Вы побѣждали безъ пушекъ, переходили потоки безъ мостовъ, совершали непосильные марши безъ сапогъ, ночевали подъ открытымъ небомъ безъ водки, а зачастую и безъ хлѣба. Это возможно только для республиканскихъ, свободныхъ войскъ. Но вы все еще ничего не сдѣлали. Нужно освободить Италію; нужно и здѣсь снять оковы съ народа. Пусть успокоются всѣ народы! Мы — друзья ихъ, въ особенности же потомковъ Брутовъ, Сципіоновъ и великихъ людей, которыхъ мы взяли себѣ за образецъ. Возстановить Капитолій, благоговѣйно помѣстить въ немъ статуи славныхъ героевъ, разбудить римскій народъ, усыпленный вѣками рабства — вотъ что должно быть плодомъ вашихъ побѣдъ! Эти побѣды составятъ эпоху. Вы стяжаете безсмертную славу, измѣнивъ лицо лучшей части Европы!"

И какъ радовался герой, когда замѣтилъ, что его побѣды производятъ „чарующее дѣйствіе" на всѣхъ итальянцевъ, которые „въ два года стали неузнаваемы", благодаря зарожденію „національнаго духа"! А *пока* онъ заткнулъ Габсбургу глотку Венеціей, какъ зловѣщимъ даромъ данаевъ: онъ уже успѣлъ привить новый духъ даже къ этому заскорузлому гнѣзду олигархіи. „Пусть демократія заразитъ остальныя владѣнія Габсбурга! И тогда,— мечталъ другъ Робеспьеровъ,—абсолютизмъ и олигархія

станутъ уродствомъ въ глазахъ Европы. И какого же вамъ лучшаго доказательства ихъ дряхлости, ихъ упадка, ихъ беззаконій!“

Бонапартъ пришелъ въ восторгъ, когда національная гвардія въ Миланѣ праздновала „возрожденіе итальянской свободы и отечества“. Онъ радовался, видя, что итальянская дѣтвора начинала играть „не въ рясы и часовни, а въ оловяные солдатики“. И пятнадцать лѣтъ спустя онъ ликовалъ, что „исчезла австрійская сила въ Италіи, а съ нею погибли троны королей Сардиніи и Неаполя, герцоговъ Пармы, Модены и Тосканы, олигархіи Генуи и Венеціи; и пала свѣтская власть папы, эта вѣчная причина раздробленія Италіи“!

Немудрено, что юный геній становился тогда не только идоломъ солдатъ, пугаломъ тирановъ, надеждой народовъ, но и божкомъ передовой интеллигенціи. И эта сила идеализма соединялась съ тѣмъ геніальнымъ практицизмомъ, который показалъ тогда міру первоклассиаго полководца!..

Уже со дня своего пріѣзда въ армію Бонапартъ все захватилъ въ свои ловкія и могучія руки. Сначала всѣ дичились этого „медвѣдя“, который все „мечталъ“ въ-одиночку. Самому молодому изъ генераловъ не хотѣли подчиняться такіе маститые вожди, какъ Массена и Ожеро. Бонапартъ заставилъ ихъ долго ждать въ передней, вышелъ въ шляпѣ и заговорилъ повелительно. Но его слова были такъ дѣльны, что, уходя, Ожеро сказалъ Массенѣ: „Этотъ генеральчикъ-спичка навелъ на меня страхъ; онъ съ перваго взгляда какъ-то заполонилъ меня“. Генералы знали, что Бонапартъ выговорилъ себѣ полную независимость: онъ зналъ, что значатъ въ арміи агенты правительства, по примѣру комиссаровъ конвента.

И закипѣла работа созданія чудесъ, сразу затмившихъ подвиги Гоша, Моро и Журдана, которымъ вчера только дивился свѣтъ. Теперь-то Бонапартъ впервые развернулъ свой геній во всю ширь, не только какъ воинъ, но и какъ дипломатъ и правитель. Казалось, мозгъ и нервы его не нуждались въ отдыхѣ, глаза — въ снѣ; и всѣ тайны среды раскрывались передъ нимъ мгновенно, какъ по волшебству. Онъ не хуже Карно явилъ при-

мѣръ умѣнья цѣнить таланты и безъ зависти ставить ихъ на свои мѣста. Онъ первый корпѣль надъ топографическими картами, что̀ было зазорнымъ дѣломъ въ глазахъ тогдашнихъ полководцевъ. Вездѣ у него проявлялась такая, вовсе не юношеская, предусмотрительность и осторожность, рѣшительность и тонкость расчета, что даже Массена не могъ найти ни малѣйшей ошибки и проникся восторженнымъ уваженіемъ къ нему.

Вождю „великолѣпныхъ босоножекъ“ (superbes nu-pieds) соотвѣтствовали, по талантамъ, главные помощники. Тутъ были „руки арміи“, не разъ спасавшія Наполеона, — самъ Массена и Ожеро. Начали выдѣляться, какъ генералы, Ланнъ, Мармонъ, Мюратъ, Бернадотъ, какъ начальникъ штаба — Бертье. Всеобщую любовь пріобрѣтали даровитые и чистые сверстники Бонапарта,—строгій республиканецъ Жуберъ, который электризовалъ всѣхъ однимъ взглядомъ, и тихій, застѣнчивый Дезэ, человѣкъ почти съ женскимъ сердцемъ, но всегда готовый, съ львиной отвагой, на смертельныя выходки въ авангардѣ. То были товарищи Гоша и Моро и какъ бы близнецы лучшихъ преданій революціи, которыя вскорѣ умерли съ ними. Всѣ эти генералы, вчера еще ничтожества, вышедшія снизу, дружили съ офицерами; а офицеры ѣли изъ одного котла съ солдатами и шли босикомъ рядомъ съ ними, съ сумками за плечами.

Вотъ качественныя силы, съ которыми юная республика выступила противъ количественнаго превосходства маститой Австріи. Заправлявшій ими геній войны до того поразилъ міръ своими успѣхами, что исповѣдники „героепоклонства“ до нашихъ дней видѣли въ итальянской кампаніи неопровержимое свидѣтельство могущества личности въ исторіи. Но въ самое послѣднее время наука доказала документально, что тутъ-то блистательно обнаружилась неизбѣжная связь человѣка съ средой, въ смыслѣ не только окружающихъ условій, но и преданій.

Повторяемъ, въ наше время было бы смѣшно доказывать, что никакой геній не творитъ изъ ничего: довольно припомнить такого колосса исторіи, какъ Петръ Великій. Излишне напоминать и о томъ, что до Наполеона создались революціонныя

идеи, а съ ними возникла и неизбѣжная пропаганда, которая неминуемо вела къ войнамъ. И, вѣдь, до него французы пришли въ Италію, гонимые первою коалиціей. Ниже намъ придется разсмотрѣть этотъ вопросъ пристальнѣе.

Теперь же укажемъ на самое поразительное открытіе исторической науки по эпохѣ Наполеона I. Оказывается, что главный лучъ въ славѣ Бонапарта, препрославленный планъ итальянскаго похода, заимствованъ издалека. Роясь въ военномъ архивѣ въ злополучную зиму въ Парижѣ, Наполеонъ напалъ на планъ кампаніи маршала Мальбуа, который находился въ Италіи, въ 1745 году, точно въ такомъ же положеніи. Не его и знаменитая новая тактика, перевернувшая военное искусство. Она — дѣло націи и обстоятельствъ. Въ сущности, это—Эпаминондова система клина или „бреши“, пробоины, неизбѣжная при борьбѣ съ гораздо болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Новая тактика воплотилась тогда въ незабвенномъ „устроителѣ побѣдъ“, Карно (гл. VII).

Наконецъ, приходится снять съ Наполеона и одно пятно, которое любятъ выставлять его „хулители“. Тотъ идеалистическій оттѣнокъ, который сопутствовалъ ему въ началѣ итальянскаго похода, началъ быстро тускнѣть и замѣняться мрачною чертой. Какъ только разъярилась фурія войны, требовавшая ставить на карту все, Бонапартъ и его босоножки начали измѣняться. Но то было опять требованіе обстоятельствъ. Измѣнялась вся Франція, весь духъ эпохи: „исчадіе революціи“ неизбѣжно долженъ былъ превращаться въ творца цезаризма.

Наставалъ новый періодъ въ исторіи, съ новыми жертвами. Беззавѣтный идеализмъ революціи долженъ былъ смѣниться грубою прозой практицизма. Реакція должна была проявиться прежде всего въ такой реальной области, какъ армія, которая притомъ принуждена была бороться съ самыми варварскими пережитками стараго строя въ Европѣ. Чтобы раздавить „змѣй“ старины,—какъ выражались якобинцы,—приходилось прибѣгнуть къ безпощадности, озвѣриться. Это требовалось и тою скоропалительностью, безъ которой армійка Бонапарта не могла бы по-

бѣдоносно драться на всѣ фронты съ массами непріятеля. Да и великіе предшественники Наполеона, Тюренъ, Мальборо, особенно Фридрихъ II, котораго онъ усердно изучалъ, брали своею безчувственностью хирурга, жестокостью мясника. Таково ужъ было тогда это кровавое ремесло!

Важнѣе для будущности всего міра и страшнѣе всего была другая черта, въ которой особенно ярко отражалось наступленіе новой эпохи. Она тѣмъ болѣе поразительна, что обстоятельства вдругъ раскрыли ее во всемъ ея безобразіи. Они требовали, чтобы Бонапартъ для спасенія рейнскихъ арміи ударилъ во флангъ Австріи немедленно и дерзко. Да и его голодная армія не могла дольше стоять въ холодныхъ тѣснинахъ Альпъ: она сразу разбѣжалась бы вся — и солдаты коалиціи наводнили бы Парижъ на 18 лѣтъ раньше, чѣмъ это случилось. А у Бонапарта не было никакихъ запасовъ: отправляясь въ Италію, онъ могъ взять въ свою штабную кассу лишь около 48.000 фр. да на нѣсколько десятковъ тысячъ векселей.

И вотъ, впервые три волшебныхъ, идеально-юношескихъ, словечка революціи замѣнились голосомъ суровой дѣйствительности, словно воскресавшей изъ глубокихъ могилъ не только стараго строя, но временъ итальянскихъ кондотьеровъ XV-го в. Когда босоножки, дрожащіе отъ голода и холода, взобрались на вершины горъ, Бонапартъ, какъ сатана-искуситель, издалъ первую прокламацію того новаго духа „Аттилы“, который жилъ въ немъ уже до самаго конца и сгубилъ его: „Солдаты! Вы наги; васъ кормятъ впроголодь; правительство много задолжало вамъ и ничего не можетъ дать. Терпѣніе, мужество, которыя вы явили среди этихъ скалъ, дѣлаютъ вамъ честь; но они не доставили вамъ ни славы, ни выгодъ. Я сведу васъ въ самыя плодоносныя долины въ мірѣ. Передъ вами раскинутся роскошныя области, большіе города; вы найдете тамъ почести, славу и *богатство*. Неужели же у васъ не хватитъ доблести, мужества и стойкости?“

Бонапартъ исполнилъ требованіе минуты: отъѣзжая изъ Парижа и опустошивъ сундуки правительства, онъ условился съ директоріей, что его армія будетъ не только содержать сама себя,

но и пополнять ея казну: онъ зналъ, что въ Италіи, несмотря на отвратительное правительство, хранится много сокровищъ. Но туть лежало зерно цѣлаго европейскаго переворота: генералъ, содержащій свое правительство—уже диктаторъ на дѣлѣ. Онъ и подсмѣпвался надъ нелѣпыми планами операцій, которые вздумала-было насылать ему директорія; онъ даже началъ безъ ея спроса вести дипломатическіе переговоры.

Впрочемъ, покуда это былъ только Цезарь въ Галліи, кумиръ арміи, лагерь которой становился его передвижнымъ государствомъ. Говорятъ, что юный честолюбецъ, голова котораго кружилась отъ изумительнаго поворота колеса Фортуны, уже мечталъ о престолѣ. Если это такъ, то его мысли влеклись къ этой „красавицѣ Италіи“, сокровища которой не охранялись дракономъ: итальянцы были жалкая масса, несплоченная, невѣжественная, суевѣрная, забитая. Кстати, корсиканецъ радъ былъ отомстить Генуѣ, а якобинецъ радовался случаю сбить спесь съ римскаго первосвященника.

Во всякомъ случаѣ, по собственному признанію Бонапарта; именно тогда зародилась въ немъ мысль о своей высокой участи. „Фортуна,—сказалъ онъ,—тоже женщина; а потому чѣмъ больше она для меня дѣлаетъ, тѣмъ больше я долженъ отъ нея требовать... Теперь никто не задается великими замыслами; надо будетъ подать примѣръ“.

Совершилось превращеніе въ вождѣ — измѣнилась и армія. Вскорѣ стушевался симпатичный типъ солдата первыхъ призывовъ всенароднаго „ополченія“: исчезъ босоножка, этотъ спартанецъ революціи съ идеализмомъ аѳинянина. А его генералы обнаружили непреодолимую склонность къ своекорыстію и къ роли царедворцевъ: они уже начинали возить груды сокровищъ въ своихъ чемоданищахъ-„телѣгахъ“.

XII. Итальянскій походъ. 1796—1797.

„Перлъ военнаго искусства“.—Лоди, Арколэ и Риволи.—Новая Троя.—„Философическое“ письмо и Венеція.—Леобенскіе „прелиминаріи“.—Гибель соперника.—Замиреніе.—Возвращеніе побѣдителя.

Планъ итальянскаго похода, этотъ „перлъ военнаго искусства“, былъ сообщенъ въ общихъ чертахъ Робеспьеру уже въ 1794 г., когда Бонапартъ подспудно руководилъ итальянскою арміей. Но эта армія была тѣмъ слаба, что тотчасъ нельзя было и думать о наступленіи, въ разрѣзъ между австрійцами и сардинцами. Оно начало подготовляться Бонапартомъ же, изъ Парижа, лишь съ осени 1795 года. Тогда, благодаря замиренію съ Испаніей, оказалось возможнымъ присоединить „пиренейскую“ армію къ итальянской. И французы послѣ удачной битвы снова овладѣли Приморскими Альпами и утвердились въ отлично выбранныхъ позиціяхъ.

Отсюда-то 12-го апрѣля 1796 года „босоножки“, одушевляемые уже самимъ Наполеономъ, бросились тиграми на разбросанныя позиціи сразу озадаченнаго непріятеля. Они переваливали черезъ горы, переправлялись въ бродъ черезъ рѣки, обходили крѣпости. Они наносили неожиданные удары направо, налѣво, катясь лавой впередъ: назади и съ боковъ кишѣли враги въ превосходныхъ силахъ. Но въ бою французовъ всегда было больше, иногда въ пять разъ, благодаря дивнымъ маневрамъ Бонапарта. Австрійцевъ не столько били, сколько забирали въ плѣнъ, какъ стадо барановъ: они уже пали духомъ передъ „роковымъ человѣкомъ“. Ихъ ветераны говорили: „Бонапартъ совсѣмъ не принимаетъ во вниманіе стратегіи и тактики. Онъ оказывается у насъ то передъ фронтомъ, то во флангѣ, не то и въ тылу. Такое грубое нарушеніе всякихъ правилъ положительно сбиваетъ съ толку. Мы не можемъ выносить этого“.

Въ двѣ апрѣльскія недѣли оборонительная линія союзниковъ была прорвана, и весь Пьемонтъ очутился въ рукахъ французовъ. Сардинцы замирились, уступивъ побѣдителю живописный

стратегическій ключъ, Ниццу, и Савойю, давшую имя пьемонтскому царствующему дому. Французы спустились въ благословенную равнину Ломбардіи — и тотчасъ ошеломили міръ дивною атакой моста у *Лоди*, бѣглымъ маршемъ, подъ градомъ картечи и гранатъ, осыпавшихъ самого главнокомандующаго, который лично наводилъ пушки.

Такъ Бонапартъ „взялъ быка за рога“, по его собственнымъ словамъ. И загремѣла его слава, уже не только какъ кабинетнаго стратега, но и какъ блестящаго тактика и храбреца, окруженнаго поэзіей кровавой драмы. А солдаты окрестили его тогда ласковымъ именемъ „капральчика“. И развернулась истинная Шехерезада. Зашевелились угнетенные народы Италіи. Миланъ встрѣтилъ побѣдителя какъ героя-освободителя, озареннаго чудеснымъ сіяніемъ; Бонапартъ тотчасъ наградилъ его республиканскимъ правленіемъ. Парма, Пьяченца, Модена, папскія Легаціи стали вассалами Франціи. Тоскана приняла ея гарнизоны. Неаполь отказался отъ союза съ Австріей и Англіей. Нельсонъ покинулъ Корсику, чтобы прикрыть Ирландію отъ французской высадки.

Все это была лишь присказка. Настоящей сказкой оказалась *Мантуя*. Эта неприступная крѣпость, на озерѣ, охранялась гарнизономъ, который почти равнялся всей боевой арміи Бонапарта. Австрійцы поразили міръ небывалой энергіей. Они затопили окрестныя низменности. У нихъ появились лучшіе вожди. Они высылали на выручку крѣпости свѣжія, хорошо снабженныя войска изъ стойкихъ славянъ, отважныхъ мадьяръ, отличныхъ стрѣлковъ и охотниковъ-тирольцевъ. Пришла даже часть отборной арміи эрцгерцога Карла, успѣвшаго прогнать Журдана и Моро обратно за Рейнъ.

Французы же оставались почти безъ подкрѣпленій; они истомлялись въ борьбѣ съ вдвое болѣе многочисленнымъ непріятелемъ. Армійка Бонапарта поворачивалась во всѣ стороны, переходя иногда, какъ маятникъ, одну и ту же рѣку взадъ и впередъ и не разъ сражаясь на одномъ и томъ же полѣ. Генералы почти всѣ были переранены. Въ самую рѣшительную минуту, казалось, смутился самъ герой: по крайней мѣрѣ онъ

предлагалъ товарищамъ отступить и возложить отвѣтственность за атаку на отчаяннаго Ожеро.

Конечно, осаждающая армійка, сама очутившаяся въ западнѣ, была бы вся взята въ плѣнъ массами австрійцевъ, какъ всѣ и ожидали, если бы Бонапартъ не развернулъ тогда всего своего генія. Онъ, подъ ядрами крѣпости, создавалъ осадный паркъ, самъ истреблялъ его, спѣша навстрѣчу новому врагу, потомъ опять налаживалъ его. Онъ одерживалъ побѣды даже дерзкими хитростями. Однажды онъ съ тысячью человѣкъ наткнулся на 4.000 австрійцевъ, которые потребовали сдачи; онъ завязалъ глаза ихъ вѣстнику, поставилъ его въ свое каррэ и такъ запугалъ, что самъ непріятель сложилъ оружіе. Въ другой разъ, попавши въ засаду, онъ прогналъ цѣлую армію врага, заславъ въ бокъ ей 25 трубачей, заигравшихъ атаку. Еще разъ онъ добылъ депешу Франца II въ австрійскую армію изъ желудка гонца, давъ ему рвотнаго.

А главное—Бонапартъ день и ночь составлялъ все новые плапы, одинъ геніальнѣе другого, отлично предвидя движенія понятаго врага. И они исполнялись съ молніеносной быстротой, которая всегда окружала непріятеля неожиданностями: солдаты говорили, что они выигрывали битвы „своими ногами“. Наполеонъ имѣлъ право сказать: „Ганнибалъ взялъ Альпы штурмомъ, мы обошли ихъ во флангъ“.

Оттого-то дѣло, напоминавшее геронзмомъ осаду Трои, длилось всего 8 мѣсяцевъ. И вѣетъ эпосомъ отъ пресловутаго 3-дневнаго боя изъ-за моста у *Арколэ*, гдѣ вдвое болѣе слабые, чѣмъ врагъ, французы чуть не погибли всѣ, застрявъ въ болотѣ: самъ Бонапартъ едва спасся, попавши въ воду, когда онъ кинулся какъ геній огня, на узенькій мостъ, впереди всѣхъ, со знаменемъ въ рукѣ, подъ градомъ пуль и картечи. Передъ нимъ палъ его адъютантъ; почти всѣ генералы были переранены. Эта дивная битва имѣетъ міровое значеніе: это—эпоха въ развитіи личности Бонапарта.

Но самъ онъ говорилъ: „Моя жизнь началась въ *Риволи*“, припоминая отчаянный бой изъ-за славнаго съ древности страте-

гическаго плоскогорья, гдѣ и искусный генералъ былъ бы поражень на голову, а онъ уничтожилъ врага. Тутъ австрійцы впервые обнаружили смѣтливость. Они шли навѣрняка плѣнить Наполеона. Но герой вдохновеніемъ разгадалъ ихъ уловку и устроилъ западню имъ самимъ. Тутъ все зависѣло отъ пяти минутъ: и Массена прославился тѣмъ, что помогъ уловить ихъ и опередить австрійцевъ. Всѣ распоряженія Бонапарта подъ Риволи были такъ искусны, что во всѣхъ военныхъ школахъ они составляютъ обязательную страницу въ числѣ классическихъ образцовъ. Австрійцы въ четыре дня пропграли два генеральныхъ сраженія и шесть мелкихъ битвъ. Они обезсилѣли, пали духомъ.

Вскорѣ, въ началѣ 1797 года, Мантуя сдалась. Бонапартъ великодушно согласился на почетныя для дряхлаго коменданта условія и уѣхалъ изъ лагеря въ день сдачи, чтобы не срамить сѣдинъ старика.

Тогда же пришло подкрѣпленіе: французовъ было уже 80.000. Бонапартъ и не думалъ отдыхать. Онъ опасался соперниковъ: трусливая директорія съ трудомъ сдерживала Гоша и Моро, рвавшихся за Рейнъ, чтобы устремиться къ Вѣнѣ. Сами австрійцы вызывали на дальнѣйшій бой. Пользуясь бездѣйствіемъ французовъ у Рейна, Францъ II вызвалъ свою лучшую армію, подъ начальствомъ доблестнаго 25-лѣтняго эрцгерцога Карла; и она уже заняла Карнтійскія Альпы, собираясь обрушиться оттуда на французовъ.

Бонапарту оставалось или отступать, губя всю свою свѣжую славу, или доканать врага, достать надменнаго Габсбурга въ его собственномъ гнѣздѣ. Это была слишкомъ большая дерзость; но счастливцу опять помогъ самъ врагъ. Вѣнскіе стратеги и царедворцы мѣшали Карлу, все затягивали и путали. Они не давали ему собрать всѣ свои силы для одного удара.

А французы совершали такія же чудеса, какъ въ Италіи. Они искусно находили броды или перебѣгали черезъ узкіе потоки по ледянымъ мостамъ. Они шли въ снѣгу, глубиной въ полсажени, и сметали врага иногда однимъ своимъ видомъ, или давали ему молодецкія битвы даже „подъ облаками“. Бонапартъ и Мас-

сепа превзошли себя — одинъ въ военныхъ хитростяхъ, другой въ стремительныхъ атакахъ.

При первой встрѣчѣ молодыхъ противниковъ, казалось, Карлъ одержитъ верхъ. Искусными маневрами онъ предупредилъ Наполеона при переправѣ черезъ р. Тальяменто. Усталые, шедшіе всю ночь французы ошалѣли, завидѣвъ его на другомъ берегу, готовымъ къ бою, въ грозный позиціи. Бонапартъ будто испугался и расположился бивуаками. Австрійцы послѣдовали его примѣру и расположились на ночлегъ. Тогда французы вдругъ поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и бѣгомъ бросились къ переправѣ. Австрійцы едва успѣли построиться и поспѣшно отступили. Карлъ смутился передъ счастливымъ соперникомъ: онъ сталъ дѣлать ошибки и легко былъ сбитъ съ дороги.

Быстро и торжественно подвигался Бонапартъ къ столицѣ Австріи: 7-го апрѣля онъ былъ уже въ Леобенѣ, въ 150 в. отъ нея. А въ Вѣнѣ укладывали архивы и коронныя драгоцѣнности. Вдругъ побѣдитель остановился. Онъ зашелъ съ истомленной арміей вглубь непріятельской страны. Австрійцы, въ особенности же первобытные горцы Тироля, не понимавшіе никакихъ идей, поднимались массами за своего Габсбурга. Позади показались „пуделя“, какъ называли отряды партизановъ изъ итальянцевъ, ожесточенныхъ грабежами „освободителей“. А директорія словно забыла своего непокорнаго генерала, который становился слишкомъ опасенъ для нея.

„Въ Леобенѣ я объявилъ большой шлемъ, имѣя на рукахъ лишь 12 взятокъ“ говорилъ Бонапартъ впослѣдствіи. Оставалось пустить въ ходъ макіавелизмъ дипломата. Наполеонъ написалъ письмо, которое онъ называлъ „философическимъ“, а другіе могли бы назвать воззваніемъ къ мятежу противъ императора. Оно начиналось корсиканскою стрѣлой противъ Англіи, а кончалось такъ: „Неужели же нѣтъ никакой надежды прійти намъ къ соглашенію? Неужели мы, въ самомъ дѣлѣ, все еще будемъ душить другъ друга ради выгоды и страстей націи, удаленной отъ бѣдствій войны? Вы, г. главнокомандующій, въ силу своего развитія, стоите такъ близко къ престолу и такъ высоко надъ страстишками

министровъ и правительствъ. Неужели вы не рѣшитесь заслужить званіе благодѣтеля человѣчества, истиннаго спасителя Германіи? Что касается меня, то знайте: если бы предложеніе, которое имѣю честь здѣсь сдѣлать вамъ, спасло жизнь хоть одного человѣка, я болѣе гордился бы заслуженнымъ за это гражданскимъ вѣнкомъ, чѣмъ той печальной славой, которая добывается военными успѣхами".

Въ Вѣнѣ господствовала оторопь. Она была безпомощна: Россія и даже Англія покинули Габсбурга на произволъ судьбы; Пруссія рвалась воспользоваться въ „отечествѣ" его бѣдствіями. А Бонапартъ, объявивъ большой шлемъ, добылъ козырнаго туза: онъ предложилъ Францу II лакомый кусокъ—Венецію, въ обмѣнъ за Миланъ и Бельгію. Въ Вѣнѣ обрадовались: придворная партія мира возобладала. Бонапартъ сумѣлъ поддержать это настроеніе, внушая страхъ и смущая маститыхъ дипломатовъ Габсбурга нарушеніемъ всякихъ международныхъ приличій, какъ истинное „несчадіе революціи".

Онъ не предъявилъ даже никакихъ „кредитивовъ": у него и не было такихъ полномочій отъ правительства. Въ самомъ началѣ переговоровъ австрійцы предложили, какъ I статью договора, признаніе Австріей французской республики, чего давно домогалась директорія. „Потрудитесь вычеркнуть эту статью!—воскликнулъ побѣдитель.—Наша республика—то же солнце, взошедшее на горизонтъ. Если кто не видитъ ея, тѣмъ хуже для него самого!" Запуганные дипломаты Франца II сдались. 18-го апрѣля 1797 года были подписаны убійственныя для Габсбурга „прелиминаріи", т.-е. предварительныя условія.

Въ тотъ самый день Гошъ нанесъ австрійцамъ жестокое пораженіе на Рейнѣ, воспользовавшись отсылкой ихъ лучшихъ полковъ къ эрцгерцогу Карлу; Моро гналъ передъ собой ихъ остальныя войска въ Шварцвальдъ. Гошъ, подобно Бонапарту, двинулся на свой страхъ, истомленный трусостью и коварствомъ директоріи. Но было поздно: уже взошла звѣзда болѣе счастливаго соперника. Гошъ собирался взять въ плѣнъ окруженныхъ австрійцевъ, когда курьеръ изъ Леобена привезъ извѣстіе о заключеніи прелимина-

ріевъ. Вскорѣ сама директорія, испугавшись сказочныхъ успѣховъ Бонапарта, предложила Гошу роль своего „спасителя“ отъ сильныхъ партій. Но герою-республиканцу суждено было опоздать и тутъ. 18-го фрюктидора (4 сентября) посланный Бонапартомъ Ожеро занялъ Тюльери и улицы Парижа. Двѣ недѣли спустя внезапная смерть Гоша избавила Бонапарта отъ самаго опаснаго соперника. Въ то же время въ руки счастливца попали бумаги, уличавшія Барра во взяткѣ въ 600.000 фр., которую дала ему Венеція для усмиренія побѣдителя: директорія окончательно попала въ его руки.

„Роковому человѣку“ открывался свободный и славный путь къ Парижу; а тамъ его ждала готовая власть. Но онъ не спѣшилъ. Ему нужно было закрѣпить свое обаяніе чудесами дипломатіи, какъ лучшими плодами дивной итальянской кампаніи. Онъ заставилъ австрійцевъ вести переговоры объ окончательномъ мирѣ въ Венеціанской области, въ своей главной квартирѣ, и сильно возвышалъ требованія, принятыя въ леобенскихъ преліминаріяхъ. Напрасно Францъ II прибѣгалъ ко всякимъ уловкамъ, даже предлагалъ побѣдителю одно имперское княжество, съ 250.000 подданныхъ и съ хорошими доходами. Напрасно онъ выслалъ Нестора европейской дипломатіи, хитраго Кобенцля. Бонапартъ посрамилъ сѣдины ископаемыхъ старомоднаго макіавелизма.

Онъ морочилъ имъ головы то дорогими приманками, лестью и припадками довѣрчивости, то шельмованьемъ ихъ, угрозами, взрывами притворнаго гнѣва. Однажды онъ крикнулъ Кобенцлю: „Если Австрія желаетъ войны, то въ три мѣсяца она превратится въ груду осколковъ!“ И хлопнулъ оземь дорогую фарфоровую вазу, а самъ выбѣжалъ вонъ, чтобы не разразиться хохотомъ. Цѣлый мѣсяцъ длились дипломатическія схватки. Наконецъ австрійцы должны были принять волю побѣдителя. Она запечатлѣлась въ томъ міровомъ событіи, которое носитъ названіе мира въ Кампо-Форміо (17 октября 1797).

Такъ какъ этотъ миръ разрушалъ Нѣмецкую имперію, то для окончательнаго устройства Германіи положили собраться на конгрессѣ въ Раштаттѣ. Бонапартъ выѣхалъ туда двѣ недѣли спустя,

устроивъ свое завоеваніе въ Италіи. Онъ путешествовалъ, не спѣша черезъ Швейцарію. Въ Раштаттѣ онъ оставилъ своихъ уполномоченныхъ во главѣ дѣла. Затѣмъ Наполеонъ проѣхался по сѣверной Франціи, которой не зналъ раньше, и 5-го декабря вступилъ въ затаившій дыханіе Парижъ. Объ Рождествѣ пріѣхала къ нему жадно жданная Жозефина: въ послѣднее время она гостила въ Римѣ, у Жозефа.

XIII. Второй Цезарь. 1797.

Міровое значеніе итальянской кампаніи.—Переломъ въ героѣ.—„Резиденція“ въ Момбелло. — Кланъ и Жозефина. — Война-пріобрѣтательница.— Судьба Венеціи.—Сюрпризъ съ папой.—„Республики-сестры“.— Миръ въ Кампо-Форміо.

Итальянскій походъ кончился.

„Солдаты! Вы выиграли 14 генеральныхъ сраженій и 70 битвъ, взяли болѣе 100.000 плѣнныхъ и 2.500 орудій. Вы обогатили музеи Парижа болѣе, чѣмъ 300-ми перловъ стараго и новаго искусства. Въ теченіе всей кампаніи вы кормились и оплачивались контрибуціями съ покоренныхъ странъ, да еще послали 30 милліоновъ въ казну“.

Бонапартъ былъ въ правѣ говорить такъ горделиво передъ лицомъ всего свѣта. Итальянскій походъ имѣлъ *міровое* значеніе.

Тогда родилась, для всеобщаго сознанія, личность Наполеона, какъ представителя начала вѣка, съ яркими чертами переходной эпохи. То была лучшая пора его жизни. Въ немъ проявилась какъ бы стихійная сила чудовищнаго переворота 1789 года: это „исчадіе революціи“ совмѣщало въ себѣ ея геніальность и юношескую, стремительную наивность, а также ея беззавѣтное насиліе въ борьбѣ съ окоченѣвшей старинной. Сверхъ того, то была личность, которая обаятельно освѣщалась догоравшими лучами молодости и лучшихъ завѣтовъ конца XVIII вѣка: мы видѣли, что Бонапартъ еще напоминалъ мимолетную лучшую пору македонскаго героя. И если вскорѣ въ немъ стали обнаруживаться

замашки цезаризма и макіавелизма, то передовая интеллигенція готова была простить ихъ ему за проблески лучшаго будущаго въ духѣ Просвѣщенія.

А эти замашки, эти безобразныя черты старины проявлялись явственно, подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ обстоятельствъ. Вѣдь, уже съ самаго начала совершались опасныя таинства судьбы: непостижимымъ образомъ спасся командиръ отъ смерти у Лоди; два раза онъ избавился отъ немину емаго плѣна, благодаря почти нечеловѣческой храбрости Ожеро и Массены. Кто устоялъ бы противъ такихъ перстовъ Провидѣнія! Но самое роковое вліяніе на душу Бонапарта имѣлъ бой подъ Арколэ. Тутъ отчаянный герой поставилъ все на карту — и словно чудомъ спасся изъ объятій смерти, почти засосанный болотомъ. Онъ почуялъ въ себѣ „рокового человѣка“, выигравшаго тяжелую жизненную тяжбу.

А тутъ, самъ собой, безъ офиціальныхъ распоряженій образовался вокругъ него отборный отрядъ тѣлохранителей съ собачьей преданностью, — ячейка знаменитой наполеоновской гвардіи. Онъ создалъ для героя особую горнюю атмосферу: главнокомандующій отдѣлился отъ товарищей; само собой исчезло лагерное панибратство и слагался церемонный этикетъ. Внѣшній блескъ долженъ былъ немедленно показать, что выросъ изъ обычныхъ рамокъ величія человѣкъ, который въ два года расширилъ границы Франціи до неимовѣрныхъ размѣровъ, измѣнилъ видъ Италіи, расправился съ папой какъ съ провинившимся школьникомъ, разрушилъ Нѣмецкую имперію и заставилъ задуматься Англію.

Лѣтомъ 1797 года уже возникла „резиденція“ новаго повелителя въ лучшемъ уголкѣ материка, среди волшебной панорамы ломбардскихъ озеръ, окруженныхъ вѣчными льдами Альпъ и веселыми коврами благодатной равнины Ломбардіи. Пышный дворецъ *Момбелло* (сокращенное Монтебелло), подъ Миланомъ, утопающій въ зелени роскошнаго парка, сталъ убѣжищемъ восходящаго свѣтила, которому могли позавидовать и надменный Габсбургъ, и великолѣпная сѣверная Семирамида.

Здѣсь, вокругъ скромнаго „капральчика“ - Діогена, кишѣли лакеи, повара и кошохи, адъютанты и ординарцы, изящные

просители и лохмотники. Въ пышныхъ аудіенцъ-залахъ пестрѣли расшитые мундиры голдаго молодого штаба, подобострастныхъ посланниковъ и всякихъ депутатовъ. Отсюда ежеминутно скакали курьеры въ Парижъ, Вѣну, Берлинъ, Римъ, Неаполь и Бернъ. Ученые, писатели, художники воздавали лестью своихъ твореній за королевскій пріемъ. Изъ Милана наѣзжали чистокровныя аристократки, чтобы поднести букеты дамамъ Бонапарта. При торжествахъ Наполеонъ выѣзжалъ восьмерней.

Самъ Бонапартъ сталъ молчаливъ; его слова напоминали изреченія оракула. Онъ выписалъ въ Момбелло весь свой клавъ. Наконецъ-то его чадолюбивое сердце могло успокоиться! Кто бы не позавидовалъ тому положенію, на которое уже вознесъ своихъ баловень счастья? Поживши всего двѣ недѣли подлѣ своего благодѣтеля, птенцы корсиканскаго гнѣзда разлетѣлись блаженными. Летиція возвратилась въ Аяччьо гордой монархиней. Жозефъ удалился въ Римъ на очень высокій постъ посланника, захвативъ съ собой Каролину. Люсьенъ, успѣвшій опять начудить такъ, что ему угрожала новая тюрьма, сталъ начальникомъ войскъ на Корсикѣ, а Люи—капитаномъ артиллеріи. Жеромъ былъ помѣщенъ въ парижскую гимназію. Полина и Элиза были выданы замужъ и нашли въ своихъ свадебныхъ корзинахъ по 40.000 фр. чистоганомъ да кучія на земли. Полина осталась въ Италіи, гдѣ ея мужъ, 24-лѣтній генералъ Леклеркъ, былъ назначенъ начальникомъ штаба.

За исключеніемъ Элизы, сестры были красавицы на подборъ, придававшія очарованіе новому двору. Особенно сводила всѣхъ съ ума граціозная „Полеттъ“ (уменьшительное отъ Полина), въ бюстъ которой влюблялись сто лѣтъ спустя. Недалекая, еле грамотная кокетка, она сама увлекалась своими прелестями и находила, что науки и занятія только изуродовали бы ее. Она жила лишь поклонниками, считая, что все дозволено женщинѣ, которая можетъ имѣть у своихъ ногъ какого угодно мужчину.

Но даже Полеттъ не могла сравняться въ очаровательности съ болѣе опытной хозяйкой Момбелла. Жозефина была истинною Цирцеей двора, изящно принимая дань поклоненія, съ привыч-

нымъ достоинствомъ аристократки, и разсыпая кругомъ милости. Она прельстила всѣхъ тѣмъ изящнымъ тактомъ „свѣта“, которому такъ поклонялся и завидовалъ капральчикъ. Креолка занималась всѣми, но такъ, что всякому казалось, будто она безпокоится только о мужѣ.

Но ее возненавидѣлъ кланъ, принесшій съ собой дрязги и козни, чтобы довершить сходство Момбелла со старымъ дворомъ. Онъ весь сталъ теперь гордъ и честолюбивъ: каждый смотрѣлъ геніемъ и завоевателемъ. Во главѣ домашняго заговора стояли enfants terribles клана—Люсьенъ и особенно Элиза. Высокая, тощая, черномазая, большегубая, смахивавшая на мужчину, Элиза кипятилась тѣмъ больше, что она обладала дьявольскимъ честолюбіемъ, а вышла замужъ за своего дальняго родственника, бѣднаго капитана, итальянца Баччьоки (Bacchiochi). На сторону заговорщиковъ клонилась сама матрона клана. Ее затмевала легкомысленная женщина, вторгнувшаяся въ семью безъ ея разрѣшенія. Ей приходилось подавлять краску оскорбленнаго достоинства, легко проступавшую на ея прозрачной кожѣ, и вынужденно молчать, сознавая свое провинціальное корсиканское невѣжество. Летиція не переносила всей Жозефины — ея свѣтской развязности, ея шикарнаго туалета, ея назойливыхъ собачонокъ. Даже спокойный Жозефъ не дремалъ: онъ всячески льстилъ золовкѣ, а самъ собиралъ доказательства истинныхъ причинъ, задерживавшихъ ее въ Парижѣ.

Таковъ былъ „момбельскій дворъ“. Все было пропитано въ немъ воздухомъ стараго порядка. А когда онъ поднимался на прогулку въ горы или по озерамъ, города и села наперерывъ выказывали благоговѣніе къ „освободителю“. Когда же Бонапартъ выѣхалъ изъ Италіи, его поѣздка оказалась тріумфомъ повелителя Европы.

Въ Швейцаріи онъ подготовилъ демократическій переворотъ. Въ Раштаттѣ онъ дерзко подшучивалъ надъ князьями и владыками и публично прогналъ, какъ лакея, уполномоченнаго шведскаго короля, графа Ферзена, за то, что онъ былъ другомъ Маріи-Антуанеты. И всюду Бонапартъ могъ видѣть сотни своихъ

портретовъ, медалей и гравюръ, изображавшихъ его подвиги въ поэтическомъ преувеличеніи. А въ Парижѣ, на Тріумфальной Аркѣ, красовались имена его дивныхъ побѣдъ. И муниципалитетъ переименовалъ улицу его квартиры въ улицу Побѣдъ. Тогда же прозорливый Карно провидѣлъ въ Бонапартѣ „второго Цезаря, который не преминетъ перейти Рубиконъ при случаѣ“.

Такого положенія не создать сразу всѣмъ „великимъ людямъ“, взятымъ вмѣстѣ: оно дается исторіей. То былъ плодъ всего, что создало „великую революцію“, которая стала узломъ судебъ всего міра. Всѣ нити этого узла соединились въ рукахъ единственнаго исполнителя требованій минуты, который умѣлъ гдѣ разсѣкать ихъ, гдѣ искусно распутывать. Момбелло уяснило самому Бонапарту его туманныя грезы. На этой опьяняющей почвѣ успѣховъ, гдѣ орудовали геров и поэты древняго Рима, генералъ революціи сознялъ себя, какъ властителя міра: вѣдь, онъ умиротворялъ Европу; онъ подводилъ основы подъ расшатанную Италію и даже Францію.

Врожденная повелительность сверкнула во всемъ,—и въ его порывистыхъ, первыхъ движеніяхъ, и въ безстрастныхъ чертахъ съ острымъ, какъ ножъ, взглядомъ, и въ лагерномъ лаконизмѣ непереводимаго слога, и въ неразборчивости почерка. Молчаливымъ олимпійцемъ, съ печатью великихъ тайнъ на челѣ, замыкался Бонапартъ въ уединенныхъ уголкахъ дворца или парка. Внезапный голосъ громовержца потрясалъ сердца изъ края въ край материка. „Я не потерплю инквизиціи и не позволю вашему сенату своевольничать! — закричалъ онъ на пословъ Венеціи. — Я буду для Венеціи хуже Аттилы! Не нуждаюсь ни въ вашемъ союзѣ, ни въ вашихъ интригахъ, а заставлю васъ повиноваться моимъ приказаніямъ“.

Его взоры уже обращались къ Востоку. Изъ Анконы онъ писалъ въ Парижъ: „Отсюда можно въ 24 ч. добраться до Македоніи. Это мѣсто безцѣнно для нашего вліянія на османское царство“.

Такъ заговорилъ „роковой человѣкъ“ послѣ всего, сдѣланнаго имъ въ 28-лѣтнемъ возрастѣ. Ему простительно было ду-

мать, что онъ одинъ совершилъ всѣ эти чудеса: вѣдь, и историки описываютъ итальянскій походъ такъ, какъ будто не существовало ни Франціи, ни директоріи! Бонапартъ обогатилъ парижскую казну и все свое офицерство, выплатилъ жалованье солдатамъ съ лихвой, обмундировалъ ихъ заново и откормилъ. Онъ ошеломилъ міръ, показавъ невиданную волю, въ соединеніи съ страшными инстинктами могучаго дикаря.

Всѣ, даже далеко за предѣлами Европы, только и занимались, что итальянскою кампаніей; и въ самыхъ серьезныхъ головахъ зарождалось подозрѣніе, что здѣсь орудуетъ какая-то непреодолимая таинственная сила, тѣмъ болѣе, что въ бюллетеняхъ о побѣдахъ не упоминалось имени виновника ихъ.

Какъ *полководецъ*, Бонапартъ сразу поднялся далеко выше всѣхъ военныхъ свѣтилъ новой исторіи; спеціалисты признали его стратегію 1796 года „классическою“; она послужила генералу Жомини основой теоріи всего военнаго искусства. И два поколѣнія спустя одинъ изъ „хулителей“ Наполеона, Ланфрэ, назвалъ итальянскую кампанію „лучшимъ созданіемъ его генія и перломъ военнаго искусства“.

Но тогда же познали, что Бонапартъ и первоклассный *дипломатъ*, которому суждено перевернуть политическій строй міра. Онъ и здѣсь пускалъ въ ходъ свою стратегію,—натискъ, запугиваніе, ловкіе обходы и раздѣленіе враговъ. Онъ и здѣсь разбивалъ формы пресловутой „традиціи“, посрамляя сѣдины рутинёровъ. Но, по существу, у Бонапарта-дипломата отсутствовало творчество, которымъ онъ блисталъ на полѣ брани. Онъ руководился стародавнимъ макіавелизмомъ, слѣдуя собственному интересу, пренебрегая выгодами народовъ, внося всюду самую коварную интригу. Это объясняется не однимъ свойствомъ сферы, гдѣ лишь въ наши дни робко начинаютъ браться за другіе пріемы. Бонапарта окружала тлетворная среда. „Въ виду превратности здѣшнихъ судебъ—писалъ онъ родственнику одного убитаго офицера—кто не пожелалъ бы покинуть міръ, зачастую достойный одного только презрѣнія! Кто изъ насъ не жалѣлъ сто разъ о томъ, что ему не удалось исчезнуть изъ области клеветы, зависти

и всѣхъ ненавистныхъ страстей, почти всецѣло управляющихъ здѣсь поступками человѣка?“

Вотъ гдѣ созрѣвалъ корсиканецъ, прирожденное лукавство котораго уже изощрялось горькою нуждой, неудачами юности и революціонною анархіей! И окружающія обстоятельства взывали къ самой холодной, безпощадной разсчетливости: неизбѣжно приходилось быть или молотомъ, или наковальней. Чтобы удержаться на своей опасной высотѣ, Бонапартъ долженъ былъ всякими изворотами бороться не только съ прямыми врагами, но и съ итальянцами, которыхъ поджигали друзья старины, и даже съ самою директоріей.

Зато юный ученикъ престарѣлыхъ Макіавелей далеко превзошелъ своихъ наставниковъ: рядъ его дипломатическихъ побѣдъ— своего рода итальянскій походъ. Бонапартъ умѣлъ не только опутывать противника самыми тонкими, невидимыми паутинами, но и заметать слѣды своихъ некрасивыхъ работъ. Такъ, хвастаясь передъ солдатами „300 перлами искусства“, онъ увѣрилъ міръ, что это „грабятъ“ комиссары директоріи, которые стащили даже чудотворную икону Лоретской Божіей Матери. Онъ былъ правъ въ одномъ: и здѣсь это былъ лишь исполнитель чужой системы, которую ввелъ впервые конвентъ въ Бельгіи и Голландіи. Сама директорія приказывала ему въ началѣ итальянской кампаніи: „Увозите изъ Италіи все, что можно и что сколько-нибудь полезно“.

Но оставался налицо разбойничій фактъ, столь же величественный, какъ груды труповъ на поляхъ Италіи. Въ то время, какъ Гошъ разстрѣливалъ своихъ солдатъ за грабежъ, Бонапартъ собралъ одними франками (не говоря про „реквизиціи“ всякихъ благъ, не исключая рѣдкихъ рукописей, картинъ и статуй) до 115 милліоновъ; а Венеція поплатилась еще пятью кораблями. „Ученый комитетъ сдѣлалъ хорошую жатву“, писалъ побѣдитель директорамъ: болѣе 300 перловъ искусства для славолюбивыхъ парижанъ, а для женщинъ и „свѣта“—драгоцѣнности и много „всего любопытнаго“. И, умершій въ 1803 году, Альфьери завѣщалъ итальянцамъ ненависть къ французамъ.

Въ то врéмя Наполеонъ уже чернилъ своего покровителя, Карно, преслѣдовалъ Массену и Ожеро, подкапывался подъ Гоша, который писалъ ему: „О, мужественный юноша! Кто изъ воиновъ республики не горитъ желаніемъ подражать тебѣ? Веди наши побѣдоносныя войска дальше и предоставь намъ заботу о твоей славѣ!“ Подлѣ Бонапарта уже видимъ жадныхъ банкировъ и воровскихъ интендантовъ. Онъ льститъ знати, клиру, богачамъ; а интеллигенція, патріоты и студенты у него уже—„якобинцы“ и „идеологи“.

То же самое должно сказать о міровыхъ послѣдствіяхъ дипломатіи Наполеона уже въ то время. Всѣ они были подготовлены исторіей: онъ лишь продолжалъ путь, начатый революціей. Какъ мы видѣли (гл. VIII), путь этотъ также былъ непзбѣженъ: онъ не былъ измышленъ жирондистами, какъ прежде усиливались доказать историки, съ нѣмцемъ Зибелемъ во главѣ [1]). Непреодолимая сила обстоятельствъ, выдвигаемыхъ старымъ порядкомъ, толкнула революцію на путь войны-пропаганды (гл. VII), которая была также отголоскомъ настроенія эпохи, требованіемъ „братства“, космополитизма.

Эти истины были мѣтко высказаны въ самомъ началѣ конвента въ словахъ аббата Грегуара: „Всѣ правительства — наши враги, всѣ народы—наши друзья: *или мы погибнемъ, или будутъ свободны!*“ Даже измѣнившій потомъ Франціи Дюмурье мечталъ тогда видѣть ее окруженною „поясомъ республикъ-сестеръ“. И народы откликнулись на призывъ идеалистовъ Просвѣщенія. Въ Парижъ стекались депутаціи разныхъ народовъ, не исключая англичанъ, просившихъ помочь имъ завести собственные „національные конвенты“. Пьемонтцы, прирейнскіе нѣмцы и бельгійцы сами просили присоединить ихъ къ великодушной республикѣ.

Съ началомъ 1793 г. картина измѣнилась. Въ конвентѣ новая политика „чувства“ уступила мѣсто старой политикѣ „реальныхъ интересовъ“: теорія войны-пропаганды смѣнилась теоріей *войны-*

---

1) *Sybel*: Geschichte der Revolutions-Zeit. 1853—1860. Новое изданіе въ 1832 г.

пріобрѣтательницы. Уже жирондисты выставили мысль объ „естественныхъ границахъ“, вытекавшую, въ свою очередь, изъ ученія Руссо. Якобинцы упорно заговорили о Рейнѣ, Альпахъ и Пиренеяхъ и указывали на примѣръ римлянъ, которые дѣлали „реквизиціи“—поборы людьми и добромъ въ покоренныхъ странахъ. И первая коалиція была разгромлена. Въ три года дивной войны республика даровала Франціи естественныя границы.

Такіе военные успѣхи, завершенные блестящимъ базельскимъ миромъ, умиротворили Францію и внутри: какъ мы видѣли (гл. VIII), они помогли паденію террора. Среди термидорцевъ выступала даже партія мира во что бы то ни стало,—хотя бы и съ прежними границами. Но она поддерживалась главнымъ образомъ роялистами. Оттого послѣ побѣды надъ ними 13-го вандемьера конвентъ закончился указомъ о присоединеніи Бельгіи къ Франціи.

Одинъ изъ директоровъ, Ревбель, заправлявшій иностранною политикой, тотчасъ же справедливо заявилъ одному дипломату: „Возвращеніе къ старымъ границамъ не только покрыло бы Францію позоромъ, но и привело бы къ разрушенію республики. Арміи, возвратившись домой, гдѣ ихъ нельзя содержать, живо пожрали бы остатокъ національныхъ имуществъ; и вспыхнуло бы междоусобіе, которое послужило бы другимъ государствамъ знакомъ уготовать Франціи судьбу Польши. Между тѣмъ въ одной Бельгіи есть на 3 милліона національныхъ имуществъ, а въ остальныхъ занятыхъ странахъ—еще больше: вотъ единственное средство погасить ассигнаты!“ Другіе члены директоріи все говорили о поясѣ республикъ-сестеръ, зависимыхъ отъ Франціи. Изъ Голландіи была создана Батавская республика. Сіейсъ даже выработалъ планъ „секуляризаціи“ или обмірщенія духовныхъ фюрстовъ Германіи, т.-е. лишенія ихъ владѣній.

Такъ, уже до Бонапарта Франція рѣшительно стала на путь присоединеній, съ помощью революціонной пропаганды повсюду, въ особенности же по сосѣдству — въ Германіи, Швейцаріи и Италіи Онъ только блистательно разрѣшилъ данную ему задачу. Италія послужила ему поприщемъ первыхъ и самыхъ знаменитыхъ побѣдъ не только на полѣ брани, но и за зеленымъ столомъ дипломатіи.

Эта страна, съ ея политической путаницей, была какъ бы создана для того, чтобы капральчикъ явилъ міру перлы своего дипломатическаго искусства, — этой смѣси наглаго обмана съ насиліемъ, самой скаредной разсчетливости съ юношеской идеализаціей. Бонапартъ, который объяснялся однимъ манеромъ съ директоріей, другимъ — со своими близкими, естественно говорилъ однимъ языкомъ съ „народами“ Италіи, другимъ — съ ихъ „тиранами“, которыхъ пугалъ революціей, но пока оставлялъ на престолахъ, впрочемъ, съ правомъ „вмѣшательства“ въ ихъ дѣла. „Идите къ намъ съ довѣріемъ! Наша армія—ваша освободительница, вашъ братъ и другъ!“ взывалъ онъ къ итальянцамъ. „Эти прокламаціи и рѣчи — не болѣе, какъ романъ; пора бросить эти средства!“ писалъ онъ своимъ наперсникамъ.

И вотъ, революціонная армія перерождается. Заброшенная правительствомъ, впервые узнавшая слово „богатство“ изъ устъ своего идола, она превращалась въ мародеровъ и гладіаторовъ. „Стыдно было за человѣка!“—признавался самъ вождь. Но онъ не принималъ мѣръ противъ поставщиковъ и офицеровъ, обратившихъ военное дѣло въ „ярмарку, гдѣ все было продажно“. Разъ только упрекнулъ онъ слишкомъ загребистаго Массену; но замолчалъ, когда тотъ проспрягалъ ему въ отвѣтъ глаголъ „воровать“. Дошло до того, что итальянцы, съ такимъ восторгомъ встрѣтившіе „братьевъ-освободителей“, стали выражать ихъ гарнизоны, когда они ушли въ Тироль, съ криками: „Вонъ варваровъ!“

Верхомъ совершенства были интриги съ *Венеціей* и папой. Бонапартъ восхитительно льстилъ олигархамъ лагунъ въ то самое время, когда подписывалъ въ Леобенѣ „новый раздѣлъ Польши“, какъ называли ихъ погибель: это коварство поразило даже самыхъ опытныхъ дипломатовъ, заматерѣлыхъ въ лицемѣріи и своекорыстіи. Венеція была чрезвычайно важна по своей близости къ Австріи и Востоку; она владѣла большею частью Ломбардіи, Истріей, Далмаціей и Іоническими островами. Наполеонъ отлично зналъ слабую струну олигархіи, которая управляла республикой, какъ своей вотчиной. Всѣмъ опротивѣлъ ея таинственный деспотизмъ средневѣковья: вездѣ уже распространился демократизмъ,

подъ вліяніемъ французовъ; „патріоты“ устраивали революціонные клубы.

Олигархія выставила противъ нихъ крестьянина — грубаго, безграмотнаго славянина, котораго подстрекали монахи. Крестьянинъ устроилъ на Святой цѣлую „Вероискую Вэчерню“, избивая прогрессистовъ и особенно французовъ, даже ихъ дѣтей и больныхъ. Бонапартъ, считавшій Венецію „самымъ достойнымъ свободы городомъ Италіи“, подавилъ эту противореволюцію. Олигархія вооружилась; а онъ, съ притворной наивностью, предложилъ ей союзъ, съ условіемъ щадить „патріотовъ“, какъ называли себя демократы. Онъ былъ увѣренъ въ отказѣ, который далъ бы ему поводъ расправиться съ дожемъ, какъ мстителю за нанесенное Франціи оскорбленіе и за угнетенную свободу. Такъ и случилось. Тогда французы заняли венеціанскія земли и помогли „патріотамъ“ устроить временное правительство.

Бонапартъ заключилъ дружественный договоръ съ патріотами, обезпечивая имъ свое покровительство—не дешево: онъ взялъ съ нихъ 6 милліоновъ франковъ, 5 кораблей, 20 картинъ и 500 рѣдкихъ рукописей; да еще отправлена была французская экспедиція занять острова республики на Средиземномъ морѣ. Договоръ былъ заключенъ 16-го мая 1797 г. А 24-го Бонапартъ предложилъ, въ Леобенѣ, Венецію Францу II. 26-го онъ возвѣстилъ ея временному правительству: „Во всякомъ случаѣ, я сдѣлаю все, что могу, чтобы доказать вамъ, какъ горячо желаю упроченія вашей свободы. Вы увидите, какъ мнѣ хочется, чтобы бѣдная Италія, теперь покрытая славой и избавленная отъ иноземщины, снова заняла на міровой аренѣ, среди великихъ націй, мѣсто, подобающее ей по ея природѣ, положенію и предназначенію“.

27-го мая Бонапартъ писалъ директоріи: „Венеція падала съ открытія Мыса Доброй Надежды и возвышенія Трієста съ Анконой: врядъ ли переживетъ она удары, нанесенные ей нами. Это—жалкое, трусливое, вовсе не созданное для свободы населеніе, безъ земли и воды: было бы естественно, если бы мы предоставили его тѣмъ, которымъ передали его материковыя владѣнія. Мы возьмемъ всѣ корабли, очистимъ арсеналъ, увеземъ пушки,

разрушимъ ихъ башкъ. Оставимъ также за собой Корфу и Анкону".

И Венеція была отдана Габсбургу, при чемъ ея западная часть была присоединена къ Цизальпинѣ, а Іоническіе острова — къ Франціи.

Еще восхитительнѣе и важнѣе для будущаго была политика Бонапарта съ *папой*. Она такъ тонка и дальновидна, что тогда никто не понималъ ея, приписывая ее капризу момбельскаго божка.

Тучный 80-лѣтній добрякъ, Пій VI, тоже былъ въ Аркадіи: въ эпоху Просвѣщенія онъ предавался модѣ реформъ, осушалъ Понтійскія болота и улучшалъ пути сообщенія. Но послѣ 1789 г. онъ ударился въ реакцію, подъ вліяніемъ надменныхъ кардиналовъ, которые кричали, что „сдѣлаютъ Вандею изъ Легатствъ" [1]). Ватиканъ сталъ гнѣздомъ французскихъ эмигрантовъ и священниковъ, не присягавшихъ республикѣ. Даже былъ убитъ французскій посланникъ; и папа собиралъ армію, чтобы ударить, вмѣстѣ съ неаполитанцами, въ тылъ Бонапарту. Наполеонъ вскипѣлъ, соглашаясь на этотъ разъ съ директоріей, которая требовала уничтожить свѣтскую власть папы, ибо „католицизмъ — непримиримый врагъ республики". Онъ отхватилъ у св. отца Легатства и Авиньонъ.

Но вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ началъ выказывать папѣ сыновнее почтеніе и называть себя „защитникомъ религіи". Его покровительствомъ стали пользоваться даже бѣжавшіе въ Римъ „неприсяжные" священники. Онъ оправдывался передъ директоріей требованіями „гуманности", а наперснікамъ говорилъ, что нужно щадить „старую лису". Бывшій якобинецъ понялъ обаяніе католичества надъ массами: онъ уже задумывался надъ своимъ великимъ будущимъ. И не ошибся. Пій VI благодарилъ „милаго сына" за сохраненіе остатковъ своей власти. Одинъ кардиналъ подарилъ „милостивѣйшему покровителю и защитнику католицизма" бюстъ Александра Македонскаго. Католическія массы не

---

[1]) *Легатствами* называлась сѣверная часть Церковной Области.

только во Франціи, но и во всей Европѣ стали сочувствовать побѣдителю, дѣлая невыгодныя для директоріи сравненія между его поступками и ея церковной политикой.

Вообще же въ Италіи была введена система *республикъ-сестеръ*. Исполняя завѣтъ революціи, Бонапартъ сразу рѣшилъ превратить Ломбардію въ могучее демократическое государство. Спустившись съ Альпъ, онъ тотчасъ возвѣстилъ объ избавленіи итальянцевъ отъ „тирановъ“. И среди ликованій интеллигенціи и буржуазіи тамъ рухнулъ феодализмъ, съ средневѣковымъ духомъ зависти между городами и провинціями. Затѣмъ были уничтожены троны такихъ мелкихъ сосѣднихъ монарховъ, какъ владѣльцы Пармы и Модены. А по миру въ Кампо-Форміо Габсбургъ призналъ *Цизальпійскую* республику, въ составъ которой вошли, кромѣ Австрійской Ломбардіи (герцогство Миланъ), западныя области Венеціи (Верона и проч.), герцогства Модена и Мантуа, да три папскія Легатства. Она была устроена по парижскому образцу. Бонапартъ самъ назначилъ ей пять директоровъ; много французовъ заняли въ ней должности; и ихъ войска остались для ея охраны.

Единство Цизальпины подрывали двѣ сосѣдки — Венеція и Генуя, гдѣ господствовали такіе же пережитки средневѣковья, какъ у мелкихъ монарховъ. Мы видѣли судьбу первой изъ нихъ въ желѣзныхъ рукахъ Бонапарта. Вторая живо была превращена имъ въ демократическую *Лигурійскую* республику, хотя ее охранялъ англійскій флотъ.

Годъ спустя директорія довершила дѣло Бонапарта. Тогда въ Римѣ тоже повѣяло новымъ духомъ: подъ вліяніемъ французскихъ якобинцевъ, интеллигенція и буржуазія возстали противъ ретроградства папы. А подстрекаемая монахами толпа стала бить и грабить ихъ; былъ даже застрѣленъ одинъ французскій генералъ. Тотчасъ явилась армія Массены—и возникала *Римская республика* (1798), съ консулами и трибунами. У Пія VI отняли все — до перстней съ пальцевъ. Его таскали изъ города въ городъ, пока не водворили во Франціи, гдѣ онъ умеръ нѣсколько недѣль спустя.

Тогда же директорія ввернила систему республикъ-сестеръ и за придѣлами Италіи. „Ее прельщали берпскія сокровища“.

говорилъ Бонапартъ, который подавалъ ей примѣръ и самъ совѣтовалъ лишить Швейцарію независимости, чего не допускалъ благородный республиканецъ Карно: завоеватель понималъ стратегическое значеніе этого ключа къ Италіи и Южной Германіи.

Въ этомъ свободномъ Союзѣ также свирѣпствовало средневѣковье. Шла ожесточенная борьба между различными національностями и религіями, между „привилегированными“ и „канальей“, между старыми кантонами и ихъ „подданными“ землями, наконецъ, между однимъ и другимъ кантономъ. Въ каждомъ кантонѣ власть принадлежала старомодной олигархіи „патриціевъ“; вездѣ процвѣтали такіе же цехи, барщины и застѣнки, какъ въ любой старой монархіи. Ихъ главныя гнѣзда, Бернъ и Женева, стали убѣжищами французскихъ эмигрантовъ и англійскихъ агентовъ. Въ 1798 г., подъ вліяніемъ Парижа, возстали массы, угнетенныя олигархами. Ими руководили базельскій цеховой Оксъ да бернскій адвокатъ Лагарпъ — благородный, просвѣщенный космополитъ, который возвратился тогда изъ Петербурга, гдѣ онъ 13 лѣтъ воспитывалъ дѣтей Павла I.

Возставшіе обратились за помощью къ директоріи. Та послала къ олигархамъ парламентера, но онъ былъ убитъ. Тогда явились французскія войска—и „бернскіе господа“ лишились своихъ 43-хъ милліоновъ; а древній Союзъ 13-ти кантоновъ превратился въ *Гельветскую* республику—единую, демократическую, съ свободой совѣсти и слова, съ уничтоженіемъ „подданныхъ земель“. Во главѣ „директоріи“ стали Лагарпъ и Оксъ. Новыя начала оказались такъ благодѣтельны, что они уцѣлѣли до нашихъ дней, несмотря на многія попытки ретроградовъ воскресить удушливый феодализмъ.

Оставалось порѣшить съ третьей сосѣдкой Франціи,—съ Германіей. Мы уже видѣли (гл. XII), какимъ ловкимъ Макіавелемъ оказался Бонапартъ въ Леобенѣ. Онъ отлично понялъ, что Россія и Пруссія рады были дѣлить Польшу съ Габсбургомъ. но вовсе не желали проливать свою кровь изъ-за него. Отсюда—та геніальная смѣлость выскочки, которая привела къ дипломатическому чуду, къ миру въ *Кампо-Форміо*. То было невиданное

посрамленіе маститаго Габсбурга; то была гибель всей старой Германіи и основа міродержавія Наполеона.

Франція пріобрѣтала Бельгію, рейнскую границу и Іоническіе острова; а Австрія теряла, кромѣ Бельгіи, Ломбардію, получая взамѣнъ коварный даръ—Венецію съ Истріей и Далмаціей. Германія лишилась лѣваго берега Рейна; а владѣвшіе имъ князья получали вознагражденіе на правомъ берегу, посредствомъ „секуляризаціи“ тамошнихъ духовныхъ князей. За все это часть Баваріи отходила къ Австріи; и Габсбургу давалось обезпеченіе въ томъ, что прусскій Гогенцоллернъ не будетъ расширять своихъ владѣній. Такъ Бонапартъ втягивалъ императора въ заговоръ революціи противъ его собственнаго нѣмецкаго „отечества“. Францъ II тотчасъ же передалъ французамъ важную имперскую крѣпость Майнцъ, въ обезпеченіе условій мира. По его приказу имперскіе чины собрались на конгрессъ въ Раштаттѣ, чтобы утвердить погибель старой Германіи. Наконецъ Габсбургъ призналъ всѣ перемѣны въ Италіи, т.-е. отрекался отъ возврата къ своему прежнему величію.

Наполеонъ имѣлъ право сказать про миръ въ Кампо-Форміо: „Старая машина развалилась сама собой!“ Ея неудачливые механики полетѣли со своихъ престоловъ: пьемонтскій скрылся на о. Сардинію, неаполитанскій—на о. Сицилію; тоскапскій очутился досужимъ человѣкомъ въ Вѣнѣ, голландскій — такимъ же въ Берлинѣ. Ихъ замѣнили „сестры“, вѣрнѣе — дочери Франціи, новорожденныя республики.

Сгнили гвозди средневѣковья: папа сидѣлъ подъ арестомъ во Франціи; древняя Германія расползалась; ея императоръ сохранялъ лишь пустой титулъ, который также вскорѣ исчезъ. Всюду, на развалинахъ затхлаго феодализма, распоряжались юркіе французскіе республиканцы. Они уже продвигались на Востокъ: въ ихъ рукахъ очутились Іоническіе о-ва, Албанія и Мальта.

Европа и вправду перемѣнила свое лицо.

XIV. Начальница-рабыня. 1796—1797.

Угрозы отставкой.—„Политика“ генерала.—„Конституціонный“ періодъ директоріи.—„Либерализмъ“. — Соціальный вопросъ.—„Роялизація“.—18-е фрюктидора и Ожеро.—„Сухая гильотина“.—„Человѣкъ Народа“ и новый Цинцинната.—„Лучшіе законы“.

Итальянская кампанія вознесла Бонапарта до того, что, въ сужденіяхъ о немъ, какъ о монархахъ, приходится имѣть въ виду и внѣшнія, и внутреннія дѣла.

Послѣднія сосредоточивались на его отношеніяхъ къ директоріи. Конечно, и здѣсь Наполеонъ шелъ такимъ же путемъ, какъ всѣ Цезари. Но крайне любопытенъ способъ, которымъ онъ распутывалъ этотъ, самый мудреный, узелъ, согласно съ своей природой и обстоятельствами.

Отношенія полководца итальянской арміи къ своему парижскому начальству были диковинны. Директорія играла роль Мольеровой начальницы-рабыни. Сначала она радовалась удаленію своего опаснаго генерала, потомъ пыталась подчинить его себѣ, опираясь на Совѣтъ Пятисотъ, который твердилъ: „Слава нашего войска несомнѣнна, но честь нашего правительства запятнана“. Директорія послала въ итальянскую армію генерала Келлермана, какъ помощника Наполеону, и своихъ комиссаровъ. Она даже приставила къ Бонапарту особаго шпіона; но тотъ показывалъ ему свои донесенія. Наконецъ, директорія хотѣла погубить его, задерживая подкрѣпленія, но принуждена была сама благодарить его за наполненіе ея казны. Бонапартъ не только клалъ подъ сукно ея военные планы, но велъ свою собственную дипломатію. И тутъ-то онъ во всемъ расходился съ своей начальницей.

Директорія интересовалась только Бельгіей и Рейномъ: оттого она стремилась къ общему замиренію, стояла за естественныя границы базельскаго мира и хотѣла возвратить Ломбардію Габсбургу, а папу совсѣмъ уничтожить. Бонапартъ же, какъ мы видѣли, устроилъ республики, эти зерна будущихъ войнъ, гдѣ и

шли дѣятельныя военныя приготовленія; онъ сошелся только съ Австріей, чтобы сохранить за собой, съ свободными руками, войну съ Англіей, а папу пощадилъ.

Разладъ между арміей и правительствомъ обнаружился съ самаго начала итальянскаго похода. Когда директорія подписала миръ съ Пьемонтомъ, Наполеонъ отвѣчалъ ей: „Симъ увѣдомляемъ о полученіи *нами* достославнаго договора; армія одобрила его“. Правительство хотѣло разстрѣлять генерала за такой новый тонъ: только Барра отстоялъ его. Вслѣдъ за тѣмъ Бонапартъ объявилъ директоріи по поводу назначенія Келлермана: „Если вы будете всячески мѣшать мнѣ, если поставите мои шаги въ зависимость отъ вашихъ комиссаровъ, если эти комиссары будутъ имѣть право измѣнять мои движенія, присылать мнѣ войска или отнимать ихъ,—тогда ужъ не ожидайте отъ меня ничего добраго“.

А къ Карно онъ написалъ: „Я тогда только могу быть вамъ полезенъ, когда вы удостоите меня того же уваженія, какое оказывали въ Парижѣ... Я не хочу, чтобы мнѣ мѣшали. Кампанія начата мною недурно... Клянусь, что имѣю въ виду лишь благо отечества. Вы всегда найдете меня на прямомъ пути. Считаю долгомъ жертвовать республикѣ всѣми моими личными воззрѣніями“. Въ то же время Бонапартъ послалъ Келлерману, который командовалъ въ тылу „альпійской“ арміей, 1.200.000 фр.—и отъ своего имени.

Директорія, конечно, смирилась. „Съ тѣхъ поръ — говорится въ „Запискахъ на св. Еленѣ“ — Наполеонъ самъ увѣровалъ въ свое величіе и въ свое призваніе сыграть рѣшительную роль въ политикѣ Франціи“. Онъ уже пересталъ увѣрять начальство въ своей преданности. Его скромныя депеши замѣнились напыщенными и дерзкими посланіями. Потомъ пошли угрозы отставкой и ея послѣдствіями. Генералъ писалъ: „Какъ только главнокомандующій въ Италіи не служитъ опорной точкой для вашихъ, тамъ, предпріятій, вы подвергаетесь большому риску. Надѣюсь, эти заявленія не будутъ приписаны моему честолюбію. На меня и безъ того обрушивается слишкомъ много почестей; а между тѣмъ мое здо-

ровье до того разстроено, что слѣдовало бы, кажется, обратиться къ вамъ съ просьбой о назначеніи мнѣ преемника. Я не въ силахъ уже сидѣть на конѣ... Пришлите нѣсколько человѣкъ, чтобы замѣнить меня во многихъ должностяхъ, которыя я исполняю одинъ".

Въ Момбелло „начался мой разладъ съ директоріей", свидѣтельствуетъ самъ Бонапартъ. Тамъ онъ уже открыто вышелъ за предѣлы власти военачальника. Онъ разогналъ комиссаровъ директоріи, заявивъ ей: „Имъ нѣтъ дѣла до моей *политики*". А эту политику онъ уже называлъ „обдумываніемъ условій успѣха" (le calcul des combinaisons et chances), въ противоположность пустой „идеологіи". Поясненіемъ этого термина служило письмо къ директоріи, когда парижскія палаты прямо упрекнули его за насилія въ Италіи. Оно гласило: „Именемъ 80 тысячъ солдатъ предсказываю вамъ, что прошло время, когда адвокатишки и негодные пустомели гильотинировали воиновъ. Горе вамъ, если солдаты вынуждены будутъ прійти изъ Италіи, со своимъ генераломъ".

Этотъ генералъ уже предписывалъ Габсбургу леобенскія прелиминаріи. Онъ посылалъ директорамъ такія небрежныя записочки: „Посылается вамъ около двухъ милліоновъ золотомъ. Завтра отправляется сотня выѣздныхъ лошадей: онѣ замѣнятъ клячъ вашихъ каретъ. Я собралъ милліоновъ на шесть драгоцѣнныхъ камней и серебряной посуды; прибавляю еще столько же монетой; и все, что̀ ни соберу, препровожу къ вамъ. Кромѣ посланной для флота пеньки, посылаю еще милліоновъ на шесть. Изъ пяти съ половиною милл. фр., полученныхъ съ папы, четыре придержу для морского министра. Ваши комиссары по художественной части работаютъ усердно; они уже отобрали 110 картинъ".

А начальница-рабыня погибала именно въ ту минуту. Ея положеніе, печальное съ самаго начала (гл. XI), все ухудшалось. Время переходное,—директорія представляетъ жалкій конецъ революціи, полный противорѣчій и томленія

Наука лишь недавно уяснила это запутанное явленіе. Исправляя старый взглядъ, она находитъ, что даже тогда небезплодно

проявлялись угасающія силы могучаго переворота среди даровитой націи: она съ изумленіемъ нашла цѣлый „конституціонный“, положительный, періодъ въ жизни директоріи, длившійся 20 мѣсяцевъ. Тогда-то Бонапартъ ослѣплялъ міръ своими дивными походами въ Италіи и Австріи; а внутри страны совершались важныя реформы. Произошло отдѣленіе церкви отъ государства, при полной религіозной свободѣ. Ассигнаты были замѣнены „земельными мандатами“, обезпеченными національнымъ имуществомъ. Была учреждена академія, подлѣ которой расцвѣтали науки и серьезная литература.

Все это какъ бы безсознательно прорастало, по требованію обстоятельствъ, среди ожесточенной борьбы партій, съ которой мудрено было бы справиться и могучему правительству. А директорія почти сплошь представляла собой воплощеніе оппортунизма самаго низкаго разбора: то была жалкая политика интригъ и сдѣлокъ, прозябанья изо дня въ день, съ помощью игры въ партіи. Директорію терзали раздоры; и худшій изъ директоровъ, бездарный, безсовѣстный эгоистъ, измотавшійся кутила, Барра, бралъ верхъ надъ Карно, этимъ идеаломъ республиканца, который одинъ только могъ служить оправданіемъ новаго правительства. Такая-то исполнительная власть была еще на ножахъ съ законодательной, которая и сама была шатка, такъ какъ, въ силу закона о двухъ третяхъ (гл. IX), не была представительницей націи, а казалась сборищемъ „цареубійцъ“.

Да правительства, въ сущности, и не было: всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Напрасно директорія старалась внушить довѣріе, опираясь на большинство общества,—на буржуазію. Напрасно пыталась она завести либеральный, конституціонный строй, въ родѣ учредительнаго или законодательнаго собранія. Нація частью не довѣряла ей, даже гнушалась ею, частью не понимала ея положенія: она оставалась равнодушной къ ея безтолковой суетнѣ, всегда готовая свалить на нее всѣ неудачи и новое горе.

Само общество было шатко въ своихъ взглядахъ и даже склонностяхъ. Чувствовалась всеобщая усталость. Политика и погоня за широкими идеями надоѣдали. Искали кого-то, ждали

чего-то: чувствовалось только, что воскресеніе террора ли, стараго ли порядка было бы окончательной гибелью.

Тогда зародился „либерализмъ“,—слово, которымъ стали обозначать конституціоналистовъ или умѣренныхъ монархистовъ. Его очагомъ былъ салонъ г-жи Сталь. Здѣсь на первомъ планѣ стоялъ задушевный другъ хозяйки, 30-лѣтній Бенжаменъ Констанъ, блестящій ораторъ и публицистъ. Честный швейцарскій кальвинистъ, такой же поклонникъ идеалистической Германіи, какъ его подруга, онъ былъ восторженно преданъ основамъ Просвѣщенія и до смерти сохранился упорнымъ бойцомъ за политическую свободу, а также глубокимъ деистомъ. Констанъ—апостолъ и теоретикъ либерализма на материкѣ. Его правой рукой былъ искусный практикъ Талейранъ. Онъ не даромъ примкнулъ въ ту пору къ либераламъ: у нихъ заискивалъ тогда Барра, который и сдѣлалъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Барра, по своей природѣ, былъ враждебенъ такимъ чистымъ и серьезнымъ людямъ, какъ г-жа Сталь и Констанъ: онъ вскорѣ ударился въ орлеанизмъ. Но онъ чуялъ, что либерализмъ — та нарождающаяся сила, которая именно выражала чаянія большинства. Однако эти чаянія были еще смутны: либералы представляли собой самую слабую партію,—одинъ кружокъ г-жи Сталь. Обстоятельства толкали общество въ крайности. Термидорцы естественно пуще всего боялись кроваваго призрака вчерашняго прошлаго: крики противъ „террористовъ, якобинцевъ, анархистовъ, атеистовъ“ выдѣлялись изъ однообразія всеобщаго пытья.

Эта паника поддерживалась всеобщей нищетой, которая дѣлала соціальный вопросъ злобой дня. Если террористы составляли самую слабую и наименѣе популярную партію, зато здѣсь хранились послѣднія искры якобинскаго пыла. Поджигаемые голодомъ пролетаріи сплотились въ отчетливую группу, въ которой выработалось ученіе „коммунизма“ (гл. IX). Благодаря энергіи Бабёфа, они составили заговоръ. Директоріи не трудно было подавить движеніе, не имѣвшее корней въ большинствѣ націи. Но не успѣла она справиться съ намекомъ на красный терроръ, какъ поднялся призракъ бѣлаго.

Тутъ дѣло было посерьезнѣе. Нація, ненавидѣвшая больше всего якобинцевъ, уже представляла собой благопріятную почву для роялистовъ, среди которыхъ было немало ловчаковъ, носившихъ маску умѣренной республики. Этихъ господъ понимали только либералы, которые задумывались тогда надъ мѣрами противъ полной реставраціи стараго порядка. Больная нація и не боялась этой реставраціи: она или не знала этихъ подспудныхъ политикановъ, или презирала ихъ, полагаясь на свое республиканское войско, которое не позволило бы командовать собой генераламъ-измѣнникамъ, приспѣшникамъ опозоренныхъ Бурбоновъ. Роялисты пользовались этимъ. Число ихъ росло съ каждымъ новымъ выборомъ въ парламентъ, несмотря на то, что директорія подала первый примѣръ „официальныхъ кандидатуръ“.

Большинство законодателей уже было „роялизовано“. Совѣтъ Пятисотъ прямо требовалъ возстановленія „привилегированныхъ“ и замиренія съ Европой. Онъ выбралъ въ свои президенты генерала Пишегрю, который продался Бурбонамъ. Повидимому, самъ Моро одобрялъ роль Монка: по крайней мѣрѣ онъ четыре мѣсяца скрывалъ у себя уличавшія Пишегрю бумаги, отнятыя имъ у плѣннаго австрійца. Да роялисты и открыто сговаривались на своихъ сходкахъ, въ „клубѣ предмѣстья Клиши“, рѣшенія которыхъ проходили въ народъ черезъ священниковъ. А цѣлый рядъ ихъ газетъ требовалъ растерзанія „пяти тирановъ въ Люксембургѣ“. Въ самой директоріи оказался кандидатъ эмигрантовъ, Бартелеми. А Карно не придавалъ значенія роялизму, не довѣрялъ товарищамъ и ненавидѣлъ Барра. Къ тому же это былъ честный правитель: „Скорѣе умру, чѣмъ допущу нарушеніе конституціи!“ твердилъ онъ.

Въ то же время директорія дошла до банкротства. Казна была пуста. Чиновники разбѣгались, не желая служить за ассигнаты, которые пали до $^1/_{1000}$ своей цѣны. Даже почта пріостановилась. Подвозъ съѣстныхъ припасовъ въ Парижъ почти прекратился. Возрождалась мѣновая торговля. По столицѣ тянулись въ ломбардъ вереницы возовъ съ мебелью, картинами, платьями; а у богачей гости приходили на пиры съ собственными хлѣбцами.

Спасеніе директоріи заключалось въ арміи, а въ какой — это было уже очевидно. Благородный Гошъ, готовый на все для спасенія республики, боролся тогда съ австрійцами за Рейномъ и голодалъ со своими солдатами. А Бонапартъ, наполнявшій казну золотомъ, отдыхалъ на лаврахъ послѣ Леобена. И роялисты прямо вызывали его, крича всюду, даже въ Совѣтѣ Пятисотъ, объ его „грабительствѣ“ и самоволіи. Наполеонъ прислалъ тогда Барра предательскую переписку роялистовъ о Пишегрю, найденную имъ у изловленнаго эмигранта, графа д'Антрэга. Затѣмъ онъ пышно отпраздновалъ, въ лагерѣ, денекъ 14 іюля, — взятіе Бастиліи. Его манифестъ арміи гласилъ:

„Солдаты! Знаю, васъ глубоко тронуло бѣдствіе, грозящее отечеству. Но отечество вовсе не находится въ серьезной опасности. Вѣдь налицо люди, помогшіе ему восторжествовать надъ соединенною Европой! Правда, горы отдѣляютъ насъ отъ Франціи; но вы перемахнете черезъ нихъ орлами, если бы потребовалось соблюсти конституцію, защитить свободу, охранить правительство и республиканцевъ. Солдаты! Правительство бодрствуетъ надъ ввѣренными ему закопами. Какъ только покажутся роялисты,—ихъ часъ пробилъ! Будьте спокойны! Поклянемся тѣнями героевъ, павшихъ подлѣ насъ за свободу, поклянемся на нашихъ новыхъ знаменахъ: *непримиримая война врагамъ* республики и конституціи III года!“

Армія послала директоріи адресъ въ томъ же духѣ.

Но новый Цезарь не рѣшался самъ переходить Рубиконъ. Да онъ и нужепъ былъ въ арміи — для завершенія побѣдъ знаменитымъ миромъ въ Кампо-Форміо. Онъ былъ увѣренъ, что въ Парижѣ справится его соперникъ, плохой генералъ, но улыбавшійся ядрамъ рубака, *Ожеро* (Augerau). Ловкій гимнастъ, дуэлистъ, кутила, этотъ великанъ ростомъ прошелъ огнь и воду и нигдѣ не задумывался; дезертиръ монархіи, онъ служилъ приказчикомъ у женевскихъ купцовъ, дрался въ рядахъ русскихъ, нѣмцевъ, испанцевъ и итальянцевъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ португальскихъ инквизиторовъ изъ-за любовнаго похожденія, давалъ уроки танцевъ и фехтованія въ Неаполѣ, откуда попалъ добровольцемъ въ армію

Бонапарта; при имперіи онъ сталъ маршаломъ Франціи и герцогомъ Кастильоне; при реставраціи — пэромъ. Строгій съ солдатами, отважный въ бою, онъ изображалъ собой яраго якобинца, когда Бонапартъ прислалъ его съ адресами арміи и съ заявленіемъ, что выйдетъ въ отставку, если не покончатъ съ заговорщиками.

Барра, самъ воякa, обрадовался быстрой расправѣ,—и *18-го фрюктидора* V года (4 сентября 1797 г.) Ожеро безъ выстрѣла занялъ войсками Тюльери, а затѣмъ и улицы. Парижъ украсился воззваніемъ: „Смерть всякому, кто вздумаетъ призывать старую монархію, или Орлеановъ, или конституцію 1793 года“. Вслѣдъ за тѣмъ Ожеро былъ удаленъ въ рейнскую армію главнокомандующимъ.

Тотчасъ же за Альпами явился приказъ по войскамъ: „Солдаты! Для васъ готовились цѣпи. Вы узнали это, вы заговорили. Народъ спохватился; онъ забралъ измѣнниковъ; они уже закованы въ цѣпи“.

Тогда же Бонапартъ писалъ Талейрану: „Возьмемся за истинную политику — и мы надолго станемъ великою націей и рѣшителями судебъ Европы. Скажу больше: въ нашихъ рукахъ чашки вѣсовъ нашей части свѣта; мы будемъ подымать или опускать ихъ по желанію. Если угодно судьбѣ, я не вижу даже ничего невозможнаго въ томъ, что въ немного лѣтъ достигнемъ событій, которыя теперь лишь пылкая фантазія видитъ неясно; но крайне холодный, упорный и разсчетливый человѣкъ можетъ достигнуть ихъ“.

Впослѣдствіи Наполеонъ говорилъ: „Меня упрекали въ потворствѣ государственному удару 18-го фрюктидора. Это все равно, что сказать, будто я потворствовалъ революціи. Слѣдовало лишь воспользоваться революціей, извлечь выгоду изъ пролитой ею крови“.

Бонапартъ сознавалъ, что историческій смыслъ 18-го фрюктидора былъ прямымъ развитіемъ дѣла 13-го вандемьера. Онъ спокойно выжидалъ, подготовляя миръ въ Кампо-Форміо и наблюдая за саморазрушеніемъ начальницы-рабыни.

Съ 18-го фрюктидора директорія вступила на путь мести и насилій. Въ Парижъ возвратилось господство конвента, только въ менѣе кровавой формѣ: стала свирѣпствовать „сухая гильотина“ или ссылка. „Измѣнниковъ республики“ сослали въ убійственныя болота Кайены: тутъ было до 200 лицъ, по преимуществу журналистовъ и членовъ обоихъ совѣтовъ, въ томъ числѣ Пишегрю, Бартелеми и Карно, которымъ, однако, удалось бѣжать. Исчезла свобода печати, сходокъ и сообществъ; была нарушена независимость судовъ, многіе департаменты лишились выборныхъ правъ. „Цареубійцы“ и республиканцы заняли правительственныя мѣста. Власть сосредоточилась въ рукахъ Барра, которому помогали двое самыхъ коварныхъ и продажныхъ интригановъ — Талейранъ и Сіейсъ.

Среди этихъ-то пигмеевъ появилась личность, которую уже называли „Человѣкомъ Народа“ (L'homme du peuple). И 1798-й годъ начался всеобщею тревогой какъ во Франціи, такъ и за ея предѣлами. Чувствовалось, что готовятся мировыя потрясенія, но не было ясно—именно что и гдѣ. Не выяснилось еще самое поведеніе Наполеона.

По внѣшнему положенію это уже былъ властитель. Старая Франція не встрѣчала такъ своихъ любимыхъ королей. Общество, забывшее „генерала-Вандемьера“, осыпало героя овраціями, букетами, медалями, пѣснями, газетною лестью. У витринъ, на улицахъ, происходила давка у снимковъ съ его момбельскихъ портретовъ. Національный Институтъ избралъ его своимъ пожизненнымъ членомъ вмѣсто Карно. Всѣ партіи бросились къ нему. Роялисты работали черезъ Жозефину, которая кокетливо не отказывала, но и не давала прямого отвѣта. Либералы надѣялись залучить его къ себѣ черезъ вкрадчиваго Талейрана, съ которымъ онъ велъ довольно откровенную переписку изъ Италіи. Республиканцы считали его своимъ, „сыномъ революціи“, восхищаясь его итальянскими воззваніями, его республиками-сестрами и 18-мъ фрюктидора. Правительство даже по виду обратилось въ начальницу-рабыню. Оно подобострастно устроило своему господину пышный пріемъ, напоминавшій сценическую апоѳеозу. Въ

честь его устраивались народные спектакли и роскошныя празднества въ Лувръ и Люксембургѣ, убранномъ перлами его итальянской добычи.

Особенно знаменательна была сцена врученія Бонапартомъ директоріи кампо-формійскаго договора. Тутъ, среди самой блестящей и властной публики, Талейранъ прославлялъ античную простоту „новаго Цинцинната“ и его пристрастіе къ наукамъ, а Барра запечатлѣлъ братскій поцѣлуй на челѣ юнаго героя, что повторили и остальные директора. Бонапартъ же впервые провѣщалъ вѣское политическое слово: „Чтобы стать свободнымъ, французскій народъ долженъ былъ бороться съ королями. Чтобы добыть разумно конституцію, ему пришлось сломить 18 вѣковъ предразсудковъ. Конституція III года и вы сами преодолѣли всѣ эти препятствія. Двадцать вѣковъ подъ рядъ Европой владѣли религія, феодализмъ и корона; но съ мира, который вы только что заключили, начинается эра представительныхъ правленій“.

Затѣмъ, поздравивъ слушателей съ „естественными границами“ и съ возстаніемъ генія свободы изъ гробницъ предковъ во Франціи и Италіи, Наполеонъ придалъ своему лицу весьма внушительное выраженіе и заключилъ такъ: „Когда счастье французскаго народа *будетъ* покоиться на *лучшихъ* органическихъ законахъ, тогда и вся Европа станетъ свободною“.

Но побѣдитель смущалъ всѣхъ своимъ загадочнымъ поведеніемъ. Передъ парижанами явился блѣдный, испитой, угрюмый „гражданинъ“. Шпіонъ писалъ изъ Италіи: „Здоровье его очень плохо отъ испорченности крови; кожа у него покрыта лишаями. Отсюда вѣчное раздраженіе, которое усиливаетъ его природную стремительность: онъ спитъ насильно и принимаетъ лѣкарство только тогда, когда страданія становятся уже положительно невыносимыми“. А прусскій посланникъ доносилъ изъ Парижа: „У генерала грудь очень разстроена. Вкусъ къ наукамъ и философіи, потребность въ покоѣ, желаніе заставить замолчать завистниковъ,— все влечетъ его къ миру и дружелюбію“. Великанъ Ожеро, хвастаясь своей фрюктидорской работой, твердилъ, что генералъ слишкомъ „благовоспитанъ“ для такихъ расправъ.

Бонапартъ носилъ мундирчикъ академика, первый дѣлалъ визиты, задумчиво гулялъ въ садикѣ своей скромной квартиры, чуждался почестей, толпы, особенно военныхъ, все бесѣдовалъ съ учеными, у которыхъ забывалъ на каминѣ по 25 луидоровъ. Въ театрѣ его ложа была забрана рѣшеткой. Наполеонъ рѣдко появлялся въ обществѣ, и тогда не отставалъ отъ своей Жозефины. „Онъ, кажется, черезчуръ занятъ ею,—замѣчали очевидцы.—Говорятъ, онъ влюбленъ въ нее по уши и страшно ревнивъ“.

Дѣйствительно, возвратившись въ Парижъ, мужъ опять болѣзненно-страстно призывалъ свою голубку. Она все писала, что спѣшитъ изъ „скучной Италіи“, томимая жаждой увидаться съ супругомъ и дочкой. Но цѣлыхъ $2^1/_2$ мѣсяца ей мѣшали „скверныя дороги“ да „гадкая погода“. А когда она двинулась въ путь, ее задерживали балы мѣстнаго населенія да толпы поклонниковъ. Она возвратилась объ Рождествѣ, въ разгаръ зимняго сезона.

Съ тѣхъ поръ полководецъ, прославлявшій передъ г-жей Сталь домашній очагъ и уединеніе, все сидѣлъ съ женой, которая успѣла устроить гнѣздышко въ 200.000 фр.; или же онъ ерзалъ въ кабинетѣ по полу, покрытому картами, съ циркулемъ и карандашомъ въ рукахъ. Видя, какъ парижане сбѣгаются взглянуть на него, онъ восклицалъ: „Все это пустяки! Толпа глазѣла бы на меня такъ же охотно, если бы меня вели на эшафотъ“. Пуще всего боялся онъ, чтобы его не записали въ вожаки какой-нибудь партіи. Ему нужно было кое-что побольше.

Явный намекъ на это былъ данъ загадочными словами о „лучшихъ“ учрежденіяхъ. Они поясняются для насъ письмомъ Бонапарта къ Талейрану передъ выѣздомъ изъ Италіи, которое онъ самъ назвалъ своимъ „полнымъ политическимъ кодексомъ“, а мы можемъ наименовать зародышемъ учрежденія имперіи.

Оно гласило: „Устройство французскаго народа лишь въ зародышѣ. Несмотря на наше высокое мнѣніе о себѣ самихъ, на наши 1001 памфлетъ, на наши безконечныя болтливыя рѣчи, мы еще большіе невѣжды въ политической наукѣ. Мы еще не установили, что должно понимать подъ властями исполнительной, законодательной и судебной. Монтескьё далъ ихъ невѣрное опредѣленіе“.

Тутъ авторъ критикуетъ англійскій парламентъ за его излишнюю власть. Во всякомъ случаѣ онъ увѣренъ, что „въ государствѣ, гдѣ всякая власть выходитъ отъ народа, *правительственная власть* должна во всемъ своемъ объемѣ считаться истинной представительницей націи“. Здѣсь же отдѣлывается законодательная власть, какъ какая-то болтушка, которая „наводняетъ насъ тысячью случайныхъ распоряженій, подрывающихъ другъ друга собственною безсмыслицей, и дѣлаетъ изъ насъ націю безъ законовъ, при трехстахъ фоліантахъ законовъ“.

Какъ должна быть устроена эта могучая правительственная власть, — письмо не говоритъ. Ясно только, что не нравилась его 29-лѣтнему автору тогдашняя конституція, которая допускала въ директоры лишь людей не ниже 40-лѣтняго возраста.

По его собственному признанію, Бонапартъ думалъ тогда: „Груша еще не созрѣла: нужно, чтобы директорія испытала неудачи безъ меня и чтобы мое возвращеніе возвратило побѣду нашимъ знаменамъ. Парижъ безпамятенъ: въ этомъ Вавилонѣ знаменитости быстро смѣняются одна другою. Если мнѣ надолго остаться здѣсь безъ дѣла — я погибъ. Три раза увидятъ меня въ театрѣ — и перестанутъ обращать вниманіе. Оттого-то я рѣдко хожу туда... Нужно держать славу горяченькою“.

Вновь исчезнуть, но подальше, да для дивныхъ чудесъ — значило также пріучить армію видѣть въ себѣ и своего бога и свое отечество: такъ было съ Цезаремъ въ далекой отъ Рима дикой Галліи.

„А если, — писалъ Наполеонъ Жозефу, — республика будетъ воевать счастливо, и подымется другой полководецъ, въ родѣ меня, я окажу еще больше услугъ, чѣмъ онъ“.

За Парижъ Бонапартъ не опасался. Въ его рукахъ былъ Барра, который воображалъ теперь, съ его помощью, возстановить монархію. Ожеро былъ спроваженъ въ пограничную армію. Сіейса Наполеонъ легко склонилъ къ себѣ, играя его алчностью и тщеславіемъ. А ловкій Талейранъ, понимавшій шаткость директоріи, самъ перегибался на его сторону. Онъ говорилъ про Бонапарта: „Съ перваго же взгляда онъ произвелъ на меня чарующее впе-

чатлѣніе. Лавры 20-ти побѣдъ какъ нельзя болѣе шли къ его молодости, къ его красивымъ глазамъ, блѣдному лицу и своеобразному выраженію усталости".

XV. „Заклятой врагъ" и „Свобода морей". 1797—1798.

Національнизмъ Англіи.—Боркъ и Фоксъ.—«Высадка» и Ирландія.—Питтъ Младшій и банкротство британца.—«Миссія» французовъ на Востокѣ.—Египетъ и Мальта.

Европа, съ своей стороны, представляла всѣ тѣ условія, которыя требовались Бонапарту. Тамъ тоже царствовала тревога, угрожавшая гибелью директоріи.

Всѣ ненавидѣли ее за наглыя насилія. Она грабила уже не одну Италію, но и южную Германію, Швейцарію и Батавскую республику. Въ 1798 г. была создана Гельветская республика и было уничтожено папство; къ Лигурійской республикѣ присоединили Пьемонтъ; Германія погибала въ Раштаттѣ; Ожеро стоялъ съ цѣлой арміей у Пиренеевъ, чтобы сбросить испанскихъ Бурбоновъ. Король Пьемонта, Викторъ-Эммануилъ IV, сталъ на о. Сардиніи, душой новой коалиціи. Францъ II негодовалъ на революціонную пропаганду въ Венгріи и Польшѣ, и вѣнская чернь чуть не разнесла домъ французскаго посланника, якобинца Бернадота. Россія и Порта склонялись къ Австріи, такъ какъ Бернадотъ предлагалъ раздѣлъ Турціи и возстановленіе Польши.

Какъ всегда, электричествомъ тучи, надвигавшейся отовсюду на Францію, была Англія. Какъ только вспыхнула революція, она поставила себѣ цѣлью воспользоваться ею, чтобы погубить свою вѣковѣчную соперницу. То было глубокое національное движеніе. По словамъ Шеридана, „всѣ англичане, даже либералы, желали реформъ на свой ладъ—путемъ конституціоннымъ: ихъ возмущали призывы къ мятежу со стороны; если нѣкогда Англія подала примѣръ революціи, то она послѣдуетъ теперь ему по-своему и собственными средствами".

Оттого съ самаго начала въ Англіи было мало такихъ горячихъ приверженцевъ революціи, какъ Фоксъ, который прежде враждовалъ съ Франціей, ненавидя Бурбоновъ, а теперь объявилъ взятіе Бастиліи „самымъ великимъ и счастливымъ событіемъ въ исторіи человѣчества“. Лишь тамъ и сямъ возникали небольшія „Общества Корреспонденціи“, которыя сносились съ якобинцами, водружали древо свободы, производили мелкіе безпорядки.

А въ то же время возставалъ такой могучій врагъ „архитекторовъ развалинъ“, какъ Боркъ: его „Разсужденія о французской революціи“ распространились, въ оригиналѣ и въ переводахъ, въ 30.000 экземплярахъ. И напрасно Фоксъ горячо опровергалъ его, задѣвъ за живое словами: „Эти столь опасные для конституціи принципы были, однако, принципами моего благороднаго друга, отъ которыхъ я воспринялъ ихъ въ американскую войну. Онъ говорилъ, что никогда не станетъ обвинять цѣлый народъ. Мой благородный другъ училъ меня, что всякій народный мятежъ вызывается: и я съ радостью вижу, что Франція утвердила свою конституцію на тѣхъ самыхъ правахъ человѣка, которыя служатъ основой британской конституціи“.

Впрочемъ, Питтъ Младшій сначала держался нейтралитета, не опасаясь за Англію и увлекаясь поправкой финансовъ: въ началѣ 1792 г. онъ возвѣстилъ, что миръ обезпеченъ на 15 лѣтъ! Но вслѣдъ за тѣмъ всѣхъ возмутила сентябрьская бойня: и Питтъ началъ преслѣдовать революціонныя общества и брошюры, испугавшись завоеваній и пропаганды французовъ, которыя могли „низвергнуть законы и конституцію Англіи“. Казнь Людовика XVI довела англичанъ до того, что французы не смѣли показываться на улицахъ. Они особенно возмущались, что ихъ собственный публицистъ Пэнъ, ставшій членомъ конвента, поставилъ „Гвельфа“ (Георга III) рядомъ съ „Капетомъ“, какъ главу „заговора коронованныхъ разбойниковъ Европы“. Въ парламентѣ заговорили, что „республиканская Франція — еще болѣе *естественный врагъ* Англіи, чѣмъ королевская“: и Питтъ, который передъ революціей заключилъ торговый договоръ съ Франціей, сталъ „ея заклятымъ врагомъ“.

Съ 1792 г. началась знаменитая 23-лѣтняя борьба двухъ великановъ. Упорная, надменная, ревнивая старая Англія съ ея лордами, епископами и банкирами, съ ея искусными и суровыми политиками, съ ея своеобразными и независимыми мыслителями, стала злымъ геніемъ новой Франціи, душой всѣхъ коалицій противъ нея. Она проявила въ своей ненависти такую энергію, что больше всего материка стала кошмаромъ Парижа, палачомъ республики и Наполеона, хотя сама чуть не погибла въ этой чудовищной борьбѣ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ упорнѣе и яростнѣе становился британецъ, готовый даже пожертвовать временно благами своихъ древнихъ вольностей для истребленія своей соперницы, одушевленной фанатизмомъ свободы. Его благородный ораторъ, стражъ человѣчности, его сдержанный разсудительный министръ-миролюбецъ поддался ослѣпленію жестокой страсти. Напрасно Фоксъ со слезами на глазахъ высказалъ Борку надежду на сохраненіе хоть личной дружбы.

— Умерла и она, — грубо отвѣтилъ его учитель передъ лицомъ парламента.

И передъ смертью этотъ столпъ конституціонной справедливости зло предостерегалъ свое отечество отъ „цареубійственнаго мира“, какъ отъ „погибели“.

Питтъ дошелъ до дуэли съ однимъ вигомъ. Его юный ученикъ, депутатъ Каннингъ, сталъ, со своимъ „Анти-якобинцемъ“, во главѣ самыхъ ѣдкихъ памфлетистовъ, преслѣдовавшихъ друзей Фокса. Карикатуры изображали этого послѣдняго на французскомъ суднѣ, указывающимъ на св. Павла въ Лондонѣ. Фоксъ покинулъ палату общинъ: онъ уже ходилъ только въ свой „вигскій клубъ“, который получалъ славу якобинскаго.

И британецъ гордился своими блестящими успѣхами. Его маленькій островъ поднималъ и содержалъ колоссальную, тяжелую на подъемъ коалицію материка. Онъ молодецки истребилъ флоты Франціи и ея союзниковъ, Испаніи и Голландіи, и отнималъ у нихъ колоніи. Онъ снабжалъ вандейцевъ и шухановъ оружіемъ и деньгами, наводнялъ Францію эмигрантами, даже лѣтомъ 1795 г. сдѣлалъ попытку вторженія въ нее, въ Киберонѣ. Особенно усердно

работали англичане на погибель Франціи съ 1795 г., когда они были разъярены базельскимъ миромъ и чудесами итальянской кампаніи (гл. VIII и XII).

Но вскорѣ Англія почувствовала всѣ ужасы такого бича, какъ война съ великою республикой. Нелегки были даже побѣды на морѣ, особенно въ борьбѣ съ голландцами, которые оказались достойными потомками Тромпа и Рюйтера: тутъ случались пораженія; однажды герой Нельсонъ потерялъ руку. А на сухомъ пути всѣ милліоны Англіи разсыпались прахомъ: они словно служили лишь къ прославленію и усиленію соперницы. Британцу приходилось дрожать за свой собственный домъ. Казалось, не даромъ французы въ теченіе всего XVIII вѣка сочиняли планы „высадки“. Они появились, наконецъ, въ Ирландіи, растравляя до жестокой боли эту вѣковую рану Англіи.

Попытки Питта умиротворить несчастный Зеленый Островъ не достигли цѣли; онѣ только разожгли въ немъ чувство независимости. Подъ вліяніемъ французской революціи туземцы всѣхъ оттѣнковъ и вѣръ составили сильное тайное общество „Соединенныхъ ирландцевъ“, съ зеленымъ знаменемъ, съ собственною „директоріей“, съ десятками тысячъ солдатъ, съ пушками, съ такими героями-вождями, какъ О'Коннеръ и Фиджеральдъ. Католики входили еще въ особыя общества „Защитниковъ“ новыхъ правъ. Заговорщики вступали въ тѣсныя сношенія съ Парижемъ — и Карно замышлялъ устроить „шауперію“ подъ бокомъ у англичанъ.

Уже въ 1796 году директорія задумывалась не только о высадкѣ въ Англію, но и объ Индіи, куда она посылала своихъ агентовъ такъ же, какъ въ Тегеранъ и Константинополь. Въ 1797 году была подготовлена высадка въ Ирландію, подъ начальствомъ Гоша: только забурлившее море остановило ее. Въ 1798 г. были сдѣланы еще двѣ попытки — и въ Ирландіи цѣлый годъ свирѣпствовала единодушная революція. „Священники ведутъ массы въ битву,—говорилъ юный секретарь Ирландіи, Кесльри.— Это—якобинскій бунтъ, орудующій клерикалами; пылкое ханжество папистовъ служитъ республиканскимъ вождямъ лучше, чѣмъ

холодное недовольство разсчетливыхъ пресвитеріанъ". Мятежники давали цѣлыя битвы, пока ихъ не сломило численное превосходство врага и неудача „высадки".

Жестоко было мщеніе англичанъ. Самъ лордъ-намѣстникъ писалъ въ Лондонъ, что они „хуже Робеспьера", что отъ нихъ только и слышишь: „вѣшать, жечь, разстрѣливать!" Съ ирландцевъ сдирали шкуру сѣченіемъ; у нихъ вырывали волосы и кожу съ головы; ихъ медленно вѣшали по нѣскольку разъ. Ихъ вожди были частью казнены, частью заточены навѣки. Питтъ понялъ, что пора сдѣлать еще шагъ въ ирландской реформѣ: въ 1800 году была провозглашена „унія", т.-е. замѣна дублинскаго парламента ирландскими депутатами въ Вестминстерѣ. Но эта мѣра лишь облегчала Ирландію матеріально, уничтожая таможни. Политически же то не было дѣйствительное объединеніе, какъ англо-шотландская унія. Кельто-католическій островъ оставался рабомъ протестантско-англійской Британіи: тогда юный О'Коннель далъ ганнибаловскую клятву, изъ которой выросла новая, полувѣковая борьба.

Особенно тяжело было Питту видѣть, какъ война губила все зданіе благосостоянія Англіи, которое онъ вывелъ съ такимъ трудомъ. Торговля пала; купцы банкротились; банки лопались; бумажныя цѣнности понизились на 50%; государственные долги возросли до 510 милліоновъ фунтовъ — почти на половину при Питтѣ. Имѣя лишь ничтожное войско съ негодными офицерами изъ аристократовъ-кутилъ, Англія выплачивала громадныя субсидіи жаднымъ членамъ коалиціи на материкѣ. На это уходило золото — и Англія вдругъ стала жалкой страной бумажекъ, объявивъ принудительный курсъ для билетовъ своего банка. Бумажки господствовали до конца войны, увлекая даже Питта въ гибельную расточительность и развивая ажіотажъ въ обществѣ. Рядомъ слѣдовали, одинъ за другимъ, сначала иностранные займы, потомъ тяжкіе налоги. Подъ конецъ Питтъ взялся даже за подоходный и прогрессивный налогъ, столь ненавистный богачамъ, хотя онъ старался выгородить крупныхъ землевладѣльцевъ.

Богачи и знать вообще сваливали бремя войны на пролетарія, какъ и вездѣ, при чемъ обогащались поставщики и банкиры.

Народъ доходилъ до голодовки. Уже въ 1795 году толпа выбила стекла въ каретѣ Георга III, крича: „Долой Питта, войну и голодъ!“ И Питтъ говорилъ: „Выйди я сегодня въ отставку — и черезъ шесть недѣль прощай моя голова!“ Вспыхивали уже бунты среди моряковъ, которыхъ держали впроголодь, почти безъ жалованья, сажали въ какія-то клѣтки на цѣлые годы, драли „кошками съ девятью хвостами“. Разъ они появились въ устьяхъ Темзы, на кораблѣ съ краснымъ знаменемъ „пловучей ресницы“.

Глухое недовольство овладѣвало массами. Фоксъ говорилъ правду: „Мнѣнія становятся опасными государству лишь тогда, когда преслѣдованія принуждаютъ жителей обмѣниваться мыслями подъ покровомъ тайны“. По мѣрѣ того, какъ замолкала законная оппозиція, росла затаенная ненависть. Общества Корреспонденціи подготовляли всеобщій союзъ „Соединенныхъ ирландцевъ, англичанъ и шотландцевъ“, чтобы подать руку нашествію французовъ. Питтъ съ каждымъ годомъ вдавался въ материковый деспотизмъ. Былъ отмѣненъ Habeas Corpus — этотъ оплотъ личной неприкосновенности гражданина. Были запрещены общества, сходки, читальни. Преслѣдовали писателей и издателей, типографіи и журналы.

Для британца новый вѣкъ начинался полнымъ арсеналомъ торійской реакціи, финансовымъ крахомъ, голодовкой въ Англіи, звѣрствами въ Ирландіи, милліардами фальшивыхъ ассигнатовъ и массой шпіоновъ-подстрекателей во Франціи,—словомъ, матеріальнымъ, политическимъ и нравственнымъ банкротствомъ. И все-таки его томилъ страхъ „высадки“, — на этотъ разъ съ самимъ Бонапартомъ во главѣ.

Она оказалась неизбѣжной. Когда Бонапартъ былъ еще въ Момбелло, директорія назначила его главнокомандующимъ „англійскою арміей“. И онъ тотчасъ же направилъ 30.000 человѣкъ къ Атлантическому океану и велѣлъ лить орудія англійскаго образца, „чтобы во вражеской странѣ употреблять англійскіе снаряды“. Когда Наполеонъ возвратился изъ Италіи, парижане толпились въ театрахъ, любуясь живыми картинами „съ высадкой“.

Они уже спрашивали, что генералъ сидитъ въ столицѣ, а не плыветъ въ Англію?

Бонапартъ и самъ давно мечталъ сразиться съ ненавистной соперницей, но повелъ игру съ другого конца. Въ своихъ письмахъ и воззваніяхъ онъ шумѣлъ на весь свѣтъ о „высадкѣ“, а на дѣлѣ всячески мѣшалъ ей. Теперь, осмотрѣвъ въ гавани и флотъ, онъ объявилъ, что это—„слишкомъ рискованная игра“. На его взглядъ, гораздо вѣрнѣе можно было нанести „тирану морей“ смертельный ударъ сбоку.

Бонапартъ съ ранней юности зачитывался „Индіями“ Рэналя и дѣяніями Александра Великаго. Онъ мечталъ о Востокѣ,—объ этомъ безпредѣльномъ, таинственномъ, раболѣпномъ поприщѣ завоевателей и пророковъ. „Европа—кучка крота, а тамъ живутъ 660 милліоновъ, тамъ источникъ всякой великой славы!“ говорилъ рожденный на Средиземномъ морѣ честолюбецъ. Почти отрокомъ стремился онъ на службу Турціи, Россіи, даже Англіи—въ Индіи. Теперь же онъ владѣлъ Венеціей и Генуей, которыя въ былое время возвеличились торговлей съ Левантомъ.

У юнаго героя возникъ широкій планъ морского владычества. Въ его воззваніи къ флоту послѣ Кампо-Форміо читаемъ: „Товарищи! Установимъ миръ на материкѣ, соединимся для завоеванія свободы морей. Безъ васъ мы можемъ разнести славу французскаго имени лишь по небольшому уголку материка: съ вами мы переплывемъ моря — и національною славой наполнятся отдаленнѣйшія страны“.

И морское министерство директоріи снабжало всѣ свои бумаги девизомъ—„Свобода морей“.

Достигнувъ Адріатики, отчего бы отсюда не пробраться въ Египетъ?

Но и тутъ Бонапартъ былъ исполнителемъ чужихъ мыслей, орудіемъ исторіи.

Французы съ крестовыхъ походовъ считали своей „миссіей“ возрожденіе Востока, и прежде всего — Египта. Планъ покоренія страны фараоновъ былъ составленъ еще въ XIV вѣкѣ для Филиппа Краснваго, затѣмъ Лейбницемъ — для Людовика XIV. Въ

1738 г. министръ д'Аржансонъ подхватилъ эту мысль и задумывался надъ прорытіемъ Суэзскаго канала. Даже императоръ Іосифъ II собирался, при раздѣлѣ Турціи, отдать Египетъ французамъ. Талейранъ восхвалялъ въ Институтѣ Шуазеля за то, что онъ „старался переговорами подготовить уступку Египта французамъ", и твердилъ королю: „Англія—открытый врагъ вашего могущества". Онъ даже хвасталъ, что вновь поднялъ египетскій вопросъ, и ссылался на одобрительныя депеши французскаго консула въ Каирѣ.

Бонапартъ былъ только ближе всѣхъ придвинутъ къ національной задачѣ обстоятельствами. Мы видѣли, какъ въ 1797 году онъ естественно обратилъ вниманіе на Аркону и Венецію (гл. XIII). Занявъ Іонническіе острова, онъ писалъ директорамъ и Талейрану: „Корфу и Занто дѣлаютъ насъ господами и Адріатики и Востока. Напрасно думать о сохраненіи Турецкой имперіи: мы доживемъ до ея гибели. Занятіе четырехъ Іоническихъ острововъ дастъ намъ возможность или поддержать ее, или получить свою часть". Тогда же, увидѣвъ, что греки молятся на его портретъ, Наполеонъ началъ подстрекать балканскихъ христіанъ и пашей Янины, Скутари и Босніи къ возстанію противъ султана, а египтянъ—противъ негоднаго правленія мамелюковъ. Съ тою же цѣлью онъ вновь отвоевалъ Корсику у англичанъ и подчинилъ себѣ Геную, подъ видомъ Лигурійской республики, а Испаніи предложилъ союзъ для соединенія ея флота съ французскою эскадрой въ Адріатическомъ морѣ, которая, благодаря Венеціи, была уже не хуже англійской.

И вотъ политическій прожекторъ уже болѣе опредѣлительно развертываетъ передъ директоріей заманчивыя перспективы: „Іонническіе острова для насъ драгоцѣннѣе Италіи. Приближается время, когда поймутъ, что *необходимо овладѣть Египтомъ, чтобы, дѣйствительно, погубить Англію.* Обширность Турецкой имперіи, разлагающейся къ каждымъ днемъ, возлагаетъ на насъ долгъ заблаговременно подумать о сохраненіи нашей восточной торговли. Отчего бы намъ не овладѣть *Мальтой?* 400 рыцарей да одинъ полкъ, не болѣе 500 человѣкъ, — вотъ весь

гарнизонъ Лавалетты. Народъ склоненъ къ намъ и ненавидитъ рыцарей, которымъ нечего жрать. Я нарочно отобралъ въ казну ихъ имущества въ Италіи. Съ Мальтой и Корфу да съ о. св. Петра, уступленнымъ намъ Сардиніей, сосредоточивъ всѣ силы на развитіи нашего флота, мы станемъ господами Средиземнаго моря. Мы разрушимъ Англію — и Европа у нашихъ ногъ".

Именно тогда и англичане зарились на Мальту, откуда они мечтали прочистить себѣ путь въ свою Индію черезъ Египетъ.

Немудрено, что 1798-й годъ начался дерзкимъ планомъ, который казался современникамъ фантасмагоріей. Охавъ „высадку", Бонапартъ предложилъ „египетскую экспедицію".

Впрочемъ, чтобъ не обезкуражить французовъ, онъ представлялъ дѣло такъ, что Египетъ—лишь отводъ для морскихъ силъ врага, что дозволитъ напасть на Лондонъ зимою. Директорія тотчасъ прислала Бонапарту предписаніе въ этомъ смыслѣ. Она радовалась, что теперь, когда войны въ Европѣ нѣтъ, ея владыка уходитъ въ такую даль, гдѣ ему легко сломить себѣ шею.

XVI. Египетская экспедиція 1798—1799.

«Груша не созрѣла». — Безбрежныя мечты. — Снаряженіе. — Клеберъ. — Захватъ Мальты.—Битва у Пирамидъ.—Подвиги и катастрофа въ Сиріи.— Абукиръ.—Великій «дезертиръ».—Жозефина: «покровъ разорванъ».

Египетская экспедиція — самый любопытный, но и самый мудреный эпизодъ въ исторіи Наполеона I. Даже теперь трудно уяснить его во всѣхъ подробностяхъ.

Мы уже не говоримъ о подвигахъ и бѣдствіяхъ въ Египтѣ: здѣсь, вѣроятно, навсегда останется много сказочнаго. По крайней мѣрѣ историку все еще приходится ограничиваться старымъ и ненадежнымъ матеріаломъ — письмами самого Бонапарта и Нельсона, да мемуарами Евгенія Богарнэ. А рядомъ сколько баснословныхъ преданій, въ которыхъ если и есть историческая основа, то ее трудно установить документально! Но даже въ политической сторонѣ дѣла нельзя еще пренебрегать этими преда-

ніями. Нужно только остерегаться тѣхъ историковъ старой школы, которые пользуются ими для своей излюбленной теоріи „героепоклонства“.

Эти кумирники воображаютъ, будто Бонапартъ самъ подстроилъ ту великую бурю, которая чуть не погубила Францію въ его отсутствіе,. и предначерталъ событія 1799 года. Мы видѣли (гл. XIII и XV), какъ исторія шла своимъ чередомъ. Наполеонъ только умѣлъ пользоваться ея велѣніями и былъ дальнозоркъ. Въ то время, какъ чуть не всѣ утѣшались всеобщимъ замиреніемъ, онъ замѣчалъ, что готовится новая грозная коалиція, которая заставитъ вспомнить его, разгромителя Австріи. На вопросъ Бурьена, долго ли онъ останется въ Египтѣ, генералъ отвѣчалъ: „Нѣсколько мѣсяцевъ или шесть лѣтъ: все зависитъ отъ обстоятельствъ“. А брату Жозефу онъ сказалъ, намекая на то, что директорія останется ободранная какъ липка: „Отправляюсь на Востокъ со всѣми средствами, обезпечивающими успѣхъ. Если Франція будетъ нуждаться во мнѣ, если вспыхнетъ война и пойдетъ несчастливо, тогда я возвращусь и буду болѣе, чѣмъ теперь, увѣренъ въ общественномъ мнѣніи“.

Все дѣло было въ томъ, что Бонапартъ не былъ увѣренъ во французахъ. Его положеніе было еще шатко. Директоромъ нельзя было сдѣлаться; годами не вышелъ. Захватить диктатуру, совершивъ государственный ударъ? Такъ и совѣтовалъ Барра, надѣясь подѣлить власть съ этою силой, съ которой онъ былъ связанъ роковымъ образомъ. Но шею сломишь. Парижане уже подозрительно поглядывали на бездѣйствіе Человѣка Народа и опять припоминали генерала-Вандемьера; а роялисты негодовали на полководца, не спѣшившаго взяться за роль Монка. Появлялись булавочные уколы памфлетистовъ.

Рано было еще и давать „лучшіе законы“. Среди директоровъ сидѣли упорные якобинцы. Тамъ несомнѣнно происходили непріятныя для героя сцены. Существуетъ весьма правдоподобное преданіе о томъ, какъ директорія отвергла его предложеніе вернуться въ Раштатть, чтобы смирить заупрямившихся нѣмцевъ. Бонапартъ пригрозилъ отставкой.

— Ну, такъ что жъ! Пишите прошеніе. Вотъ вамъ перо. Вамъ и въ самомъ дѣлѣ полезно будетъ отдохнуть, — сказалъ Ревбель.

Но Мерленъ выхватилъ перо изъ рукъ Ревбеля. Наполеонъ выбѣжалъ изъ засѣданія и тогда-то пробормоталъ сквозь зубы: „Груша еще не созрѣла“. Вслѣдъ за тѣмъ Барра сказалъ ему наединѣ:

— Послѣдуйте моему доброму совѣту. Уѣзжайте какъ можно скорѣе изъ Франціи.

Поведеніе Барра, который былъ уже въ душѣ монархистовъ и сносился съ Орлеанами, и подобныя же отношенія къ генералу Сіейса, который также, въ сущности, мечталъ о какомъ-то монархизмѣ, показываютъ, что тогда всѣ брались за разные концы, не зная хорошенько, который изъ нихъ притянетъ ихъ къ личному благополучію. Тѣмъ болѣе плановъ кипѣло въ геніальной головѣ прожектера, который самъ говорилъ о себѣ: „У меня всегда двѣ тетивы на лукѣ“.

Бонапартъ, понявшій, что ему нужно на время удалиться и что онъ скоро понадобится, счелъ Египетъ узломъ паутины тревожныхъ событій. Въ самомъ дѣлѣ, сбитая съ толку Англія сосредоточила теперь всѣ свои морскія силы въ Ламаншѣ, чтобы отразить „высадку“: стало-быть, можно проскользнуть въ страну фараоновъ по свободному Средиземному морю. Затѣмъ британскіе корабли бросятся къ Египту,—и очистится путь для высадки. Съ другой стороны, изъ Египта можно будетъ „взять Европу съ тылу“, если состоится новая коалиція.

Бонапартъ былъ увѣренъ въ Портѣ. Уже конвентъ старался подчинить султана своему вліянію, чтобы пользоваться турками какъ противъ Англіи, такъ и противъ Россіи, которую онъ хотѣлъ принудить отказаться отъ только что завершеннаго раздѣла Польши (1795). Султанъ уже поручилъ французскимъ офицерамъ свою армію. Бонапартъ увѣрялъ его, что, какъ „добрый другъ турокъ“, онъ намѣренъ смирить мамелюковъ, которые лишь по имени признавали власть Порты, поднять благосостояніе его египетскихъ подданныхъ и возвысить значеніе ислама.

На Бонапарта дѣйствовала еще психологическая сила, которую тутъ необходимо брать въ расчетъ. Эпоха была полна фантастичности. Она окружила все предпріятіе сказочнымъ сумракомъ. Это ясно и изъ массы картинъ крупныхъ художниковъ, и изъ легендъ въ африканскихъ пустыняхъ, и изъ пѣсенъ бедуина. А пылкому „роковому человѣку“ не было и тридцати лѣтъ. Тотъ же сказочный мотивъ слышится въ его словахъ, сказанныхъ г-жѣ Ремюза: „Въ Египтѣ я чувствовалъ себя свободнымъ отъ тѣсныхъ узъ цивилизаціи. Я мечталъ о чемъ угодно и видѣлъ средства къ осуществленію моихъ мечтаній. Я видѣлъ себя творцомъ новой религіи. Я видѣлъ себя на пути въ Азію, верхомъ на слонѣ, съ тюрбаномъ на головѣ, съ новымъ Алкораномъ въ рукѣ, начертаннымъ мною самимъ. Въ моемъ предпріятіи я соединялъ опытъ двухъ міровъ, пользовался наслѣдіемъ всей исторіи, касался могущества Англіи въ Индіи и этимъ пріобрѣтеніемъ скрѣплялъ мои связи съ старою Европой“.

Въ воззваніи къ солдатамъ звучитъ искренняя вѣра въ „звѣзду“: „Мы побѣдимъ: судьба за насъ! Первый городъ на нашемъ пути построенъ Александромъ. На каждомъ шагу мы будемъ встрѣчаться съ воспоминаніями о великихъ дѣяніяхъ, достойныхъ подражанія французовъ“. Наполеонъ до самой смерти думалъ, что если бы не англичане, онъ создалъ бы изъ Александріи блестящій центръ міра, передъ которымъ потускнѣли бы Парижъ, Лондонъ и Римъ.

Невольно вспоминается 27-лѣтній Петръ въ своихъ „потѣхахъ“: большой корабль — „Слонъ“, Лефортъ — адмиралъ; онъ самъ — капитанъ, — и Турція въ карманѣ!

Когда дѣло было рѣшено, Бонапартъ самъ написалъ себѣ приказъ — разрушить въ Египтѣ и на Красномъ морѣ вліяніе Англіи, прорыть Суэзскій перешеекъ и „освободить“ туземцевъ отъ „тиранiи“ мамелюковъ.

Мамелюки, дѣйствительно, были бичомъ покорныхъ, трудолюбивыхъ филлаховъ-земледѣльцевъ и арабовъ купцовъ. Эти „купленные рабы“, названные такъ ихъ господами, сельджукскими турками, были татары или монголы. Со временъ Чингисхана они

составляли гвардію каирскихъ халифовъ, которые прибавили къ нимъ еще ловкихъ горцевъ Кавказа. Вскорѣ мамелюки низвергли своихъ господъ и стали „царями-рабами“ Египта. Они оказались очень воинственными, захватили даже Сирію и Палестину. Только новые турки, османлін, остановили ихъ успѣхи и обратили ихъ въ своихъ вассаловъ. Но мамелюки все еще представляли силу, образуя родъ феодальной знати въ странѣ фараоновъ. Это была блестящая многолюдная конница, славившаяся своей дикой отвагой и восточнымъ богатствомъ.

Бонапартъ снарядился съ невиданнымъ даже у него рвеніемъ,— всего въ 6 недѣль. Онъ забралъ съ собой всѣ силы геніальной Франціи конца вѣка и все награбленное революціей за ея предѣлами. Были отобраны лучшіе солдаты, ветераны италіанскаго похода и самые талантливые сподвижники. Тутъ видимъ Мюрата, Даву, Ланна, Дезэ, Мармона, Жюно и Бессьера.

Красой богатырей былъ 46-лѣтній герой и республиканецъ въ каждой жилкѣ, левъ по мужеству, силѣ и громовому голосу въ битвахъ, *Клеберъ*. Этотъ великанъ съ открытымъ, выразительнымъ лицомъ и ласковымъ обращеніемъ, вызывалъ всеобщее почтеніе, какъ избранная душа въ необычайно крѣпкомъ и здоровомъ тѣлѣ. Сынъ каменщика, онъ воспитывался въ мюнхенскомъ корпусѣ и началъ съ австрійской службы. Но ставши усыновленникомъ Франціи, увлекшись ея революціей, Клеберъ не зналъ уже ничего, кромѣ блага своего новаго отечества. На одномъ фейерверкѣ солдаты хотѣли изобразить огнями: „Клеберъ—нашъ всеобщій отецъ“. Но генералъ воскликнулъ: „Нигдѣ не должно быть моего имени! Пишите лучше: отечество бодрствуетъ надъ нами“. Клеберъ усмирилъ вандейцевъ и побилъ нѣмцевъ, а въ Египтѣ отечески заботился объ ученыхъ и называлъ счастье туземцевъ „самымъ дорогимъ изъ всѣхъ своихъ правъ начальника“. Простая, чистая душа, особенно ненавидѣвшая лесть, Клеберъ не долюбливалъ Бонапарта. Но послѣ Абукира онъ бросился въ его объятія со словами: „Вы велики, какъ міръ!“

Была набрана также добрая сотня лучшихъ ученыхъ—механиковъ, инженеровъ, археологовъ, въ томъ числѣ Монжъ и Берто-

летъ: они должны были подготовить канализацію и прорытіе канала, а также и изучить природу и іероглифы загадочной страны. Захватили и хорошую библіотеку. Здѣсь рядомъ съ „Элоизой“ и „Вертеромъ“, Оссіаномъ и Тассомъ, Гомеромъ и Виргиліемъ, Бекономъ и г-жей Сталь, находились, въ отдѣлѣ „политики“, Библія, Коранъ и Веды. Но преобладали историческія сочиненія, во главѣ которыхъ видимъ „Индію“ Рэналя и Арріановы „Походы Александра“. Масса золота была взята въ Берлѣ и Римѣ.

Всѣ приготовленія къ сказочному походу были сдѣланы геніально. Они совершались такъ быстро и таинственно, что самъ военный министръ видѣлъ въ тулонской эскадрѣ „правое крыло англійской арміи“. Никто не помышлялъ объ Египтѣ: уже приближалась пора разлитія Нила.

При всемъ томъ для успѣха безумнаго предпріятія требовалось особое счастье. Оно и покровительствовало „роковому человѣку“ какъ никогда: Нильсонъ, стоявшій на пути съ сокрушительнымъ флотомъ, три раза проходилъ мимо врага, не замѣтивъ его за туманомъ и бурями.

Фортуну изображаютъ капризницей: человѣкъ прикованъ къ ея колесу, какъ влюбленный къ юбкѣ женщины. Но нѣтъ ли и въ немъ силы, привлекающей красавицу?..

Наполеонъ никакъ не могъ справиться только съ собственною женщиной, которая уподоблялась вору съ милліономъ. Передъ отъѣздомъ въ Египетъ онъ радовался, что окончательно устроилъ своихъ: всѣ члены клана были уже большими чванными барами, вполнѣ обезпеченными людьми; тогда на земельныя пріобрѣтенія только Жозефа и Люсьена было истрачено болѣе милліона. Не радовала его лишь Жозефина. Она обѣщала пріѣхать къ мужу „потомъ“, но опять не спѣшила. Креолка зацѣпилась за стараго друга. Когда Наполеонъ внезапно возвратился съ осмотра береговъ Ламанша, она написала секретарю г-на Барра слогомъ понятнымъ для знатока кокетокъ: „Бонапартъ возвратился этой ночью. Передайте Барра мое сожалѣніе, что не могу обѣдать у него. Пусть не забываетъ меня. Вамъ лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно мое положеніе. Преданный другъ“.

Въ маѣ 1798 года изъ Тулона вышла небывалая у французовъ эскадра — до 500 судовъ, въ томъ числѣ 33 военныхъ, съ 2000 пушекъ. На нихъ плыло до 40.000 молодцовъ, которыхъ герой воспламенилъ вѣрой въ то, что они „освободятъ“ море и каждый вернется домой съ капитальцемъ, на которой можно будетъ купить три десятины пашни.

Безъ выстрѣла Бонапартъ захватилъ о. Мальту, эту богадѣльню для сыновъ знати, не представлявшихъ собой ничего рыцарскаго, кромѣ имени рыцарей ордена іоаннитовъ. Ея крѣпость Лавалетта, которую называли „цитаделью Средиземнаго моря“, была неприступна; но гросмейстеръ ордена, ничтожный Гомпешъ, отворилъ ворота за 300.000 фр. ежегодной пенсіи. Бонапартъ оставилъ въ ней сильный гарнизонъ и безпрепятственно пошелъ дальше.

Почти такъ же легко высадился онъ у устьевъ Нила и занялъ Александрію. Французы тотчасъ двинулись впередъ, а три дня спустя подъ Абукиромъ явился Нельсонъ, напрасно искавшій ихъ по всему Средиземному морю.

— Завтра я удостоюсь или пэрства, или гробницы въ Вестминстерѣ! — воскликнулъ однорукій, кривой герой морей и бросился на врага, который былъ сильнѣе его и занималъ отличную позицію.

Въ „невиданной водами битвѣ“, гдѣ обѣ стороны являли образцы мужества, были истреблены почти всѣ французскія суда.

Отрѣзанный отъ міра Бонапартъ сталъ еще отчаяннѣе.

— Солдаты! — воскликнулъ онъ. — Прежде, чѣмъ умертвить Англію, вы наносите ей чувствительный ударъ. Передъ нами томительные походы, рядъ битвъ; но вездѣ будетъ удача! Англичане заставятъ насъ совершить болѣе великіе подвиги, чѣмъ мы предполагали.

Вѣдь вождь этихъ доблестныхъ ветерановъ „соединялъ въ себѣ опытъ двухъ міровъ и наслѣдіе всей имперіи!“ какъ говорилъ онъ самъ про себя

Французы двинулись въ Капру подъ палящимъ солнцемъ, увязая въ жгучихъ пескахъ. Лишь напротивъ этой столицы, у

Нила, подлѣ пирамидъ, встрѣтила ихъ блестящая и огромная конница мамелюковъ, предводимая главой Египта, надменнымъ и богатѣйшимъ беемъ Мурадомъ.

— Солдаты! Не забудьте, что сорокъ вѣковъ глядятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ!—сказалъ вождь.

И мамелюки были истреблены, почти безъ урона для побѣдителей, благодаря впервые употребленному тогда построенію пѣхоты въ *карре*, при натискахъ конницы. Мурадъ исчезъ гдѣ-то въ Нубіи. Солдаты штыками выуживали изъ Нила трупы, пояса которыхъ были наполнены червонцами.

— Армія начала примиряться съ Египтомъ,—замѣтилъ Бонапартъ.

Побѣдитель спѣшилъ перестроить свое новое завоеваніе, возродить Востокъ. Онъ началъ съ типографіи и Египетскаго Института, этого отца археологіи Востока. Затѣмъ было обнародовано Объявленіе Правъ, и всѣ народности были допущены къ мѣстному самоуправленію. Но основы старины были пока удержаны. Въ особенности чтили французы исламъ. Ласково болтая съ феллахами ихъ цвѣтистымъ языкомъ, Бонапартъ восклицалъ:

— Вѣдь и мы—мусульмане! Не мы ли уничтожили папу, который проповѣдывалъ войну съ исламомъ, и мальтійскихъ рыцарей, которые безумно воевали съ мусульманами?

Онъ клялся Кораномъ и „нашимъ пророкомъ“, надѣлъ тюрбанъ и ходилъ въ мечеть; онъ до того широко понялъ магометанство, убѣдившись тогда въ невѣрности Жозефины, что стало зазорно даже его наперсникамъ. Многіе офицеры совсѣмъ омусульманились.

Но ничто не дѣйствовало на отупѣлаго египетскаго „каналью“: онъ бунтовалъ подъ вліяніемъ своихъ муфтіевъ и дервишей. Только картечь смиряла его.

То было первое предостереженіе смѣльчаку. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ бѣдствій. Пришла вѣсть объ Абукирѣ. Бонапартъ ободрялъ наперсниковъ словами:

— Быть-можетъ, намъ суждено измѣнить лицо Востока и поставить наше имя на ряду съ тѣми дѣятелями древней и сред-

пей исторіи, великія отличія которыхъ запечатлѣлись въ нашей памяти.

Однако онъ видѣлъ, что Абукиръ разрушилъ его планы: султанъ тотчасъ увѣровалъ въ силу англичанъ и русскихъ и объявилъ войну Франціи. Побѣдители были отрѣзаны отъ Европы, а покоренные оказались нищими полудикарями: у нихъ не было даже мельницъ и печей. Поднялся и достойный врагъ—непреодолимая африканская природа, съ ея песками и зноемъ, жаждой и лихорадкой, съ этою безпредѣльностью пустынь, гдѣ погибло уже столько завоевателей. Впервые, какъ въ лагерѣ Александра, послышался ропотъ среди доблестныхъ ветерановъ, въ рядахъ которыхъ показались даже самоубійства.

— Это—твоя работа!—шептали умиравшіе на глазахъ своего кумира.

— Войско приносится въ жертву искателю приключеній! — громко говорилъ неподкупный Клеберъ.

Въ началѣ 1799 г. дерзкій поклонникъ своей „звѣзды“ поспѣшилъ увести свою армійку (15.000 солдатъ съ 50 пушками) въ Сирію, гдѣ скоплялось турецкое воинство. Онъ мечталъ: „Тамъ разрушу Турецкую имперію, создамъ на Востокѣ новое великое царство, которое упрочитъ мое мѣсто въ потомствѣ, и возвращусь, быть-можетъ, черезъ Адріанополь и Вѣну, уничтоживъ Австрійскій домъ“.

Въ чистомъ полѣ Бонапартъ легко разсѣивалъ полчища врага, при чемъ прославились Клеберъ, Мюратъ и Жюно. Но все дѣло было въ столицѣ сирійскаго паши, въ знаменитой со времени крестовыхъ походовъ Сенъ-Жанъ-д'Акрѣ, которая считалась ключомъ Палестины, Египта и Индіи. А это была приморская крѣпость, которую защищалъ одинъ эмигрантъ, школьный товарищъ Бонапарта, да англичане, богато снабдившіе ее всѣми боевыми припасами. У Наполеона же не было даже осадныхъ орудій: онъ послалъ ихъ моремъ, но догадливые британцы перехватили ихъ. На помощь Акрѣ шла еще цѣлая турецкая армія. Бонапартъ, какъ подъ Мантуей, внезапно бросился изъ-подъ крѣпости и сокрушилъ ее въ сказочной битвѣ у горы Оавора, гдѣ 1 истомлен-

ный французъ дрался съ 10 свѣжими и отборными воинами ислама. Затѣмъ Наполеонъ удвоилъ свое рвеніе подъ Акрой.

Но напрасно французы мучились цѣлыхъ два мѣсяца, отчаянно бросаясь на приступъ день за днемъ, и иногда дрались уже на улицахъ города; напрасно они отразили 26 вылазокъ непріятеля. Имъ, наконецъ, нечѣмъ было стрѣлять: Бонапартъ платилъ солдатамъ за сборъ, на полѣ, ядеръ врага. А къ осаждавшимъ подходили моремъ все новые подкрѣпленія и запасы. Лучшая турецкая армія плыла къ Абукиру. Изъ-за Нила надвигались цѣлыя племена варварійцевъ, подстрекаемыхъ англичанами. Мурадъ вырось, какъ изъ земли, со своими мамелюками, которые живописно гарцовали впереди французовъ и пощипывали имъ бока. Наконецъ въ лагерѣ французовъ открылась азіатская чума. Солдаты взроптали: въ ихъ рядахъ слышалось, что нужно поставить „батюшку“ Клебера на мѣсто Бонапарта.

„Эта лагуна помѣшала мнѣ вступить въ Индію и нанести англичанамъ смертельный ударъ. Здѣсь умерли мои мечты о міродержавіи!“ признавался потомъ Бонапартъ.

Онъ поплелся назадъ всего съ 8000 полуживыхъ солдатъ. Чтобъ облегчить отступленіе, онъ, хотя и послѣ трехдневныхъ колебаній, уступилъ военному совѣту, приговорившему къ избіенію 4000 плѣнныхъ, которыхъ не на кого было размѣнивать. Въ Яффѣ Бонапартъ прошелся по лазарету своихъ зачумленныхъ и самъ предложилъ врачу отравить ихъ; но тотъ отвѣчалъ, что его долгъ — спасать, а не умерщвлять людей. Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, когда читаешь разсказы очевидцевъ объ ужасахъ этого отступленія. „Никогда еще война не казалась мнѣ такой отвратительной“, признавался потомъ самъ ея геній.

Но самъ онъ былъ на высотѣ бѣдствія. Онъ прикасался къ чумнымъ, шелъ пѣшкомъ по жгучимъ пескамъ, сналъ на конѣ, кормилъ хилыхъ своими лошадьми. И у него хватало духу и ловкости „говорить, писать, дѣлать что угодно для обезпеченія торжественнаго въѣзда въ столицу“, какъ приказывалъ онъ коменданту Каира!

Не только суевѣрные феллахи, но и вся Европа, а также многіе историки, приняли сказку о побѣдахъ и удачахъ египетскаго

похода. Депеши Наполеона директоріи изъ Египта были сказками: „государственный человѣкъ долженъ умѣть отлично лгать“, признавался онъ потомъ. Въ битвѣ у Пирамидъ показано число непріятеля въ 10 разъ больше, чѣмъ было на дѣлѣ; Акра — уже взята, но брошена, какъ гнѣздо заразы, и т. д.

Какъ тѣни добрались французы до Абукира, а тамъ засѣла свѣжая и вдвое болѣе многочисленная армія отважныхъ янычаръ. Но морское злополучіе было заглажено дивной побѣдой на сушѣ, чисто во вкусѣ Наполеона. Какъ разъ въ годовщину абукирской битвы у тѣхъ же береговъ, турки вдругъ были сброшены въ море мастерскимъ и дерзкимъ обходомъ. На этотъ разъ Бонапартъ не лгалъ, набрасывая такую депешу: „Абукиръ — одна изъ прекраснѣйшихъ битвъ, которыя только удавалось мнѣ видѣть. Изъ высадившейся арміи врага не ушелъ ни одинъ человѣкъ“.

Фортуна только погрозила своему любимцу. Она наслала на него временно враговъ, неуловимыхъ даже для генія—природу и обстоятельства. Но дѣло кончилось напоминаніемъ міру о чудесныхъ подвигахъ „капральчика“ въ Италіи. Въ соединеніи съ легендой, уже доносившейся въ Европу съ Востока, оно пролагало „роковому человѣку“ путь къ новой славѣ.

Тогда же исполнилось другое предвѣщаніе Бонапарта: директорія терпѣла неудачи; Франція нуждалась въ спасителѣ. Именно въ Абукирѣ хвастливые англичане доставили во французскій лагерь тюкъ газетъ. Наполеонъ, мѣсяцевъ десять не имѣвшій извѣстій изъ Европы, узналъ изъ нихъ объ успѣхахъ старой коалиціи.

— Я рѣшился возвратиться во Францію, — сказалъ онъ за тайну Мармону.—Положеніе вещей въ Европѣ принуждаетъ меня къ этому великому шагу. Наши армія терпятъ пораженія; и Богъ вѣсть, куда уже проникли теперь враги. Италія утрачена: пропала награда за столько усилій, за столько пролитой крови! И что могутъ сдѣлать эти бездарности, стоящія во главѣ правительства? Вѣдь — это одно только невѣжество, безразсудство да взяточничество! Я, одинъ я, все несъ на своихъ плечахъ и поддерживалъ это правительство моими безпрерывными успѣхами;

безъ меня оно никогда не возвысилось бы и не утвердилось. Съ моимъ удаленіемъ все должно было пойти прахомъ. Не ждать же намъ окончательнаго разрушенія! Во Франціи въ одно время узнаютъ о моемъ возвращеніи и объ истребленіи турецкой арміи подъ Абукиромъ. Мое присутствіе ободритъ павшихъ духомъ, внушитъ войскамъ утраченную самоувѣренность, возродитъ у благонамѣренныхъ гражданъ надежду на лучшее будущее.

Тотчасъ были снаряжены два фрегата. На нихъ погрузили тяжелыя орудія и драгоцѣнности Востока. Ихъ заняли двѣ сотни отборныхъ гвардейцевъ и наперсники Бонапарта—Мармонъ, Мюратъ, Ланъ, Берье, Монжъ и Бертолетъ. Англійскому адмиралу не приходило въ голову, чтобы вождь ушелъ безъ арміи: онъ отплылъ къ Кипру за припасами. Тотчасъ же, въ ночь на 22-е августа 1799 года, фрегаты пустились въ море, несмотря на рѣзкій противный вѣтеръ.

Начальникомъ покидаемой арміи былъ назначенъ Клеберъ, котораго Бонапартъ считалъ бѣльмомъ на своемъ глазу за его гордую прямоту и талантливость, за любовь солдать къ нему.

Несчастному не оставили ни гроша. На него свалили еще долги: одно задержанное жалованье войскамъ равнялось четыремъ милліонамъ. Внезапно узнавъ въ чемъ дѣло, смутился безстрашный замѣститель героя, отрѣзанный отъ міра среди песчаной пустыни, кишѣвшей массою враговъ. Отправивъ въ Парижъ рѣзкій протестъ противъ бѣжавшаго начальника, онъ предложилъ англичанамъ почетную сдачу. Но они потребовали плѣна. Тогда Клеберъ воскликнулъ:

— Солдаты! На такую наглость отвѣчаютъ только побѣдами. Приготовьтесь къ бою!

И онъ началъ бить англичанъ, турокъ, мамелюковъ — одинъ противъ десяти. Затѣмъ пошло образцовое устройство „французской колоніи“: оно сдѣлало имя французовъ обаятельнымъ въ Египтѣ. Но нашелся нищій-фанатикъ, который закололъ благодѣтеля страны.

— Ну, что жъ, однимъ соперникомъ меньше! — воскликнулъ Бонапартъ.

Остатки египетской арміи, таявшей отъ зноя, голода и заразы, сдались на условіи, чтобы англичане отвезли ихъ домой со всѣми военными почестями.

„Дезертиръ, предатель!“ восклицаютъ „хулители“ Наполеона. Выше мы уяснили смыслъ египетской экспедиціи: ея развязка также требуетъ историческаго освѣщенія. Не должно забывать, что Бонапартъ былъ не только полководцемъ, но и важнымъ орудіемъ міровой политики, гдѣ египетское дѣло служило лишь мимолетнымъ эпизодомъ. Онъ былъ правъ, говоря, что съ его удаленіемъ „все пошло прахомъ“. Наполеонъ сознавалъ свою историческую „миссію“. И еще вопросъ, гдѣ его особа была безопаснѣе — на безпомощномъ ли суденышкѣ въ бурномъ морѣ, усѣянномъ англійскими крейсерами, или въ Египтѣ, гдѣ полгода спустя Клеберъ разбилъ вшестеро сильнѣйшую армію турокъ?

Но для историка простѣйшіе документы важнѣе самыхъ остроумныхъ соображеній. А они говорятъ намъ слѣдующее.

Директорія отпускала Бонапарта въ Египетъ лишь до осени 1798 года, когда имѣлось въ виду ввѣрить ему „англійскую“ армію. Его же „экспедиціонный корпусъ“ предполагалось именно оставить въ странѣ фараоновъ — для насажденія тамъ колоніи и культуры. Въ ноябрѣ 1798 года директорія съ большой тревогой извѣщала Наполеона, что уже вспыхнула война съ новой коалиціей. Предоставляя ему полную свободу дѣйствій, она подавала ему только такой совѣтъ: „Такъ какъ сію минуту трудно возвратиться во Францію, то, намъ кажется, вамъ предстоятъ три пути: или оставаться въ Египтѣ, принимая мѣры противъ всякаго нападенія турокъ, хотя вы, конечно, должны имѣть въ виду, что тамъ бываютъ гибельныя для иноземцевъ времена года; или пробираться къ Индіи; или же двинуться въ Константинополь навстрѣчу угрожающему врагу“.

Бонапартъ случайно получилъ эту депешу въ мартѣ 1799 года, подъ Акрой: отсюда его безумные приступы на эту твердыню, а также неоднократныя публичныя заявленія о намѣреніи поскорѣе возвратиться на помощь правительству. Послѣ присланныхъ англичанами газетъ было тѣмъ болѣе естественно и казалось тѣмъ

законнѣе самое поспѣшное возвращеніе домой перваго полководца директоріи. И онъ не даромъ ссылался на то, что абукирская побѣда надолго обезпечиваетъ безопасность покидаемой арміи.

Но не легко было на душѣ вождя, бросавшаго на произволъ судьбы доблестныхъ, преданныхъ, измученныхъ ветерановъ, которыхъ онъ самъ завелъ въ ловушку, какъ покорныхъ исполнителей своего честолюбиваго плана. Онъ не посмѣлъ проститься со своимъ преемникомъ, ведомымъ на закланіе: назначивъ свиданіе Клеберу, онъ бѣжалъ нѣсколькими часами раньше, оставивъ ему запечатанный конвертъ.

И что сулили Бонапарту ближайшіе дни? Скорѣе всего — англійскій плѣнъ, если не разстрѣлъ, или же гибель на поляхъ утраченной „Красавицы Италіи“. Вѣрно было одно. Собственная, законная прелестница не встрѣтитъ искренними объятіями измученнаго героя. Жозефины уже не существовало для Наполеона.

Нѣжная супруга и не думала исполнять своего обѣщанія — пріѣхать къ мужу въ Египетъ новою Клеопатрой. Она на послѣднія силенки начала такъ развлекаться въ Парижѣ, что ея Евгеній Богарнэ, сопровождавшій вотчима, предостерегалъ ее: онъ извѣщалъ ее, что Жюно и другіе товарищи италіанской кампаніи раскрыли мужу глаза на все, особенно на Шарля, который и тогда состоялъ при особѣ неунывающей креолки.

И разорвалось любящее сердце. Жозефъ получилъ такія строки отъ брата, писанныя въ іюлѣ 1798 года, послѣ битвы у Пирамидъ:

„У меня большое домашнее горе: *покровъ разорванъ окончательно.* Ты одинъ остаешься у меня на землѣ. Дорога мнѣ твоя дружба: недостаетъ только потерять и ее, быть обманутымъ тобою, чтобы стать совершеннымъ мизантропомъ. Тяжкое дѣло — положить всѣ чувства своего сердца на одну особу... Ты понимаешь меня. Устрой такъ, чтобы при возвращеніи у меня была дача подъ Парижемъ или въ Бургундіи, куда я забился бы на зиму. Мнѣ опротивѣла человѣческая природа! Мнѣ нужны уединеніе и замкнутость. Величіе наводитъ на меня скуку; мои ощущенія притупѣли; слава опостылѣла. Я вышелъ весь въ 29 лѣтъ: остается

стать прямо-таки эгоистомъ. Думаю оставить за собой мой домъ: никогда не отдамъ его никому".

Наполеонъ сталъ презирать женщинъ, какъ простое орудіе сладострастія, въ которое онъ погрузился съ тѣхъ поръ. Еще онъ считалъ ихъ годными на политическія интриги. Эта роль и выпала на долю Жозефины.

Когда возвратился мужъ, котораго съ трепетомъ ожидала вся нація, жены не оказалось дома. Она разъѣхалась съ нимъ, бросившись къ нему навстрѣчу. Ее опередили Жозефъ и Люсьенъ, которые чуяли, что послѣ такого пыла страсти, какъ у Наполеона, всегда остается искорка подъ пепломъ.

Жозефина не оправдывалась. Она обнаруживала пламеннѣйшую любовь, оглашала покои рыданіями и мольбами: есть красивая картина, изображающая Жозефину, валяющуюся въ изящной позѣ у дверей кабинета Наполеона. Но двери не отворялись нѣсколько часовъ. Наконецъ просьбы Гортензіи и Евгенія смягчили душу оскорбленнаго супруга: онъ расплакался.

Жозефина превратилась въ вѣрную и заботливую жену, особенно со времени консульства, когда высокій постъ налагалъ на нее извѣстныя узы въ глазахъ самого „совѣта", а увядшія прелести уже не отуманивали даже Шарлей. Она зеленѣла отъ злобы даже при мимолетныхъ страстишкахъ своего Зевса. То была ревность къ власти: Жозефина боялась развода, такъ какъ сбылось пророчество Литиціи объ ея безплодіи.

Эта запоздалая преданность когда-то дорогого существа, а также вѣра, что его благополучіе связано съ первою страстью, долго удерживали Бонапарта отъ развода. Счастье Жозефины, что роковое письмо мужа къ Жозефу не попало въ руки къ этому старѣйшинѣ мстительнаго клана: оно было перехвачено англичанами и потомъ пропечатано въ газетахъ.

Страсть Наполеона угомонилась: онъ завелъ первую постоянную любовницу, по образцу офиціальныхъ „метрессъ" стараго порядка.

XVII. Мятежникъ-„спаситель“. 1799.

Захваты директоріи. — Орудіе Промысла противъ «необузданнаго своеволія мысли».—Вторая коалиція и Суворовъ.—Возвращеніе «спасителя».—Банкротство директоріи.—Ея государственные удары.—Сіейсъ и «реформисты».—Кланъ и Жозефина.—«Всѣ на удочкѣ».—Великая опасность.

Бонапартъ не считалъ себя дезертиромъ: онъ летѣлъ спасать отечество „отъ непоправимой бѣды“.

Въ его отсутствіе отъ Франціи и вправду отвернулось счастье. Упорной Англіи удалось-таки образовать новую коалицію.

Дѣло было почти невозможное.

Избитая Австрія не смѣла пошевелиться. Она переносила даже такой позоръ, какъ раштаттскій конгрессъ, который былъ „чисто торговою биржей“, по словамъ австрійскаго посла: такъ тамъ унижались фюрсты передъ представителями директоріи, выпрашивая у нихъ земли изъ Нѣмецкой имперіи, подъ видомъ „индемнизаціи“, или вознагражденія за лѣвый берегъ Рейна. Австрія только выказала свою злобу гнуснымъ преступленіемъ: она дала французскимъ посламъ охранную грамоту, если они уѣдутъ; а какъ только они покинули Раштаттъ, венгерскіе гусары изрубили ихъ, на глазахъ ихъ семействъ, и ограбили, ища бумагъ.

Пруссія продолжала сочувствовать Франціи. Ея новый король, Фридрихъ-Вильгельмъ III, рѣшился держаться нейтралитета во что бы ни стало. Уже не было на свѣтѣ Екатерины II, которая передъ смертью выступила, наконецъ, для „обузданія революціи“,- послала эскадру на соединеніе съ англійскимъ флотомъ и велѣла Суворову готовиться въ походъ, чтобы стать диктаторомъ Франціи. Ея сынъ, Павелъ I, осудилъ „виды пріобрѣтенія“ своей матери и вступилъ въ переговоры съ Парижемъ: пылкіе республиканцы даже перевели „Права Человѣка“ для этого новаго друга Просвѣщенія. И опальный Суворовъ, изнывавшій въ своей деревнѣ безъ дѣла, собирался итти въ монахи.

Но Питта вывезли счастливыя обстоятельства. Прежде всего ему помогла сама директорія. Вообразивъ себя всемогущей послѣ побѣдъ Бонапарта, она начала постунать, какъ римскій сенатъ, въ костюмъ котораго облеклись ея правители. Тогда-то съ особенной яркостью обнаружилась революціонная политика завоевательной пропаганды. Директорія старалась всюду подымать демократическія волненія и извлекать изъ нихъ собственную пользу. Къ 1798 году относится возникновеніе республикъ-сестеръ Римской. Гельветской и „новой“ Батавской, которая была замаскированнымъ присоединеніемъ Голландіи къ Франціи; Вильгельмъ голландскій влачилъ жалкое существованіе у своихъ родственниковъ въ Берлинѣ. Въ 1799 г. та же участь постигла Неаполь, при чемъ пострадала надменная дщерь Габсбурговъ, Каролина, сестра казненной Маріи-Антуанетты.

Одолѣваемая словно личной ненавистью къ просвѣщенію, Каролина съ самаго 1789 г. покрывала абсолютизмъ новымъ позоромъ, ударившись въ бездну реакціи и безумной политики. Она старалась создать очагъ „контръ-революціи“ изъ своего кружка, во главѣ котораго стояли ея фавориты — ирландецъ Актонъ, кардиналъ Руффо, начальникъ политической инквизиціи и фаворитка, красивая леди Гамильтонъ, которая была сначала натурщицей, потомъ женой англійскаго посланника и любовницей Нельсона. Каролина возликовала, „какъ пьяная“, узнавъ объ абукирской побѣдѣ „своего спасителя“, Нельсона. Она вмѣстѣ съ нимъ признала необходимымъ двинуть въ Римъ свои войска, поручивъ ихъ „первому военному генію“, австрійскому генералу Маку, самому тупоумному и трусливому изъ царедворцевъ. Безъ всякихъ поводовъ армія неаполитанскаго короля, Фердинанда IV, внезапно выступила противъ французовъ, которыхъ было вдвое меньше; но она позорно разсѣялась при первыхъ выстрѣлахъ, а Макъ сбѣжалъ въ лагерь непріятеля, спасаясь отъ собственнаго воинства. Французы вступили въ Неаполь, а Каролина съ мужемъ и своимъ кружкомъ спаслись на корабль Нельсона, который отвезъ ихъ въ Палермо. Неаполитанское королевство превратилось въ Парѳенопейскую республику (1799), къ радости интеллигенціи и

буржуазіи: только знать да монахи вступили въ заговоръ противъ нея; но онъ былъ открытъ, благодаря простой дѣвушкѣ, Санфеличе.

Тогда же, благодаря пронырливости Люсьена Бонапарта, начались волненія въ Піемонтѣ, среди народа, узнавшаго о сношеніяхъ своего короля съ Каролиной. На помощь возставшимъ пришли французы — и страна была обращена въ департаменты Франціи, а ея король Карлъ-Эммануилъ II бѣжалъ на о. Сардинію подъ охрану англійскаго флота. Затѣмъ великій герцогъ Тосканы, Фердинандъ III, принужденъ былъ бѣжать въ Вѣну, къ своему брату, Францу II. Наконецъ директорія напомнила захваты Людовика XIV. Среди мира, безъ всякихъ поводовъ, она присоединила, какъ „клинья“, къ французской землѣ Мюльгаузенъ и Монбельяръ, принадлежавшіе Швейцаріи и Виртембергу, а затѣмъ— даже Женеву, которая столько вѣковъ была независимой республикой.

Земельная алчность директоріи, въ связи съ революціонной пропагандой, возбуждала чувство самосохраненія у всѣхъ монарховъ. Жалкая участь Каролины задѣла за живое Франца II, который доводился ей племянникомъ и былъ женатъ на ея дочери. Императоръ оправился отъ страха съ удаленіемъ Бонапарта и съ появленіемъ нежданнаго союзника, который толкалъ его впередъ.

Екатерина II скончалась. Съ нею исчезло на время и дипломатическое преданіе Россіи, выразившееся въ „вооруженномъ нейтралитетѣ“ 1780 года. А эта „лига нейтральныхъ“ имѣла міровое значеніе: направленная противъ морского владычества Англіи, она подготовляла сближеніе между Россіей и Франціей и новую постановку восточнаго вопроса; она содѣйствовала появленію Соединенныхъ Штатовъ Америки. Патріотка, всегда имѣвшая въ виду выгоды Россіи, Екатерина старалась вовлекать другихъ въ борьбу съ революціей, а сама устранялась. Она хотѣла имѣть свободныя руки въ Польшѣ, Турціи и Швеціи, а монархамъ говорила, что оказываетъ имъ гораздо большую услугу, „содержа всѣ свои силы въ полномъ ополченіи, дабы воздерживать зло распространенія

заразы нечестовствъ и развратовъ французскихъ". Лишь подъ конецъ Екатерина, испугавшись этого зла, склонилась на сторону коалиціи. Оттого-то Павелъ I, изъ духа противорѣчія, а не въ сознаніи выгодъ Россіи, началъ съ возстановленія прежней политики своей матери. Но вскорѣ, устрашенный миромъ въ Кампо-Форміо, онъ горячо ухватился за систему конца царствованія Екатерины. Павелъ даже счелъ себя орудіемъ Провидѣнія для спасенія „праваго дѣла", т.-е. стараго порядка. Онъ возненавидѣлъ Бонапарта не только какъ „исчадіе революціи", но и какъ оскорбителя папы и іоаннитовъ. Онъ сталъ даже гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена, уставъ котораго представлялъ хорошее средство противъ „необузданнаго своеволія мысли". Россія одна признала „Людовика XVIII" и содержала его въ Митавѣ. Царь даже выдалъ свою дочь, Александру Павловну, замужъ за непріятнаго ему эрцгерцога Іосифа. Все это для того, чтобы выступить въ походъ противъ „издыхающаго богомерзкаго правленія" во Франціи [1]).

Россія, наравнѣ съ Англіей, стала душой *второй коалиціи* (1799), вовлекши въ нее Австрію и даже Турцію, встревоженную появленіемъ Бонапарта въ Египтѣ. Ея черноморскій флотъ, вмѣстѣ съ турецкимъ, поплылъ къ Іоническимъ островамъ; балтійскій флотъ перевезъ отрядъ войскъ въ Голландію на помощь англичанамъ; другой отрядъ, съ Корсаковымъ во главѣ, двинулся поддержать австрійцевъ въ Швейцарію. Но главная армія пошла съ австрійцами въ Италію, подъ начальствомъ 70-лѣтняго героя, которому Павелъ написалъ: „Суворовъ не нуждается въ лаврахъ, но отечество нуждается въ Суворовѣ". Такъ какъ австрійцы только мѣшали нелѣпыми распоряженіями своего завистливаго военнаго совѣта въ Вѣнѣ, то этотъ блестящій походъ былъ исключительно славой русскихъ; и Суворовъ вполнѣ заслужилъ званіе „князя Италійскаго".

Вторая коалиція была болѣе слажена и грозна, чѣмъ первая. Союзъ монархіи выставилъ 350.000 штыковъ, чтобы охватить

1) *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. 70, IV—XII.

смѣлую республику со всѣхъ сторонъ и разомъ вторгнуться въ нее черезъ Бельгію, Эльзасъ, Швейцарію и Италію. И ея главныя силы вели такіе герои, какъ Суворовъ, эрцгерцогъ Карлъ и Нельсонъ. Республика также выставила свѣтила битвъ—Массену, Макдональда, Моро, Журдана, Бернадота, Брюна, Жубера. Она ввела тогда всеобщую воинскую повинность и „вспомогательные легіоны“ изъ покоренныхъ—батавскіе, гельветскіе, италіанскіе, мальтійскіе, египетскіе (мамелюки), а также польскіе. При всемъ томъ набралось всего 170.000, да и тѣ пришлось разбить на 5 армій. Оттого французы сразу проиграли кампанію. Эрцгерцогъ Карлъ въ нѣсколько недѣль освободилъ отъ нихъ южную Германію и восточную Швейцарію: его задержалъ у Цюриха одинъ Массена, на долю котораго выпала и главная тяжесть борьбы и высшая слава. Въ Италіи роль Массены сыгралъ Моро, спасшій армію, разстроенную до него австрійцами. Но не успѣлъ онъ оправиться, какъ нагрянулъ Суворовъ съ 18.000 русскихъ.

То былъ единственный полководецъ, который могъ помѣряться геніемъ съ Бонапартомъ. Одно его имя стоило арміи: его называли Непобѣдимымъ. И Францъ II поставилъ его командованіе условіемъ своего вступленія въ коалицію. Этотъ старикъ напоминалъ Наполеона юношескимъ пыломъ, быстротой, личной отвагой, орлинымъ взглядомъ, даже ненавистью къ военной рутинѣ. У него была и та же революціонная тактика оглушенія врага обходами и внезапнымъ скопленіемъ силъ: только онъ былъ пѣхотинецъ, полагался больше на штыкъ, чѣмъ на огнестрѣльное оружіе; зато, самъ мужикъ и казакъ душой, онъ былъ ближе къ сердцу солдата. И его воины были такъ же одушевлены, какъ французы, хотя иными идеями: „Мы пришли бить нечестивыхъ безбожниковъ!“ сказалъ онъ имъ теперь. И старый чародѣй совершилъ чудеса военнаго искусства, которыя заставили міръ забыть на минуту подвиги его юнаго соперника. Въ полгода почти вся Италія была освобождена отъ французскаго владычества.

Побѣдилъ геній реакціи—и въ Италіи все перевернулось вверхъ дномъ. Рухнули республики Цизальпинская, Римская и Партенопейская. Всюду подымались волненія въ пользу старины. Суворовъ

шелъ возстановлять сардинскаго короля и уничтожать Лигурійскую республику. Русско-турецкій флотъ захватилъ Іоническіе острова. Англичане взяли Мальту. Нельсонъ совершилъ преступленіе противъ человѣчества, почти безпримѣрное даже въ исторіи англійскаго звѣрства и вѣроломства. Когда Макдональдъ покинулъ Неаполь, оставивъ ничтожный гарнизонъ, грубый, отчаянный фанатикъ, кардиналъ Руффо, поднялъ лаццароновъ и крестьянъ противъ „безбожниковъ и цареубійцъ“. Съ помощью шайки разбойника Фра-Дьяволо онъ истребилъ массу друзей республики. Погибла и Санфеличе, которую Фердинандъ не хотѣлъ пощадить „ни за что на свѣтѣ“: она стала героиней романовъ и трагедій. Стойкій гарнизонъ сдался на почетныхъ условіяхъ. Онъ отправился во Францію съ друзьями республики. Нельсонъ схватилъ ихъ въ морѣ и частью казнилъ, частью сослалъ или заточилъ въ тюрьму. Вотъ когда Бонапарту слѣдовало спасать республику.

Но вслѣдъ за тѣмъ картина стала измѣняться. Злодѣянія реакціонеровъ раскрывали міру глаза на „бѣлый терроръ“, въ случаѣ ихъ побѣды. А пока они способствовали гибели коалиціи, разоблачивъ личность и коварство британца, Англія превращала Неаполь въ своего вассала и не думала передавать Мальту ея петербургскому „гросмейстеру іоаннитовъ“. Тогда же она старалась вытѣснить изъ Средиземнаго моря флотъ русскаго царя и погубила его армію въ Голландіи. Съ помощью русскихъ она безъ выстрѣла овладѣла флотомъ Батавской республики, а затѣмъ ея бездарный, надменный герцогъ Іоркскій сноплъ ихъ генераловъ и перевелъ 6000 солдатъ и казаковъ съ 239 офицерами на островъ Джерси. Тамъ несчастные голодали 9 мѣсяцевъ: они пили масло изъ фонарей и ходили по огородамъ, прося „лучку“.

Это довершило судьбу союзниковъ. Безкорыстный романтикъ „реставраціи“ стараго порядка и „вторженія“ во Францію, Павелъ I возненавидѣлъ коалицію, которая уже вызвала его справедливый гнѣвъ съ другого конца. Габсбургъ также хотѣлъ воспользоваться русской кровью, чтобы возвратить утраченное въ Италіи съ лихвой—съ присоединеніемъ къ Австріи Пьемонта, Тосканы и Церковной области. Для этого нужно было выпроводить

оттуда своихъ спасителей: и изъ Вѣны явился приказъ Суворову итти въ Швейцарію, чтобы уничтожить Массену. Знаменитый переходъ русскихъ черезъ С.-Готардъ и ихъ безпримѣрное отступленіе въ Баварію спасли честь коалиціи. Но было уже поздно. Вся кампанія была проиграна: Россія выступила изъ коалиціи.

Такъ Франція избавилась отъ „непоправимой бѣды“, частью собственными силами, частью негодностью союзниковъ, и безъ Бонапарта. Но „роковой человѣкъ“, именно тогда возвратившійся изъ Египта, нашелъ, что „груша созрѣла“ и что ему пора выступить въ роли „спасителя“ отечества.

Онъ былъ правъ, если имѣлъ въ виду внутреннее состояніе республики. Директорія окончательно испоплилась и запуталась. Она металась въ предсмертныхъ судорогахъ. Если прежде она еще занималась нѣкоторыми реформами (гл. XIV), то теперь у ней насталъ періодъ государственныхъ переворотовъ, связанныхъ съ козняии партіи. Это банкротство директоріи выражалось въ отчаянныхъ мѣрахъ, напоминавшихъ терроръ. Запрещались газеты Производились домашніе обыски съ помощью расцвѣтшаго шпіонства. Тюрьмы наполнялись „анархистами“, а больше всего — роялистами; вводились небывалые налоги, даже лотереи и принудительные займы. Наконецъ была введена „конскрипція“—въ родѣ нынѣшней всеобщей воинской повинности, по жребію, вмѣсто добровольцевъ: ей подвергались всѣ французы 20—25-ти лѣтъ, безъ замѣстительства, а во время войны—безсрочно. И вотъ болѣе 100.000 состоятельныхъ людей эмигрировало; имущество остальныхъ сильно сократилось отъ принудительныхъ займовъ; государственный долгъ былъ доведенъ до $^1/_3$. Отсюда всеобщее недовольство. Снова выступали крайнія партіи. Возрождался якобинскій клубъ, съ Ожеро во главѣ. По всей Франціи вспыхивали мятежи роялистовъ; къ нимъ склонялись Моро и Массена, и самъ Баррасъ удостоился отъ Бурбоновъ титула „агента короля Франціи“. Нація задыхалась въ партійныхъ козняхъ, а тутъ распространялась голодовка. Конскрипція вызывала дезертирство, а оно питало разбойничество росли шайки „поджигателей“, которые брали выкупы съ своихъ жертвъ, поджаривая имъ пятки. Изъ арміи же доносился пани-

ческій страхъ передъ „варварами“, которые идутъ во Францію, со своимъ непобѣдимымъ Суворовымъ во главѣ. Нація искала „спасителя“, который избавилъ бы ее отъ „краснаго призрака“ и отъ „бѣлаго террора“ и отъ „нравственной гнили“, какъ всѣ называли директорію.

Онъ скрывался около полутора года въ таинственной дали Востока. Кто считалъ его павшимъ подъ ятаганами нехристей, кто толковалъ, что онъ „въ ссылкѣ“, „и будетъ ему хуже, чѣмъ Гошу“. Какъ вдругъ среди унылаго общества, которое знало объ однихъ пораженіяхъ въ Европѣ, разнесся слухъ о сказочной побѣдѣ подъ Абукиромъ. Почти въ ту же минуту пришла вѣсть о чудесномъ спасеніи отъ англійской погони этого „рокового человѣка“, безъ котораго все въ Европѣ переворачивается вверхъ дномъ.

48 дней носился новый Одиссей по морю, при противныхъ вѣтрахъ, обходомъ, у пустынныхъ береговъ Африки, плывя больше по ночамъ, безъ фонарей, чтобы ускользнуть отъ англичанъ и избавиться отъ сѣверо-западнаго вѣтра, который днемъ иногда относитъ парусные фрегаты миль на 10 назадъ. Наперсники Бонапарта были какъ приговоренные къ смерти: одинъ онъ сохранялъ бодрость и спокойствіе на кораблѣ, который несъ „Цезаря и его судьбу“. Задержанный противнымъ вѣтромъ, онъ даже весело охотился на своей Корсикѣ, которую видѣлъ въ послѣдній разъ. Здѣсь же Наполеонъ узналъ про положеніе директоріи—и измѣнилъ свой планъ. Сначала онъ думалъ явиться, какъ снѣгъ на голову, передъ побѣдоноснымъ врагомъ въ Италіи и разнести его; теперь нужно было спѣшить въ Парижъ. Уже въ виду Франціи наткнулись-таки на бдительную британскую эскадру. Бонапартъ собирался броситься въ шлюпку и плыть дальше одинъ. Но счастливца спасло такое расположеніе парусовъ, что непріятель ошибся въ направленіи его судна. Бонапартъ высадился въ Фрежюсѣ, близъ Тулона, 9-го октября 1799 года.

„Почти по всей Франціи раздался крикъ радости спасенныхъ“, говоритъ Беранжэ. По всему пути народъ, не боясь азіатской чумы, стекался взглянуть на избавителя, прикоснуться къ его

одеждѣ: его экипажъ съ трудомъ пробирался сквозь толпы. А по ночамъ всюду пылали иллюминаціи: желанный герой вноситъ свѣтъ во тьму. На одной стоянкѣ членъ якобинскаго клуба воскликнулъ: „Побейте и изгоните непріятеля, генералъ, и, если хотите, мы сдѣлаемъ васъ королемъ!“ Отсюда же Наполеонъ послалъ письмо директорамъ. Ссылаясь на ихъ ноябрьскую депешу (гл. XVI), онъ говорилъ, что только турки помѣшали ему тогда же возвратиться для войны съ коалиціей. Но онъ никогда не побоялся бы сдѣлать это, хотя бы пришлось плыть „на шлюпкѣ, въ одной шинели“. Конечно, письмо прославляло египетскіе подвиги Бонапарта. И оно было послано съ такимъ расчетомъ, чтобы курьеръ доставилъ его лишь за нѣсколько часовъ до прибытія самого героя. Въ столицѣ искренній восторгъ охватилъ улицы, кофейни, театры. Газеты наполнялись длинными разсказами о каждомъ словѣ и движеніи генерала. Тогда не только благоговѣли передъ нимъ: его любили, ему довѣряли, на него надѣялись. Словомъ, „возвращеніе героя“ стало какъ бы лозунгомъ всей націи.

Это объясняется настроеніями въ обществѣ и въ директоріи въ ту самую мудреную минуту жизни Наполеона, съ которой нелегко справиться и историку. Огромное большинство націи жаждало любимца счастья, геній побѣдъ, чтобы избавиться отъ срама пораженій. Оно пуще всего боялось возвращенія краснаго террора: отсюда всеобщая ненависть къ директоріи, которая впадала въ якобинство послѣ 18-го фрюктидора. Всѣ мечтали о соблюденіи порядка и законности, но никто не видѣлъ опредѣленной формы желаннаго новаго правительства. Въ умахъ слагался идеалъ ограниченной монархіи, но не знали, откуда взять ее и какъ обставить, ибо требовались и свобода и сильная власть. Отсюда колебанія даже у главныхъ политиковъ минуты. Баррасъ, Талейранъ, Фушэ думали то о Бурбонахъ, то объ Орлеанахъ. Сіейсъ одно время мечталъ даже о королѣ изъ Брауншвейговъ.

Во всякомъ случаѣ прежде всего нужно было раздѣлаться съ кошмаромъ якобинства, которое занимало даже 250 мѣстъ въ законодательныхъ совѣтахъ, особенно у Пятисотъ. Директорія прибѣгла для этого къ маленькимъ государственнымъ ударамъ или

беззаконіямъ. Уже 22 флореаля (мая) 1798 г. она выгнала 60 радикаловъ изъ парламента. 30 преріаля (іюня) 1799 г., путемъ интригъ въ Совѣтѣ Пятисотъ, обновилось правительство. Директорію составили: Баррасъ, Сіейсъ, Рожэ-Дюко, Гойе и Муленъ. Послѣдніе двое были убѣжденные якобинцы, но безвольныя посредственности; первые трое изображали собой умѣренность, стремившуюся къ измѣненію конституціи 1795 года для усиленія исполнительной власти. Сила минуты сосредоточилась въ этой троицѣ, къ которой склонялись и Жозефъ съ Люсьеномъ и кружокъ г-жи Сталь съ Талейраномъ. Рожэ-Дюко былъ ничтожество, выдвинутое Сіейсомъ; Баррасъ запутался въ интригахъ и, преслѣдуемый всеобщимъ презрѣніемъ, удалился „отдыхать“ въ деревню. Передъ возвращеніемъ Бонапарта первая скрипка выпала на долю Сіейса.

Передъ революціей этотъ аббатъ прославился горячей и толковой брошюрой въ пользу третьяго чина, затѣмъ онъ сложилъ съ себя санъ, „навязанный суевѣріемъ“, и ораторствовалъ у якобинцевъ. Но во время террора онъ исчезъ. Когда его спрашивали потомъ, что онъ дѣлалъ, философъ отвѣчалъ: „я жилъ“. Послѣ 9-го термидора бывшій аббатъ вдругъ опять заговорилъ: онъ уже требовалъ положить конецъ „безобразной работѣ преступнаго отродья анархистовъ, лохмотниковъ, сволочи“. Сила Сіейса состояла въ умѣньѣ пускать пыль въ глаза таинственнымъ глубокомысліемъ: онъ считался вездѣ оракуломъ конституціонныхъ дѣлъ, въ карманѣ котораго всегда лежалъ запасъ благодѣтельныхъ уложеній для всего міра. Но это былъ тщеславный, алчный и слабохарактерный интриганъ, готовый прислониться ко всякой силѣ, умѣвшей вознаграждать его усердіе. Теперь онъ именно искалъ диктатора, способнаго и оцѣнить его и расправиться со „сволочью“. Онъ съ особенно глубокомысленнымъ видомъ носился съ какимъ-то таинственнымъ планомъ, высидѣвъ весьма сложную конституцію, съ „тремя консулами“ во главѣ. И этому мудрецу, жаждавшему возстановленія порядка, повиновалось большинство обѣихъ палатъ—и Совѣта Старѣйшинъ и Совѣта Пятисотъ. Этотъ могущественный кружокъ называлъ себя „реформистами“.

Бонапартъ, понимавшій пустоту этого скучнаго, но цѣпкаго „идеолога“, хотѣлъ было расправиться съ нимъ по-военному—занять его мѣсто. Но ему указали на статью конституціи 1795 года, требовавшую сорока лѣтъ отъ директора. Тогда онъ рѣшилъ обойти „старую лису“, которая думала, въ свою очередь, играть „наивнымъ героемъ“, хотя и видѣла опасность. Сіейсъ сначала искалъ для своей конституціи меча „не столь длиннаго“: онъ обращался къ Моро. Но этотъ флегма-медлитель стушевался, а потомъ сдался счастливому сопернику. Тогда Сіейсъ сказалъ двумъ своимъ пріятелямъ: „Пойду заодно съ генераломъ Бонапартомъ: это самый гражданскій изъ всѣхъ солдатъ. Но я знаю, что ждетъ меня: послѣ побѣды генералъ сдѣлаетъ вотъ такъ съ своими двумя товарищами“. Тутъ онъ прошелъ между своими собесѣдниками, отстраняя ихъ руками назадъ, и остался одинъ посреди комнаты. Услыхавъ объ этомъ, Бонапартъ воскликнулъ: „Да здравствуютъ умные люди! Это—хорошій знакъ!“ Сіейсъ простеръ свою услужливость до того, что предлагалъ арестовать 40 стойкихъ республиканцевъ изъ пятисотъ. „Я не боюсь такого слабаго врага, возразилъ генералъ:—за ними нація; къ тому же я присягалъ защищать ея представителей“.

Бонапартъ былъ правъ. Противъ ничтожной оппозиціи въ парламентѣ онъ опирался почти на всѣ силы страны. Мы видѣли настроеніе массъ во Франціи. Нечего и говорить про армію, гдѣ поневолѣ покорились даже роялистъ Моро, якобинцы Ожеро и Журданъ и самъ военный министръ, завистливый Бернадотъ, предлагавшій сначала арестовать соперника. Къ Наполеону склонялась журналистика и даже кружокъ г-жи Сталь, съ Талейраномъ и министромъ полиціи Фушэ. За него стали „реформисты“: самый опасный по силѣ якобинства противникъ, Совѣтъ Пятисотъ избралъ Люсьена своимъ президентомъ. Знать и высшая буржуазія, эмигранты и банкиры обрабатывались братцами.

Корсиканскій кланъ былъ въ полномъ сборѣ и дѣйствовалъ на славу, подъ предводительствомъ Жозефа и Люсьена, которые уже пріобрѣли внѣшній лоскъ, начитанность, солидность. Ихъ дома, оживляемые женами-красавицами и салонницами, стали

средоточеніемъ сливокъ столичнаго общества. Эти отели, а лѣтомъ — замки-дачи, съ толпой слугъ, курьеровъ, сторожей, экипажей, составляли какъ бы вѣнецъ сіянія вокругъ двора Бонапарта, который былъ болѣе блестящъ и почетенъ, чѣмъ въ Монтебело (гл. XIII). Въ отсутствіе своего Провидѣнія ихъ господа кормили знаменитостей литературы и искусствъ и повелительно писали министрамъ. Они высоко носили головы, приписывая свою роль собственнымъ заслугамъ, а Жозефину держали въ черномъ тѣлѣ: она, съ своими алмазами, перлами живописи и антики, прибѣгала къ займамъ для своихъ оргій. Братцы воевали съ невѣсткой и изъ-за политики. Она держалась директоріи, съ которой былъ связанъ ея мужъ, а они вели свою линію. Жозефъ породнился съ Бернадотомъ. Люсьенъ, заодно съ послѣднимъ и Сіейсомъ, чернилъ Наполеона, подготовляя государственный ударъ для себя самого. Когда пріѣхалъ Бонапартъ, всѣ эти враги-интриганы соединились для помощи ему, покидая собственные замыслы. Жозефъ орудовалъ особенно у Старѣйшинъ, Люсьенъ—у Пятисотъ. Жозефъ заставилъ даже своего шурина Бернадота хоть стушеваться на время. Онъ былъ также завсегдатаемъ салона г-жи Сталь. Мужъ Полины, старый офицеръ, повліялъ на Моро, а также на Ланна, Мюрата, Дюрока, Бертье и др. Наконецъ юный Люсьенъ, наивно мечтавшій лишь о слѣдующемъ чинѣ, выражалъ, какъ всегда, свою преданность Наполеону, подстегивая старшихъ братьевъ своими горячими, искренними рѣчами. Жозефина же не только дѣйствовала на высшее общество и на Барраса, но склонила къ Бонапарту самого Гойе, очаровавъ его жену своими частыми визитами.

Но въ этой Мантуѣ политическихъ интригъ главная роль принадлежала, конечно, самому полководцу. А она была очень трудна. Бонапартъ долженъ былъ поддерживать сложившееся издали представленіе о себѣ, а онъ сталъ уже другой. Онъ самъ докладываетъ намъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ Востокъ, мнѣ опротивѣлъ Руссо: дикарь, это—собака!“ Одному поэту онъ сказалъ: „Тамъ вы увидѣли бы страну, гдѣ государь не ставитъ ни во что жизнь своихъ подданныхъ, да и подданный тоже: вы излѣчились бы отъ

вашей филантропіи". Жозефина прибавляетъ: „Походъ въ Египетъ очень измѣнилъ его нравъ: онъ развилъ его обыденный деспотизмъ".

Бонапартъ мастерски разыгралъ свою роль. Въ своемъ штатскомъ сюртучкѣ съ турецкою саблей, съ своими уже стриженными волосами, съ своей доступностью и особеннымъ вниманіемъ къ ученымъ, онъ казался добродушнымъ, искреннимъ „гражданиномъ" и жрецомъ Музъ и больше прежняго напоминалъ Цинцината. Онъ опять сталъ скромнымъ семьяниномъ: „Когда весь Парижъ занимается имъ, онъ проводитъ вечера въ игрѣ въ трикъ-тракъ съ своей женой", говоритъ очевидецъ. Онъ сумѣлъ, сохраняя сдержанность и таинственность, обворожить всѣхъ: съ честными онъ лицемѣрилъ, плутовъ подкупалъ золотомъ, а больше обѣщаніями, трусовъ запугивалъ краснымъ призракомъ, якобинцевъ увѣрялъ въ искорененіи роялизма. Онъ самъ говорилъ потомъ г-жѣ Ремюза: „Никогда я не велъ себя такъ ловко. Я обѣщалъ Сіейсу провести его многорѣчивую конституцію. Я принималъ вождей якобинцевъ и агентовъ Бурбоновъ. Я никому не отказывалъ въ совѣтахъ, но давалъ ихъ только въ собственныхъ выгодахъ. Я прятался отъ народа, зная, что изъ любопытства онъ послѣдуетъ за мной въ должную минуту. Всякій попадалъ мнѣ на удочку". Всѣ были обмануты до того, что республиканцы и либералы вѣрили въ упроченіе свободы, а де-Местръ и Питтъ видѣли въ Наполеонѣ Монка. Директорія же, заглядывавшая „за кулисы", не смѣла шевельнуться.

Тѣмъ не менѣе дѣло было весьма опасное: все зависѣло отъ одной минуты. Нужно было спѣшить. Посланные доносили, что въ виду новыхъ побѣдъ во Франціи водворяется спокойствіе: полагали даже отмѣнять произвольныя мѣры директоріи. Страшенъ былъ Моро съ своими роялистическими замыслами, а Массена, говорили, походилъ на Монка даже нравомъ. Наконецъ армія вообще еще помнила основы революціи, а въ Совѣтѣ Пятисотъ было много республиканцевъ, которые могли поднять рабочихъ предмѣстій. Заговорщики переживали тяжелыя минуты. На одномъ банкетѣ, гдѣ присутствовалъ и Моро, Бонапартъ пилъ

изъ собственной бутылки. Дня за два до событія онъ засидѣлся за полночь у Талейрана. Вдругъ—стукъ колесъ и конскій топотъ у воротъ. Собесѣдники поблѣднѣли. Хозяинъ погасилъ свѣчи и выбѣжалъ въ коридоръ, гдѣ увидѣлъ въ окно, что это не къ нимъ.

Бонапартъ понялъ, что „груша созрѣла“. И вотъ ровно мѣсяцъ спустя по прибытіи Бонапарта во Францію, 9-го ноября 1799 года, міръ былъ пораженъ однимъ изъ величайшихъ государственныхъ переворотовъ въ исторіи, названнымъ, по республиканскому календарю, *18-мъ брюмера VIII года.*

XVIII. Восемнадцатое брюмера. Конецъ вѣка.

18-е брюмера у Старѣйшинъ и у Пятисотъ. — Гибель директоріи. — Печальная роль генераловъ Моро, Ожеро и Бернадота. — 19-е брюмера въ С.-Клу. — «Богъ войны, богиня счастья» и геній лжи. — «Въ опалу!» — Люсьенъ—герой дня. — «Пукъ розогъ».—Три консула.—Подвигъ гренадера и золота.— Новый Сципіонъ. — «Революція окончена».— Объясненіе иностранцевъ.

На зарѣ 18-го брюмера заставы столицы были закрыты, а почта пріостановлена. Полицейскіе г-на Фуше твердили въ толпѣ, что не будетъ никакого Цезаря или Кромвеля: дѣло идетъ-де лишь о „законномъ переворотѣ“.

Слишкомъ рано, въ 7 часовъ, въ Тюльери собрались законодательные совѣты. Старѣйшины, почти сплошь бонапартисты, были чуть не въ полномъ составѣ. У Пятисотъ оппозиція отсутствовала: ея члены частью получили повѣстки слишкомъ поздно, частью и вовсе не удостоились ихъ. Старѣйшины выслушали нескладный докладъ о какомъ-то таинственномъ заговорѣ террористовъ и поспѣшили съ своимъ приговоромъ. Было предрѣшено провести конституцію Сіейса и сдѣлать консулами Бонапарта, Сіейса и Рожэ-Дюко. Но опасались, какъ бы въ столицѣ предмѣстья не поддержали якобинцевъ у Пятисотъ. Поэтому, въ силу конституціи, Старѣйшины постановили перевести объ палаты назавтра въ С.-Клу. Затѣмъ, уже превышая свою власть, они по-

ручили Бонапарту свою охрану, т.-е. начальство надъ войсками столицы.

Наполеонъ ждалъ этого приговора у себя дома, въ полномъ парадѣ. Получивъ бумагу, онъ прочелъ ее съ крыльца блестящему штабу, запрудившему улицу, и прибавилъ, что нужно освободить республику отъ „адвокатовъ“. Всѣ генералы обнажили шпаги, вскочили на коней и двинулись къ Тюльери, среди равнодушной толпы, не безъ удовольствія глазѣвшей на красивую кавалькаду. У старѣйшинъ Бонапартъ сначала смутился, запнулся, но потомъ оправился и вмѣсто конституціонной присяги сказалъ слово генерала Вандемьера (гл. IX): „Граждане уполномоченные! Республика находилась на краю погибели. Вы оказались на высотѣ положенія: вы спасли ее вашимъ энергичнымъ рѣшеніемъ. Горе тѣмъ, кто вздумалъ бы вызывать безпорядки и смуту! Съ помощью моихъ товарищей по оружію я ихъ тотчасъ же арестую! Не къ чему справляться съ примѣрами прошлаго! Никакая историческая эпоха не сравнится съ концомъ XVIII вѣка, а тѣмъ болѣе — съ настоящей минутой! Ваша мудрость постановила рѣшеніе; наши руки сумѣютъ привести его въ исполненіе. Мы желаемъ республики, которая опиралась бы на истинную гражданскую свободу, на представительство народа. И мы добьемся ея! Клянусь въ томъ за себя и за моихъ товарищей по оружію!“ — „Мы всѣ клянемся!“ крикнули сопровождавшіе его генералы. Старѣйшины объявили засѣданіе закрытымъ. То же сдѣлалъ Люсьенъ у Пятисотъ, гдѣ начали было требовать объясненій. Смущенная оппозиція разошлась съ криками: „Да здравствуетъ конституція III года!“

Затѣмъ Бонапартъ произвелъ смотръ войскамъ, которыя встрѣтили его съ неописуемымъ восторгомъ. Они были подготовлены такою прокламаціей: „Вотъ уже два года, какъ республика управляется дурно. Вы надѣялись, что мое возвращеніе положитъ конецъ злу. Вы праздновали его съ тѣмъ единодушіемъ, которое возлагаетъ на меня обязанности. Я исполню ихъ. Свобода, побѣда, миръ доставятъ республикѣ прежнее мѣсто въ Европѣ, котораго она могла лишиться только благодаря бездарности или

измѣнѣ". А несчастный Моро былъ какъ бы пригвожденъ къ позорному столбу: его отрядили въ Люксембургскій дворецъ сторожить директоровъ, что погубило его обаяніе въ обществѣ. Этому служакѣ, не смѣвшему ослушаться начальства, приписывали полицейское дѣло, какъ добровольный шагъ. Но не онъ, а Бонапартъ закричалъ тогда на директоровъ: „Что вы сдѣлали съ Франціей, которую я оставилъ вамъ въ такомъ блестящемъ положеніи? Я оставилъ миръ: нахожу войну. Я оставилъ вамъ побѣды: нахожу пораженія. Я оставилъ милліоны Италіи: нахожу всюду хищеніе и нищету. Что вы сдѣлали съ сотней тысячъ французовъ, соучастниковъ моей славы? Они въ могилѣ. Такое положеніе не можетъ продолжаться болѣе. Это привело бы насъ въ три года къ деспотизму. А мы желаемъ республики, основанной на равенствѣ и нравственности, на гражданской свободѣ и политической терпимости". Властная троица директоріи тотчасъ же подала въ отставку, и Баррасъ немедленно покинулъ Парижъ. Республиканцы Гойе и Мерленъ заупрямились: ихъ оставили въ почетномъ плѣну.

Зато герой 18-го фрюктидора (гл. XIV) прибѣжалъ самъ и спросилъ шутливо, подавляя свое смущеніе: „Развѣ Бонапартъ ужъ не довѣряетъ своему Ожерошечкѣ?" Генералъ велѣлъ ему, а также Журдану сидѣть смирно. Одинъ Бернадотъ остался Бернадотомъ: онъ опять замышлялъ разбить планы соперника, сговорившись съ Саличетти подставить ему ножку въ С.-Клу. Но Саличетти второй разъ (гл. IX) сыгралъ двойную роль Іуды: онъ предалъ товарища. И Фуше принялъ мѣры.

Все затихло подъ покровомъ мирной звѣздной ночи. Бонапартъ велѣлъ даже Фуше открыть заставы: „Вообще сегодня дѣло сошло недурно; завтра увидимъ, что будетъ дальше", сказалъ онъ Бурьену. Но побѣдитель зарядилъ пистолеты, ложась спать. Онъ долго не могъ заснуть.

18-го брюмера покончили съ исполнительною властью: 19-го взялись за законодательныя палаты.

На улицахъ Парижа было людно, но тихо. Въ С.-Клу, въ саду дворца, сверкали штыки и сабли наголо; изъ оконъ залъ

видны были мохнатые кивера 8000 гренадеровъ; по коридорамъ торчали часовые. Въ инспекторской залѣ въ полдень блѣднолицая кучка штабныхъ въ пестрыхъ мундирахъ ждала Бонапарта. А онъ заперся въ одной комнатѣ съ оробѣвшимъ Сіейсомъ, который приготовилъ у воротъ карету, запряженную шестернёй добрыхъ коней: его глаза горѣли безумнымъ огнемъ; на испитомъ, искаженномъ судорогами лицѣ лежала печать отчаянной рѣшимости, какъ на мосту подъ Арколэ. Въ главныхъ залахъ засѣдали оба совѣта, почти въ полномъ составѣ. Даже среди старѣйшинъ кипятились члены оппозиціи, явившіеся безъ повѣстокъ. Они скромно попросили разъяснить, что это за заговоръ, о которомъ заявлялось вчера. Но истинные заговорщики, ихъ трусливые товарищи, молчали въ смущеніи. У Пятисотъ горячо напали на всю бонапартовскую интригу. Безсвязныя оправданія Люсьена только подлили масла въ огонь. Депутаты вскакивали на скамьи, потрясая своими красными тогами. Слышались крики: „Конституція или смерть! Долой диктатора! Въ опалу его“. Наконецъ одушевленіе охватило и трусливыхъ: весь совѣтъ, по именной перекличкѣ, поклялся умереть за конституцію III года.

Въ инспекторской водворилось молчаніе оторопи; лица штабныхъ вытягивались; руки падали съ рукоятокъ сабель. Казалось, тускнѣлъ блескъ нарядныхъ мундировъ. Вдругъ Бонапартъ вскочилъ, какъ ужаленный. „Пора покончить съ ними!“ крикнулъ онъ — и бросился въ верхній этажъ, въ залу старѣйшинъ. Задыхаясь, дрожащимъ голосомъ выпаливалъ онъ безсвязныя фразы, которымъ газеты придали потомъ нѣкоторый порядокъ. „Мы находимся надъ волканомъ,—кричалъ онъ.—Я не Цезарь и не Кромвель, а простой солдатъ, который жилъ мирно въ Парижѣ и неожиданно былъ призванъ спасать отечество. Если бы я былъ похитителемъ власти, я обратился бы къ солдатамъ моей итальянской арміи. Мы всѣ здѣсь обязаны принять мѣры къ спасенію свободы и равенства“...

— А конституція!—замѣтилъ кто-то.

Всеобщій столбнякъ и гробовое молчаніе

— Конституція!— вдругъ вскрикнулъ опомнившійся генералъ съ пѣной у рта и долго вращая зрачками.—Конституція! Вы нарушили ее 18-го фрюктидора, 22-го флореаля, 30 преріала. Всѣ партіи ссылаются на нее, и всѣ подрывали ее. Она не спасетъ насъ: никто не почитаетъ ея. Нонцемъ средствъ обезпечить всякому свободу, которой не сумѣла оградить конституція директоріи.

— Какая же именно опасность угрожаетъ республикѣ? послышалось съ разныхъ сторонъ.

Бонапартъ отвѣчалъ ложью — будто бы Баррасъ и Муленъ предлагали ему уничтожить всякія либеральныя учрежденія. Поднялся взрывъ изумленія и негодованія. Наполеонъ закричалъ, что его охранятъ гренадеры, что его „сопровождаютъ богъ войны и богиня счастья“.

— Генералъ, вы сами не знаете, что говорите!—шепнулъ ему Бурьенъ и вмѣстѣ съ Бертье вытащилъ его изъ залы.

Тогда только Старѣйшины проголосовали довѣріе своему завравшемуся генералу.

А Бонапартъ бросился съ пистолетомъ въ рукѣ въ Оранжерею, какъ назывался нижній этажъ дворца, гдѣ засѣдалъ Совѣтъ Пятисотъ, только что поклявшійся защищать директорію. Позади него видѣлись штыки и кивера. „Солдаты въ залѣ!“ воскликнули депутаты и не дали генералу сказать слова. Они засыпали его криками: „Да здравствуетъ республика, конституція III года! Долой диктатора! Въ опалу тирана! Вы оскверняете святилище законовъ! Такъ вотъ цѣль твоихъ побѣдъ!“ Его хватали за мундиръ, ему давали пинки; въ свалкѣ гренадеръ Помье разорвалъ себѣ рукавъ, зацѣпившись за гвоздь. Поддерживаемый гренадерами, блѣдный, какъ полотно, понуривъ голову, вышелъ генералъ, шатаясь, на дворъ, сопровождаемый тѣми самыми криками „въ опалу!“ (hors la loi), которые свели Робеспьера на эшафотъ. Молчаніе солдатъ и толпы доканало его: онъ сѣлъ на коня, чтобы держать рѣчь къ солдатамъ, но свалился наземь въ обморокѣ. За рѣшеткой сада стоялъ экипажъ, въ которомъ сидѣли Сіейсъ и Талейранъ въ дорожномъ одѣяніи.

Тутъ прибѣгаетъ Люсьенъ со слѣдами слезъ на щекахъ. Какъ „президентъ Совѣта Пятисотъ“, онъ проситъ солдатъ спасти „республику“ и своего генерала отъ „мятежа нѣсколькихъ *кинжальщиковъ*, конечно, подкупленныхъ Англіей“.

— Объявляю вамъ,—говоритъ онъ,—что эти отчаянные разбойники бунтуютъ противъ Старѣйшинъ: они требуютъ опалы генерала, которому поручено исполнить ихъ приказъ. Предоставляю воинамъ освободить большинство представителей народа, дабы мы, защищенные штыками отъ кинжаловъ, могли мирно обсуждать интересы республики. Вы должны признать депутатами Франціи лишь тѣхъ, которые находятся среди васъ, съ своимъ президентомъ. Тѣ же, что остались въ Оранжереѣ, чтобы изречь опалу, должны быть изгнаны вами.

— А кто будетъ сопротивляться, того убейте! Слѣдуйте за мной: вѣдь я — богъ дня!—воскликнулъ Наполеонъ.

— Замолчи же, наконецъ,—шепнулъ Люсьенъ брату: — ужъ не вообразилъ ли ты, что говоришь съ мамелюками?

Солдаты тихо послѣдовали за президентомъ, но у дверей Оранжереи остановились, какъ вкопанные, передъ спиной представителей народа. Вдругъ барабанъ напомнилъ имъ день побѣдъ и дисциплину.

„Vive Bonaparte!“ пронеслось по рядамъ. И гренадеры, предводимые Мюратомъ, бросились въ залъ съ опущенными штыками. Депутаты разостлали свои тоги по скамьямъ, а сами разбѣжались — кто въ боковыя двери, кто въ окна. Упрямцевъ солдаты брали на руки съ улыбкой.

„Государственный ударъ“ (coup d'Etat) совершился. Полководецъ покончилъ съ своей начальницей-рабыней. Но революціонная эпоха была еще слишкомъ близка, чтобы поступать съ свободолюбивой націей, какъ Людовикъ XIV съ его хлыстомъ въ парламентѣ, или Карлъ XII съ его сапогомъ-президентомъ на сеймѣ. Вѣдь самъ Люсьенъ, спасшій весь „ударъ“, былъ клубный ораторъ и памфлетистъ: онъ мечталъ о „гражданскомъ“ переворотѣ въ собственную пользу и лишь скрѣпя сердце помогалъ длинному мечу брата. Все еще соблюдая конституціонныя

формы, онъ обратился къ Старѣйшинамъ вечеромъ же 19-го брюмера. Ловкій политиканъ предложилъ имъ „поднять пукъ консульскихъ розогъ, этотъ славный знакъ республиканской свободы древняго міра, чтобы обезоружить нашихъ клеветниковъ и успокоить французскій народъ, общее согласіе котораго освятитъ вашу работу“. Старѣйшины тотчасъ же рѣшили назначить временное правительство изъ *трехъ консуловъ французской республики* — Бонапарта, Сіейса и Дюко; при нихъ учреждалась комиссія для обсужденія новой конституціи. Ночью этотъ приговоръ былъ принятъ Совѣтомъ Пятисотъ, въ которомъ не было и сотни человѣкъ. Затѣмъ палаты объявили, что директорія перестала существовать, а „Бонапартъ и его войска оказали большія заслуги передъ отечествомъ“. Консулы присягнули „державности народа и единой, нераздѣльной республикѣ, свободѣ, равенству и представительной системѣ“. Законодательный корпусъ разошелся до 20-го февраля 1800 г. Бонапартъ съ семьей переселился въ Люксембургскій дворецъ.

Такъ представители націи воображали, что оградили парламентаризмъ. Гренадеры, очищавшіе залы совѣтовъ въ С.-Клу, также ощущали подвигъ спасенія республики: они возвращались въ Парижъ, распѣвая: „Дѣло пойдетъ!“ Но „старая лиса“ сказала, выходя изъ перваго засѣданія консуловъ: „Вотъ у насъ есть и господинъ! Бонапартъ всего желаетъ, все знаетъ и все можетъ“.

Самъ виновникъ такого государственнаго преступленія, какъ 18-е брюмера, менѣе всѣхъ сомнѣвался въ наступленіи цезаризма или военной диктатуры. Тогда-то, по его собственнымъ словамъ, онъ превзошелъ себя въ „ловкости“. Его искусство доходило до такихъ мелочей, какъ заявленный въ „Монитерѣ“ фактъ, который опровергался полсотней свидѣтелей. Тамъ было расписано, какъ „двадцать убійцъ искали груди“ спасителя отечества и какъ гренадеръ Помье, принявшій на себя ударъ „кинжала“, завтракалъ у „гражданки Бонапартъ, которая обняла его и надѣла ему на палецъ перстень въ 2000 экю“. И Бонапартъ никогда не могъ забыть мрачныхъ сценъ въ С.-Клу. Съ тѣхъ поръ онъ

утратилъ вѣру въ идеи, давно уже подорванную въ его солдатской душѣ. Онъ началъ съ борьбы штыка противъ хартіи закона, съ макіавелизма лже-заговоровъ. Этотъ роковой шагъ сгубилъ его самого и пріостановилъ прогрессъ XIX вѣка, лишивъ на время Францію, а съ нею и весь міръ, тѣхъ разумныхъ пріобрѣтеній, изъ-за которыхъ было пролито столько крови въ теченіе цѣлаго десятилѣтія. Это выразилось въ безсвязной рѣчи новаго Цезаря въ С.-Клу, а также въ непостижимыхъ словахъ его перваго манифеста: „Революція остановилась на принципахъ, съ которыхъ началась: она окончена!“ Разочарованная нація отвѣчала словами г-жи Сталь, которая пріѣхала тогда изъ Швейцаріи въ Парижъ: „Я оплакивала не самую свободу (ея никогда не было во Франціи), а надежду на эту свободу“.

Впрочемъ, та же г-жа Сталь говорила послѣ 18-го фрюктидора, негодуя на произволъ директоріи: „Всякому показалось бы *естественнымъ*, если бы военный вождь принялъ мѣру, которую до него позволяли себѣ гражданскія власти“. А Наполеонъ оправдывался потомъ: „Я нашелъ корону Франціи на полу и только поднялъ ее... Толки о нашемъ „преступленіи 19-го брюмера“ — чистая метафизика. Это все равно, что обвинять въ убыткахъ моряка, который срубаетъ свои мачты, чтобы не потонуть. Вѣдь фактъ, что отечество погибало безъ насъ, а мы спасли его. Виновники, великіе актеры этого государственнаго удара, вмѣсто всякихъ оправданій и отпирательствъ, должны, какъ тотъ римлянинъ, гордо сказать своимъ обвинителямъ только одно: „Мы спасли отечество: идите же съ нами возблагодарить боговъ!“

Здѣсь можно замѣтить, что Наполеонъ плохо зналъ исторію: онъ даже не припомнилъ имени знаменитаго побѣдителя Ганнибала, Сципіона Африканскаго Старшаго. Во всякомъ случаѣ онъ отлично выказалъ здѣсь своеобразное пониманіе исторіи — въ своихъ выгодахъ. Новый Цезарь словно забылъ, что Сципіонъ былъ первый симпатичный римлянинъ, одаренный тогдашнимъ просвѣщеніемъ — эллинизмомъ. Этотъ безкорыстный, великодушный полководецъ, напоминающій Гоша или Вашингтона, спасъ отечество отъ грознаго внѣшняго врага и сталъ жертвой клеветы

друзей старины, съ невѣжественнымъ Катономъ Старшимъ во главѣ. Его домъ сталъ ячейкой того демократическаго движенія противъ казнокрадовъ оптиматовъ, которое привело къ соціальнымъ реформамъ его родственниковъ Гракховъ.

Но Бонапартъ былъ правъ въ томъ, что „груша созрѣла“. Въ самомъ дѣлѣ для столь великаго переворота, какъ „поднятіе нука розогъ“, достаточно было самыхъ обыкновенныхъ салонно-полицейскихъ интригъ, самой наивной лжи и обыденной роли презрѣннаго металла: говорили, что у Бонапарта было тогда до 30 мил. фр., изъ которыхъ 1^1_2 мил. ушло на 18-е фрюмера, при чемъ каждый гренадеръ получилъ 12 фр., новенькій мундиръ и чарку водки.

Французовъ, въ смыслѣ „державной націи“ и поклонниковъ просвѣщенія, уже не существовало. Какъ предрекалъ славный Цезарь, толпа „изъ любопытства послѣдовала“ за нимъ, а армія уже отдѣлилась отъ народа подъ его знаменами. „Когда я сталъ главой государства, не было партіи, которая не возлагала бы на меня какихъ-нибудь надеждъ“, говорилъ Бонапартъ. Это подтверждается свидѣтельствами иностранныхъ дипломатовъ. Они писали: „Всѣ прежнія революціи внушали недовѣріе, страхъ; эта же поднята духъ и возбудила самыя живыя надежды... Врядъ ли какой-нибудь законный монархъ находилъ народъ болѣе покорный его волѣ; и было бы непростительно, если бы этотъ искусственный генералъ не воспользовался этимъ, чтобы утвердить лучшее правительство на прочномъ основаніи. Франція буквально сдѣлаетъ невозможное, чтобы помочь этому. Вѣдь за исключеніемъ презрѣнной шайки анархистовъ, народъ такъ усталъ отъ революціонныхъ ужасовъ и глупостей, такъ они опротивѣли ему, что любая перемѣна кажется всѣмъ выгодой. Всѣ классы общества насмѣхаются надъ геройствомъ демагоговъ; со всѣхъ сторонъ требуютъ ихъ изгнанія, а не осуществленія ихъ идеальныхъ грезъ. Даже роялисты всѣхъ оттѣнковъ искренно преданы Бонапарту: они приписываютъ ему намѣреніе постепенно возвратить старый порядокъ вещей. Равнодушные льнутъ къ нему, какъ къ человѣку, который наиболѣе способенъ даровать Франціи миръ“.

А „просвѣщенные республиканцы, хотя и дрожатъ за свою государственную форму, охотнѣе признаютъ власть одного талантливаго человѣка, чѣмъ цѣлаго клуба интригановъ“. Ради этой вѣры въ установленіе порядка, котораго никакъ не могли добиться отъ парламентскихъ „адвокатовъ“, Бонапарту прощали всю завѣдомую ложь: послѣ 18-го брюмера, пятипроцентная рента поднялась на биржѣ съ 7% нарицательной цѣны до 17%; банкиры тотчасъ дали Наполеону 12 милліоновъ наличными безъ залоговъ.

Итакъ, „революція остановилась, она окончена!“ Но если началу XIX вѣка суждено было повторить опытъ цезаризма, то личность Бонапарта была достойна такой крупной роли. Прежде, чѣмъ объяснить чудесные подвиги перваго консула, попытаемся набросать его портретъ во весь ростъ: достовѣрнаго матеріала для этого теперь слишкомъ достаточно.

В. Бонапартъ-консулъ.

9-го ноября 1799—18-го мая 1804—4$^1/_2$ года.

XIX. Первый человѣкъ Франціи. 1799– 1802.

Портретъ «рокового человѣка».

Наполеону Бонапарту только что исполнилось тридцать лѣтъ. „Роковой человѣкъ“ добился, наконецъ, власти; „звѣзда“ генія новаго вѣка поднялась явственно для всѣхъ. Начиналась лучшая пора въ его жизни, оставившая богатую міровую жатву для отдаленнаго потомства. Пора и намъ присмотрѣться къ чертамъ нашего героя въ расцвѣтѣ его силъ.

Этотъ расцвѣтъ еще подавлялъ роковой наслѣдственный недугъ — каменную болѣзнь и ракъ въ желудкѣ. Никогда этотъ новый Протей не поражалъ міръ до такой степени богатырскою и въ общемъ удачною работой, какъ воинъ, политикъ и правитель великой націи. Хилый капральчикъ съ почти сверхъестественной внутренней мощью, это „необыкновенное“ существо для всѣхъ и „геній ада“ для враговъ, служилъ воплощеніемъ самой крупной, богатой противорѣчіями, эпохи. Его изумительная личность стоитъ теперь живьемъ передъ нами, на разстояніи ровно столѣтія, когда наука, эта несравненная художница, съ документами въ рукахъ, разсѣяла и тучи злословія и чары восторженныхъ сказокъ.

То не былъ теоретикъ: „метафизикой“ и „идеологіе“ были для него системы и убѣжденія. Непостижимы были ему и идолы толпы, и идеалы знанія и искусства, и высшее назначеніе женщины. Не признавалъ онъ нравственныхъ наукъ, и пароходъ Фультона показался ему „шарлатанствомъ“. Зато никогда еще разсудокъ не былъ такимъ изумительнымъ слугой практическаго успѣха и безпримѣрной воли. Наполеонъ словно чутьемъ сразу понималъ обычную среду и заурядnаго человѣка, вносилъ поря-

докъ въ хаосъ текущихъ дѣлъ и мыслей, по одной мелочи схватывалъ обширное цѣлое; одинъ намекъ рождалъ въ его головѣ мѣткіе планы или сокрушительную критику даже въ чужой сферѣ, къ смущенью самыхъ талантливыхъ знатоковъ дѣла. „Я думаю быстрѣе, чѣмъ другіе люди“, говорилъ онъ. Жуткимъ холодомъ вѣетъ отъ безпощадной проницательности и находчивости этого математическаго ума, опиравшагося на рѣдкую память, особенно насчетъ цифръ и мѣстностей. „Онъ знаетъ всѣ имена, помнитъ всѣ лица, о которыхъ что-нибудь слышалъ,—говоритъ очевидецъ:— однажды ему предъявили счетъ сапогъ для одного полка; онъ вспомнилъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ была другая цифра“. Ему была извѣстна вся подноготная въ каждой ротѣ, въ каждомъ эскадронѣ.

Но южная родина одарила Бонапарта чудовищнымъ воображеніемъ, оживила почти болѣзненной пылкостью. „Не знаю, что такое головокруженіе и первная боль“, говаривалъ Наполеонъ, готовый каждую минуту ринуться въ борьбу и испробовать разные планы: у него „всегда было два рѣшенія задачи“ или „двѣ тетивы на лукѣ“. Кипучая энергія, словно клокочущій источникъ неизсякаемой силы, лишала его покоя, была мукой и грозой для другихъ. „Волненія — моя жизнь!—восклицалъ Наполеонъ.—Чѣмъ больше хлопотъ, тѣмъ мнѣ лучше. Только короли-лѣнтяи жирѣютъ во дворцахъ: мой постъ—на конѣ и въ лагерѣ. О, это—великая сцена! Кто не рискуетъ, тотъ и не выигрываетъ“.

Не говоря уже про бурное начало поприща, въ десять лѣтъ своего императорства онъ не прожилъ въ Парижѣ и трехъ лѣтъ. Зато здѣсь все кипѣло при немъ. „Повѣрьте,—говорилъ онъ министрамъ,—у меня много причинъ не засыпать на этомъ престолѣ: французы скажутъ мнѣ спасибо за то, что я работаю, не досыпая ночей. Я долженъ работать для примѣра многимъ, которые трудятся только потому, что я трудолюбивъ и бдителенъ. Мои союзники не потеряли бы даромъ времени, если бы пожаловали сюда поучиться: они поняли бы, что въ нашемъ вѣкѣ ремесло короля — не дѣтская забава, и что нужно прежде всего служить народамъ, чтобы имѣть право заставлять ихъ служить себѣ“.

И „геній бурь“ казался какимъ-то особеннымъ существомъ, „сверхъ-человѣкомъ“. Среди блестящихъ королей онъ являлся въ своей исторической сѣрой шинелькѣ, въ потертомъ мундирчикѣ, въ треуголкѣ съ грошовой кокардой, надѣтой шиворотъ-навыворотъ. Онъ почти не пилъ, а ѣлъ безъ разбору, что подложатъ ему, и быстро, не пережовывая, закусывалъ неизбѣжнымъ мороженымъ. Спалъ онъ 4—6 ч., зато могъ когда и гдѣ угодно прикорнуть на часикъ; не то вскакивалъ по ночамъ и либо строчилъ приказъ, либо бѣгалъ изъ угла въ уголъ, измышляя планы. Вообще, онъ просиживалъ за разнообразными занятіями по 12—16 ч. кряду, а въ другой разъ не сходилъ съ коня полсутокъ.

У его секретарей (онъ за разъ диктовалъ нѣсколькимъ) костенѣли руки, у адъютантовъ и курьеровъ подкашивались ноги. Не говоря про массу новелѣній и указовъ, издано 30.000 однихъ его писемъ, да недостаетъ еще тысячъ 50. Наполеонъ не ограничивался приказами; онъ и разъяснялъ ихъ въ подробныхъ инструкціяхъ, и самъ слѣдилъ за ихъ исполненіемъ. Въ разгарѣ коронаціонныхъ пировъ онъ проводилъ по 12 ч. въ присутственныхъ мѣстахъ. Часто министры, возвращаясь безъ силъ изъ его кабинета, находили дома его записочки, требовавшія немедленнаго отвѣта. Если Наполеонъ не былъ въ лагерѣ, онъ разъѣзжалъ по Франціи, а въ столицѣ приглядывалъ даже за тротуарами и мостовыми. Онъ все зналъ въ министерствахъ лучше самихъ министровъ: сохранилась его подробная характеристика мэровъ и даже ихъ помощниковъ для министра внутреннихъ дѣлъ; въ своемъ дворцѣ онъ зналъ все до мелочей кухни и меблировки.

Когда владыка возвращался изъ похода, электрическій токъ пробѣгалъ по администраціи; сама образецъ исполнительности, быстроты и догадливости, она трепетала и выбивалась изъ силъ. Вздумалось Бонапарту обревизовать всѣ муниципальныя кассы— и въ нѣсколько мѣсяцевъ все было кончено, при чемъ изловили болѣе чѣмъ на два милліона воровства. А ему все казалось, что дѣла ползутъ по-черепашьи: онъ самъ желалъ все начать, вездѣ дать примѣръ, оставить слѣдъ. „Хочется прожить еще 30 лѣтъ,— сказалъ онъ въ 1809 г.,—чтобы 30 лѣтъ служить моимъ поддан-

нымъ, чтобы упрочить эту великую имперію, чтобы видѣть все счастье, которымъ я замыслилъ украсить дорогую Францію". Онъ былъ правъ, говоря Сегюру: „Да, счастливъ тотъ, кто скрывается отъ меня въ глуши провинціи; и, когда умру, вселенная скажетъ—уфъ!"

„Роковой человѣкъ" поражалъ міръ соединеніемъ мелкой разсчетливости точнаго ума съ пылкостью фантазіи, которое сказывалось и въ его языкѣ—мѣткомъ и лаконическомъ, по образному и смѣломъ. Воплощеніе блестящаго, пестраго юга, съ его древне римскимъ риторствомъ и романтическою поэзіею, съ его суевѣріемъ и кощунствомъ, онъ любилъ поражать воображеніе народовъ и дерзкимъ разрушеніемъ всего святого, и своимъ фатализмомъ, и сказочными картинами широчайшихъ замысловъ, какъ поражалъ войска врага однимъ своимъ именемъ. Онъ старался задавать страху и ослѣплять даже небывалою пышностью церемоніала. Онъ любилъ во всемъ театральность, которою отличались французы вообще и ихъ революція въ особенности.

Ставъ императоромъ, Наполеонъ совершилъ въ Булонѣ незабвенную первую раздачу знаковъ Почетнаго Легіона. На берегу моря, у подножія природнаго амфитеатра, воздвигли огромную эстраду. Ее окружили 60.000 молодцовъ арміи, которая должна была разгромить Англію. Наполеонъ сидѣлъ на „креслѣ Дагобера"; у ногъ его лежалъ „щитъ Франциска I"; надъ его головой развѣвались рваныя, окровавленныя знамена. На ступеняхъ трона размѣщались 24 „паладина" (кавалеры Почетнаго Легіона), съ непокрытыми головами, а самъ герой сидѣлъ въ „каскѣ Баярда". Онъ раздавалъ красныя ленточки и кресты, восклицая: „Съ такими людьми могу завоевать міръ!" Такимъ же маскарадомъ Наполеонъ окончилъ свое поприще во время Ста Дней. Онъ мечталъ сдѣлать Парижъ „чѣмъ-то колоссальнымъ, сказочнымъ, невиданнымъ": „колоссальность"—его любимое словечко; у него—„великая" армія, „великіе" придворные чины и т. д.

Эта пылкость фантазіи придавала обаяніе самоувѣренности Бонапарта, смягчала оттѣнкомъ искренности его самохвальство. Прочтите его военные бюллетени и представляемое ежегодно на-

латамъ „Описаніе положенія дѣлъ“ (Exposé de la situation)-- и вы поймете всю подкупающую силу гасконады: здѣсь говоритъ мощь, которая, дѣйствительно, не знаетъ себѣ границъ, считаетъ все возможнымъ для себя. Какъ было не вѣрить этимъ обѣщаніямъ рая земного для Франціи, когда здѣсь же зло и мѣтко вскрывалась вся гниль остальныхъ государствъ старой монархической Европы! Какъ было не вѣрить побѣдоносному вождю „великой арміи“, когда онъ восклицалъ: „10.000 человѣкъ проживутъ вездѣ, даже въ пустынѣ!“ Тогда такая самоувѣренность могла казаться погибелью только такому проницательному знатоку дѣлъ, какъ Талейранъ, который сказалъ: „Да, со штыками можно все сдѣлать, но на нихъ нельзя сидѣть“.

Самъ отчаянный игрокъ понялъ это слишкомъ поздно. „Я былъ злѣйшимъ моимъ врагомъ“, сказалъ онъ на о. св. Елены. А прежде онъ любилъ повторять, что нѣтъ ничего невозможнаго. Мечты о чудесахъ Востока входили въ планъ египетскаго похода. Богатырскій замыселъ истребленія Англіи осуществлялся континентальной системой, которая замыкалась Антверпеномъ, какъ „заряженнымъ пистолетомъ, приставленнымъ къ сердцу“ непокорнаго острова. Походъ въ Россію рисовался началомъ движенія въ Индію, а затѣмъ — какого-то невиданнаго величія. „Россія неуязвима (мечталъ узникъ св. Елены), а сама можетъ обрушиться на Европу. Я былъ единственнымъ Геркулесомъ для сокрушенія этой гидры. Будь я царемъ, я легко взялъ бы всю Европу. И тогда я создалъ бы новое общество. Старая система изжилась. Константинополь сталъ бы центромъ мірового владычества“. И даже тогда Наполеонъ не думалъ жирѣть, какъ лѣнтяи: передъ потухающимъ взоромъ великаго фантазера-математика проносилась картина вѣчнаго мира, всеобщей справедливости, — словомъ, блаженства всего человѣчества.

Эти фантастическіе замыслы, эти міровые интересы всегда занимали Наполеона. Имъ соотвѣтствовала богатырская сила воли. Она-то поддерживала это болѣзненное тѣло, какъ доказываютъ и марши по пескамъ Египта и неслыханныя скачки въ Италіи, гдѣ онъ разъ загналъ пять лошадей, или отъ Вальядолида до

Бургоса, и здоровье въ 1812 г., даже веселость при переправѣ черезъ Березину, и вся эпопея 1814 г. Правда, Наполеонъ не умѣлъ выжидать, задолго подготовлять успѣхъ, но изумительны были скоропостижность и напряженность его силъ въ данную минуту, что и требовалось тогда. Онъ говаривалъ: „Разъ принято рѣшеніе, должно твердо держаться его, безъ всякихъ *если* и *но*... Геній состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь, несмотря на препятствія, чтобы мало думать о невозможности или и совсѣмъ не признавать ея... Меня влечетъ къ невѣдомой цѣли. Если она достигнута и я уже не нуженъ, одинъ атомъ низвергаетъ меня; но до тѣхъ поръ всѣ люди вмѣстѣ ничего не смогутъ сдѣлать со мной“.

И Наполеонъ не зналъ препятствій, не дѣлалъ уступокъ даже грамматикѣ, не терпѣлъ стѣсненій даже въ одеждѣ, которую бросалъ въ огонь, если не сразу удавалось надѣть ее, не допускалъ противорѣчій даже при своей ошибкѣ и въ крайней опасности. Оттого онъ всегда говорилъ по-французски съ сильнымъ акцентомъ и ошибками и не могъ заучивать офиціальныхъ рѣчей: ихъ писали ему четко, и онъ читалъ ихъ вяло, сквозь зубы. Каждое желаніе становилось у него навязчивою мыслью, какъ у людей революціи, но онъ превосходилъ ихъ самоувѣренностью. Ободряемый успѣхомъ, который былъ для него кумиромъ превыше славы, этотъ выскочка безъ имени, богатства и связей, поднявшійся съ юности надъ всѣми, и самъ считалъ себя „роковымъ человѣкомъ“. Онъ, какъ полудикій корсиканецъ, вѣрилъ въ свою „звѣзду“ и, не задумываясь, спѣшилъ впередъ. „Фортуна,— говорилъ, онъ — та же женщина: если вы сегодня не поспѣшите къ ней, не ожидайте ея завтра“.

Наполеонъ руководился правиломъ, что для успѣха нужно имѣть „смѣлость генія“, а не „смѣлость ярости“, и что „великіе люди управляютъ счастьемъ“. Оттого онъ не боялся ничего. „Еще не отлито ядро, которое должно бы убить меня“, говорилъ геній битвъ, который всего разъ былъ раненъ въ ногу, и то легко. То былъ отчаянный игрокъ, ставками котораго были и онъ самъ и весь міръ. Этотъ демонизмъ дѣйствовалъ обаятельно на всѣхъ:

кто боялся непобѣдимой силы, кто надѣялся на нее. Шпіонъ писалъ о немъ изъ Италіи въ 1797 г.: „Сдѣлка съ нимъ можетъ состояться въ одну минуту, въ двухъ словахъ: такъ велика его способность очаровывать, обольщать людей“. Умницы и благородныя души были преданы ему нерѣдко беззавѣтно. Извѣстны сцены „обольщенія“ Александра I въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ.

Почти всѣ маршалы говорили, какъ Мармонъ въ итальянскомъ походѣ: „Не было чего бы мы не сдѣлали для него“. А тутъ были таланты, которыми вообще Наполеонъ не боялся окружать себя, зная, что это все-таки нули, которые составляютъ крупную сумму при такой единицѣ, какъ онъ. Особенно дорожилъ онъ дарованіями изъ міра наукъ и искусствъ: въ числѣ первыхъ шестидесяти сенаторовъ у него находилось 17 академиковъ; первымъ великимъ канцлеромъ Почетнаго Легіона былъ естествоиспытатель. Наполеонъ былъ образованнѣе монарховъ и министровъ: вообще,—это одинъ изъ начитаннѣйшихъ людей своего времени, который зналъ цѣну книгамъ [1]). Онъ всегда интересовался театромъ, литературой, наукой; передъ Аустерлицомъ онъ бесѣдовалъ о Корнелѣ, передъ Бородиномъ обсуждалъ реформу французскаго театра. Гейне былъ пораженъ его содержательной бесѣдой. И насколько владыка не терпѣлъ независимыхъ личностей, настолько же онъ любилъ выслушивать свѣдущихъ людей.

„Полководецъ долженъ обладать разумомъ и великимъ характеромъ“, говорилъ Наполеонъ. И онъ искалъ той ошеломляющей

1) Бывшій секретарь библіотеки въ Тюльери, Филонъ, разобравшій дорожную библіотеку Наполеона, когда ее привезли (въ 1870 г.) съ о. св. Елены, свидѣтельствуетъ: «Наполеонъ очень много читалъ и перечитывалъ свои любимыя книги. Жажда знанія у него была громадная: никогда, даже во время болѣзни, онъ не переставалъ читать. Думаю, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не прочелъ столько книгъ». Филонъ замѣчаетъ, что наиболѣе истрепанными оказались „Оссіанъ и Orlando furioso“ Аріоста, затѣмъ — Корнель и Расинъ. У Наполеона была еще рѣдкая богословская библіотека. Его «походная» библіотека состояла изъ 800 томовъ. Владыка мечталъ составить библіотеку изъ 3000 лучшихъ созданій человѣческаго генія, въ роскошныхъ переплетахъ. Но пришлось оставить этотъ планъ: онъ потребовалъ бы шесть милліоновъ франковъ.

практики, которую доставляетъ только война: она же требовалась и обстоятельствами и революціоннымъ духомъ времени. „Геній ада“ не былъ кровожаденъ: въ немъ были мягкіе тоны, какъ дома, такъ и въ лагерѣ. Онъ вообще былъ самою благородною личностью изъ всего своего клана. Наполеонъ видѣлъ въ деньгахъ только орудіе подвиговъ: онъ защищалъ казенную копейку, какъ свое дѣтище, не терпѣлъ воровъ и, хорошо обставивъ своихъ личныхъ слугъ, строго взыскивалъ за малѣйшее мошенничество. Наполеонъ былъ хорошимъ сыномъ, отцомъ, другомъ и товарищемъ. Онъ не забывалъ личныхъ услугъ, награждалъ за всякое одолженіе: швейцары Бріенской школы стали швейцарами Мальмезона. Онъ называлъ всѣхъ своихъ маршаловъ „кузенами“ и былъ трогательно привязанъ къ Ланну, Дюроку, особенно же полоумному Жюно, который кончилъ самоубійствомъ. Онъ позволялъ имъ даже дерзости съ собой и не преслѣдовалъ явныхъ іудъ, если только они были нужны для дѣла.

А дома владыка бывалъ даже простъ и наивенъ: онъ шутилъ, танцовалъ съ генералами, сердечно жаловался Евгенію на измѣны Жозефины. На него нерѣдко нападали даже припадки лихорадочной чувствительности, проливалъ слезы по пустякамъ. Онъ глубоко почиталъ свою мать. Подъ конецъ узникъ англичанъ все восклицалъ: „Ахъ, мама Летиція, мама Летиція!“ Тогда же онъ вспоминалъ свою Корсику, радуясь, что врачъ при немъ — землякъ. Особенно нѣженъ былъ Бонапартъ со своими женами и все носился со своимъ сыномъ. Дѣти вообще были его слабостью. Онъ игралъ даже съ дѣтьми своего камердинера Рустана; не было случая, чтобы онъ отказалъ ребенку, подосланному съ просьбой; въ своихъ законахъ онъ прежде всего позаботился о малолѣткахъ. Даже враги называли его „добродушнымъ, сострадательнымъ“ львомъ, а Байронъ сказалъ: „Это — самый властительный, но не самый дурной человѣкъ“. И честь грозному завоевателю, что его всегда любилъ и остался ему вѣренъ такой хорошій человѣкъ, какъ Евгеній Богарнэ!

Такимъ же былъ Наполеонъ-полководецъ. Онъ говорилъ: „Великіе люди никогда не были жестоки безъ нужды... Я долженъ

былъ проливать много крови, безъ гнѣва, просто потому, что кровопусканіе — одно изъ средствъ политической медицины. Я — государственный человѣкъ". И ради дѣла онъ подавлялъ свою врожденную мягкость: онъ бывалъ жестокъ „по необходимости", какъ Вандамъ былъ „страшенъ по долгу".

Не жестока была его дисциплина: она основывалась на обаяніи его имени, на благоговѣніи солдатъ къ его личности. Ему было доступно великодушіе побѣдителя; онъ рыцарски цѣнилъ доблесть во врагѣ. „Вотъ пресловутый вождь разбойниковъ! Обращаться съ нимъ хорошо!" воскликнулъ онъ, увидя плѣннаго Люцова. „Хорошо обращаться съ этими молодцами!" сказалъ онъ о силезцахъ, отказавшихся выдать зарытое знамя. Подъ Аустерлицомъ Наполеонъ съ великимъ трудомъ спасъ изъ болота русскаго унтеръ-офицера. И трое сутокъ мучился онъ прежде, чѣмъ приказалъ въ Египтѣ разстрѣлять турокъ, обезглавившихъ его парламентера, какъ требовали того обстоятельства и право войны. Онъ даже далъ Почетнаго Легіона тому единственному кавалеристу, который сопровождалъ герцога Ангулемскаго, когда тотъ бѣжалъ, покинутый своей арміей, передавшейся своему возвратившемуся императору

Замѣчательна та участливость, съ которою относился Наполеонъ къ своимъ собственнымъ солдатамъ. Онъ раздѣлялъ съ больными свою пищу и вино, прикрывалъ дрожащихъ въ лихорадкѣ собственной шинелью, не тревожилъ заснувшаго у его печки юношу-барабанщика. Онъ срывалъ крестъ съ себя, чтобъ наградить храбреца на мѣстѣ подвига, и называлъ его по имени, а иногда тутъ же производилъ безграмотнаго въ офицеры, по съ отставкой. Стали эпическими — его прогулка по бивуакамъ передъ Аустерлицомъ, когда онъ ѣлъ, шутилъ съ солдатами, трепалъ ихъ по щекамъ, дергалъ за уши.

Это отражалось и на французскихъ офицерахъ, нерѣдко мягкихъ и честныхъ, и на солдатахъ, которые славились своимъ добродушіемъ и порой сами спасали побѣжденныхъ отъ смерти. Тѣмъ не менѣе, въ Наполеонѣ, который нерѣдко подставлялъ собственную грудь пулямъ, развилось равнодушіе къ жизни людей.

Онъ видѣлъ въ войнѣ такой же удѣлъ человѣка, какъ трудъ, и считалъ битвы орудіемъ исторіи. Онъ понималъ, что безъ нихъ немыслимы ни его положеніе, ни самое существованіе Франціи. И съ своими наперсниками онъ бывалъ суровъ лишь по расчету: „Нѣтъ генерала, — говорилъ онъ, который не признавалъ бы за собою такихъ же правъ, какъ и мои. Я долженъ быть поэтому строгъ съ этими людьми“.

И за Бонапартомъ было полное право считать себя кровавымъ Провидѣніемъ: „Я какъ бы призванъ воевать безпрерывно“, говорилъ геній побѣдъ. Какъ чарующій пѣвецъ или ораторъ не могутъ жить безъ сцены и трибуны, такъ онъ не могъ обойтись безъ войны, этого своего вѣрнаго источника славы и власти. Оттого во всѣхъ его мирахъ были загвоздки для ихъ нарушенія. Оттого передъ русскимъ походомъ, когда уже два года не было войны, онъ скучалъ, томился, раздражался, всячески придирался къ Александру I, чтобы только поскорѣе сразиться съ нимъ, вопреки предостереженіямъ своихъ наперсниковъ.

Наполеонъ вообще стоялъ наравнѣ съ славными полководцами, но превосходилъ ихъ безумствомъ отваги, силой самоувѣренности, блескомъ находчивости, изяществомъ игры. Его походы и многія битвы — перлы поэзіи войны. Ихъ сила въ ошеломляющемъ натискѣ, который истекалъ изъ духа революціи и изъ характера націи. Ко всей его жизни подходила фраза, вырвавшаяся у Цезаря лишь послѣ одной битвы: „Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“. То было какъ бы обаяніе удава. При одномъ появленіи Наполеона солдаты становились непобѣдимыми, и пораженіе превращалось въ побѣду надъ оторопѣвшимъ врагомъ.

Обаяніе генія войны особенно чувствуется въ періодъ паденія императора. Когда замерзающій Наполеонъ отступалъ къ Смоленску, Кутузовъ съ своею свѣжей арміей шелъ бокъ о бокъ съ нимъ, не смѣя нападать, и подъ Краснымъ оказалось, что нельзя трогать безнаказанно даже умирающаго льва. Когда уже опытные и оправившіеся союзники весело добивали его маршаловъ подъ Дрезденомъ, у нихъ вдругъ опустились руки: „Императоръ въ Дрезденѣ!“ воскликнулъ ошеломленный Шварценбергъ. И затѣмъ

шестая коалиція избѣгала битвъ съ полумертвымъ гигантомъ: она предлагала ему еще Бельгію и лѣвый берегъ Рейна! Прощальную кампанію 1814 года сами поносители Наполеона считаютъ такимъ же перломъ военнаго искусства, какъ и начало его славы — итальянскій походъ. Дѣло было проиграно заранѣе, но боецъ дрался артистически, изъ любви къ искусству. Одинъ противъ десяти, онъ бросался всюду, какъ левъ въ клѣткѣ, и чудо: его армійка „обходила“ тучи союзниковъ и била ихъ въ одиночку, какъ игрушки.

У Наполеона все подчинялось войнѣ. Ея главное орудіе, дипломатія, была его второю силой и страстью. Иногда не знаешь, кого поставить выше — Наполеона-полководца, или Наполеона-политика. Первый нерѣдко стушевывается передъ вторымъ, въ глазахъ историка, и служитъ ему лишь орудіемъ: это лучше всего доказываетъ битва у Маренго. Дипломатія зачастую играла роль козырного туза въ рукахъ этого великаго шулера. Конечно, онъ понималъ ее, какъ всѣ тогда, — въ смыслѣ голаго макіавеллизма. Наполеонъ серьезно сказалъ про начинающаго Меттерниха: „Это — уже почти государственный человѣкъ: онъ отлично лжетъ“. И геніемъ международнаго обмана сталъ полководецъ, устроившій то знаменитое шпіонство, которое не только раскрывало всѣ тайны враговъ, но и прямо приводило ихъ въ его западни. У Наполеона шпіонили даже за шпіонами. Были соглядатаи и при его братцахъ-корольхъ: недавно напечатаны замѣчательные наказы императора этимъ „ministres de famille“ при Люи и Жеромѣ. Владыка выработалъ отличныхъ чиновниковъ и изъ своихъ пословъ: они прилагали при своихъ депешахъ еженедѣльные „бюллетени“, полные сплетенъ, слуховъ, анекдотовъ и проч.

Наполеонъ и здѣсь дѣйствовалъ какъ на войнѣ: окружить жертву шпіонами, подкупить, опутать браками, которые онъ любилъ устраивать, сбить съ толку, запугать, оборвать или же внезапно приласкать, обольстить дипломатовъ, царедворцевъ, самихъ министровъ, — на это онъ былъ великій мастеръ. Сегодня онъ говорилъ: „Нечего бояться французской революціи: тронъ Бурбоновъ занимаетъ солдатъ, разрушившій республики“. Завтра

грозилъ гибелью „глупымъ монархамъ“. Онъ то льстилъ всѣмъ партіямъ, то распекалъ всѣхъ, какъ 18-го брюмера: даже въ его офиціальныхъ бумагахъ то голосъ сирены, то рычаніе льва или цезарьское „quos ego!“ (вотъ я васъ!). И все кстати.

У него всегда были козыри въ рукахъ — короли и земли на случай „всеобщаго замиренія“. Онъ обѣщалъ что угодно, а исполнялъ только то, что было выгодно ему. Перемиріе было у него ловушкой, чтобы выиграть время или обойти врага. Если онъ уступалъ что-нибудь при мирѣ, то съ заднею мыслью потомъ отнять еще больше или перессорить враговъ, затянуть ихъ въ свои сѣти.

Особенно артистически велась игра съ Россіей. Всѣ были поражены ловкостью, съ которой были обойдены сначала Павелъ I, потомъ Александръ I, съ помощью цѣлыхъ дневниковъ французскихъ агентовъ о тайнахъ русскаго двора и арміи. Истинный перлъ макіавеллизма — депеши 1810—1812 годовъ. Французскому посланнику писали изъ Парижа: „Показывайте видъ, что ничего не знаете о движеніи нашихъ войскъ; потомъ не вѣрьте; потомъ объясняйте разными предлогами. Вы должны такъ соображать свои слова, чтобы выиграть время: каждый день говорите разное; признавайтесь только тогда, когда депешами докажутъ вамъ, что уже знаютъ. Когда наши войска двинутся уже за Одеръ, и въ Петербургѣ узнаютъ объ этомъ, посовѣтуйте послать имъ предложеніе остановиться: вы-де увѣрены въ миролюбіи вашего императора. Затѣмъ предложите переговоры между Одеромъ и Нѣманомъ“.

Такимъ же дипломатомъ-полководцемъ былъ Наполеонъ и во внутреннихъ дѣлахъ. Начиная со всѣхъ мелочей 18-го брюмера, лицемѣріе всюду сопутствовало человѣку, который уже въ юности представлялся дядѣ Фешу „маэстромъ лжи“. Талейранъ говоритъ: „Этотъ удивительный человѣкъ обманывалъ на каждомъ шагу. Даже его истинная страсть ускользаетъ отъ вашего вниманія: онъ находитъ возможность представляться даже тогда, когда она обуреваетъ его“. Наполеонъ руководился словами Макіавелля, что съ друзьями нужно обходиться, какъ съ будущими врагами. Онъ обманывалъ свой народъ, своихъ родныхъ и наперсниковъ,

доходя до того, что ставилъ лживыя числа на своихъ письмахъ. У него кавалеры Почетнаго Легіона присягали защищать „свое правительство“, а также „свободу и равенство“. Его „документы“ офиціальная ложь, во главѣ которой стоялъ „Монитёръ“. По его приказу, при проходѣ войскъ полиція подстраивала овацiи, празднества, пѣсни о славѣ и побѣдахъ. Онъ вдохновлялъ газеты и книги столицы, адресы, рѣчи и стихи провинціи, собственноручно создавая „общественное мнѣніе“.

Даже художники рисовали такія же, какъ его боевые „бюллетени“, сказочныя картины, гдѣ герой переходилъ С.-Бернаръ на горячемъ конѣ, среди снѣжнаго вихря, а онъ тащился на ослѣ, въ прелестную погоду. И въ его запискахъ не мало такихъ сказокъ: Груши погубилъ дѣло подъ Ватерлоо измѣной; московская кампанія проиграна отъ мороза; подъ Бородиномъ французовъ было 90.000 противъ 250.000 русскихъ; на пожарѣ Москвы императоръ опалилъ себѣ волосы, брови, платье и т. д. Но зато великій полководецъ быстро вносилъ порядокъ во внутреннія дѣла. Его администрація была образцомъ вездѣ; гдѣ дѣло не касалось „идеологіи“, она вызывала подражаніе во всей Европѣ. Матеріальные успѣхи, внѣшняя стройность были изумительны, возникая словно изъ ничего. И создавалось прекрасное законодательство, послужившее на пользу и другимъ народамъ.

Такое-то „необыкновенное“ существо стало воплощеніемъ міровой бури: то былъ геній разрушенія, называвшій свою мощь „властью революціи“. Онъ не зналъ никакихъ сдержекъ, выросши въ средѣ, которая сама казалась какимъ-то колоссальнымъ и кровавымъ капризомъ, разбившимъ всѣ рамки старины. „Въ его простонародномъ обращеніи отражалась его революціонная юность“, сказала свободолюбивая аристократка, г-жа Сталь. Выскочка-космополитъ, онъ вступилъ въ жизнь, жаждавшую новизны, цѣлымъ невѣдомымъ міромъ. Онъ прошелъ по ней, скучая „надоѣвшею старой Европой“, и умеръ съ сознаніемъ, что „старая система измѣнилась“.

Наполеонъ до наивности не постигалъ преданій и рутины: „Я думалъ, что люди болѣе развиты!“ воскликнулъ онъ, столкнув-

шись съ преданностью католиковъ папѣ, а испанцевъ и русскихъ—своимъ монархамъ. Раціоналистъ Просвѣщенія и „каналья“ по бѣдности, онъ страстно, до гроба ненавидѣлъ „привилегированныхъ“ ханжествующей, упорной старины. У него даже кавалеры Почетнаго Легіона присягали „всячески бороться противъ попытокъ возстановленія феодализма“; и Англія была, въ его глазахъ, менѣе свободною, чѣмъ Франція, ибо „тамъ — олигархія“. Получивъ власть, Наполеонъ съ особеннымъ усердіемъ истреблялъ вездѣ „олигархіи“. Замѣтивъ намеки на возстановленіе феодализма въ Голландіи, онъ напустился на своего Люи, внушая ему: „Вы забываете основу вашей короны—равенство всѣхъ классовъ!“

Въ юности онъ написалъ „Параллель между Аполлоніемъ Тіанскимъ и Іисусомъ Христомъ“ въ пользу перваго; императоромъ онъ называлъ папу „старою лисой“, кардиналовъ — „безмозглыми пустомелями“, клиръ — „поповщиной“ и приказывалъ солдатамъ почитать муфтіевъ и раввиновъ. Нужно читать его военные бюллетени, „Монитёръ“, въ особенности же его переписку, чтобы видѣть, съ какимъ наслажденіемъ шельмовалъ геніальный выскочка старый порядокъ, съ жалкими Гогенцоллерномъ, Габсбургомъ и испанскимъ Бурбономъ во главѣ. Съ какимъ наслажденіемъ воскликнулъ онъ послѣ Аустерлица: „Александръ высокомѣренъ, окруженъ глупцами: я проучилъ его!“ Съ какимъ злорадствомъ пролетарія сказалъ онъ о привезенномъ въ Парижъ на посмѣшище царственномъ недоноскѣ, испанскомъ инфантѣ, который скакалъ на плечи царедворцамъ, игралъ въ прятки и дрожалъ при видѣ коня: „Нужно показать, какъ дѣлаютъ королей, чтобы у другихъ отпала охота становиться ими“.

Въ 1807 г. императоръ далъ такой наказъ новому вестфальскому королю, своему брату Жерому: „Вашъ народъ долженъ пользоваться свободой, равенствомъ, благополучіемъ, которыя неизвѣстны нѣмцамъ. Либеральныя учрежденія лучше величайшихъ побѣдъ укрѣпятъ и расширятъ вашу монархію и лучше крѣпостей оградятъ ее отъ Пруссіи. Какой народъ захочетъ возвратиться къ произвольному прусскому правленію, вкусивъ благодѣяній мудраго и либеральнаго правительства? Народы Германіи, Фран-

ціи, Италіи, Испаніи жаждутъ равенства и либеральныхъ идей. Будьте же конституціоннымъ королемъ!“ На Эльбѣ Наполеонъ сожалѣлъ, что остановился на „полумѣрахъ“. Во время Ста Дней онъ мечталъ довершить разгромъ стараго Содома въ Европѣ.

А на о. Еленѣ, узнавъ объ ужасахъ реставраціи, онъ вдохновенно заговорилъ о необходимости революціи, о величіи основъ 1789 г., о своей роли ихъ проповѣдника, за что вспомянутъ его народы, эти „непримиримые враги королей“, ищущіе своихъ попранныхъ правъ. Онъ пророчилъ съ тоской: „Безъ меня не пройдетъ десяти лѣтъ—и вся Европа обратится въ казака“. Передъ смертью онъ скорбѣлъ, что угнетенный обстоятельствами, упрямствомъ „глупыхъ королей“, онъ не успѣлъ дать французамъ ту „свободу“, которую такъ любилъ всегда. Онъ горячо завѣщалъ окружающимъ либеральныя убѣжденія.

Чѣмъ крупнѣе личность, тѣмъ больше въ ней вопіющихъ противорѣчій. Не будемъ говорить о самомъ роковомъ контрастѣ, имѣющемъ міровое значеніе—о миролюбіи и свободолюбіи Наполеона, съ одной стороны, объ его воинственности и цезаризмѣ—съ другой. Но легко привести много примѣровъ болѣе мелкихъ противорѣчій и во всѣхъ областяхъ жизни. Наполеонъ возстановлялъ католицизмъ во Франціи и держалъ папу въ плѣну: онъ сегодня обращалъ Пантеонъ въ церковь, какъ было до революціи, завтра ставилъ памятники Вольтеру и д'Аламберу; онъ запретилъ одной разводкѣ доступъ ко двору, а самъ развелся съ Жозефиной; онъ ненавидѣлъ англичанъ и отдался имъ; онъ даже не разъ въ битвахъ поступалъ вопреки своей тактикѣ. Наконецъ въ его сочиненіяхъ, рѣчахъ, газетныхъ заявленіяхъ—риторика и гаскопада, фанфаронство, а въ дѣловыхъ письмахъ—простота, живая сила, мѣткость, большой умъ.

И вездѣ два человѣка—мечтатель и тонкій практикъ, геній и шарлатанъ. „Отъ торжества до паденія—одинъ шагъ“, говаривалъ самъ Наполеонъ. „Отъ великаго до смѣшного — одинъ шагъ“, эти слова Талейрана объ испанскомъ походѣ примѣняются ко всему Наполеону. Его недостатки такъ крупны и обильны, что историки, которые видятъ въ судьбахъ человѣчества „комедію“

личнаго произвола и подходятъ къ ихъ „виновникамъ“ съ подозрительностью повѣтчиковъ или съ развязностью лакеевъ, подвергаются соблазну признать „его шутомъ Скапеномъ“ (Мишлэ). „Роковому человѣку“ недоставало человѣческаго достоинства.

Даже по внѣшности то была геніальная чарующая голова древняго римлянина, но посаженная котломъ на тщедушной, нескладной фигуркѣ капрала, съ длинными руками и короткими ножками, которую трепали карикатуристы, особенно когда она растолстѣла. Фигурка имѣла видъ оброшенности, хотя ея грязнота—сказка: у всѣхъ Бонапартовъ, напротивъ, была наслѣдственная „страсть къ водѣ“. Дамы рисуютъ намъ черты то растрепаннаго генія, то неотесаннаго солдата. Вотъ портретъ консула, набросанный г-жою Ремюза, фрейлиной Жозефины, которая ближе всѣхъ знала его.

„Бонапартъ небольшого роста, несоразмѣрнаго сложенія: слишкомъ длинное туловище поглощаетъ остальное тѣло. Это—шатенъ, съ рѣдкими волосами и сѣровато-голубыми глазами. Цвѣтъ лица, сначала желтый, сталъ, когда онъ пополнѣлъ, матово-блѣднымъ, безъ всякаго оттѣнка. Очертанія лба, оправка глазъ, линія носа прелестны: это—античный медальонъ. Держится онъ, немного подавшись впередъ. Его обыкновенно тусклый взглядъ придаетъ его лицу, когда онъ покоенъ, меланхолическое, задумчивое выраженіе; но когда онъ гнѣвается, взоръ вдругъ становится свирѣпымъ, грознымъ. Къ нему очень идетъ улыбка: она обезоруживаетъ, молодитъ всю его особу; она такъ краситъ и измѣняетъ его лицо, что трудно не подчиниться ей. Одѣвался онъ всегда очень просто,—въ одинъ изъ мундировъ своей гвардіи. Все у него было до того порывисто, что платье никогда не могло сидѣть на немъ хорошо: въ дни парадовъ лакеи сговаривались, какъ бы уловить моментъ, чтобы оправить его. Онъ не умѣлъ носить никакихъ украшеній“.

У великаго человѣка не было великодушія. Холодный разсудокъ вскорѣ поглотилъ проблески другихъ качествъ: все стало у него средствомъ или цѣлью; все хорошее само по себѣ сдѣлалось смѣшнымъ. Наполеонъ сталъ „лабиринтомъ, гдѣ Аріадниной нитью былъ эгоизмъ“, по словамъ г-жи Сталь. Уже мальчикомъ онъ

былъ волчонкомъ. Въ юности дружба и любезность служили ему такимъ же средствомъ обращать людей въ свои орудія, какъ потомъ фразы о любви къ народамъ и о гражданскомъ благѣ. Сказавъ объ обольстительности Наполеона, италіанскій шпіонъ прибавляетъ: „Затѣмъ выступаетъ оборотная сторона медали: оказавъ кому-нибудь услугу, онъ требуетъ отъ него полнѣйшаго подчиненія, или же становится его непримиримымъ врагомъ“. Въ 26—29 лѣтъ, отправляясь въ Испанію, Наполеонъ просилъ „газетниковъ“ писать о немъ, и только о немъ, а тамъ онъ уже грабилъ страну, удивлялся, отчего Мармонъ не взялъ себѣ малую толику изъ несмѣтной полковой суммы и училъ совѣстливыхъ людей: „Ваша совѣсть—дура! Не впадайте въ эту романтическую филантропію XVIII вѣка! Повѣрьте, на этомъ свѣтѣ нужно держаться одного — пріобрѣтать возможно больше денегъ и власти: все остальное—химера“.

Уже тутъ передъ нами—султанъ, который утопаетъ въ роскоши византійской обрядности и производитъ кровавыя аттаки для потѣхи своихъ одалисокъ. А затѣмъ верхомъ наслажденія для него стали такія сцены, какъ въ Эрфуртѣ и Дрезденѣ, гдѣ, передъ русскимъ походомъ, среди полумилліона солдатъ и $1^1/_2$ тысячи пушекъ, императоръ Германіи, короли и князья стушевывались въ подобострастной свитѣ его генераловъ. А послѣ Дрездена онъ крикнулъ дипломатамъ, кладя руку на эфесъ шпаги: „Вотъ мое послѣднее слово!“ Для поклонниковъ „силы, предшествующей праву“, можетъ служить цѣлою теоріей слѣдующее письмо Наполеона Жозефу, когда тотъ сталъ королемъ Испаніи: „Не надѣйтесь слабостью, добротой привлечь сердца. Люди низки: они пресмыкаются и служатъ одной силѣ. Заставляйте только бояться и уважать себя!.. Вы слишкомъ якшаетесь съ писателями и учеными. А это — кокетки, съ которыми слѣдуетъ только любезничать, вовсе не разсчитывая выбирать себѣ изъ нихъ жену или министра“. Немудрено, что изъ всѣхъ своихъ враговъ владыка ненавидѣлъ больше всего Англію, папу и г-жу Сталь,— этихъ представителей нравственныхъ силъ — свободы, религіи и просвѣщенія.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Наполеонъ оправдывалъ слова Констана: „Все, что было у него республиканскаго, отзывалось терроризмомъ, а что было монархическаго, отзывалось тиранiей!“ Онъ становился рѣзокъ, невыносимъ, малодушенъ. Очевидецъ говоритъ: „Онъ видѣлъ свое достоинство въ рѣзкости, считалъ свой гнѣвъ справедливостью, а свою дерзость — правдой“. Убѣжденiя превращались въ немъ въ самомнѣнiе, воля — въ самодурство, отвага — въ самонадѣянность, энергiя — въ нахальство. „Капральчикъ“ сталъ злиться и капризничать, завидовать, мстить беззащитнымъ, насмѣхаться надъ страданiями своихъ жертвъ. Какъ безпощадный молотъ, сокрушалъ онъ соперниковъ, приписывая себѣ ихъ заслуги: отнявши у Моро славу Маренго, онъ злился, что не могъ лишить его чести Гогенлиндена. Онъ не только душилъ, но чернилъ и унижалъ врага, молившаго о пощадѣ, грубо задѣвалъ за живое сильныхъ, зажималъ ротъ умнымъ и правдивымъ, не щадилъ родныхъ: „Вы должны ждать моихъ приказанiй даже для того, чтобы побѣлить потолокъ въ вашей спальнѣ“, писалъ владыка Евгенiю Богарнэ.

Бонапартъ презиралъ всѣхъ, начиная съ французовъ, этихъ одолѣваемыхъ „слабостью къ славѣ и роскоши нервныхъ машинъ“, для которыхъ онъ былъ „роковымъ иностранцемъ“. Онъ просто не постигалъ, какъ могли противиться ему даже цѣлые народы, короли, чуть не сама природа. Онъ говоритъ: „Чистое слабоуміе — думать, что можно бороться со мной!“ Онъ называлъ Францiю своей „любовницей“, и въ такую опасную минуту, какъ передъ Фридландомъ, мечталъ о мiродержавiи. Кровными обидами были такiя его бумаги, какъ отвѣтъ Александру I на выговоръ по поводу убiйства герцога Ангьенскаго, или письма своимъ братьямъ-королямъ, заступавшимся за своихъ ограбленныхъ подданныхъ.

Въ день своего коронованiя властитель сказалъ своему министру: „Да, мое поприще блестяще; я прошелъ прекрасный путь. Но какая разница съ древними временами! Возьмите только Александра Великаго. Завоевавши Азiю, онъ объявилъ себя сыномъ Юпитера: и весь Востокъ, за исключенiемъ его матери Олимпiи, Аристотеля да нѣкоторыхъ аонiскихъ педантовъ, увѣровали въ

это. Ну, а объяви я теперь себя сыномъ Божіимъ! Нѣтъ такой рыбачки, которая не освистала бы меня. О, народы черезчуръ просвѣтились! Ужъ нельзя совершить ничего великаго". Но завоеватель разыгрывалъ роль земного Провидѣнія: „Я далъ ему славу!" говорилъ онъ про угодившаго ему человѣка, уже осыпавшаго деньгами и всякими почестями. Отдыхая въ Фонтенебло послѣ Ваграма, побѣдитель мечталъ: „Моя гвардія въ Зальцбургѣ! Скоро она будетъ здѣсь. Ясно: Европа довольно маленькая страна. Но я нечестолюбивъ. Только обстоятельства заставили меня сдѣлать то, что я сдѣлалъ. Я только набросалъ очеркъ моего великаго творенія. Но еще успѣю окончить его: я проживу 80 лѣтъ". А на Эльбѣ онъ воскликнулъ: „Моя слава установлена; мое имя будетъ жить столько же, сколько имя Бога!" Въ воображеніи народовъ, припомнившихъ его рѣчь солдатамъ съ высоты Альпъ, онъ сохранился въ образѣ того сатаны, который указывалъ на „свои царства" долу.

Такъ выработался совершенный типъ военнаго величія. Передъ походомъ въ Россію Наполеонъ сказалъ министру Шампаньи: „Воевать и мнѣ самому невыгодно, опасно".—„Ну, такъ не нужно больше воевать!" возразилъ тотъ. „Да,—отвѣчалъ императоръ,—но какъ содержать мою армію? А она мнѣ нужна". Онъ пояснялъ брату Жозефу: „Побѣда дастъ мнѣ возможность дѣлать все, что ни захочу". И его царствованіе стало блестящимъ воскрешеніемъ цезаризма.

Наполеонъ не любилъ многоидейной Эллады, съ ея пестротой племенъ и маленькихъ республикъ: его идеаломъ была Римская имперія, съ ея легіонами и властелинами, съ ея міродержавіемъ, централизаціей и космополитизмомъ. У него вездѣ были „когорты, легіоны, трибуны, консулы, сенаторы и тріумфы". Онъ самъ себя называлъ „римскимъ Цезаремъ"; его наслѣдникъ титуловался „римскимъ королемъ"; передъ битвой подъ Краснымъ, когда музыка заиграла о „семьѣ", онъ велѣлъ играть объ „имперіи". Онъ завѣщалъ, чтобы кланъ жилъ въ Римѣ и роднился съ мѣстною знатью да между собой; а если бы попалъ въ Америку, то вступалъ бы въ связь только съ Вашингтонами да Джефферсонами.

Этотъ „король-выскочка, мѣщанинъ-дворянинъ на тронѣ сталъ втираться въ семью „глупыхъ монарховъ“, искать брачныхъ связей съ дворами Россіи и Австріи. Этотъ сынъ революціи съ самаго начала щадилъ роялистовъ и преслѣдовалъ республиканцевъ, хотя тѣ составляли заговоры, а эти сидѣли смирно. Затѣмъ онъ сталъ подавлять гражданственность, прибѣгая къ свободѣ лишь въ такой крайности, какъ Сто Дней. Онъ даже началъ цинично проповѣдывать солдатскій взглядъ на исторію. „Это онъ — причина революціи!“—воскликнулъ Бонапартъ про Руссо.—„Впрочемъ, ничего не имѣю противъ этого: тутъ я подобралъ корону, которая валялась на полу“. Когда возникъ вопросъ объ имперіи, и одинъ трибунъ намекнулъ о конституціи, Наполеонъ сказалъ сенаторамъ съ улыбкой: „Свобода, это — хорошій сводъ гражданскихъ законовъ: теперь націи заботятся только о собственности. Впрочемъ, устройте конституцію! И я прямо скажу: принимайте мѣры противъ моей тиранніи,—право, принимайте!“ Одинъ сенаторъ долго внушалъ ему, на свой страхъ, насчетъ „хартіи“. „Вы совершенно правы, но, вѣрьте мнѣ, еще не время“, отвѣчалъ онъ, потрепавъ его по плечу.

Наполеонъ не постигалъ законной оппозиціи. „Къ чему она?—спрашивалъ онъ.—Въ Англіи это—не мятежники: они добиваются только одного, чтобы корона купила ихъ. Трибуны въ Римѣ — другое дѣло; да и тамъ они принесли больше вреда, чѣмъ пользы. А у насъ нѣтъ патриціевъ: не нужны и трибуны. Учредительное собраніе было право, отодвинувъ короля на второй планъ: онъ былъ представителемъ феодализма. А нынѣшнее правительство—представитель народа. У насъ оппозиція—или старые привилегированные или якобинцы“. Въ глазахъ Наполеона парламентская опека была личною обидою: онъ называлъ своихъ трибуновъ уличными „собаками“ и злился, отчего они не приходили къ нему въ кабинетъ для возраженій „по-семейному“. Когда одинъ изъ нихъ, Женгенэ, горячо напалъ на него, онъ сказалъ сенаторамъ: „Женгенэ лягнулъ насъ, какъ оселъ! Ихъ тамъ штукъ 12—15,—этихъ метафизиковъ, которыхъ слѣдуетъ пустить въ воду. Это—мелкія насѣкомыя въ моемъ платьѣ, но я не позволю нападать на себя,

какъ Людовикъ XVI! Нѣтъ, я не потерплю этого! Нужно показать, что здѣсь чувствуютъ обиды, не желаютъ переносить ихъ".

Цезарскій взглядъ на народное представительство съ полною безцеремонностью высказался въ словахъ Наполеона, по возвращеніи изъ Россіи, по поводу заговора Малэ: „Всѣ бѣдствія Франціи—въ идеологіи, въ этой туманной метафизикѣ, которая хочетъ основать законодательство народовъ на первопричинахъ, изыскиваемыхъ ею съ утонченностью. Это она создала правленіе кровопійцъ! Она разрушила святость и почитаніе законовъ, подчинивъ ихъ лишь волѣ собранія, которому чуждо познаніе всякихъ законовъ!" Суды стали въ глазахъ вопша, послѣ адской машины, также „юридическою метафизикой": „Нужна месть, — быстрая, страшная месть!" кричалъ онъ, и не только сохранилъ смертную казнь, но и возстановилъ клеймо,—эту неизгладимую печать позора, которую конвентъ призналъ безнравственной.

Печать была такъ рекомендована Александру I въ Тильзитѣ: „Увѣряю васъ, что впредь не встрѣтится слова, которое сколько-нибудь задѣло бы васъ; хотя печать у меня довольно свободна, однако, полиція имѣетъ разумное вліяніе на газеты". А религію онъ понималъ такъ: „Съ моими префектами, жандармами и попами сдѣлаю все, чего ни пожелаю". Принуждая папу къ конкордату, первый консулъ воскликнулъ: „Берегитесь! Сдѣлаюсь протестантомъ, а за мной вся Франція перейдетъ въ лютеранство!" Кодексомъ политической нравственности служили Наполеону Макіавелль, Лойола и Торквемада. Онъ игралъ народами и монархами, какъ пѣшками, и никогда не чувствовалъ ни раскаянія ни сознанія ошибки. Владыка изумлялся безумію и дерзости всего свѣта, осудившаго его за убійство герцога Ангьенскаго! Даже готовый на все Савари сказалъ, потирая лобъ: „Иногда трудно служить императору", когда тотъ велѣлъ ему изготовить адскую машину для возвращающихся Бурбоновъ.

Народы казались полководцу вымуштрованными арміями: въ Байоннѣ онъ думалъ игрой съ испанскими монархами заставить всю пиренейскую націю маршировать за собой. Также относился онъ къ соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ. Узнавъ о же-

стокой бѣдности въ Парижѣ, онъ крикнулъ: „Въ одинъ мѣсяцъ искоренить нищенство!“—и явился указъ о „депо нищихъ“. Другой указъ долженъ былъ, посредствомъ запрета англійскихъ товаровъ на материкѣ, мгновенно истребить вѣковую торговлю Великобританіи и однимъ махомъ создать французскую промышленность. Когда, при неудачахъ въ Испаніи, рента повалилась, Наполеонъ повелѣлъ ей остановиться на 80 фр.: онъ приказалъ скупать ее въ казну до этой цифры и уложилъ 30 милліоновъ на эту отчаянную игру, разрѣшивъ министрамъ истратить, если понадобится, еще столько же. А когда лопнувшіе биржевики, игравшіе на пониженіи, смирились, побѣдитель далъ имъ частью мѣста, частью денежную помощь.

Еще ярче, мелочнѣе, невыносимѣе были эти недостатки, перенесенные въ частную жизнь. „Я — не то, что другіе: законы нравственности и приличія созданы не для меня“, говорилъ сверхъ-человѣкъ. Его собственное колоссальное „я“ было закономъ всего для всѣхъ. Самъ онъ былъ свободенъ даже отъ привязанностей, которыхъ не признавалъ и въ другихъ. Его попечительность о родныхъ—черта выскочки и пережитокъ родового быта на Корсикѣ: онъ почиталъ, какъ отца, „великаго брата“, Жозефа. Да и она блѣднѣла съ годами: никого владыка не мучилъ больше, чѣмъ своихъ же братьевъ, распоряжаясь ими, какъ лакеями, даже въ ихъ сердечныхъ дѣлахъ. Тяжелѣе было положеніе развѣ только самаго близкаго къ нему существа—осторожной, сдержанной Жозефины: онъ пилилъ ее за то, что она питала чувства самосохраненія и собственнаго достоинства, и ревновалъ не только къ мужчинамъ, но и къ рукоплесканіямъ толпы въ свое отсутствіе, а самъ бросилъ подругу самыхъ опасныхъ дней, какъ выжатый лимонъ, когда задумалъ втереться въ семью Габсбурга: онъ довелъ ее до соумышленія съ своими врагами.

Новый Цезарь былъ у себя дома большимъ барином. Воплощенная нервность, онъ вѣчно возился — скакалъ, переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, сидя безъ дѣла, рѣзалъ ручки кресель, исчерчивалъ бумагу карандашомъ, писалъ вздоръ. Скопище болѣзней, онъ мучилъ всѣхъ своей падучей, съ дѣтства гримасничалъ отъ

судорогъ, зябъ до того, что у него топили до іюля, питался почти однимъ цыпленкомъ, который денно и нощно жарился на кухнѣ. Онъ расналялся даже на задѣтый стулъ. „Малѣйшее стѣсненіе было ему нестерпимо; онъ рвалъ, билъ все, что причиняло ему какую-либо непріятность“, замѣчаетъ г-жа Ремюза. „Люблю только покорныхъ“, говорилъ владыка. Но и пѣшки были противны ему: „Я не зналъ бы, что съ ними дѣлать, если бы это не были посредственности по уму и характеру“, говорилъ онъ про своихъ даровитыхъ министровъ, служившихъ ему съ усердіемъ гончихъ собакъ.

Султанъ вѣчно гнѣвался, всѣхъ распекалъ, всѣмъ грозилъ, не исключая посланниковъ, друзей и женщинъ, и никогда не выказывалъ довольства: это значило у него „подстрекать рвеніе“ рабовъ. Онъ удивлялся, что скучаютъ у него на вечерахъ. „По барабану не станешь веселиться“, замѣтилъ про себя Талейранъ. А однажды онъ сказалъ самому своему господину: „Вы словно хотите сказать всѣмъ: милостивые государи и милостивыя государыни, маршъ впередъ!“ На этихъ вечерахъ такъ же, какъ и на „кругахъ“ при аудіенціяхъ, все безмолвствовало, ловя взглядъ барина. Онъ самъ, если раскрывалъ свои уста, то только для повелительныхъ монологовъ. Лишь изрѣдка прорывало ледяную плотину: и тогда лилась горнымъ потокомъ, трещала пышнымъ фейерверкомъ увлекательная гасконада сына юга: ораторъ разжигалъ самъ себя, заносясь въ безконечную высь своихъ фантасмагорій.

Этотъ театральный, хвастливый, лукавый, мишурный, циничный югъ давалъ тонъ всему Тюльери. И первымъ „шарлатаномъ“ (такъ называютъ тамъ фокусниковъ и актеровъ) былъ самъ Наполеонъ. Онъ былъ мастеръ напускать на себя, притворяться, говорить съ каждымъ его языкомъ, даже внезапно мѣнять лицо и голосъ. Особенно удавались ему ужасныя вспышки дѣланаго гнѣва и сцены величія,—эти распеканья пословъ, нотаціи и реприманды монархамъ и націямъ, которые чуть не заранѣе отдавались въ „Монитёръ“. Лицедѣй самъ говорилъ, что умѣетъ сдерживать всякую страсть и даже не мигнуть глазомъ при созданіи величайшихъ замысловъ: „Я — само малодушіе, когда составляю

военный планъ, меня одолѣваетъ волненіе; но я свѣтелъ передъ людьми, какъ рождающая дѣвица“. При своей громадной памяти онъ будто не помнитъ именъ своей дворни. „А, вы, какъ, бишь, васъ?“ трижды спрашивалъ онъ академика Гретри. „Все онъ же, Гретри, государь“, отвѣчалъ ученый.

Наполеонъ даже хвастался коварствомъ и тѣмъ отмѣннымъ шпіонствомъ, которымъ окружилъ свой домъ, приравнивая эти прелести къ военной хитрости. Онъ любилъ разсказывать съ лукавой усмѣшкой, какъ дядя предсказалъ ему міродержавіе, потому что „мальчикъ вѣчно вретъ!“ Де-Прадъ свидѣтельствуетъ: „Императоръ — воплощенная хитрость, подбитая насиліемъ. Но онъ больше цѣнитъ свою хитрость. Для него успѣхъ ничего не значитъ: все дѣло въ томъ, чтобы подцѣпить голубчика“. „Я— тонкая, тонкая штука“, говорилъ онъ мнѣ сто разъ“. Секретарь Бурьенъ замѣчаетъ: „Тяжело было писать подъ его диктовку бюллетени, гдѣ каждое слово — ложь“... А Наполеонъ ободрялъ его: „Другъ мой, вы—простофиля: вы тутъ ничего не понимаете“. Талейранъ предупреждалъ вновь залученнаго эмигранта: „Онъ живо превратитъ васъ въ болвана, какъ всѣхъ насъ“.

А этотъ Талейранъ, съ товарищами Фушэ, Савари, Камбасересомъ, подходили къ нему: даровитые, неусыпные рабы, они были подонками революціи, вѣроломными и алчными себялюбцами, слѣпо исполнявшими политику, гибельныя слѣдствія которой они видѣли своими проницливыми глазами опытныхъ сыщиковъ. И ими былъ недоволенъ баринъ. „Какъ жаль, что такой великій человѣкъ такъ дурно воспитанъ!“ шепталъ Талейранъ, когда Наполеонъ выругалъ его публично, какъ школьника; и онъ подвергся опалѣ въ 1808 г. за добрые совѣты по поводу Испаніи. Доставалось и Фушэ съ его ищейками: они держались только тѣмъ, что лгали въ своихъ доносахъ, показывая громовержцу одинѣ хорошія новости. Такъ же поступали медики. Императоръ злился, если они отвѣчали уклончиво на его обычный вопросъ о больныхъ: „Умретъ или нѣтъ“.

Эстетика была такъ же чужда Наполеону, какъ и этика. Если онъ напѣвалъ среди работъ, то фальшиво, хотя музыка и именно

пѣніе были его любимыми развлеченіями. Не понималъ Бонапартъ и живописи: говорили, что онъ заказываетъ картины по метрамъ То былъ грубый солдатъ и питомецъ патріархальной Корсики, гдѣ и потомъ проживали многіе Бонапарты. Онъ смолоду всюду лѣзъ съ пронырливостью своего отца, пренебрегая не только условностями „свѣта“, но и приличіями благовоспитанности. 24-хъ лѣтъ онъ въ сальной пьескѣ назвалъ себя „циникомъ“. Онъ часто бранился по-солдатски, не стѣсняясь присутствіемъ прекраснаго пола. На женщинъ завоеватель смотрѣлъ очень просто: „Прелюбодѣяніе,— говорилъ онъ, — самая обыденная вещь: это — дѣло канапэ“. И судьба не обдѣлила его незаконнымъ потомствомъ [1])

Одна чувственность привлекала его къ такимъ красавицамъ, какъ креолка Жозефина и полька Валевская. Даже опытныя дамы двора стѣснялись, когда онъ выказывалъ имъ свою „любезность дикаря“: „Отъ его ласкъ—говорили онѣ,—пахнетъ гарнизономъ“. Дома герой былъ султаномъ: его окружали смазливыя буржуазки съ титуломъ „дамъ-докладчикъ“, которыхъ онъ засаживалъ за карты, а самъ пачкалъ ихъ табакомъ, который больше разсыпалъ, чѣмъ нюхалъ, грубо нѣжничалъ и гнѣвался, если онѣ отворачивались или краснѣли. Его женщины не смѣли измѣнять даже взглядомъ, тогда какъ Юпитеру дозволялись всякія шалости: Жозефина обвиняла его въ близости къ роднымъ сестрамъ, а всеобщій голосъ считалъ ея Гортензію его жертвой. Его взглядъ на женщину выразился еще въ комплиментѣ одной писательницѣ: „Не люблю интеллигентныхъ дамъ“. На о. Елены онъ самъ сочинилъ, будто на вопросъ г-жи Сталь: „Какая самая замѣчательная женщина во Франціи?“ отвѣчалъ: „Та, которая больше рожаетъ

---

[1]) Всѣмъ извѣстенъ графъ Александръ Флоріанъ *Валевскій*, министръ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ III; онъ родился въ 1810 г. Но было не мало другихъ плодовъ мимолетныхъ страстишекъ «рокового человѣка». Доподлинно извѣстны слѣдующіе: 1) *Dedienne*, род. въ Ліонѣ, въ 1802 г.; 2) графъ *Léon*, род. въ 1805 г., отъ одной фрейлины, принцессы Каролины; 3) *Гордонъ-Бонапартъ*, родившійся на о. св. Елены отъ одной ключницы, которая потомъ вышла замужъ за министра Гордона; онъ умеръ въ 1886 г. часовщикомъ въ Санъ-Франциско.

дѣтей". И никого онъ такъ не преслѣдовалъ, какъ эту писательницу, служившую ходячимъ по Европѣ опроверженіемъ его солдатскихъ понятій.

Женщины не были избавлены и отъ гарнизонныхъ шутокъ сытаго барина: онъ щипалъ за уши не только угодившихъ ему царедворцевъ, но и своихъ родственницъ-королевъ. Но такія счастливыя минуты выдавались рѣдко. Новый Цезарь томился среди обыденной обстановки, хотя бы и не лишенной значенія. „Невозможно забавить беззабавнаго!" жаловался Талейранъ. Серьезность, даже мрачность были корнями природы Наполеона. Вставалъ онъ всегда разстроенный, печальный: только работа освѣжала его. Улыбка рѣдко скользила по безкровному лицу „рокового человѣка", покрытому оттѣнкомъ грусти: оттого такъ обворожителенъ былъ этотъ лучъ солнца среди вѣчно нависшихъ тучъ. Его тяготилъ избытокъ силъ, эти безконечные чудовищные планы-колоссы. Онъ вѣчно производилъ какой-то математическій анализъ надо всѣмъ: политикъ, по его словамъ, „долженъ взвѣшивать даже собственные недостатки", чтобы и изъ нихъ извлекать пользу. „Я не созданъ для наслажденій", говорилъ онъ.

Г-жа Ремюза такъ дорисовываетъ портретъ грознаго императора: „Онъ восхищался завываніемъ вѣтра, съ восторгомъ говорилъ о ревѣ моря, не разъ даже пытался оправдывать ночные призраки и склонялся къ суевѣрію. Нерѣдко, вечеркомъ, придетъ онъ, бывало, изъ своего кабинета въ гостиную жены, велитъ завѣсить свѣчи бѣлымъ и молчать, а самъ начнетъ разсказывать или слушать о привидѣніяхъ или же заставитъ итальянскихъ артистовъ пѣть тихо, медленно, едва дотрогиваясь до струнъ немногихъ инструментовъ. И онъ погружался въ мечты, а всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ, не шелохнувшись. Обыкновенно онъ становился веселѣе и разговорчивѣе, очнувшись изъ этого забытья, которое приносило ему облегченіе".

Вообще у этого питомца классицизма и революціи, Плутарха и Руссо, совершался переворотъ въ глубинѣ души съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался императоромъ. Равнодушіе къ религіи, туманныя понятія о ней уступали мѣсто какому-то мягкому, терпимому

деизму. Съ другой стороны, въ счастливцѣ развивался фатализмъ корсиканца. Онъ все чаще говорилъ про „фортуну“ и „судьбу“. Когда дядюшка Фешъ, въ самомъ началѣ, вздумалъ предостерегать его отъ его капризовъ, этотъ дальнозоркій даже физически человѣкъ подвелъ его въ ясный полдень къ окну и спросилъ: „Видите вы эту звѣзду? Нѣтъ! Ну, пока я одинъ вижу ее, буду итти своей дорогой—и не потерплю никакихъ замѣчаній“.

Затѣмъ въ императорѣ все явственнѣе обнаруживалась вѣра въ предзнаменованіе и предчувствія: „Мои предчувствія никогда не обманываютъ меня“, замѣчалъ онъ и пускался въ разсказы объ нихъ, о „фатальныхъ“ встрѣчахъ, даже о привидѣніяхъ. Даже въ бюллетеняхъ попадались такія выраженія, какъ объ одномъ убитомъ генералѣ: „пришелъ его часъ“. Наполеонъ вѣрилъ, что Жозефина „приноситъ ему счастье“, чего не оспаривала и его подруга. И онъ сопровождалъ ее къ гадалкѣ Ленорманъ. Вѣра въ свою звѣзду, поддерживаемая увѣренностью въ вѣчной негодности своихъ враговъ, была причиной многихъ промаховъ великаго полководца, особенно при тяжкомъ поворотѣ судьбы въ 1812 г. „Фортуна сердится на насъ“, сказалъ онъ Дюроку. Тогда же онъ велѣлъ жарить изъ орудій въ кавалерію врага, которая стояла внѣ выстрѣловъ, воскликнувъ: „Быть-можетъ, подвернется что-нибудь замѣчательное: вѣдь Моро былъ сраженъ шальнымъ ядромъ!“

Всѣ чудовищные успѣхи не могли успокоить болѣзненнаго титана, который уже въ 1809 г. писалъ Жозефу въ Мадридъ: „Соорудите крѣпость. Ни вы ни я не знаемъ, что будетъ черезъ 3—4 года; вѣка не для насъ“. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше мечтатель въ юности превращался въ задумчиваго, озабоченнаго страдальца. Послѣ покушеній онъ сталъ уединяться. Только на парадахъ въ Тюльери можно было лично подать ему просьбу. Онъ леталъ по городу, окруженный конною гвардіей. Гвардейцы стояли и за кулисами театра, у которыхъ онъ сидѣлъ. Въ Мальмезонѣ (лѣтній дворецъ) патрули сновали по аллеямъ; а когда императоръ возвращался въ Парижъ, полиція обшаривала попутныя улицы. Наполеонъ пересталъ довѣрять даже министрамъ:

юный флигель-адъютантъ передавалъ имъ его повелѣнія. Наконецъ онъ завелъ тайную полицію, съ преданными генералами во главѣ Дюрокъ, Савари, Даву, Жюно и др.): они надзирали и за обыкновенной полиціей и другъ за другомъ.

Такъ, XIX вѣкъ начинался съ воплощенія „эгоизма“, которому служилъ „геній“, какъ выразился Тэнъ. Но это явленіе можно наблюдать во всей его чудовищности лишь съ „начала его конца“, съ 1808 г. Въ 1800 же году оно озарялось тѣми чертами величія и даже человѣчности, которыя составляли тайну обаянія „рокового человѣка“ въ расцвѣтѣ его силъ.

Есть три портрета мастеровъ кисти,—Наполеонъ аркольскій юнопа, Наполеонъ консулъ, Наполеонъ императоръ; въ нихъ схвачена и душа оригинала. Второй изъ нихъ — переходъ отъ перваго къ третьему. Тутъ уже погасъ тотъ идеальный оттѣнокъ мягкой юности, который плѣнялъ всѣхъ въ итальянскомъ походѣ (гл. XI). Передъ нами страдальческое лицо, съ сурово сжатыми губами, съ растрепанными волосами, съ крупными морщинами на лбу, съ огненнымъ взоромъ впалыхъ глазъ, словно пронизывающихъ васъ насквозь. Въ этой странной, молчаливой, по простой фигурѣ есть поэзія грозной силы, мятежнаго вдохновенія, отчаянной рѣшимости, роковой самоувѣренности. Къ нему еще подходитъ описаніе „Цюрихской Газеты“, когда онъ проѣзжалъ Базель въ 1797 г.: „Бонапартъ желтъ, съ крупными морщинами на лбу; онъ утомленъ, кашляетъ, харкаетъ кровью. Огненный взоръ впалыхъ глазъ, кажется, пронизываетъ васъ насквозь. Онъ серьезенъ, но безъ малѣйшей гордости. Одѣтъ совсѣмъ просто. Говоритъ мало, но очень выразительно. Всегда задумчивъ: настоящій герой... У него весьма пріятное лицо. Ничто не ускользаетъ отъ его многозначительнаго взора. Онъ не скажетъ слова, не подумавъ“.

Его задумчивый взглядъ еще согрѣвался плѣнительной улыбкой. Онъ еще предавался поэтическимъ мечтамъ, любилъ Оссіана, полусвѣтъ и тихую музыку, упрекалъ мать за скопидомство и корсиканскій діалектъ. Онъ выказывалъ признательность своимъ воспитателямъ и помощникамъ, уваженіе къ наукѣ и искусству. Онъ еще ходилъ, какъ мать, за своимъ Люи и, какъ юноша,

увлекался своей Жозефиной, даже плакалъ, объявляя ей о разводѣ. По словамъ самой Сталь, „дома у него было какое-то добродушіе“. Геній ада тянулся къ слабымъ, чтобы преклонить свою буйную голову: „Если бы, — говорилъ онъ, — у меня не было немного прелести въ домашней жизни, я былъ бы несчастенъ“.

Надъ 30-лѣтнимъ героемъ сіяла слава культурнаго возрожденія Востока, гдѣ онъ поднялъ феллаха и даже женщину. Ему еще повиновались не изъ одного страха: въ него вѣрили, его готовы были полюбить. Надѣялись, что Бонапартъ положитъ конецъ кровопролитіямъ повсюду, откроетъ эру мира, явитъ свѣту образецъ внутренняго строенія великой націи, расшатанной до корней бурями десятилѣтней революціи.

XX. Новая форма правленія.

Затишье.—Конституція VIII года.—Сіэйсъ и «откармливаемая свинья». «Великая жертва».—Похищенное консульство.—Конституція X года.

Казалось, французы не ошиблись. Консульство — эпоха проявленія лучшихъ сторонъ генія Бонапарта: тогда онъ добился осуществленія идеаловъ революціи, насколько дозволяли обстоятельства и его собственное властолюбіе. Богъ войны превращался въ ангела мира. Онъ даже, казалось, великодушно сходилъ съ своего величаваго, достославнаго поприща: объ знаменитыя арміи, рейнская и итальянская, были предоставлены его доблестнымъ сподвижникамъ — Моро и Массенѣ. Тогда же, съ замиреніемъ вандейцевъ и успокоеніемъ голландцевъ, были сокращены арміи западная и батавская.

Бонапартъ — какъ было заявлено и въ газетахъ — смѣнилъ генеральскій мундиръ на гражданскій сюртукъ. Онъ лично написалъ Георгу III: „Неужели же вѣчно быть войнѣ, уже десять лѣтъ опустошающей четыре части свѣта? Какъ это двѣ просвѣщеннѣйшія націи въ Европѣ, могущественныя больше, чѣмъ нужно для ихъ безопасности и независимости, жертвуютъ благами торговли, внутреннимъ процвѣтаніемъ, семейнымъ счастьемъ идеѣ суетнаго

величія? И не чувствуютъ онѣ, что миръ — вотъ первая потребность и лучшая слава“. Въ томъ же родѣ писалъ Бонапартъ императору Францу; а императору Павлу I онъ послалъ безъ обмѣна до 7.000 русскихъ плѣнныхъ, обмундировавъ ихъ съ иголочки, и предложилъ обложенную англичанами Мальту. Эра мира, казалось, охватывала вселенную. Бонапартъ заключилъ торговый договоръ съ Соединенными Штатами Америки: онъ геніально провидѣлъ въ нихъ мощнаго соперника Англіи.

И Бонапартъ взялся нетерпѣливою, но смѣлою и твердою рукой за богатырскую задачу — другъ создать внутреннее строеніе Франціи, когда кругомъ были одни развалины государства и общества, когда въ умахъ господствовала смута, а въ казнѣ — пустота, когда въ Вандеѣ еще пылалъ мятежъ, а разбитыя войска республики дрожали передъ объединенною гнѣвомъ Европой. Закипѣла работа, которая изумила свѣтъ и вызвала всеобщее подражаніе. Консульство — эпоха *Наполеона-правителя*, законодателя. Тогда-то совершились тѣ великія реформы, которыя соотвѣтствовали битвамъ у Маренго и Гогенлиндена, по широтѣ замысла, по быстротѣ исполненія и по духу цезаризма, но превзошли ихъ по прочности великихъ послѣдствій. Тогда родилась новая Франція, которая и теперь живетъ основами, подведенными Наполеономъ подъ ея внутреннее строеніе. Щупая эти основы, историкъ проститъ Наполеону выраженіе: „Генрихъ IV, это я!“ И задумается онъ надъ его словами: „Чтобы имѣть право пользоваться службой народовъ, нужно, прежде всего, хорошо служить имъ“.

Черты новой Франціи ясны уже въ томъ государственномъ уложеніи, которымъ была установлена новая форма правленія, названная классическимъ именемъ *консульства*, но служившая переходомъ отъ республики къ имперіи.

Эта, четвертая въ эпоху революціи, *конституція VIII года* лишь по формѣ носила еще республиканскій характеръ своего творца, мечтателя „цареубійцы“, Сіэйса. Именно въ ней проглядываетъ господствовавшее тогда у французовъ стремленіе оградить себя отъ всякихъ диктатуръ, какъ красныхъ, такъ и бѣлыхъ, посредствомъ безконечнаго раздѣленія — вѣрнѣе, раздробленія вла-

сти. Но самъ Сіэйсъ былъ уже не прежній великій мужъ, молчаніе котораго Мирабо называлъ „общественнымъ бѣдствіемъ“, теперь Талейранъ называлъ его уже „умомъ болѣе пустымъ, чѣмъ глубокимъ“. Сіэйсъ давно уже молчалъ, безъ вреда для Франціи — потому, что ему нечего было сказать. Сама конституція VIII года была написана, можно сказать, лишь „по Сіэйсу“ [1]).

А главное, Сіэйсъ уже былъ рабомъ Бонапарта. Мы уже приводили его наивное сознаніе послѣ перваго засѣданія консуловъ. Оно было плодомъ первой полученной головомойки. Замѣтивъ, что „его философъ“ высиживаетъ „метафизику“, т.-е. хлопочетъ объ ограниченіи власти перваго консула, Наполеонъ прикрикнулъ: „Кто, по-вашему, эта низкая тварь, которая согласится на такое обезьянство?“ А Лафайету онъ сказалъ: „Видите ли! Сіэйсъ вездѣ понаставилъ одинъ тѣни. Нужно же было ввести сколько-нибудь сущности: и, ей-ей, я ввелъ ее“. Онъ самъ, въ своей гостиной, продиктовалъ поправки, изуродовавшія первоначальную конституцію VIII года. А Сіэйсъ получилъ хорошее помѣстье. И когда онъ скончался, лѣтъ 37 спустя, всѣ спрашивали: „Да развѣ онъ теперь только умеръ?“

То же произошло съ третьимъ товарищемъ по консульству — съ Дюко. Исполнилось предвѣщаніе одной пріятельницы Жозефины: „Щука сожретъ двухъ рыбокъ“.

Въ конституціи VIII года уже не было и помину ни объ Объявленіи Правъ, ни о свободѣ печати и сходокъ, ни о прошеніяхъ скопомъ. У „державнаго“ народа почти отнималось даже избирательное право: онъ избиралъ только „именитости“ (notabilités) — общинную, департаментскую и національную — которыя составляли $^1/_{10}$ всѣхъ избирателей. Уже изъ именитостей выходили всѣ власти, но онѣ назначались частью первымъ консуломъ, частью его покорнымъ сенатомъ: только присягали они конституціи [2]). Нація утрачивала даже тѣ слѣды мѣстнаго самоупра-

---

[1]) Ее набросалъ Boulay de la Meurthe.

[2]) Присяги мѣнялись во время революціи даже чаще конституцій, и въ нихъ выражались злобы дня. Вотъ онѣ: Въ 1791 году: «Клянусь быть вѣрнымъ націи, закону и королю и всѣми силами сохранять конституцію

вленія, которыми пользовалась предъ революціей. Это означало, по Сіэйсу, пирамиду, въ основаніи которой лежало „довѣріе“, а на вершинѣ — „власть“.

Высшее проявленіе власти, законодательство, совсѣмъ ускользало изъ рукъ народа и представляло верхъ путаницы, столь выгодной для диктатуры [1]). Премудрый Сіэйсъ разбилъ ее по вопросамъ, словно книгу по главамъ. *Государственному совѣту*, органу правительства, предоставлялась „апологія“ (восхваленіе. т.-е. починъ) законовъ, *трибунату* (100 членовъ) — „критика“, *законодательному корпусу* (300 человѣкъ) — „судъ“ надъ ними, — судъ молчаливый, тайнымъ голосованіемъ. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ засѣданія должны были происходить при закрытыхъ дверяхъ, и обнародованіе ихъ работъ зависѣло отъ воли правительства.

Выше стоялъ еще *сенатъ* (80 членовъ), какъ „національный великій судъ присяжныхъ“ и „охранитель“ конституціи. Это былъ своего рода кассаціонный судъ въ политикѣ и архи-избиратель. Онъ имѣлъ право запрета (veto), т.-е. отмѣнялъ законы, впрочемъ, лишь по предложенію правительства или трибуната, а также избиралъ консуловъ, трибуновъ, законодателей и высшихъ судей. Сенаторы были пожизненны и безсмѣнны; ихъ назначали сначала консулы, потомъ они пополнялись сами. Члены всѣхъ четырехъ

королевства, изданную національною учредительницей». Въ 1792 г. было прибавлено: «Клянусь сохранять свободу и равенство или умереть, защищая ихъ». Въ 1797 году клялись «ненавидѣть королевскую власть и анархію, а сохранять вѣрность и приверженность къ республикѣ и конституціи III года». Въ 1799 году: «Клянусь быть вѣрнымъ республикѣ и конституціи III года и всѣми силами противиться возстановленію во Франціи королевской власти и всякаго рода тираній». Въ 1800-мъ году: «Обѣщаю быть вѣрнымъ конституціи». Наконецъ въ 1804 году: «Клянусь повиноваться учрежденіямъ имперіи и сохранять вѣрность императору».

[1]) Тутъ, напримѣръ, одинъ отдѣлъ о составленіи списковъ мудреныхъ именитостей состоялъ изъ 124 статей! Вся эта неуклюжая конституціонная механика до того запутана, что такой знатокъ дѣла, какъ *Минье* (Mignet), составилъ, для ея уразумѣнія, особый чертежъ. Желающіе найдутъ его въ его „Histoire de la Revolution française“, переведенной и на русскій языкъ.

учрежденій получали очень крупные оклады и пользовались великими почестями.

Исполнительная власть вручалась тремъ консуламъ, которые назначались на 10 лѣтъ и могли быть вновь избираемы. На первый разъ сама конституція назначила первымъ консуломъ Бонапарта, а его товарищами — даже не Сіэйса, котораго устранили, а такія ничтожества, какъ бывшій царедворецъ и секретарь канцлера Людовика XVI, 60-лѣтній финансистъ Лебренъ, да „царе-убійца“, проводившій въ конвентѣ коммунистическія мѣры, Камбасересъ. Послѣдній былъ извѣстный законовѣдъ, но готовый на все карьеристъ, умѣвшій придавать важный видъ всякимъ низостямъ: Наполеонъ далъ ему потомъ домикъ, приносившій около полумилліона фр. дохода.

Эти господа заботились только объ удовлетвореніи своего тщеславія и алчности, тогда какъ Бонапарту досталась власть. Онъ получалъ полмилліона фр. въ годъ. Онъ обнародывалъ законы, назначалъ и увольнялъ „по своей волѣ“ государственныхъ совѣтниковъ, всѣхъ провинціальныхъ чиновниковъ, офицеровъ арміи и флота, наконецъ, судей — кромѣ мировыхъ, избиравшихся народомъ. Онъ даже распоряжался казной, которая во всѣхъ прежнихъ конституціяхъ предоставлялась особымъ комиссарамъ, независимымъ отъ исполнительной власти. Лишь „въ другихъ дѣлахъ правленія“ его товарищи пользовались голосомъ, да и то „совѣщательнымъ“: оба консула, гласила конституція, „подписываютъ бумаги, въ удостовѣреніе своего присутствія; но достаточно рѣшенія перваго консула“. Министры считались отвѣтственными передъ законодателями, но только по предложенію государственнаго совѣта, который одинъ судилъ всякихъ чиновниковъ.

Четвертая конституція была отрицаніемъ революціи и народовластія: подъ личиной республики, она полагала основы цезаризма съ могучей централизаціей. А ее представили французамъ какъ „закончившій революцію“ идеалъ, „покоющійся на истинныхъ началахъ представительства, на священныхъ правахъ собственности, свободы и равенства“. Правда, еще чувствовали не-

обходимость считаться съ націей эпохи Просвѣщенія: рѣшили „тотчасъ представить конституцію на усмотрѣніе французскаго народа“, но устроили *плебисцитъ* такъ, что каждый гражданинъ голосовалъ въ одиночку, молчаливо и открыто представляя свое „да“ или „нѣтъ“. И еще до плебисцита издали законъ о вступленіи новаго уложенія въ силу: Бонапартъ тотчасъ назначилъ новыхъ чиновниковъ, подготовлявшихъ самую голосовку.

Въ то же время старались показать милость ко всѣмъ партіямъ, а республиканцевъ увѣряли, что „ни суевѣріе ни роялизмъ не возрадуются отъ 18-го брюмера“. Спокойствіе, порядокъ — этихъ-то благъ и жаждало измученное бурями общество: ради нихъ оно готово было простить доблестному генералу восемнадцатое брюмера, которое скорѣе ошеломило, чѣмъ разгнѣвало французовъ, видѣвшихъ столько „деньковъ“ со стороны и толпы и правительства. Къ тому же въ Парижѣ якобинство сошло со сцены уже съ 1795 года; на югѣ же попытки „итти на узурпаторовъ-тирановъ“ принадлежали лишь издыхавшей кучкѣ террористовъ. А сильная умомъ и деньгами буржуазія радовалась: въ ея даронаніяхъ нуждалось новое строеніе государства. Цѣнныя бумаги поднялись почти вдвое. И плебисцитъ далъ болѣе 3 милліоновъ „да“ противъ $1^1/_2$ тысячи „нѣтъ“. Первые принадлежали интеллигенціи и огромному большинству республиканцевъ.

Но и такая власть не удовлетворяла Бонапарта: не прошло трехъ лѣтъ, какъ разразился новый „государственный ударъ“. Наполеонъ воспользовался, съ одной стороны, новыми побѣдами и амьенскимъ миромъ, съ другой — какимъ-то неисполненнымъ заговоромъ, подстроеннымъ полиціей. До сановниковъ начали доходить внушенія насчетъ необходимости „наградить“ и „охранить“ высокую особу. Они словно не понимали, въ чемъ дѣло. Наконецъ трибунатъ, на который особенно насѣдалъ Камбасересъ, рѣшилъ преподнести Бонапарту почетную награду — въ родѣ званія „Умиротворителя“ или „Отца Отечества“. Тогда обратились къ болѣе покладистому сенату, внушая ему мысль о пожизненномъ консульствѣ. Но эти отцы отечества предложили лишь продлить консульство еще на десять лѣтъ.

Бонапартъ впалъ въ ярость, которую, говорятъ, смягчилъ только Люсьенъ. Онъ сухо поблагодарилъ сенаторовъ и прибавилъ, что сама нація должна рѣшить—слѣдуетъ ли ему принести требуемую „жертву“. А для опредѣленія жертвы обратились къ вѣрному государственному совѣту, который догадался предложить пожизненное консульство. Бонапартъ опять разгнѣвался, но лишь на показъ: онъ даже выбранилъ совѣтниковъ. Но они настаивали— и онъ согласился на жертву. Сенатъ хотѣлъ было протестовать, но увидѣлъ, что „пока“ ничего не подѣлаешь. Трибунатъ и законодательный корпусъ, по преданію (протоколы ихъ голосованія пропали), согласились почти единодушно. Впрочемъ, они прибавили просьбу, чтобы „управленіе шло путемъ свободы“. Зато сенатъ поспѣшилъ исправить свою ошибку. Онъ предоставилъ Бонапарту не только право назначить себѣ преемника, но и королевскую привилегію помилованія. Въ его постановленіи было сказано еще: „Статуя Мира, съ побѣднымъ лавромъ въ одной рукѣ, съ указомъ сената въ другой, будетъ свидѣтельствовать потомству о признательности націи“.

Но голосъ націи долженъ быть слышенъ. Бонапартъ самъ пожелалъ узнать ея мнѣніе насчетъ такой „жертвы“ съ его стороны. Онъ не ошибся: 2-го августа 1802 года плебисцитъ далъ $3^1/_2$ милл. „да“ и лишь около 8.000 „нѣтъ“ въ пользу *пожизненнаго консульства.*

Тотчасъ же законодательныя учрежденія лишились послѣднихъ слѣдовъ независимости. Они достигли того идеала, который носился въ воображеніи Бонапарта уже года за три передъ тѣмъ, когда онъ писалъ Талейрану о „корпусѣ законодателей безъ страстей, безъ глазъ и ушей для всего, что ихъ окружаетъ“.

Трибунатъ былъ сокращенъ до 50 членовъ и присоединенъ къ государственному совѣту; и оба они могли разсуждать уже только о налогахъ да о гражданскихъ законахъ, притомъ всего одинъ или полтора мѣсяца въ году. Государственный совѣтъ, это начальное учрежденіе по замыслу, пережившее всѣ политическія бури до нашихъ дней, превратился въ простое орудіе власти: подлѣ него поставили назначаемый первымъ консуломъ и лично

имъ руководимый *частный совѣтъ* изъ министровъ и сановниковъ, который обсуждалъ всѣ вопросы высшей политики. Съ сенатомъ была сыграна восхитительная шутка. Онъ сталъ превосходнымъ тираномъ цезаризма. По внѣшности то былъ знаменитый представитель республики древняго Рима, „сенатусъ-консульты“ (рѣшенія) котораго не смѣли обсуждать центуріатныя комиссіи (вѣча), хотя онѣ и утверждали ихъ. Казалось, это сонмъ ста двадцати отцовъ отечества, изъ которыхъ каждому было не менѣе сорока лѣтъ. Сенаторы не только „объясняли тѣ статьи конституціи, которыя подавали поводъ къ разнымъ толкованіямъ“, но и „установляли все, что не предусмотрѣно уложеніемъ, но необходимо для его хода“. Они могли даже объявлять извѣстные департаменты „внѣ конституціи“, т.-е. вводить осадное положеніе. Они распоряжались законодательными палатами и судами. Но всю эту страшную власть сенатъ пускалъ въ ходъ лишь по почину правительства. Наполеонъ лично предсѣдательствовалъ въ немъ, а сенатусъ-консульты изготовлялись частнымъ совѣтомъ. Сенатъ пополнялся кандидатами Бонапарта, который еще самъ назначилъ сорокъ его новыхъ членовъ. Для самыхъ покорныхъ изъ нихъ были учреждены казенныя „сенаторіи“—синекуры съ доходными землями.

Наконецъ державность націи была нарушена въ корнѣ замѣной, въ важнѣйшихъ случаяхъ, всеобщей подачи голосовъ имущественнымъ цензомъ и уничтоженіемъ выборныхъ должностей. Для этого были отмѣнены даже „именитости“, какъ мѣра слишкомъ демократическая! Ихъ замѣнили „кантональными собраніями“, которыя и выбирали, пожизненно, по 200—300 человѣкъ въ окружныя и департаментскія „избирательныя коллегіи“, создавая своего рода олигархію. И эти собранія уже не назначали сами мировыхъ судей, а лишь представляли кандидатовъ на усмотрѣніе правительства.

Вся эта политическая махинація такъ смахивала на военную хитрость и такъ важна, что ее называютъ и новымъ „государственнымъ ударомъ“ и пятою конституціей или *конституціей X года*. Теперь доказано, что Бонапартъ самъ продиктовалъ

ее своему секретарю Бурьену и поправлялъ собственноручно. Говорятъ даже, что сенатъ былъ окруженъ гренадерами въ ту минуту, когда это произведеніе рукъ безстрашнаго генерала превращалось въ „органическій сенатусъ-консультъ конституціи“.

Какъ бы то ни было, дѣло было сдѣлано. И Бонапартъ воскликнулъ, узнавъ о плебисцитѣ: „Жизнь каждаго гражданина принадлежитъ отечеству! Французскій народъ желаетъ, чтобы моя жизнь была вся посвящена ему. Повинуюсь его волѣ. Вручая мнѣ новый и вѣчный залогъ своего довѣрія, онъ возлагаетъ на меня обязанность утвердить строй его законовъ на основѣ предусмотрительныхъ *учрежденій*“.

Цѣлью этихъ учрежденій было — „охранять свободу и равенство отъ капризовъ судьбы и загадочности будущаго“. Въ то же время слышали, какъ Бонапартъ сказалъ: „Вотъ я и на одной высотѣ съ другими монархами Европы: вѣдь и они въ сущности лишь пожизненны! Такъ и слѣдуетъ: было бы неладно, если бъ смѣлость человѣка, направляющаго политику всей Европы, была шатка или хоть казалась такою!“ А въ одномъ наказѣ Талейрана французскимъ дипломатамъ уже упоминалось о „возстановленіи Западной Римской имперіи“.

Первая часть обѣщанія была сдержана. Бонапартъ самоотверженно отдалъ всего себя на служеніе государственному дѣлу, и прежде всего именно на созданіе новыхъ учрежденій. Міръ, съ „лѣнивыми королями“ во главѣ, былъ пораженъ своего рода итальянскою кампаніей на полѣ гражданственности. Здѣсь-то этотъ мечтатель величія оказался самымъ „реальнымъ политикомъ“ Тутъ-то видно, какъ онъ все создавалъ изъ данныхъ и требованій дѣйствительности: его творчество состояло только въ удивительномъ дарѣ быстро связывать, упорядочивать ихъ и стройно пускать въ жизненный ходъ. Въ теченіе 1801 года талантливые, ревностные члены государственнаго совѣта, среди которыхъ были и рьяные дѣятели революціи, и опытные дѣльцы „стараго порядка“, защитили всю Францію: они собирали драгоцѣннѣйшія наблюденія, дѣлали небывалыя изслѣдованія всѣхъ сторонъ народнаго благодеянія.

XXI. Именитый правитель. Законы.

Послѣдователь Вашингтона. — Кодексъ-Наполеонъ. — «Великая хартія XIX вѣка».

Голова могла закружиться отъ одного вопроса: съ чего начинать? Франція представляла собой великую кучу развалинъ. Рухнула вся государственная машина; развалился общественный строй. Смута царствовала въ умахъ, а въ Вандеѣ еще вспыхивали зловѣщіе проблески „стараго порядка“. Изъ-за границы раздавались глухіе раскаты грома: австрійцы собирались вторгнуться во Францію. А здѣсь не знали, сколько войскъ подъ рудой, гдѣ они, чѣмъ живутъ? И въ казнѣ было налицо всего 150.000 франковъ! Низшіе чиновники голодали, не получая жалованья уже съ полгода. Шайки разбойниковъ пошаливали подъ самымъ Парижемъ. Изъ провинціальныхъ городовъ доносили: „Нѣтъ ни полиціи, ни фонарей, ни мостовыхъ, ни чистоты; въ госпиталяхъ нѣтъ хлѣба; каждую ночь разбитыя лавки“. И ниоткуда не предвидѣлось помощи. Среди десятилѣтнихъ ужасовъ междоусобія, казалось, изсякла сама народная сила. Общества какъ бы не было: избитое, истомленное, разочарованное, оно боялось всякаго новаго движенія и готово было простить всякій государственный ударъ, лишь бы ему дали покой и прочный порядокъ.

Но это-то и было на руку крупной, властительной и даровитой личности, которая только ждала простора. Бонапартъ не испугался страшной задачи. „Вотъ мы и въ Тюльери; тутъ и нужно оставаться!“ весело сказалъ онъ своему Бурьену, переѣхавъ во дворецъ въ началѣ 1800 года. И новый вѣкъ увидалъ труженика-исполина, который могъ поспорить въ рвеніи замысловъ съ нашимъ несравненнымъ „работникомъ на тронѣ“. Тогда-то Наполеонъ работалъ по 14 часовъ въ сутки, окруживъ себя ловко выбранными, даровитыми, столь же неутомимыми сотрудниками. Лишь вечеркомъ, ошалѣвъ отъ работы, выходилъ онъ, съ двумя-тремя наперсниками, въ дворцовый садъ или бродилъ по

лавкамъ, присматриваясь къ житейскому муравейнику. Да по воскресеньямъ уѣзжалъ онъ вздохнуть къ своей Жозефинѣ, въ Мальмезонъ (6 верстъ отъ Парижа), гдѣ ласкалъ Гортензію и Евгенія Богарнэ или игралъ съ дѣтьми въ чехарду, а больше ходилъ, съ руками за спиной, въ молчаливомъ размышленіи.

Консулъ искалъ славы мирнаго правителя и разсчетливаго хозяина. Многіе его портреты той поры напоминаютъ „Скупца“ Мольера. Его „Правительственный Дворецъ“ (такъ переименовалъ онъ Тюльери) украсился статуями великихъ людей, среди которыхъ видимъ Катона, Брута, Мирабо, въ особенности же Вашингтона. Случившаяся наканунѣ новаго вѣка смерть Вашингтона, этой красы и совѣсти человѣчества, была почтена, какъ нигдѣ.

Французская армія облеклась въ трауръ, и было повелѣно ежегодно чествовать этотъ день. Официальный ораторъ Фонтанъ воскликнулъ всенародно: „Да, Вашингтонъ, твои завѣты будутъ услышаны! Ты соединялъ въ себѣ воина, законодателя, администратора. Тотъ, кто въ юности превосходилъ тебя на поляхъ битвъ, послѣдуетъ твоему примѣру!“

Бонапартъ превзошелъ свой образецъ и на гражданскомъ поприщѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно вспомнить одно только коренное дѣло, которое было обѣщано уже въ воззваніи къ народу о 18-мъ брюмера и тянулось все время, послуживъ блестящимъ завершеніемъ консульства. Мы говоримъ о *Кодексѣ-Наполеонѣ*,— объ этомъ гражданскомъ подвигѣ, имѣвшемъ такое долгое и міровое вліяніе, что его одного было бы достаточно для увѣковѣченія этого имени. Это сознавалъ самъ его творецъ, сказавшій на о. св. Елены: „Моя истинная слава — не сорокъ выигранныхъ битвъ: одно Ватерлоо изглаживаетъ воспоминаніе о столькихъ побѣдахъ! Но что никогда не забудется, что будетъ жить вѣчно, это — мой гражданскій кодексъ“. Наполеонъ имѣлъ право сказать такъ и потому, что этотъ кодексъ гораздо болѣе былъ его собственнымъ созданіемъ, чѣмъ знаменитая основа европейскаго законовѣдѣнія—Юстиніановъ кодексъ. Онъ многое продиктовалъ самъ, работая надъ своимъ Сводомъ въ государственномъ совѣтѣ цѣлыми мѣсяцами по десяти часовъ кряду. Этотъ,

самый молодой изъ всѣхъ, военный возвышался надъ заматерѣлыми предразсудками и окаменѣлыми „системами“. Онъ выводилъ даже болѣе даровитыхъ изъ путаницы огромнаго, противорѣчиваго матеріала, сообщая дѣлу отличія своего ума—простоту, ясность, краткость, цѣлесообразность. Онъ ловко заставлялъ сонмъ извѣстныхъ законовѣдовъ высказываться вполнѣ и отчетливо. Онъ съ великой быстротой дѣлалъ блестящія заключенія, извиваясь между спиритуализмомъ Порталиса и матеріализмомъ Камбасереса. Чтобы понять тутъ личную роль Наполеона, нужно читать восторженныя воспоминанія такихъ мастеровъ дѣла, какъ Редереръ, притомъ слышавшихъ Мирабо и Барнава.

Кому не извѣстно, что значитъ наладить такое мудрепое и великое дѣло народной жизни, какъ Сводъ *Гражданскихъ* Законовъ? А ужъ особенно намъ, русскимъ! У насъ уже Петръ I въ 1700 году приказалъ боярамъ „сидѣть у Уложенія“; потомъ разныя комиссіи для Уложенія, не исключая „Большой“, почти не прерывались въ теченіе всего XVIII вѣка, пока-то мы доросли въ 1833 году до какого ни на есть Свода. И теперь ужъ съ какихъ поръ сидимъ мы у исправленія этого Свода! Мы-то вполнѣ можемъ оцѣнить такое чудо: Кодексъ-Наполеонъ былъ изготовленъ въ четыре мѣсяца, а черезъ полгода его обнародовали, послѣ дѣльныхъ поправокъ, по указаніямъ высшихъ судовъ и законодательныхъ палатъ (мартъ 1804)! И тутъ всего 36 отдѣловъ и 2281 статья, выраженныхъ коротко и ясно, безъ закавыкъ повытчика; а они принимаютъ человѣка отъ колыбели и слѣдуютъ за нимъ до гробовой доски во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ.

Въ этой-то, можно сказать, военной простотѣ и быстротѣ отразилась личность Бонапарта. Въ сущности же мы и здѣсь должны настаивать на нашемъ взглядѣ, какъ при оцѣнкѣ всѣхъ крупныхъ шаговъ нашего героя. Наполеонъ и въ своемъ кодексѣ былъ лишь отголоскомъ исторической потребности, завершителемъ дѣла не только сознаннаго, но и подготовленнаго раньше.

Уже „старый порядокъ“ задыхался въ тѣхъ законодательныхъ текстахъ, которые сплетались изъ „обычаевъ“ (coutumes) германцевъ и норманцевъ на сѣверѣ Франціи и „писаннаго (римскаго)

права (droit écrit) — на югѣ, не говоря уже о кучѣ королевскихъ „ордонансовъ“ (указовъ) и парламентскихъ рѣшеній. Канцлеръ Людовика XVI Мопу замышлялъ переработку всего этого хлама. Революція четыре раза бралась за „кодификацію“, конечно, неудачно, при малолетности ея правительствъ. Но нужно удивляться, какъ много успѣла она сдѣлать: коренныя начала реформы были уже намѣчены, а подъ конецъ конвенту былъ представленъ Камбасересомъ весь ея планъ, который и легъ въ основаніе работы Бонапарта.

Сила Кодекса-Наполеона, его неотразимое вліяніе на весь новый вѣкъ коренятся именно въ этой связи съ непосредственно прошлымъ. Онъ покоится на такихъ перлахъ просвѣщенія, человѣчности, справедливости, какъ равенство всѣхъ передъ закономъ, полное освобожденіе личности и труда отъ оковъ феодализма, вѣротерпимость — до полноправія евреевъ, облагороженіе семьи путемъ гражданскаго брака, развода и равенства въ наслѣдствѣ между дѣтьми всѣхъ возрастовъ и обоего пола. Уже этотъ общій духъ, протекающій по всему Кодексу, не позволяетъ назвать его „компиляціей римскаго и обычнаго права“, какъ выразился трибунатъ, этотъ ярый и, такъ сказать, присяжный критикъ Бонапарта.

Такой спѣшный трудъ, конечно, не могъ быть совершенствомъ. Но для его критики нужно возвыситься надъ точкой зрѣнія педантовъ-казуистовъ. Тутъ бѣда не въ недостаткѣ „систематичности“ и „научности“. Историкъ видитъ въ Кодексѣ опять неизбѣжную связь съ прошлымъ, даже слишкомъ далекимъ. И требованія общества, и дипломатія съ экономикой, и отчасти личное положеніе Бонапарта взывали къ первымъ попыткамъ „реставраціи“ стараго порядка. Явственно стремленіе законодателя къ возстановленію распатанной семьи и собственности, впадавшее иногда въ другую крайность. Отсюда такія суровыя мѣры, какъ гражданская смерть, конфискаціи, рабство въ колоніяхъ, крайнее возвышеніе родительской власти. Въ особенности отстаивалась собственность. Она освобождалась отъ послѣдняго ограниченія во имя общаго блага: Бонапартъ возстановилъ право завѣщанія, несмотря

на упорное сопротивленіе трибуната. Зато онъ не могъ отстоять передъ палатами развода „по несходству нрава“ — этого крайняго либерализма, овладѣвшаго имъ въ виду отношеній къ Жозефинѣ [1]). Эти два факта — не яркія ли знаменія времени!

Въ виду привычки у насъ преклоняться предъ сосѣдними авторитетами въ наукѣ, считаемъ умѣстнымъ еще разъ указать на необходимость исторической точки зрѣнія при оцѣнкѣ такихъ явленій, какъ Кодексъ-Наполеонъ. Знаменитый основатель „исторической школы“ въ правовѣдѣніи, нѣмецъ Савиньи, назвалъ его „болѣзненнымъ“ политическимъ признакомъ. Оставимъ въ сторонѣ національзмъ, который уже овладѣвалъ нѣмцами во время реставраціи. Замѣтимъ только, что исторія должна быть нелицепріятна. Воздавъ великому нѣмецкому юристу должное за вѣрный методъ, внесенный имъ въ науку, показывающій, какъ „развивалось“ государство на дѣлѣ, а не по фантазіи Руссо, она обязана напомнить его роль въ развитіи „прусскаго“ государства. Савиньи запнулся на послѣдней ступени эволюціи, признавъ свой день завершеніемъ пирамиды и послуживъ опорой извѣстному ученію Гегеля о разумности дѣйствительнаго. Онъ назвалъ конституцію вреднымъ скачкомъ отъ общиннаго самоправленія. Мудрено ли,

---

[1]) Личная выгода въ этомъ случаѣ ясна. Бонапартъ такъ заботился объ упроченіи семьи, что вообще не благоволилъ разводу, который считался тогда ея подрывомъ. Конституція 1791 года гласила: «Законъ считаетъ бракъ лишь гражданскимъ договоромъ». Законы 1792 года дополнили это правило установленіемъ семи обычныхъ причинъ развода съ прибавкой, что онъ допускается и просто по взаимному согласію. Они признавали даже за каждымъ изъ супруговъ право расторгнуть бракъ путемъ «простой ссылки на несходство нравовъ или характеровъ». И въ этомъ случаѣ, какъ и при взаимномъ согласіи, дѣло обходилось безъ суда: просто, на семейномъ собраніи, гражданскій чиновникъ объявлялъ расторженіе брака. Наконецъ дозволялось разведеннымъ возобновлять бракъ по истеченіи года. Въ Кодексѣ-Наполеонѣ эти девять случаевъ развода сокращены до четырехъ, и всѣ требовали участія суда; возобновленія брака не допускалось. Значеніе развода, какъ знаменія времени, видно изъ того, что въ числѣ первыхъ реакціонныхъ мѣръ, при реставраціи, была его отмѣна (1816 г.).

что онъ проглядѣлъ тѣ основы Просвѣщенія въ Кодексѣ-Наполеонѣ, на которыя мы указали выше?

Жизнь вѣрнѣе оцѣнила это „болѣзненное“ явленіе. Французы не только гордятся этою „Великою хартіей XIX вѣка“ [1]), уже какъ образцомъ законодательной формы, но и чувствуютъ къ нему признательность: онъ объединилъ ихъ, устранивъ даже юдофобство почти на цѣлый вѣкъ; онъ укрѣпилъ ихъ общественный строй, выдержавшій съ тѣхъ поръ не мало бурь. Остальные народы нашли, что безъ этого Кодекса нельзя жить,— обстоятельство, которому помогла, какъ и Корану Магомета, самая его „компилятивность“. Кодексъ-Наполеонъ отразился болѣе или менѣе всюду, даже у насъ, въ твореніи Сперанскаго. Французы въ правѣ сказать о немъ, какъ Лафайетъ о трехцвѣтной кокардѣ, что онъ обошелъ міръ. При Наполеонѣ онъ былъ введенъ во французскихъ колоніяхъ, и въ Италіи, Голландіи и ганзейскихъ городахъ, въ Вестфаліи, Баденѣ, Нассау, Данцигѣ и Франкфуртѣ, въ Швейцаріи, великомъ герцогствѣ Варшавскомъ и въ Иллирійскихъ провинціяхъ. Въ 1825 году Кодексъ былъ принятъ въ Луизіанѣ, въ 1826 — на Гаити, въ 1830 — въ Бельгіи, въ 1841 — на Іоническихъ островахъ, въ 1845 — въ Боливіи, въ 1864 — въ Румыніи, въ 1866 — въ новой Италіи, въ 1868 — на Таити, въ 1880 — въ С.-Сальвадорѣ.

XXII. Практика законовъ и цезаризмъ.

Современная юстиція. — «Спеціальные» суды. — «Очищеніе разлагающихъ учрежденій». — «Мерзкія насѣкомыя» и «евнухи законодательства».

Законы и ихъ жизненная практика — двѣ вещи разныя. Сплошь и рядомъ „законы святы, да исполнители — лихіе супостаты“. Отсюда постоянное противорѣчіе между правовѣдами и историками. Примѣръ перваго консула отлично показываетъ, какъ необходимо провѣрить одну сторону другою. Обрисуемъ исполненіе

---

[1]) Выраженіе знатока гражданскаго Наполеона, Блана. Blanc: Napoléon I, ses institutions civiles et administratives, p. 165.

его знаменитаго Свода. Мы должны присмотрѣться къ нему теперь же: главная сила Наполеона-правителя въ томъ, что было сдѣлано имъ во время консульства.

Примѣнительница Кодекса-Наполеона къ жизни, *юстиція*, была достойна такого высокаго призванія. Она также была унаслѣдована Бонапартомъ отъ его предшественниковъ. И здѣсь уже канцлеръ Людовика XVI задумывался о коренной реформѣ посредствомъ отмѣны извѣстнавшей олигархіи когда-то знаменитыхъ „парламентовъ“ Франціи. Эту великую реформу совершила революція въ 1790 году, и на славу: она замѣнила парламенты новыми учрежденіями на тѣхъ безсмертныхъ началахъ, которыя проникли потомъ во всѣ сколько-нибудь цивилизованныя государства. Передъ нами всѣ эти основы человѣческаго общежитія, отмѣняющія первобытное звѣроподобіе — присяжные для уголовщины, адвокаты при всякихъ дѣлахъ, выборные и несмѣняемые судьи, мировые, кассаціонный судъ. Все это и было взято Бонапартомъ; только выборное начало было ограничено, какъ мы видѣли, мировыми. Словомъ, уже обозначилась и внѣшняя образцовая юстиція Франціи: недоставало только современныхъ названій — tribunaux de première instance, cours d'appel, cours d'assises.

Бонапартъ могъ только радоваться, какъ хорошо устроилась народная совѣсть, которую онъ называлъ „шестымъ чувствомъ“. Но въ этой-то твердынѣ справедливости и обнаружились ярче всего ранніе попытки цезаризма. Онъ вообразилъ, что шестое чувство нужно изощрять, воспитывать сверху и сразу, и тотчасъ началъ изображать собой Петра среди „бородачей“ — у такого просвѣщеннаго, политически развитого народа, какимъ были тогда французы!

Первый консулъ ставилъ всѣхъ судей, безъ исключенія, самъ или черезъ свой покорный сенатъ, который отмѣнялъ также всякіе приговоры любой судебной инстанціи. Несмѣняемость онъ обходилъ назначеніемъ „исправляющихъ должность“. Даже присяжные опредѣлялись уже не мѣстными собраніями, а префектами: Бонапартъ еще грозилъ уничтожить ихъ за „мягкость“ приговоровъ по дѣламъ дезертирства и уклоненія отъ рекрутчины. Онъ

ненавидѣлъ также мировую юстицію, это благородное созданіе учредительнаго собранія, которымъ народъ дорожилъ, какъ оплотомъ униженныхъ и какъ охраной отъ усердія полиціи. Ему мало было того, что назначеніе мировыхъ перешло въ его руки: онъ сократилъ ихъ число наполовину и передалъ уголовныя дѣла полиціи. Наконецъ возникло обычное орудіе абсолютизма — „специальные суды“ (въ 32 департаментахъ), подъ предлогомъ разбоевъ въ провинціи, гдѣ, дѣйствительно, роялисты расправлялись иногда судомъ Линча съ „цареубійцами“ и даже съ „конституціонными“ епископами. Эти суды состояли изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, по назначенію перваго консула, и судили безапелляціонно не только за уголовщину, но и „за развращеніе военныхъ и за мятежныя сборища“. Въ ихъ округахъ правительство получало право заточать всякаго „подозрительнаго“. Законъ объ этомъ новомъ революціонномъ трибуналѣ съ трудомъ прошелъ даже въ покорномъ трибунатѣ. Констанъ воскликнулъ: „Въ оправданіяхъ закона говорится, что слишкомъ непреклонная конституція нарушаетъ порядокъ. Не новый языкъ! Мы слыхали ораторовъ, которые возвѣщали съ трибунъ, что слѣдуетъ выйти изъ рамокъ конституціи, чтобы защитить ее“. Жозефъ Шенье прибавилъ: „Какъ! Вы сохраняете присяжныхъ для мелкихъ проступковъ и хотите устранить ихъ при страшномъ обвиненіи?“ Третій трибунъ замѣтилъ: „Намъ сказали, что революція окончена и партіи исчезли, передъ нами хвастались мощью правительства, которому остается только соблюдать справедливость. А этотъ законъ видитъ всюду мятежниковъ, недоступныхъ общему закону, и тѣмъ, несомнѣнно, доказываетъ слабость правительства“.

Такъ же развязно обращался консулъ съ *законодательною* властью. Уже при объявленіи четвертой конституціи въ палатахъ, одинъ услужливый ораторъ сказалъ: „Слава Бонапарта да обаяніе одного его имени — вотъ ограниченіе исполнительной власти, вотъ оплотъ противъ нея!“ Пятую конституцію прямо называли „государственнымъ ударомъ“. Мы видѣли, что она окончательно порабощала законодательныя учрежденія. Здѣсь починъ сосредоточился въ твердыняхъ правительства, гдѣ предсѣдалъ самъ Напо-

леонъ,—въ частномъ и государственномъ совѣтахъ. „Послѣднему было дано страшное преимущество—„развивать смыслъ законовъ“, по требованію консуловъ, и онъ разсылалъ по департаментамъ своихъ членовъ, напоминавшихъ комиссаровъ конвента.

Бонапартъ посадилъ сюда частью самыхъ даровитыхъ дѣльцовъ, частью самыхъ популярныхъ честолюбцевъ и, помимо большого жалованья, осыпалъ ихъ наградами, давалъ имъ выгодныя и почетныя порученія.

„Каждый государственный совѣтникъ—трибунъ подлѣ верховной власти“, повторялъ онъ, приглашая ихъ высказываться свободно. Но, когда одинъ ораторъ возразилъ ему серьезно, онъ замѣтилъ: „Вы зашли далеко, такъ что я почесалъ себѣ виски; а это у меня—важный знакъ; не доводите меня до этого“. Бонапартъ все увеличивалъ внѣшній блескъ сената. Онъ помѣстилъ его въ роскошномъ Люксембургскомъ дворцѣ, и оставались въ тѣни представители народа въ трибунатѣ и въ законодательномъ корпусѣ, которые тѣснились въ грязномъ Пале-Роялѣ, служившемъ притономъ распутства и азартныхъ игръ, да въ скромномъ Бурбонскомъ дворцѣ. Вскорѣ совсѣмъ были укрощены эти строптивцы, про которыхъ Бонапартъ говорилъ: „Это—собаки, бросающіяся на меня на каждомъ шагу... Въ трибунатѣ сидятъ 12—15 метафизиковъ, которыхъ стоитъ утопить. Это что-то въ родѣ мерзкихъ насѣкомыхъ у меня въ платьѣ; но я не позволю имъ загрызть меня, какъ Людовика XVI“. Съ помощью преданныхъ газетъ, „консулъ началъ чернить“ ихъ, какъ „идеологовъ“ и якобинцевъ.

Затѣмъ они были посажены на „законодательную діэту“ (прекращеніе засѣданій на девять мѣсяцевъ). Наконецъ произошло „очищеніе“ столь „разлагающихъ учрежденій“: было исключено болѣе 300 членовъ, съ Констаномъ во главѣ; ихъ замѣнили генералы, полковники и чиновники. Трибуны окончательно превратились въ „евнуховъ законодательства“. Законодатели Франціи стали принимать все безъ преній и критики: они даже разрѣшали всякія суммы, хотя имъ не представляли никакихъ бюджетовъ. Тогда-то Бонапартъ началъ допускать въ ихъ среду все,

что было въ странѣ талантливаго и благороднаго, сосредоточивая оппозицію въ золотой клѣткѣ.

Словомъ, если пятая конституція была игрой въ учрежденія и выборы, то ея исполненіе представляло такое же коварство, какъ французская монета, на которой значилось до 1808 года: „Французская республика; императоръ Наполеонъ“.

XXIII. Новая администрація.

«Чудо дѣйствительнаго присутствія». — Министры и государственный секретарь. — Талейранъ и Фушэ. — «Надзоръ» и «направленіе». — Административная централизація.

Административная власть, конечно, еще болѣе носила на себѣ отпечатокъ цезаризма. Всѣ работавшіе съ Бонапартомъ признаютъ „чудо дѣйствительнаго присутствія“ его духа повсюду. Редереръ говоритъ: „Съ его сотрудниками случилось не совсѣмъ обыкновенное: посредственность чувствовала себя талантомъ, талантъ писалъ до посредственности. Такъ онъ просвѣтлялъ ту и поражалъ этого!“ Администрація цѣликомъ сосредоточивалась въ первомъ консулѣ. Всѣ чиновники были его слѣпыми орудіями. Самъ Бонапартъ вѣчно работалъ въ своемъ кабинетѣ и даже въ походной палаткѣ, какъ неусыпное провидѣніе государства. Онъ дѣлалъ самолично назначенія чуть не на всѣ должности, читалъ почти всѣ министерскія бумаги, черкалъ ихъ, передѣлывалъ заново, даже пробѣгалъ всѣ иностранныя депеши, усыпая ихъ своими отмѣтками. Онъ набрасывалъ отвѣты, ноты и инструкціи дипломатамъ, истомлялъ своихъ домашнихъ секретарей диктовками. Онъ бесѣдовалъ еще особо съ министрами иностранныхъ дѣлъ и полиціи, а ихъ товарищи, разъ въ недѣлю, не успѣвали „очищать свои портфели“ передъ нимъ.

Эти *министры*, окруженные внѣшнимъ блескомъ (каждый получалъ по 25.000 фр.), въ сущности были лишь куклами. Они были отвѣтственны только передъ первымъ консуломъ, который часто мѣнялъ ихъ при всемъ ихъ усердіи и угодливости. Они не

составляли единодушнаго цѣлаго, сплоченнаго извѣстными убѣжденіями, программой, хотя въ Англіи уже съ 1688 г. установилась знаменитая „однородность (homogeneity) „кабинета, превратившая министровъ изъ „слугъ короля“ въ исполнительный комитетъ націи, которая можетъ всегда и безъ потрясеній смѣнять его. Каждый отвѣчалъ за себя, какъ слуга передъ барином. „Наполеонъ, по мѣткому выраженію Редерера, нуждался въ министрахъ слушающихся, а не замѣняющихъ его“.

Бонапартъ говорилъ: „Я—болѣе старый администраторъ, чѣмъ они. Живо успѣешь въ администраціи, поймешь всѣ ея тайны, когда приходится изъ одной собственной головы выжимать всѣ средства кормить, содержать, одушевлять однимъ духомъ, одною волей сотни тысячъ человѣкъ вдали отъ ихъ отечества“. Онъ пояснялъ свою мысль такъ: „Самое трудное искусство—не выбирать людей, а пускать въ ходъ всю силу избранныхъ... Что мнѣ вашъ духъ? Мнѣ нуженъ духъ самого дѣла. Нѣтъ скотины, которая не была бы годна на что-нибудь; нѣтъ духа, который годился бы на все“.

Сразу было создано семь министерствъ; къ концу консульства ихъ было уже девять, а потомъ—11. Сверхъ того были учреждены „общія дирекціи“ при министерствахъ, отчасти сохранившіяся до нашихъ дней. Вскорѣ онѣ оказались во всякой болѣе важной отрасли администраціи. Ихъ директора, избранные изъ государственныхъ совѣтниковъ, обыкновенно работали въ кабинетѣ консула: въ сущности, то были министры въ миніатюрѣ. Изъ дирекцій потомъ выростали новыя министерства. Прямою связью между министрами и первымъ консуломъ служилъ *государственный секретарь*. Наполеонъ говорилъ о немъ на о. св. Елены: „То былъ министрамъ министръ или великій нотаріусъ государства. Съ министромъ казны я каждую минуту зналъ положеніе моихъ дѣлъ; съ государственнымъ секретаремъ я разносилъ мои рѣшенія, мою волю по всѣмъ направленіямъ“. Этотъ архи-нотаріусъ, черезъ руки котораго проходили всѣ рѣшенія высшей власти, одинъ только „контрасигнировалъ“, т.-е. скрѣплялъ бумаги своею удостовѣрительной подписью. То былъ какъ бы начальникъ граждан-

ского штаба. Онъ не покидалъ особу Бонапарта ни на минуту и получалъ жалованье изъ его собственнаго содержанія. При всякомъ другомъ правителѣ такое лицо живо превратилось бы въ великаго визиря, въ рѣшителя судебъ народа, но у Наполеона это былъ лишь главный лакей.

Между тѣмъ то былъ не кто-нибудь, а самъ Марэ, герцогъ Бассано, пэръ и министръ внутреннихъ дѣлъ при Люи-Филиппѣ. Человѣкъ трудолюбивый, искусный, опытный, особенно въ иностранныхъ дѣлахъ, Марэ былъ скроменъ, твердъ въ убѣжденіяхъ, вѣренъ: онъ былъ неизмѣнною тѣнью Наполеона до самаго конца его поприща. Онъ одинъ умѣлъ поспѣвать за бѣшеной диктовкой своего героя и мгновенно воспроизводить его бѣглыя мысли, набросанныя, по-военному, каракулями на клочкахъ бумаги. Отъ него-то исходила та масса записочекъ-приказовъ, которыми переполнено столько томовъ знаменитой „Correspondance de Napoléon“. Марэ былъ истинный кабинетъ-министръ: только величіе Наполеона держало его на уровнѣ простого секретаря.

Марэ былъ не одинъ. Бонапартъ окружилъ себя, на первыхъ порахъ, ловкими, даровитыми, неутомимыми и опытными дѣльцами. Онъ подбиралъ ихъ отовсюду: тутъ были служаки Людовика XVI съ „цареубійцами“, роялисты съ жирондистами, конституціоналисты временъ директоріи и жертвы 18-го фрюктидора. Во главѣ ихъ стояли несравненныя, въ своемъ родѣ, личности — Талейранъ и Фушэ.

Талейранъ, казалось, заправлялъ всѣмъ міромъ: ему были ввѣрены иностранныя дѣла. Наполеонъ зналъ, кого поставить на такой, тогда величайшій, постъ. Талейранъ тотчасъ выказалъ такіе таланты, что его сочли геніемъ дипломатіи: каждое слово этого оракула, мага и чародѣя международной политики съ трепетомъ ожидалось вселенной. Тогда не знали, что на немъ больше, чѣмъ на какомъ-либо изъ наперсниковъ Наполеона, оправдывались слова Редерера: „Люди, считавшіеся душой государства, оказывались ничтожествами; и всѣ честолюбцы принуждены были довольствоваться отраженіемъ его славы“. Никто и не подозрѣвалъ, что Талейранъ былъ, какъ и всѣ, не больше, какъ холоп-

ствующій секретарь Бонапарта, который нерѣдко дѣлалъ ему головомойки въ своемъ кабинетѣ и самъ набрасывалъ или диктовалъ ему главныя бумаги. Великій дипломатъ и самъ ни разу не осмѣлился притязать на что-либо большее. Онъ не былъ мастеромъ и на писаніе. Его главный секретарь говоритъ: „У него масса ума, изумительная быстрота взгляда, ясность пониманія, смѣлость головы. Но чрезмѣрная живость и плодовитость спутывали все его писаніе. Въ письмѣ у него мало методы, много путаницы. Онъ неспособенъ къ хорошей редакціи, къ связности. Почеркъ его совсѣмъ неразборчивъ“. Пишущему эти строки пришлось перечитать множество черновиковъ Талейрана въ парижскомъ архивѣ и убѣдиться въ неудобствахъ и его бисернаго почерка и его неловкаго изложенія съ кучей помарокъ и выкидокъ. Франція обязана образцовымъ слогомъ своихъ депешъ того времени, главнымъ образомъ, прекрасному штату своего министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ видимъ такихъ дѣльцовъ, какъ Биньонъ, трудъ котораго о Наполеонѣ до сихъ поръ не утратилъ своего значенія.

Сила Талейрана состояла въ его личной природѣ, отвѣчавшей требованіямъ времени. Онъ быстро схватывалъ замыслы Наполеона и искусно проводилъ ихъ потому, что, подобно своему господину, былъ рожденный „дипломатъ“ стараго покроя, т.-е. Макіавелль, подбитый Лойолой, да еще подновленный беззавѣтной смѣлостью революціи. Аристократъ, по хромотѣ попавшій не въ гвардію, а въ подрясникъ, другъ метрессы Людовика XV, госпожи Дю-Барри, епископъ отенскій въ 34 года, потомъ „цареубійца“, отлученный папою, безобразный сатиръ съ манерами большого барина, Талейранъ руководился дешевымъ, но тогда особенно ходкимъ искусствомъ беззастѣнчивой плутни.

Когда онъ выступалъ на политическое поприще, Мирабо предрекалъ, что этотъ прелатъ продастъ собственную душу и съ барышомъ, получивъ чистое золото за дрянь. А подъ конецъ онъ удостоился титула „человѣка съ одиннадцатью клятвопреступленіями“. Его причащеніе передъ смертью вызвало замѣчаніе: „Онъ обманулъ своего короля, императора, весь свѣтъ и, нако-

нецъ, самого дьявола". Во всякомъ случаѣ онъ надулъ потомство, оставивъ ничтожныя „Записки", гдѣ нѣтъ ни слова новаго, никакихъ разоблаченій его таинственныхъ подвоховъ, — ничего, кромѣ желанія казаться глубокомысленнымъ оракуломъ, въ глазахъ котораго самыя великія лица и событія—не больше, какъ салонные кавалеры и будуарныя сцены. Впрочемъ, въ „Запискахъ" явно стремленіе порисоваться передъ роялистическимъ потомствомъ въ образѣ „необходимаго опекуна" Бурбоновъ. Это говоритъ одинъ изъ самыхъ пылкихъ радикаловъ учредительнаго собранія (объ этомъ собраніи ни слова въ „Запискахъ"), первый дезертиръ алтаря, женатый епископъ и „цареубійца", который съ 1817 года, когда попалъ въ отставку, только и думалъ, что объ Орлеанахъ!

„Мое воспитаніе было предоставлено случаю: приходилось дѣлать, какъ всѣ", признается Талейранъ. И онъ дѣлалъ, какъ всѣ, но геніально превзошелъ всѣхъ. Смолоду „всѣ" указывали ему на кардиналовъ Ришелье, Хименса и особенно на Реца, этого распутнаго Катилину фронды, „Мемуары" котораго смахиваютъ на записки бывшаго епископа отенскаго. И изъ этого барина, очаровывавшаго не только дамъ, но и кавалеровъ, изысканностью манеръ, выработался атаманъ шайки, которую онъ принималъ съ чернаго хода только на зарѣ, когда, господа еще спятъ, и которая преслѣдовала его самого „шантажами". Говорятъ, ему пришлось истратить на этихъ своихъ сподручныхъ до десяти милліоновъ изъ германской „секуляризаціи". Самъ онъ признавался, что прикарманилъ изъ этого источника до шестидесяти милліоновъ. Этотъ алчный воръ, игрокъ и развратникъ смолоду позналъ цѣну этого средства. Онъ уже въ началѣ революціи долженъ былъ бѣжать, за свои грязныя продѣлки, изъ Франціи, потомъ и изъ Лондона въ Америку, гдѣ скопилъ-таки состояньице темными путями. Онъ говорилъ: „Преступленіе — средство политическихъ глупцовъ. У меня есть слабости, говорятъ—даже пороки. Но преступленіе? Fi donc!" Хитрецъ предпочиталъ, если не дѣйствовало злато, выжидать, взять врага изморомъ, — настоящій Ришелье! А главное, новый Макіавелль

умѣлъ во-время переставлять паруса по „высшимъ соображеніямъ“, какъ говорилъ онъ. Возвратившись въ 1796 году изъ Америки, по ходатайству г-жи Сталь, и ставши министромъ директоріи, онъ тотчасъ забылъ благодѣтельницу и началъ посылать тайныя записочки Бонапарту, разоблачавшія директоровъ. Передъ египетскимъ походомъ онъ уже успѣлъ измѣнить Наполеону; и вскорѣ послѣ того, какъ онъ сталъ его министромъ, его искусная рука замѣчалась въ заговорахъ противъ императора.

Лишенный творчества столько же, сколько стыда и совѣсти, Талейранъ не понималъ общественныхъ переворотовъ: оттого онъ ничему не удивлялся и не терялъ головы при революціяхъ, какъ и при неожиданныхъ успѣхахъ. Новая Европа была для него запечатанною книгой. Онъ оказался творцомъ реставраціи, ловко выдвинувъ, на вѣнскомъ конгрессѣ, „легитимизмъ“ — такъ, что премудрые дипломаты признали своимъ вождемъ человѣка, котораго сначала называли „хромымъ бѣсомъ“ и избѣгали, „какъ проклятаго“. Они поняли, что передъ ними вполнѣ сложившійся великій мастеръ играть людьми, какъ шулера—картами.

Талейранъ былъ такимъ уже въ описываемое время, когда ему шелъ 46 годъ. Ему служили большой опытъ, знаніе всякихъ людей и странъ да великосвѣтскія манеры—наслѣдство матери и алтаря. Это уже былъ тюльерійскій оракулъ, каждое слово, каждый взглядъ и жестъ котораго были разсчитаны и двусмысленны. И не было на свѣтѣ лучшаго удильщика въ омутахъ дипломатическаго крючкотворства: его ученикъ и преемникъ 27-лѣтній Меттернихъ только что выступалъ на это поприще. Самому Наполеону становилось иногда не подъ силу бороться съ этимъ олицетвореніемъ коварства, лицемѣрія и особенно алчности и спеси проходимца, который все плакался на его невниманіе. Этотъ циникъ, презиравшій людей, особенно женщинъ, которыя почему-то льстились къ нему, употреблялъ по три часа на свой туалетъ—при публикѣ, какъ Людовикъ XIV! Онъ чванился своимъ титуломъ герцога Беневентскаго и насажалъ „герцоговъ и принцевъ“ изъ своей родни не только по Франціи, но

и въ Италіи и Пруссіи. Можно составить цѣлый словарь изъ циничныхъ изреченій Талейрана, которыя заучивались тогдашнимъ людомъ, какъ перлы премудрости. Чего стоитъ одно классическое—„языкъ данъ намъ для сокрытія нашихъ мыслей“! Но больше всего поясняетъ его и эпоху другое выраженіе: „Правительство можетъ совершить ошибки, но не преступленія“.

Наполеонъ пользовался этимъ человѣкомъ, „башмаки котораго были полны грязи“, для всего, что ему самому было противно дѣлать. Онъ ненавидѣлъ его такъ же, какъ и Людовикъ XVIII; а Карлъ X и Люи-Филиппъ совѣтовались съ нимъ только потому, что не знали, какъ избавиться отъ него. Людовикъ XVIII спросилъ однажды Талейрана: „Какъ далеко отъ Парижа до вашего имѣнія?“ Тотъ отвѣчалъ: „Не знаю точно, но во всякомъ случаѣ вдвое дальше, чѣмъ отъ Парижа до Гента“. Тогда же хромой бѣсъ говорилъ, интригуя въ пользу Орлеановъ: „Бурбоны держатъ меня въ опалѣ. Но во мнѣ есть что-то такое, что всегда приходится плохо тому, кто пренебрегаетъ мной“

Когда, послѣ Ватерлоо, побѣдоносный Веллингтонъ привелъ изъ Гента Людовика XVIII въ свою штабъ-квартиру, „преступникъ представилъ королю безбожника“. Такъ говорили про Талейрана и Фушэ. Это были какъ бы родные братья. Фушэ только былъ погрязнѣе и пожесточе, какъ и подобало его должности. Ему также подражали всѣ полицейскіе въ Европѣ. То былъ виртуозъ шпіонства и интриганства, который самъ побывалъ во всякихъ водостокахъ и потому не боялся запачкаться. Сначала монахъ, потомъ адвокатъ и безшабашный ораторъ монтаньяровъ, Фушэ проявилъ свою звѣрскую, алчную и пронырливую природу во время террора: онъ-то былъ героемъ тѣхъ сценъ лютости и особенно грабительства, отъ которыхъ содрогались даже тогдашнія сердца. Этотъ человѣкъ, пускавшійся во вся тяжкая при революціи, вплоть до дружбы съ гебертистами, вдругъ повернулъ оглобли, почуявъ приближеніе новаго времени. Онъ помогъ Робеспьеру расправиться съ гебертистами, а потомъ содѣйствовалъ его собственной гибели. Затѣмъ, заодно съ Талейраномъ, и служилъ главой полиціи при директоріи и усердно помогалъ 18-му

брюмера. Ставши министромъ юстиціи при консульствѣ, онъ тотчасъ же началъ сноситься съ врагами Бонапарта и такъ шпіонилъ въ его собственной семьѣ, что тотъ уже въ 1802 г. прогналъ его, выкинулъ злодѣю $2^1/_2$ милл. фр. и богатую сенаторію. Но безъ такой ищейки нельзя было обойтись такому цезарю, тѣмъ болѣе, что архи-сыщикъ, уходя, обыкновенно забиралъ съ собой бумаги своего вѣдомства. Наконецъ Фушэ, опять вмѣстѣ съ Талейраномъ, учинилъ первую реставрацію и тотчасъ же вошелъ въ сношенія съ „эльбскимъ императоромъ“. Послѣ Ватерлоо онъ устроилъ вторую реставрацію и составилъ знаменитый списокъ опальныхъ Ста Дней, напоминавшій „проскрипціи“ Суллы. при чемъ, по словамъ Талейрана, „не забылъ ни одного изъ своихъ друзей“. Однако вскорѣ, при „бѣломъ террорѣ“, неизгладимое званіе „цареубійцы“ заставило даже такого полезнаго человѣка покинуть неблагодарное отечество, доставившее его наслѣдникамъ 14 милл. фр. и титулъ герцоговъ Отрантскихъ. Фушэ умеръ во всеобщемъ презрѣніи, скрытно шатаясь по Австріи. Онъ тоже оставилъ „Записки“, но наслѣдники до сихъ поръ не могутъ разстаться съ ними: вышедшіе подъ его именемъ „Мемуары“—подлогъ.

Думаемъ, что наслѣдники правы. „Безбожникъ“, навѣрно, оказался бы искреннѣе „преступника“. И не въ силу только своей сравнительной молодости: онъ былъ на 10 лѣтъ моложе „хромого бѣса“ и умеръ почти на 30 лѣтъ раньше него; въ описываемое время ему было 37 лѣтъ. Фушэ такъ сроднился съ своей ролью въ жизни, что гордился званіемъ маэстро сыска. Онъ самъ писалъ себѣ письмо для показа, гдѣ онъ сравнивается съ Ришелье и Сюлли. Онъ до того сознавалъ свой талантъ, что даже передъ смертью хлопоталъ о мѣстѣ министра юстиціи и желалъ служить Меттерниху. Онъ былъ въ правѣ гордиться тѣмъ, что всѣ правительства нуждались въ немъ, хотя никто не вѣрилъ ему, даже когда онъ говорилъ правду. Никто въ мірѣ не былъ такъ изворотливъ, такъ способенъ развѣдать всю подноготную — отъ ничтожной плутни комиковъ жизни или любовной интрижки до политическихъ заговоровъ. Послѣдніе были его лакомымъ блюдомъ.

Перебѣжчикъ всѣхъ партій, измѣнникъ всѣмъ друзьямъ, онъ легко пронюхивалъ комплоты въ самомъ зародышѣ, нерѣдко создавая ихъ самолично, какъ „подстрекатель“ (agent provocateur). Оттого-то онъ былъ такъ проворенъ для себя самого: раньше всѣхъ подмѣчалъ онъ всякое начало конца и тайкомъ помогалъ врагамъ временщика, направляя свои паруса по новому вѣтру.

Наполеонъ такъ же хорошо понималъ этого „раздобрѣвшаго якобинца“, какъ и его товарища по ремеслу, обратившаго дипломатію въ международный сыскъ. Онъ и ненавидѣлъ и презиралъ братьевъ-разбойниковъ, но побаивался и не могъ обойтись безъ нихъ, какъ безъ своихъ сообщниковъ. Онъ видѣлъ въ нихъ и политическую пользу. „Какой революціонеръ, — восклицалъ онъ,—не будетъ довѣрять тому строю, гдѣ гг. Фушэ становятся министрами? Какой дворянинъ не будетъ питать надежды пожиться при бывшемъ епископѣ отеческомъ? Одинъ охраняетъ меня слѣва, другой—справа. Я открываю широкій путь, на которомъ всякій можетъ добиться своего“.

Бонапартъ устроилъ вѣдомство Фушэ на славу: основы его полиціи сохранились во Франціи до нашихъ дней; ихъ старались заимствовать и почти вездѣ въ Европѣ. Конечно, и тутъ не было сотворенія изъ ничего, довлѣющаго только всемогуществу Бога да „абсолюту“ Гегеля. Парижскій префектъ полиціи существовалъ при старомъ порядкѣ, подъ видомъ „генералъ-лейтенанта полиціи“. Революція, и именно конвентъ, создали „комиссаровъ полиціи“ — конечно, выборныхъ, какъ всѣ власти того времени. Даже само „министерство полиціи“ возникло при директоріи. Но XIX-й вѣкъ начался превращеніемъ его въ цѣлую стройную и, можно сказать, всеобъемлющую систему. Тутъ видимъ всемогущаго министра съ четырьмя товарищами. Имъ подчинены „префектъ полиціи“ въ столицѣ, „генеральные комиссары“ — въ городахъ съ стотысячнымъ населеніемъ и „комиссары полиціи“ — въ мѣстахъ съ населеніемъ сверхъ 5.000. Всѣ эти власти были обставлены внушительно. Товарищи министра назначались изъ самыхъ довѣренныхъ государственныхъ совѣтниковъ. Послѣдніе нерѣдко занимали и должность генеральнаго комиссара, получавшаго до 15.000 фр.

Всѣмъ имъ помогала ретивая и расторопная „жандармерія“. Она явилась уже при директоріи, но Бонапартъ придалъ ей стройности и значенія. Ея начальникъ, „маршалъ генералъ-инспекторъ“, подчиненный военному министру, въ сущности зависѣлъ лишь отъ самого главы государства. Наполеонъ до конца держалъ на этомъ посту одного изъ именитѣйшихъ представителей арміи, Моисея, ставшаго вскорѣ маршаломъ и герцогомъ.

Полиція стала стихіей французовъ. Она проникала всюду неуловимымъ эѳиромъ. Она зорко слѣдила за всѣмъ—отъ разбоевъ и заговоровъ до народнаго оздоровленія и плутней торгашей. Но тутъ-то и была загвоздка: права и обязанности эѳира не были опредѣлены точно, а его всепроникновеніе угрожало общему теченію народной жизни. Самъ Наполеонъ видѣлъ это. Онъ сказалъ: „Этотъ министръ—совсѣмъ особенный. Ничто не должно ускользать отъ его надзора, но поэтому-то онъ не долженъ заправлять ничѣмъ. Вѣдь если онъ задремлетъ, кто разбудитъ его самого?“ Отсюда-то четыре товарища министра, которые были, въ сущности, соглядатаями надъ самимъ соглядатаемъ. Отсюда же почти независимое положеніе префектовъ и жандармеріи. Наконецъ у Наполеона былъ собственный надзоръ за надзирателями: онъ самъ вскрывалъ вороха прилетавшихъ къ нему отовсюду доносовъ, во главѣ которыхъ стояли обязательныя „корреспонденціи“ сенаторовъ.

Если полиція должна была только надзирать, то „заправлять“ предоставлялось министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ смыслѣ оно было тогда истиннымъ Провидѣніемъ страны: оно обнимало всѣ рѣшительно внутреннія дѣла, пока, при имперіи, изъ него не выдѣлились нѣкоторыя новыя министерства [1]). Страшное дѣло было руководить такимъ Протеемъ администраціи! Оттого въ теченіе года перемѣнилось двое случайныхъ министровъ. Сначала дѣло было поручено честному и трудолюбивому учителю Бона-

---

[1]) Въ началѣ іюльской монархіи, при Казимірѣ Перье и Тьерѣ, кругъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ сократился до роли Наполеоновскаго министерства полиціи. Но съ 1834 года оно опять стало дѣйствительно «заправлять» значительною частью внутренней жизни страны.

парта, безсмертному творцу „Небесной Механики“, Лапласу, потомъ братцу Люсьену. Люсьенъ, этотъ „бѣсенокъ“ (enfant terrible) корсиканскаго клана, не давалъ жить своему могущественному брату. Онъ вѣчно ссорился съ нимъ: когда въ кабинетѣ шахиншаха Европы поднимался содомъ, чуть не драка, всѣ знали, что тамъ Люсьенъ. Онъ даже женился, въ пику братцу, на простой женщинѣ, пренебрегая вдовствующей королевой Этруріи. Тщеславный, юркій, находчивый, энергичный, Люсьенъ никогда не терялъ своего дара краснорѣчія, всюду совался, готовый на все даже изъ-за каприза, а больше ради денегъ, которыми обзавелся, наконецъ, когда добился поста посланника въ Мадридѣ. Во время революціи онъ называлъ себя Брутомъ, 18-го брюмера, какъ мы видѣли, спасъ Наполеона, а вслѣдъ за тѣмъ писалъ пасквили на него и сносился съ роялистами, подстрекая и Жозефину къ заговору. Наполеонъ даже не упомянулъ его въ воззваніи народу о 18-мъ брюмерѣ. Однако нужно было вознаградить спасителя. Люсьенъ обрадовался званію трибуна. Онъ критикъ, „строптивецъ“ (opposant) по природѣ, могъ развернуть здѣсь все свое ядовитое краснобайство. А затѣмъ онъ сталъ и калифомъ на часъ. Если этотъ непосѣда, интриганъ и кутила, корчившій изъ себя императора, не былъ дѣльцомъ, зато это была драгоцѣнность по части макіавеллизма во внутреннихъ дѣлахъ. Но при Наполеонѣ и при необходимости создавать заново все нутро Франціи, нельзя было далеко уѣхать съ такимъ министромъ. Въ 1800 г. Бонапартъ нашелъ достойнаго главу столь отвѣтственнаго поста. То былъ именитый ученый, профессоръ химіи Шапталь, который уже выказалъ и свои практическія дарованія, пустивъ въ ходъ въ Лангедокѣ важныя промышленныя предпріятія.

Къ такому-то министерству сходились всѣ нити отъ цѣлой сѣти столь же искусной и расторопной администраціи въ провинціи. Областное управленіе считается не только самымъ важнымъ, но и наиболѣе личнымъ изъ внутреннихъ дѣлъ Наполеона. Но и оно было лишь завершеніемъ начатаго раньше. Бонапартъ прямо сохранилъ введенное учредительнымъ собраніемъ административное дѣленіе Франціи на департаменты, округа и общины

Правда, онъ поставилъ тутъ новую систему властей, съ римскими воспоминаніями — префектовъ, подпрефектовъ и мэровъ. А главное, онъ вводилъ новое начало—подавленіе духа мѣстнаго самоуправленія. Но и оно было завѣщано ему ближайшимъ прошлымъ. Дѣло происходило такъ. „Старый порядокъ“ завершился удушливымъ абсолютизмомъ, орудіями котораго въ провинціи были созданные кардиналомъ Ришелье интенданты. Реформа должна была начаться съ ея устраненія. Уже Тюрго мечталъ о сельскихъ и городскихъ „муниципалитетахъ“. Но они-то и разрушили его дружбу съ Людовикомъ XVI, который увидалъ тутъ „крайне опасную утопію“, которая „англизируетъ“ Францію, вводитъ „право сходокъ, этотъ источникъ раздоровъ“, и замѣняетъ выборными лицами такіе „перлы королевства“, какъ интенданты. Революція начала съ уничтоженія перловъ: она положила въ основу областного управленія выборные „муниципалитеты“, какъ называла она сельскія общества, которыя уже сами начали тотчасъ „муниципализоваться“. Она дала имъ столько власти, что Франція уподобилась Соединеннымъ Штатамъ Америки. Но такое раздробленіе вообще не сплоченной націи вскорѣ вызвало снова потребность въ централизаціи. Она быстро разгоралась отъ обстоятельствъ. Конвентъ, которому пришлось выносить борьбу съ Европой, взялся за такія крутыя мѣры, что въ провинціи поднялся „федерализмъ“, какъ назвали возстаніе органовъ мѣстнаго самоуправленія противъ деспотизма столицы. Мятежъ былъ подавленъ въ крови: „комиссары конвента“ подавили силу департаментовъ и общинъ, ставъ своего рода интендантами. Директорія поддерживала это направленіе: она приставила къ областнымъ выборнымъ властямъ своихъ комиссаровъ-соглядатаевъ; она старалась разбивать болѣе крупныя общины.

Бонапартъ довершилъ дѣло „мастерскимъ ударомъ“. Онъ совсѣмъ отмѣнилъ выборное начало: всѣ областныя власти назначались или высшимъ правительствомъ или префектами. А префекты, эти „маленькіе первые консулы“, по словамъ самого Наполеона, стали воскресшими интендантами, даже болѣе властными: имъ не мѣшали ни мѣстныя провинціальныя права ни приви-

легіи высшихъ сословій и корпорацій старой Франціи. Дѣленіе страны представляло собой также пренебреженіе къ мѣстной жизни: департаменты оказались искусственнымъ соединеніемъ разнородныхъ, иногда раздѣленныхъ горами населеній, и разъединеніемъ однородныхъ; округа убивали крупныя, сильныя общины временъ революціи. Основа мѣстной жизни — надзоръ гражданъ надъ властями—сохранялся только въ статьѣ, которая гласила: „Управлять—дѣло одного, обсуждать — дѣло многихъ“. Отсюда сохраненіе „совѣтовъ“ временъ революціи—генеральныхъ, окружныхъ и общинныхъ. Но эти совѣты, также назначаемые правительствомъ, оказались куклами префектовъ; они засѣдали лишь 15 дней въ году, и только для того, чтобы распредѣлить указанные свыше налоги. Мало того, чтобы слить „управленіе“ съ „обсужденіемъ“, въ каждомъ департаментѣ былъ учрежденъ „совѣтъ префектуры“, по назначенію перваго консула и съ преобладающимъ голосомъ префекта. Эта административная юстиція (jurisdiction contentieuse) судила проступки чиновниковъ, т.-е. возстановлялось древнее правило: „Король самъ судья своихъ дѣлъ“.

Такъ выработалась желѣзная *централизація* или „сосредоточеніе“ власти—новая кличка стараго абсолютизма. Какъ требованіе времени, послѣ долгой анархіи, и у такого хозяина, какъ первый консулъ, она принесла много пользы французамъ. Наполеонъ относился къ ней не какъ деспотъ-фантазеръ, а вполнѣ сознательно. Вотъ его характерныя и знаменательныя слова: „Великій порядокъ правящей вселенной заправлять и каждой ея частью. Правительство должно быть средоточіемъ общества, какъ солнце: различныя учрежденія должны ходить вокругъ него по своимъ орбитамъ, никогда не удаляясь отъ него. Стало-быть, правительство должно упорядочивать всѣ ихъ сложныя сочетанія такъ, чтобы всѣ они содѣйствовали сохраненію общей гармоніи. Въ системѣ вселенной ничего не предоставляется случаю; въ системѣ общества ничто не должно зависѣть отъ прихоти частныхъ лицъ“.

Наполеоновская централизація творила чудеса, возбуждал „зависть Европы“ быстрымъ и ловкимъ подтягиваніемъ порядка

повсюду. Въ два года нельзя было узнать Франціи. Префекты и ихъ помощники назначались самые даровитые изъ болѣе умѣренныхъ прогрессистовъ—уцѣлѣвшіе члены первыхъ двухъ собраній революціи, жироиды и Равнины конвента. Они рьяно схватились за дѣло, напоминая комиссаровъ конвента: они даже вносили въ службу свою личность, издавали воззванія и летучіе листки. Но ихъ живо сократили: и они превратились сначала въ покорныхъ слугъ министра, потомъ—въ нашей. И оправдались пророчества законодателей, въ особенности трибуновъ, которые горячо возставали противъ плѣна новой администраціи, какъ противъ „кодекса тиранiи“, подавляющаго „всякую свободу“, и приняли лишь потому, что печать молчала и „было опасно“ сопротивляться.

Чѣмъ дальше, чѣмъ болѣе опускался самъ Наполеонъ, тѣмъ печальнѣе и опаснѣе для жизни становилось его главное дѣло. И все-таки оно оказалось самымъ прочнымъ. Съ тѣхъ поръ Франція пережила нѣсколько королевствъ и республикъ и двѣ имперіи, разныя реакціи и революціи, а административная централизація Наполеона стоитъ въ ней гранитной скалой, какъ и его кодексъ. Загадка объясняется черезчуръ впечатлительнымъ характеромъ націи, сильнымъ развитіемъ въ ней личности и ея далеко несплоченной разноплеменностью. Современная Франція обладаетъ тайной сліянія самой свободной политической формы съ самою строгой администраціей.

XXIV. Экономика консульства.

Финансовое чудо.—Кадастръ.—Касса погашенія.—Соединенный акцизъ.—«Услужники», биржа и банкъ Франціи. — Основная ложь стараго порядка. — Бумажки, биметаллизмъ и десятичная монетная система. — Торговля и промышленность. — Земледѣліе. — Колоніальный вопросъ.

Въ расшатанной политическими бурями странѣ, среди всеобщихъ развалинъ, водворилась властная, строгая, но умѣлая и работящая рука. Она опиралась на образцовое чиновничество и на лучшую въ мірѣ армію, съ геніальнымъ полководцемъ во

главѣ, которую мы опишемъ при войнахъ консульства. Непреклонная и творческая воля заговорила языкомъ порядка, закона и умѣренности, котораго нація не слыхала уже цѣлое десятилѣтіе. Не было такой мелочи, которая ускользнула бы отъ зоркаго взгляда неусыпнаго хозяина. Онъ не забылъ ни заграничныхъ паспортовъ, просрочка которыхъ влекла за собой отобраніе имущества въ казну, ни государственнаго архива: для послѣдняго Бонапартъ, вопреки законодателямъ, составилъ такой уставъ, что архивисты превратились въ его личныхъ сторожей—и исчезли важныя бумаги, невыгодныя для его памяти.

Конечно, такая власть должна была отразиться благотворнѣе всего на матеріальномъ быту, на экономикѣ французовъ и вреднѣе всего—на ихъ психикѣ.

Величаво, ослѣпительно и прочно было почти все, что сдѣлалъ Бонапартъ для матеріальнаго быта страны. Самое важное чудо можно наблюдать въ такомъ мудреномъ дѣлѣ, какъ финансы Франціи послѣ революціи. По словамъ наполеоновскаго финансиста Годэна, 18-го брюмера „въ сущности не было и слѣдовъ финансовъ“. Финансовая исторія революціи, это — рядъ банкротствъ, какъ иначе и быть не могло. Уже въ 1789 г. вступили на роковой путь ассигнатовъ или бумажныхъ денегъ, думая, что ихъ залогъ — національныя имущества неистощимы. Одинъ экономистъ тогда же предвѣщалъ, что пара сапогъ будетъ стоить 300 фр. вмѣсто 24 въ 1796 г.: они стоили 4.000 фр. ассигнатами. Когда въ этомъ году уничтожили роковую доску, печатавшую ассигнаты, ихъ было въ обращеніи на 40 милліардовъ. Частью, чтобъ выкупить ихъ, частью для расходовъ, выпустили „земельныя расписки“ (mandats territoriaux), подъ залогъ все тѣхъ же національныхъ имуществъ. Хотѣли обмануть народъ новымъ видомъ бумажки. Но, несмотря на принудительный курсъ, не прошло и года, какъ расписка на 100 фр. стоила уже всего 1 фр. Такъ была превзойдена пресловутая „система“ Джона Ло. И французы до того привыкли къ бумажкамъ, что, когда Бонапартъ тотчасъ объявилъ выплату рентъ и пенсій звонкою монетой, всѣ пришли въ ужасъ, считая это окончательнымъ подвохомъ.

Немудрено, что Бонапартъ получилъ въ наслѣдство не только пустую казну, но кучу текущихъ долговъ (даже чиновникамъ) и 258 милл. долгу государственнаго, „консолидированнаго“ конвентомъ, т.-е. внесеннаго въ „великую долговую книгу“. А кредитъ былъ такой, что даже ему дали только 12 милл. на 7 мѣсяцевъ за 13%. Бюджета совсѣмъ не было, хотя это англійское слово ввелъ еще Кольберъ,—слово, ибо его бюджетъ былъ секретный, да и надъ знаменитымъ всенароднымъ „Отчетомъ“ Неккера исторія уже произнесла свой приговоръ. Тратили по мѣрѣ надобности, переносили счеты изъ года въ годъ. И сейчасъ нельзя подвести точныхъ итоговъ для временъ консульства; нигдѣ не записаны чрезвычайные расходы и такія поступленія, какъ, напримѣръ, 80 милл. фр., уплаченныхъ Америкой за Луизіану. Косвенныхъ налоговъ не существовало: они исчезли съ началомъ революціи и не въ силу господства ученія физіократовъ, а потому, что ими слишкомъ злоупотреблялъ „старый порядокъ“; уничтоженіе такой экономической инквизиціи, какъ пресловутая „габель“ (соляной налогъ) и „партизаны“ (откупные) равнялись взятію Бастиліи. Да и прямыя подати все сокращались, пока не спустились почти до нуля. При путаницѣ на продажахъ и перепродажахъ національныхъ имуществъ, при составленіи податныхъ списковъ враждующими мѣстными властями, при паденіи правительственнаго кредита въ провинціи, дошли до первобытнаго хаоса и до чудовищныхъ недоимокъ—болѣе милліарда.

Наконецъ на государствѣ тяготѣлъ чудовищный долгъ, одно погашеніе котораго съ % поглощало до 100 милл. въ годъ. Тутъ были и всѣ займы съ 1789 г., и вознагражденіе за кучу отмѣненныхъ должностей, и уплата разнымъ, особенно армейскимъ, поставщикамъ, и еще долги завоеванныхъ странъ—Бельгіи, Пьемонта, Рейнскихъ провинцій. Эти долги были тѣмъ мучительнѣе, что тутъ хаосъ царствовалъ едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ податяхъ, при лихорадочной поспѣшности вѣчно смѣнявшихся правительствъ. При этомъ, конечно, нашлось много охотниковъ сорвать кушъ даромъ, какъ всегда при богатомъ наслѣдствѣ. Довольно сказать, что въ теченіе восьми лѣтъ пришлось устранить

неоправданныхъ требованій на 1.100 милліоновъ фр. Государство окончательно очистило свои счеты лишь въ 1810 году.

Словомъ, приходилось строить заново всю головоломную машину финансовъ 30-милліоннаго народа. И здѣсь-то Бонапартъ поразилъ міръ своей геніальностью едва ли не больше, чѣмъ въ области законодательства. Никто не ожидалъ, чтобы этотъ полководецъ могъ вообще понимать что-нибудь въ такой мудреной спеціальности. А оказалось, что онъ и тутъ превосходилъ опытныхъ и даровитыхъ дѣльцовъ, которыхъ завѣщали ему революція и отчасти старый порядокъ. Подобно нашему Петру, самъ Наполеонъ былъ лучшимъ фискаломъ и хозяиномъ.

Съ безпощадностью и жаромъ львицы, защищающей своихъ львятъ, оберегалъ онъ каждую казенную копейку отъ хищниковъ. Каждую недѣлю просматривалъ онъ лично расходы министровъ и оглашалъ ихъ отчеты, стараясь уравновѣшивать балансъ, со строгостью высшей дисциплины. И безконечные ряды цифръ были знакомы ему такъ же, какъ колонны солдатъ, до послѣдней роты и эскадрона. Не было на свѣтѣ силы, которая отвлекла бы его отъ этой заботы, которую онъ считалъ своимъ первымъ долгомъ. Изъ лагеря наканунѣ битвы, изъ Тюльери, изъ С.-Клу или Мальмезона онъ зорко слѣдилъ за вольнообразнымъ движеніемъ казны. Правая рука Наполеона по финансамъ, Мольенъ, говоритъ, что въ 1811 году, когда ему приходилось видѣться съ императоромъ почти ежедневно, онъ получилъ отъ него 120 писемъ. 3-го января 1810 года Наполеонъ уже требовалъ казначейскаго отчета отъ 31 декабря 1809 г. И 3-го января этотъ отчетъ былъ полученъ!

Да, сотрудники были достойны этого Протея. Не говоря про болѣе мелкихъ, но достойныхъ работниковъ, чего стоили эти Годэны, Барьбэ-Марбуа! Былъ и свой Сультъ или Бертье—упомянутый Мольенъ, этотъ совершеннѣйшій типъ великой администраціи первой имперіи. Простой, скромный, каторжно-трудолюбивый, подобно Сюлли и Кольберу, онъ слылъ знатокомъ всѣхъ мелочей финансизма уже при Людовикѣ XVI. Ему довелось пережить три противоположныя правительства (онъ сошелъ со сцены лишь въ 1850 году); и всѣ они слѣдовали его совѣ-

тамъ, пользовались его услугами. Талейранъ называлъ Молльена „учителемъ финансовъ“ Бонапарта. Да, но ученикъ живо превзошелъ учителя: это ясно, по крайней мѣрѣ, въ банковомъ вопросѣ.

Намъ кажется, что описанное состояніе финансоваго наслѣдства, полученнаго Бонапартомъ, оправдываетъ его первую и основную мѣру, вызвавшую такъ много возраженій со стороны знатоковъ дѣла и самого Молльена. Вѣдь эти же знатоки превозносятъ финансовые успѣхи Наполеона, а эта мѣра сохранялась до самаго его паденія, какъ душа всего дѣла. Къ тому же и она была, въ сущности, завѣщана ему революціей. Мы говоримъ о раздѣленіи финансоваго вѣдомства на два министерства—казны и финансовъ. Первое изъ нихъ завѣдывало расходами, второе—доходами и изготовленіемъ бюджета. Наполеонъ и военныя дѣла распредѣлилъ между тремя министрами. Онъ самъ объяснилъ намъ значеніе этой своей любимой мысли: „Нынѣшняя Франція,—сказалъ онъ возражателямъ,—слишкомъ велика, чтобы одинъ министръ финансовъ справился со всѣмъ. Сверхъ того, мнѣ требуется обезпеченіе годности финансоваго управленія, а его не можетъ быть при одномъ только министрѣ. Представляемые имъ мнѣ отчеты оставались бы безъ контроля. И если бы даже я вѣрилъ имъ, общество не вѣрило бы“. Министерство казны было для Наполеона какъ бы государственнымъ контролемъ. Онъ требовалъ, чтобы въ немъ оставались документальные слѣды самомалѣйшей издержки любого изъ министровъ. И у министра казны былъ цѣлый штатъ „генералъ-инспекторовъ“, которые всюду производили внезапныя провѣрки. Правда, это—единственное изъ финансовыхъ учрежденій Наполеона, не пережившее своего творца: Молльенъ былъ правъ, говоря, что странное хозяйство, когда „одинъ министръ дѣйствуетъ, не видя цѣли, а другой видитъ цѣль и бездѣйствуетъ“. Но на вѣкъ Наполеона хватило этой системы, а его преемники обошлись безъ нея потому, что развилась „инспекція финансовъ“, зерномъ которой были Наполеоновскіе же генералъ-инспекторы.

Чтобъ живо справиться съ описаннымъ хаосомъ, мало было и двухъ министровъ. Тотчасъ же возникъ, по спеціальностямъ,

рядъ какъ бы подминистерствъ, подъ именемъ „генеральныхъ дирекцій“, сохранившихся до нашихъ дней. Тутъ видимъ, прежде всего, дирекцію прямыхъ податей, съ директорами и контролерами по всѣмъ департаментамъ и округамъ, затѣмъ — дирекціи таможенъ, земель, водъ, лѣсовъ, почтъ. Всѣ эти дирекціи повели дѣло взиманія податей такъ, что государство вдругъ стало изъ нищаго богачомъ: доходъ съ однихъ лѣсовъ возросъ въ одинъ годъ съ 17 до 31 милл. А народъ не только не былъ обремененъ, но даже облегченъ: подати были установлены посильныя и на долгіе сроки. А главное, онѣ были распредѣлены болѣе справедливо, по платежной способности каждаго. Это было всегда главною заботой Наполеона такъ же, какъ и стремленіе не дѣлать новыхъ долговъ, т.-е. щадить потомство. Отсюда у него неотвязная мысль о кадастрѣ. Конечно, и это дѣло было не новое: уже учредительное собраніе вводило кадастръ, безъ котораго немыслимо было осуществленіе его идей справедливости — равенства всѣхъ гражданъ передъ казной и посильнаго сбора съ чистаго дохода. Но никто такъ не сознавалъ государственной важности этого вопроса и не брался такъ смѣло за это страшно-грязное дѣло. Бонапартъ сказалъ: „Истинная гражданская свобода зависитъ отъ обезпеченія собственности; а его не можетъ быть тамъ, гдѣ каждый годъ мѣняется размѣръ податей“. Кадастрація Франціи началась уже въ 1801 г. Съ 1808 года дѣло двинулось еще усерднѣе, и съ тѣхъ поръ послѣдующія правительства считали своимъ долгомъ и честью двигать дальше исполинское предпріятіе, предъ которымъ отступали сначала въ смущеніи самые просвѣщенные умы.

Но мало сколько-нибудь разумно распредѣлить подати. Еще болѣе мудреная, дорогая и трогающая душу работа — взимать ихъ. А тутъ-то наслѣдіе у Бонапарта было едва ли не самое жалкое. Революція, конечно, сразу уничтожила такое безобразіе, какъ откупа; но ея неопытные и подверженные мѣстнымъ вліяніямъ выборные сборщики вскорѣ запутали дѣла. Уже директоріи пришлось назначать правительственныхъ „сборщиковъ прямыхъ податей“. Бонапартъ окончательно установилъ дѣло, поставивъ сбор-

щиками собственныхъ чиновниковъ. Но ему пришлось бороться съ другой бѣдой. Путаныя подати взимались медленно, а деньги требовались немедленно. И явилась остроумная, чисто-наполеоновская мѣра, которая, конечно, была брошена, какъ только финансы установились. То была ловкая система привлеченія богачей къ соучастію въ выгодахъ казны. Для этого была учреждена „касса погашенія“, ставшая, въ рукахъ Мольена, стержнемъ всѣхъ финансовъ. „Сборщики“ податей вносили сюда, звонкою монетой, крупные залоги и подписывали „облигаціи“ или обязательства на сумму имѣющихся въ виду податей, получая извѣстный $^0/_0$ при взносѣ ихъ до срока. Такъ они становились банкирами правительства, а ихъ облигаціи — векселями, учетомъ которыхъ государство расплачивалось со своими кредиторами.

Вошли въ систему и косвенные налоги. Напрасно революція истребляла ихъ, руководясь высшими теоретическими соображеніями. На дѣлѣ уже ни одно государство не могло существовать безъ нихъ: въ Англіи уже лѣтъ за сто до того Вальполь прославился введеніемъ акциза, вопреки критикѣ такихъ умовъ, какъ Локкъ. Бонапартъ возстановилъ систему Кольбера подъ именемъ „соединеннаго акциза“ (régie des droits réunis), уставъ котораго былъ прямо приноровленъ къ указу 1680 г. Это вѣдомство напоминало усердіемъ „прибыльщиковъ“ Петра Великаго. Оно до того изощрялось въ открытіи новыхъ источниковъ дохода, что нерѣдко дѣлало позаимствованія у „стараго порядка“, не погнушавшись даже габелью, только, конечно, въ смягченномъ видѣ. Возникъ рядъ новыхъ налоговъ — на напитки, табакъ и торговыя свидѣтельства, на сараи и склады, на окна и двери. Явились особые сборы на плотины, каналы и т. п. Были даже отчасти возстановлены городскія пошлины, въ видѣ „благотворенія“ для богадѣленъ, больницъ и проч. Несмотря на хорошія руки, въ которыя попали косвенные налоги, они становились все обременительнѣе. Французы встрѣчали реставрацію криками: „Долой соединенный акцизъ!“

Вотъ источники доходовъ, имѣвшихъ тѣмъ больше силы, что почти не было главнаго расхода — на войско: благодаря новымъ

побѣдоноснымъ войнамъ, армія не только сама содержала себя, но и служила новымъ источникомъ дохода. Понятно процвѣтаніе казны, какого не зналъ тогда свѣтъ. А съ нимъ пришелъ и кредитъ: богачи охотно давали деньги сильному правительству, которое расплачивалось монетой и строго выполняло свои обязательства. Но мы знаемъ, какъ не любилъ Наполеонъ дѣлать займы. Онъ ухитрился, напротивъ, сократить старый государственный долгъ, съ помощью кассы погашенія и ея несравненнаго Молльена. Эта касса, съ ничтожнымъ капиталомъ (5—10 милл.), такъ искусно орудовала залогами и облигаціями сборщиковъ, такъ ловко совершала конверсіи, облегчавшія уплату $^0/_0$, что въ три года погасила $^1/_{30}$ консолидированнаго долга, а текущій долгъ казначейства вскорѣ совсѣмъ исчезъ. Касса погашенія окрѣпла, когда въ нее поступила часть національныхъ имуществъ, которыхъ оставалось еще на 400 милл. На эти деньги постепенно скупалась государственная рента, чтобъ поддержать ее на высотѣ 50, до которой она вдругъ поднялась съ 7 фр.

Финансовые подвиги перваго консула вѣнчались однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и именно ему принадлежащихъ дѣлъ—знаменитымъ „банкомъ Франціи“, которымъ начался вѣкъ. „Indignatio facit versum“ (негодованіе родитъ стихъ), говорилъ Ювеналъ. Банкъ Франціи вытекъ изъ ненависти Бонапарта къ тѣмъ посредникамъ или частнымъ банкирамъ, которыхъ называли „услужниками“ (faiseurs de service). Эти хищные большіе кулаки довели дѣло до того, что ссуды, за которыя платились предъ 1789 годомъ $5^0/_0$ въ годъ, можно было получить лишь за $5^0/_0$ въ мѣсяцъ. Мы видѣли, сколько пришлось заплатить самому Бонапарту послѣ 18-го брюмера. И касса погашенія чуть не погибла вначалѣ, попавши въ руки компаніи негоціанта Уврара, устроившей своего рода „палату“. Отважный полководецъ рѣшилъ сразу учинить „освобожденіе казны“ отъ этихъ душителей,—дѣло, о которомъ только мечтали всѣ крупные правители Франціи до него.

Бонапартъ ненавидѣлъ бумажки, испытавъ на собственной шкурѣ все зло ассигнатовъ. Даже въ 1810 г. онъ внушалъ префектамъ: „Въ глазахъ императора бумажки — величайшій бичъ

народовъ: это, въ нравственномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, то же, что чума — въ физическомъ". Онъ побѣдилъ свое отвращеніе изъ-за государственной нужды, но зато рѣшилъ и сумѣлъ вынуть жало у змѣи, при чемъ снова выказался его даръ централизаціи. Онъ возвѣстилъ, указывая на примѣръ Англіи: „И правительству и публикѣ легче надзирать за однимъ банкомъ, чѣмъ за многими. Что бы ни говорили экономисты, но не здѣсь полезна конкуренція". Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы правительство выпускало бумажки: сейчасъ же воскресли бы ассигнаты! Но, предоставляя банку страшную монополію выпуска билетовъ, онъ окружилъ его дѣйствительнымъ контролемъ. „Банкъ,—говорилъ онъ,—принадлежитъ не однимъ акціонерамъ, но также и государству, такъ какъ оно дастъ ему привилегію чеканить монету; но,—прибавлялъ онъ,—я хочу, чтобы банкъ не слишкомъ былъ въ рукахъ правительства". И вотъ казна внесла въ банкъ $^1/_6$ капитала изъ залоговъ сборщиковъ; а управленіе банка было распредѣлено между тремя чиновниками и 18-ю выборными отъ акціонеровъ. При такомъ надзорѣ, не имѣя права заниматься биржевой игрой, владѣя металлическимъ запасомъ въ своихъ кладовыхъ и надежными векселями купцовъ, банкъ тотчасъ сталъ на ноги: съ тѣхъ поръ до нашихъ дней его билеты ходятъ, какъ деньги, всегда съ хорошимъ курсомъ. Франція покрылась сѣтью его отдѣленій — по всѣмъ большимъ городамъ. Банкъ сослужилъ хорошую службу самому Наполеону: онъ въ 6 лѣтъ ссудилъ ему 500 милл.

Говорятъ даже, что банкъ Франціи болѣе служилъ своему повелителю, чѣмъ торговлѣ и промышленности, для которыхъ онъ предназначался въ официальномъ объявленіи. Но несомнѣнны его заслуги и на этомъ поприщѣ. Для оцѣнки ихъ довольно припомнить то экономическое положеніе, въ которомъ засталъ страну первый консулъ. Довольно двухъ словъ для описанія этой пустыни, этой fabula rasa народнаго хозяйства. При почти ежедневныхъ волненіяхъ и войнахъ въ теченіе десяти лѣтъ, при господствѣ ассигнатовъ, не было не только капиталовъ, кредита,—не было даже монеты, путей сообщенія и простой безопасности; и въ 1799 г. разразился одинъ изъ самыхъ жестокихъ торговыхъ кризисовъ,

одно изъ рѣдчайшихъ государственныхъ банкротствъ. Немудрено, что почти исчезли кружева сѣвера, полотна Бретани, бумаги Шаранта; едва выдержало даже знаменитое шелковое производство въ Ліонѣ, сократившись наполовину. Внѣшняя торговля стала; гавани засорились; порты развалились и опустѣли. Внутреніе денежные обороты сосредоточивались на биржевой игрѣ да на злостныхъ поставкахъ въ армію.

Многимъ кажется, что великій полководецъ зналъ одну только промышленность — ограбленіе всего міра. Но онъ высказывалъ трезвые и, можно сказать, возвышенные взгляды на обогащеніе частныхъ лицъ, тѣмъ болѣе удивительные, что у экономистовъ господствовала тогда теорія полнаго произвола личности, знаменитаго laisser faire, laisser passer. Онъ сказалъ купцамъ: „Торговля дѣло благородное и почтенное, если имъ руководятъ разсудокъ и бережливость. Нужно, господа, быть благоразумными: *купецъ не долженъ пріобрѣтать состояніе, какъ выигрываютъ сраженіе;* онъ долженъ пріобрѣтать понемногу и постоянно“. Наполеонъ всегда былъ одушевленъ благородною ненавистью ко всякимъ „дѣльцамъ“ — къ этимъ вампирамъ-посредникамъ, съ которыми онъ безпощадно расправлялся еще въ Италіи, въ особенности же къ этимъ хищникамъ и бездѣльникамъ, которыхъ называли „speculateurs, agioteurs, faiseurs de service“ и т. д. Надъ дверьми каждой биржи слѣдовало бы начертать золотомъ такія слова завоевателя: „Я не хочу никого стѣснять въ промыслахъ. Но, какъ глава французскаго правительства, я не долженъ терпѣть той промышленности, для которой нѣтъ ничего святого, которая орудуетъ обманомъ и ложью, барыши которой безнравственнѣе выигрышей въ азартной игрѣ, — промышленности, которая за малѣйшую такую выгоду продала бы тайны и честь самого правительства, если бы только онѣ были въ ея рукахъ“.

Оттого-то уже при консульствѣ былъ изданъ цѣлый рядъ указовъ, безпощадно ограничивавшихъ азартъ и алчность всякаго рода „посредниковъ“ и мѣнялъ, отъ грошовой мелюзги до многомилліоннаго генералитета „денежнаго обращенія“. Тогда же посыпались, одинъ за другимъ, разные уставы и учрежденія для упо-

рядоченія и даже для воскресенія комерческой экономики страны. Возникли упорядоченныя биржи, совѣщательныя палаты ремеслъ и мануфактуръ, торговый генеральный совѣтъ, школы искусствъ и ремеслъ; были возстановлены уничтоженныя революціей торговыя палаты, а также подчиненные закону нотаріусы, маклера и мѣнялы. Началось и изготовленіе такого мудренаго дѣла, какъ торговый кодексъ. Торговля поощрялась всякими мѣрами съ разныхъ сторонъ. Банкъ Франціи щедро выдавалъ ссуды подъ товары и вообще поддерживалъ надежныхъ купцовъ. Для улучшенія путей сообщенія были опредѣлены особые суммы и налоги, — и начались сооруженія двухъ каналовъ, постройка мостовъ, проведеніе дорогъ — трехъ даже черезъ Альпы. Явилась охрана сношеній, и, благодаря ретивой полиціи и отважной жандармеріи, разбойничество вдругъ стало невѣроятнымъ преданіемъ.

Наконецъ Бонапартъ взялся нетерпѣливой рукой за такую основу экономики, какъ монетное дѣло. Ему-то принадлежитъ честь введенія въ жизнь той денежной системы, которая быстро стала міровымъ явленіемъ и могла бы одна увѣковѣчить имя Бонапарта-правителя, если бы не было Кодекса-Наполеона. Она слишкомъ извѣстна и понятна, чтобы историкъ останавливался на ея разъясненіи. Онъ могъ бы ограничиться замѣчаніемъ, что этой системы, коренящейся въ природѣ нашего мышленія не меньше, чѣмъ таблица умноженія, не миновать самымъ характернымъ народамъ, какъ бы свято ни хранили они свои аршины и фунты въ дорогихъ палатахъ, за десятью раззолоченными замками; гостиный дворъ и здѣсь не преминетъ завести новую практику, кивая на сосѣда, который соблюлъ національную спесь и ненависть къ „прирожденному врагу“ только тѣмъ, что отчеканилъ свою „марку“ чуточку потолще презрѣннаго франка. Но мы считаемъ долгомъ указать на два обстоятельства, выдвинутыя въ послѣднее время историками и экономистами.

Во-первыхъ, и здѣсь, какъ во всемъ, Наполеонъ не творилъ изъ ничего, а былъ законнымъ преемникомъ прошлаго. Революція съ самаго начала, уже въ лицѣ Мирабо, замышляла монетную систему на новыхъ началахъ. Она, конечно, не успѣла провести

въ жизнь эту идею, какъ и всѣ другіе замыслы, завѣщавъ ихъ потомству. Она принуждена была прибѣгнуть къ ассигнатамъ, принудительный курсъ которыхъ вызвалъ частью національную кубышку, частью отливъ благородныхъ металловъ за границу. Сверхъ того, съ своей основной точки зрѣнія, революція была права, какъ блестящій теоретикъ, допуская биметаллизмъ, но на практикѣ это вышло роковой ошибкой: одинаковое обращеніе золота и серебра, мѣновая цѣнность которыхъ вѣчно колебалась, сообразно съ торговымъ курсомъ самихъ металловъ, встрѣтило непреодолимое препятствіе въ привычкахъ населенія, притомъ запуганнаго хроническимъ банкротствомъ государства.

Но основная-то идея была велика и безсмертна, какъ правда. Она была какъ бы исполинскимъ выводомъ изъ всѣхъ прошлыхъ грѣховъ исторіи, какъ бы оправданіемъ смерти старины и источникомъ новой жизни: она должна была выплыть изъ хаоса всеобщаго разрушенія — и ее-то подняла могучая рука Бонапарта. Эта идея и есть то второе, на что пора обратить наше особенное вниманіе. До послѣдняго времени прославляли десятичную систему только за ея удобство, какъ одно изъ выраженій предвѣчныхъ законовъ мышленія. Но упустили изъ виду ея другое, болѣе важное величіе: она была возстановленіемъ правды, попранной вѣками неразумія и пошлости человѣчества. Какъ извѣстно, „старый порядокъ“ погибъ оттого, что на материкѣ развился, въ противоположность „правовому“ быту Англіи, тотъ типъ государства, который принято именовать „полицейскимъ“. Но его справедливо называютъ еще „фискальнымъ“, т.-е. казенщиной. Тутъ все дѣло состояло въ извлеченіи прибылей казны, которое легло въ основаніе и „финансовой науки“, возникшей около половины XVIII в. Оно доходило до той вопіющей лжи, въ лицѣ фюрстовъ Германіи, которую народъ называлъ презрительнымъ именемъ „Finanzerei“ и „монетнымъ обрѣзаніемъ“. Правители безшабашно облегчали монету и подмѣшивали мѣдь и жесть къ своему золоту и серебру, а сами не принимали этого собственнаго произведенія. Эта порча монеты играла роль бумажекъ, пока не народился ихъ магъ и чародѣй, Джонъ Ло. И основанный на такой

коренной исправдѣ строп рухнулъ отъ взрыва возмущенной совѣсти народовъ.

Помянутая ложь, какъ и вся система полицейщины, была возведена въ государственный перлъ и освящена питомцами римскаго права среди быстроходныхъ французовъ, умѣющихъ все представить въ красивомъ и внушительномъ видѣ. Юристы измыслили такое правило, служившее, вплоть до революціи, заповѣдью для правителей материка: „Монета есть знакъ цѣны, которую государю угодно, чтобы она представляла“. Они даже прибавляли, ничтоже сумняшеся, что подданные обязаны приносить королю старыя монеты для обмѣна на новыя всякій разъ, „какъ только его величеству заблагоразсудится, чтобы новыя монеты стали знаками цѣны предметовъ“.

Революція, начиная съ Мирабо, выставила совсѣмъ иной взглядъ. Она старалась возстановить правду и логику вещей, превративъ монету изъ условнаго знака того, что на ней написано, въ дѣйствительную цѣнность, соотвѣтствующую вѣсу металла. Монета должна была перестать быть самозванкой, должна была стать дѣйствительной стоимостью. Революція замѣтила даже, что биметаллизмъ былъ одною изъ причинъ, мѣшавшихъ осуществленію ея замысла: при директоріи явился планъ устраненія его. Но довершилъ дѣло Бонапартъ. Въ 1803 году старикашки ливры, су и денаріи были замѣнены безсмертными франками и сантимами, при чемъ именно металлическая цѣнность монетъ равнялась номинальной или показной. За основаніе новой системы было взято серебро, составлявшее главную массу денежнаго обращенія; къ нему подводилось золото, и не произвольно, а жизненно — по его торговой цѣнѣ, какъ $1 : 15^1/_2$. Это значило, что 1 килограммъ золота равняется $15^1/_2$ кил. серебра, что представляло цѣнность серебра въ $6^1/_2$ фр. за унцію. Такое соотношеніе между благородными металлами сохранялось вплоть до конца вѣка. Лишь въ 1892 г. цѣна серебра пала съ $6^1/_2$ до 4 фр., что и вызвало ту великую борьбу между „монометаллистами“ и „биметаллистами“, которая еще долго будетъ давать себя знать всему міру. При измѣненіи этихъ отношеній между обоими металлами предпола-

галось перечеканивать золотую монету, чтобы ея узаконенная цѣна всегда равнялась дѣйствительной стоимости.

Послѣдствія всѣхъ указанныхъ мѣръ опредѣляются двумя краснорѣчивыми цифрами: торговые обороты достигли, за время консульства, 440 милл. ввоза и 380-ти вывоза; учетъ векселей въ банкѣ поднялся съ 111 до 255 милл. Впрочемъ, торговля оправилась не въ такой степени, какъ росла производительность страны. Ей мѣшалъ протекціонизмъ: не только вообще были установлены высокія таможенныя пошлины, но англійскіе товары совсѣмъ не допускались во Францію.

Зато промышленность двинулась впередъ исполинскими шагами. Такіе ученые, какъ Мондесъ, Бертолетъ, Шапталь тотчасъ же взялись за дѣло съ свойственною французамъ быстротой и практичностью: они встрѣчали со стороны правительства не препоны, а поддержку. Они основали „Общество поощренія національной промышленности“, которое вызывало всевозможные опыты, подхватывало изобрѣтенія повсюду, распространяло техническое образованіе. А правительство завело „совѣщательныя палаты“ по дѣламъ фабричнымъ, ремесленнымъ и художественнымъ. Оно учреждало образцовыя мастерскія, гдѣ обучались лучшіе рабочіе со всей Франціи, и издавало рядъ законовъ для фабрикантовъ и рабочихъ. Правда, эти законы были пропикнуты духомъ кольбертизма, какъ данью времени: его поддерживали экономисты и юристы. Регламентація, не совсѣмъ вытравленная революціей, расцвѣла снова. Указы установляли ширину, цвѣтъ, число нитокъ въ тканяхъ и опредѣляли, какіе сорта подлежатъ вывозу, какіе—нѣтъ; каждый городъ получалъ особую цвѣтную каемку для суконъ своихъ фабрикъ. Впрочемъ, большинство указовъ исчезло при имперіи: лишь слабые слѣды ихъ сохранились до сихъ поръ въ уголовномъ кодексѣ Франціи. Важнѣе была регламентація отношеній между хозяевами и рабочими. Строгіе указы запрещали стачки—и они сохранились до 1867 г. Были введены разсчетныя книжки, неудобства которыхъ увеличивались отъ вмѣшательства полиціи, которой предоставлялось улаживать споры между хозяевами и рабочими. При всемъ томъ уже зарождалась замѣча-

тельная промышленность почти изъ ничего. Особенно выдвигались мастерства прядильное и ткацкое, затѣмъ — горное дѣло. Этому содѣйствовали машины, которыя сначала привозились, но вскорѣ были даже усовершенствованы самими французами.

Замѣтимъ, что при этомъ не должно упускать изъ виду и политическую сторону дѣла. Бонапартъ всячески старался пріобрѣсти расположеніе новой буржуазіи. Онъ и здѣсь не пренебрегалъ даже мелочами: онъ производилъ впечатлѣніе и своей простой одеждой и грубоватымъ панибратствомъ, а сначала даже житьемъ-бытьемъ хорошаго хозяина и семьянина. Но Наполеонъ не забывалъ и крестьянина, съ которымъ также обращался запросто, задушевно: онъ какъ бы хотѣлъ слить въ себѣ Генриха IV съ Сюлли. Онъ входилъ во всѣ мелочи сельскаго хозяйства: охранялъ общинныя угодья отъ раздѣловъ, а частные лѣса—отъ вырубокъ, заботился о чисткѣ каналовъ и рѣкъ, о поддержаніи плотинъ, часто устраивалъ поощрительныя выставки сельскихъ произведеній. Въ то же время правительство неустанно пеклось о народномъ здравіи: для того времени имѣла важное значеніе такая мѣра, какъ указы о врачахъ и аптекаряхъ.

Подстрекаемый соперничествомъ съ Англіей, Бонапартъ сосредоточилъ свое вниманіе и на *колоніальномъ* вопросѣ. Онъ создалъ широкій планъ заморскаго благополучія Франціи, который долженъ былъ опираться на о. С.-Доминго и Лунзіану. Но тутъ-то и проявился весь его цезаризмъ, вызвавшій первое предостереженіе деспоту, хотя взглядъ его раздѣлялся тогда всѣми государствами и особенно Англіей. Покоритель Европы смотрѣлъ на колоніи, исключительно какъ на орудія метрополіи, а на черныхъ и цвѣтныхъ туземцевъ—какъ на вьючный скотъ; онъ возстановилъ въ Вестъ-Индіи рабство и негро-торговлю, отмѣненныя конвентомъ. Негры отвѣчали мятежами: они ожесточились до того, что взрывали себя порохомъ, чтобы только не возвращаться въ положеніе звѣрей. Французскія войска живо расправились съ ними на мелкихъ островкахъ. Не то было на *С.-Доминго* — на этомъ крупномъ и роскошномъ перлѣ Антилъ. Его западъ представлялъ собой самую цвѣтущую изъ французскихъ колоній, по-

крытую богатыми плантаціями сахара и кофе; а по Базельскому миру 1795 года испанцы уступили ей и его восточную часть. При директоріи островъ терзали усобицы: плантаторы не признавали свободы негровъ и провозгласили Людовика XVII своимъ королемъ; имъ помогали испанцы и англичане. Но негры нашли даровитаго и безстрашнаго вождя въ лицѣ потомка африканскихъ царьковъ, 60-лѣтняго *Туссена-Лувертюра,* который самъ выучился грамотѣ,пріобрѣлъ безграничное довѣріе цвѣтныхъ и такъ успѣшно боролся съ плантаторами, что директорія назначила его своимъ генераломъ. Туссенъ, наконецъ, вытѣснилъ даже англичанъ съ испанцами и водворилъ миръ на островѣ. Но затѣмъ онъ естественно прогналъ и комиссаровъ директоріи. С.-Доминго сталъ республикой подъ покровительствомъ Франціи и съ„Бонапартомъ черныхъ“ во главѣ. Наполеонъ же, послѣ египетскаго похода, послѣ этой неудачи на Востокѣ, задумалъ вознаградить себя на далекомъ Западѣ: онъ получилъ Луизіану отъ испанцевъ, пообѣщавъ имъ Тоскану, и рѣшился сдѣлать С.-Доминго опорой американской торговли французовъ. Но для этого бѣлый Бонапартъ долженъ былъ уничтожить чернаго. Онъ послалъ на островъ цѣлую армію—главнымъ образомъ, изъ республиканцевъ, чтобы кстати избавиться отъ безпокойныхъ „идеологовъ“. С.-Доминго былъ покоренъ въ два мѣсяца. Туссенъ былъ коварно схваченъ, вопреки мирнымъ условіямъ, и вскорѣ умеръ плѣнникомъ во Франціи. Но негры поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Пользуясь дикой природой своей страны, они звѣрски истребляли французовъ: имъ помогали желтая лихорадка да англичане, отрѣзавшіе французамъ сношенія съ Европой. Рѣдко кто изъ идеологовъ возвратился домой. Островъ сталъ независимою республикой *Гаити.* Всѣ американскіе планы Наполеона рухнули: онъ продалъ Луизіану Соединеннымъ Штатамъ.

XXV. Психика консульства.

Душевный хаосъ.—Конкордатъ и «прививки религіи». — Католицизмъ и протестантизмъ.—Педагогія конвента и перваго консула. — «Интересная половина общества».—Военная расправа съ печатью и авторами.

Итакъ новый Цезарь сразу совершилъ то же самое дѣло, надъ которымъ такъ много потрудился его первообразъ. Первый консулъ, такъ сказать, далъ Франціи возможность жить, дышать. Могучей, смѣлой и талантливой рукой онъ заложилъ „гранитныя глыбы“ (masses de granit) въ основаніе расшатаннаго общества, представлявшаго собой „грубую, безформенную кучу“. Крѣпкая централизація, какъ первая потребность времени, какъ бы создала форму, тѣло Франціи: отсюда, какъ мы видѣли, быстрый подъемъ матеріальной культуры, хозяйственнаго быта страны. *Экономика* пошла вновь налаженнымъ путемъ, загремѣла новыми машинами, закипѣла фабричной торговлей, финансовой жизнью. Оставалось взяться за *психику* страны.

Это—область гораздо болѣе сложная, мудреная даже при обычномъ теченіи жизни. А тогда-то! Припомнимъ, что завѣщала тутъ революція. За исключеніемъ временъ разложенія античнаго міра, не было въ исторіи примѣра болѣе смятенной массовой души. Для психологическаго хаоса довольно было той кучи политическихъ партій и „фракцій“ или ихъ осколковъ, въ которой кишѣли борящіеся между собой интересы и воззрѣнія. А тутъ насталъ переломъ въ общемъ міровоззрѣніи человѣчества. Довольно сказать, что реализмъ Просвѣщенія уже оспаривался новымъ припадкомъ идеализма. Здѣсь ничего нельзя было подѣлать никакими политическими и военными „ударами“. Сама централизація имѣла тутъ совсѣмъ иное значеніе: въ идеальной культурѣ, въ этомъ щекотливомъ мірѣ души человѣка, вообще наиболѣе обнаруживаются ея отрицательныя стороны. Конечно, великанъ и тутъ останется великаномъ. У Наполеона и здѣсь возникали крупные, даже поучительные замыслы, особенно во времена

консульства; но тутъ же непосредственно вскрывались роковыя для него самого послѣдствія непониманія сферы, столь далекой отъ военнаго и дипломатическаго поприща.

Мудренѣе всего оказался религіозный вопросъ.

Церковь представляла видъ полнаго запустѣнія и анархіи. Тутъ смута въ умахъ выразилась ярко въ основномъ противорѣчіи, которымъ здѣсь, какъ и во всемъ остальномъ, страдала революція. Идеалъ совсѣмъ расходился съ практикой. Въ Объявленіи правъ человѣка 1789 года сказано: „Не должно никого тревожить изъ-за всякихъ, даже религіозныхъ, мнѣній, если только ихъ проявленіе не нарушаетъ установленнаго закономъ общественнаго порядка“. То же повторялось торжественно въ 1791 и въ 1793 годахъ.

На дѣлѣ же католическая церковь подвергалась, въ теченіе всей революціи, гоненію, которое поддерживалось разлитымъ въ націи вольтерьянствомъ. Уже Учредительница ввела „гражданскую конституцію“ духовенства, эту послѣднюю месть гонимаго при старомъ порядкѣ янсенизма. Тутъ папское постановленіе владыкъ замѣнялось народными выборами, и отъ всего духовенства требовалась присяга этой „конституціи, націи и закону“. Законодательное собраніе опредѣлило подвергать „неприсяжныхъ“ церковниковъ или „ослушниковъ“ (refrarheiers) изгнанію и ссылкѣ, а конвентъ прибавилъ смертную казнь. Онъ объявилъ также, что „французская республика не выдастъ больше ни на содержаніе ни на жалованье служителямъ какой бы то ни было религіи“. Такъ рѣшительно былъ разрубленъ этотъ Гордіевъ узелъ, надъ которымъ и теперь еще мучатся народы,—вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства!

И здѣсь-то воскресало начало вѣротерпимости въ новомъ, замѣчательномъ видѣ. Расправившись съ „государственною“ церковью, какъ съ душой стараго порядка, отобравъ ея имущества, подавляя ея служителей, наравнѣ съ эмигрантами, какъ враговъ новизны, революція предоставила всякому спасать свою душу, какъ онъ хочетъ. Отсюда, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, цѣлый хаосъ вѣръ: открыто исповѣдывали свои убѣжденія

протестанты, евреи и разныя секты. Среди послѣднихъ выдвигались подъ конецъ „ѳеофилантропы“, или друзья Бога и человѣка, благотворительное общество деистовъ, возникшее въ 1796 году для поддержанія религіи вообще. Католическое духовенство боролось съ сектами, и особенно съ ѳеофилантропами. А въ немъ самомъ кипѣла вражда между „ослушниками“ и „конституціонными“, хотя всѣ они и безъ того ослабѣли: среди первыхъ оставалось всего 15 епископовъ, да и тѣ прятались въ укромныхъ уголкахъ роялизма; у вторыхъ числилось только 50 владыкъ и 10.000 женатыхъ священниковъ. И весь этотъ, недавно столь могущественный, „клиръ“ почти совсѣмъ утратилъ вліяніе на жизнь, которая текла помимо него свободнымъ русломъ. Церковнаго брака почти не существовало; да почти не было и храмовъ: была уничтожена даже присяга. Въ то же время, при всеобщей смутѣ, подвергались сомнѣнію множество старыхъ браковъ; съ другой стороны, оспаривались права новыхъ владѣльцевъ церковныхъ имуществъ.

Директорія, которая и здѣсь представляетъ переходъ къ Наполеону, только усиливала смуту, какъ все переходное въ исторіи. Она уже склонялась къ возстановленію католицизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ старалась вырвать у него жало нетерпимости и выказывать вольтерьянское презрѣніе къ обрядности. Были разрѣшены храмы, но для всѣхъ вѣръ, и особенно для ѳеофилантроповъ, которымъ директорія покровительствовала по преимуществу. Была терпима всякая религія, но преслѣдовалась внѣшность: попа за колокольный звонъ бросали на годъ въ тюрьму, а во второй разъ ссылали. Директорія еще ненавидѣла папство, какъ какой-нибудь „цареубійца“. И тутъ оно сливалось съ націей: хотя массы уже склонялись къ католицизму, зато онѣ помнили свой вѣковѣчный галликанизмъ и не любили св. отца, все время враждовавшаго съ Франціей. Всѣ радовались, что, наконецъ, развязались съ Римомъ, благодаря революціи, которая порвала всякіе преданія и конкордаты. Никто даже не вспоминалъ о томъ, что и папы-то не было за смертью Пія VI, скончавшагося въ августѣ 1799 года.

Казалось, менѣе всего могъ сокрушаться объ этомъ Бонапартъ, который носилъ въ Египтѣ тюрбанъ и хвастался „уничтоженіемъ папы“, а въ Европѣ ставилъ престолъ св. Петра, наравнѣ съ королями и феодалами, въ разрядъ „предразсудковъ, которые должны быть подавлены французскимъ народомъ“. Какъ вдругъ міръ былъ пораженъ новымъ *конкордатомъ* (1801). То былъ крупный шагъ въ жизни Наполеона, которому пришлось выдержать отчаянную борьбу не только съ упорнымъ Ватиканомъ, но и съ горячею оппозиціей у себя дома, состоявшей изъ интеллигенціи законодательной и даже изъ его товарищей по арміи.

Первый консулъ началъ съ того, что передъ Маренго объявилъ итальянскому духовенству: „Въ мою первую бытность въ Италіи перемѣны произошли вопреки моей волѣ, моимъ убѣжденіямъ: я былъ простымъ агентомъ правительства, которому не было никакого дѣла до католицизма. Теперь я ничего не пожалѣю для охраны и утвержденія религіи. Философы новаго времени старались убѣдить Францію, будто католицизмъ—непримиримый врагъ демократіи и республики: опытъ убѣдилъ ее въ противномъ. Я—тоже философъ, но нахожу, что католицизмъ—единственная религія, указующая источникъ и цѣль жизни. Нѣтъ общества безъ нравственности, а нѣтъ добрыхъ правовъ безъ религіи. Стало-быть, только религія дастъ государству твердую и прочную опору. Общество безъ религіи — словно корабль безъ компаса... Наученная бѣдствіями Франція открыла, наконецъ, глаза: она признала, что католическая религія — какъ бы якорь, который одинъ только въ состояніи удержать ее среди ея волненій“. Затѣмъ Бонапартъ отмѣнилъ особую присягу духовенства и обратился къ вновь избранному *Пію VII* —доброму, миролюбивому старцу, который тотчасъ прислалъ ему своего кардинала Консальви. Наполеонъ, конечно, и не думалъ, подобно раскаявшемуся грѣшнику, воздать Божіе Богови: онъ хотѣлъ расправиться съ папствомъ по-военному. Но ему пришлось много повозиться съ нимъ. Талейранъ былъ вялъ: неловко было этому ех-епископу, который изъ первыхъ разорвалъ съ Римомъ и съ самимъ священствомъ! А въ кардиналѣ Консальви первый кон-

сулъ встрѣтилъ вѣрнаго, упорнаго, рѣшительнаго слугу папства. Онъ сначала изумился, потомъ разгнѣвался, сталъ грозить и пустилъ въ ходъ чудеса макіавеллизма, при чемъ обнаружилъ и недюжинныя богословскія познанія. Въ четыре мѣсяца была сломлена вѣковѣчная сила римскаго престола.

По конкордату Бонапарта, католицизмъ—не государственная религія, какъ добивался Консальви, согласно со сдѣлкой 1516 года, а вѣра „большинства французскаго народа“. Отправленіе ея „свободно“, но „соотвѣтственно полицейскимъ правиламъ“. Всѣ прежніе владыки удаляются, а новые назначаются первымъ консуломъ: папа даетъ имъ лишь „каноническую инвеституру“ или церковное постановленіе. Они ставятъ несмѣняемыхъ священниковъ, но съ „благоволенія“ правительства. И всѣ вмѣстѣ приносятъ присягу „въ повиновеніи и вѣрности правительству“, обязуясь „доносить обо всемъ, что узнаютъ зловреднаго для государства“. Всякая церковная служба кончается молитвой: „Спаси, Господи, республику и консуловъ“. Папа признаетъ церковныя имущества за ихъ новыми владѣльцами, а правительство „пристойно содержитъ“ духовенство. Первый консулъ пользуется у церкви всѣми личными преимуществами прежнихъ королей, а самъ признаетъ свѣтскую власть папы и возстановляетъ право завѣщать имущества въ пользу церкви.

Бонапарту казалось этого мало. Самъ, безъ участія папы, издалъ онъ „*органическія статьи* католическаго культа“, какъ бы въ разъясненіе конкордата. Ихъ основы заимствованы изъ декларацiи 1682 г., этой хартіи галликанской церкви: сюда вошло все, что отвергъ Консальви. Такъ опредѣлялось, что всѣ бумаги папъ и даже соборовъ оглашаются во Франціи лишь съ правительственнаго разрѣшенія, которое требуется также для составленія національныхъ синодовъ и для отлучекъ владыкъ изъ своихъ епархій. Статьи сохраняли гражданскій бракъ и предоставляли правительству веденіе гражданскихъ списковъ, метрическихъ книгъ. Онѣ касались даже догмы и въ разрѣзъ съ канонами и съ самимъ конкордатомъ: таковы параграфы объ одобреніи катихизиса правительствомъ, о правѣ частныхъ лицъ и префек-

товъ жаловаться на „злоупотребленія“ духовной власти и т. д. Въ государственномъ совѣтѣ вѣрно пояснялп, что церковныя дѣла по преимуществу принадлежатъ вѣдѣнію „высшей полиціи“. Папа не разъ протестовалъ противъ статей, но тщетно. Столь же безполезенъ былъ живой протестъ въ видѣ существованія „малой церкви“, какъ съ полвѣка назывались во Франціи „антиконкордатовцы“.

Нація-вольтерьянка поняла своего смѣлаго вождя: она назвала церковниковъ „священною полиціей“. И напрасно, года три спустя, Пій VII, призванный въ Парижъ короновать новаго императора, выставлялъ нѣкоторыя условія. Наполеонъ ограничился вопросомъ: „Развѣ не заслуживаетъ довѣрія тотъ, кто уже сдѣлалъ такъ много?“ А когда св. отецъ подъѣзжалъ къ Парижу, Наполеонъ встрѣтилъ его, будто случайно, въ лѣсу, въ охотничьемъ платьѣ, и не остановилъ гостя, когда тотъ выскочилъ изъ кареты прямо въ грязь, въ своихъ атласныхъ туфляхъ и въ парадномъ облаченіп.

Захвативъ католическую церковь въ свои цѣпкія руки, обезпечивъ за собой и будущую „поповщину“ посредствомъ казенныхъ семинарій, Наполеонъ началъ холить ее и устраивать образцово: духовенство назвало его „возстановителемъ алтаря“, самъ папскій легатъ провозгласилъ его „новымъ Константиномъ“. Онъ воздалъ погребальныя почести Пію VI, какъ особѣ, занимавшей „одно изъ первыхъ мѣстъ на землѣ“, назначилъ своего посланника въ Римѣ и принялъ папскаго нунція. Затѣмъ назначилъ достойныхъ владыкъ (10 архіепископовъ и 50 епископовъ), частью изъ покорившихся старыхъ прелатовъ, частью изъ наиболѣе покорныхъ „конституціонныхъ“, и содержалъ ихъ на славу; а „ослушниковъ“ выпустилъ изъ тюремъ, заставивъ ихъ предварительно присягнуть въ вѣрности. Онъ сталъ льстить духовенству, доставлялъ ему почести, даже выказывалъ набожность. Заключеніе конкордата дало ему поводъ возстановить церковную пышность: на Пасху въ соборѣ Богоматери была отслужена первая офиціальная обѣдня, въ присутствіи властей, вельможъ и войскъ. Возвратившись оттуда, первый консулъ воскликнулъ: „Теперь —

конецъ французской революціи!“ Было разрѣшено звонить въ колокола. Были дозволены пять женскихъ благотворительныхъ монашескихъ орденовъ хотя каждый разъ съ особаго соизволенія правительства, а у теофилантроповъ были отняты церкви — и эта секта тотчасъ же исчезла навѣки. Въ то же время были отмѣнены республиканскіе праздники, кромѣ дней взятія Бастиліи и основанія республики, и было возстановлено воскресенье. Въ самомъ началѣ имперіи явилось и „министерство вѣроисповѣданій“.

Въ настоящее время не можетъ быть споровъ ни о значеніи церковнаго дѣла Бонапарта ни о причинахъ, вызвавшихъ его. Не даромъ Наполеонъ всегда гордился имъ почти такъ же, какъ своимъ кодексомъ. Онъ справедливо дорожилъ имъ, какъ своимъ личнымъ дѣломъ, которое досталось ему не дешево и выказало всѣ блестящія стороны его правительственнаго таланта. Онъ велѣлъ подписать конкордатъ своему старшему брату, Жозефу, а защищать его въ трибунатѣ — Люсьену. Онъ горячо сказалъ депутаціи законодательнаго корпуса, явившейся поздравить его съ заключеніемъ амьенскаго мира: „Ваши засѣданія начинаются съ самаго важнаго дѣла, цѣль котораго — подавленіе религіозныхъ распрей. Вся Франція требуетъ прекращенія этихъ печальныхъ распрей и возстановленія алтарей. Надѣюсь, въ вашемъ приговорѣ вы будете столь же единодушны, какъ она. Съ живой радостью увидитъ Франція, что ея законодатели установили миръ совѣсти, миръ семьи, — миръ стократъ болѣе важный, чѣмъ тотъ, съ которымъ вы пришли поздравить правительство“. Въ этомъ смыслѣ конкордатъ былъ, дѣйствительно, концомъ революціи. И это — тоже гранитная глыба: до сихъ поръ конкордатъ служилъ основой отношеній между церковью и государствомъ во Франціи.

Бонапартъ дѣйствовалъ какъ сознательный политикъ. Онъ предвидѣлъ бурю, которую вызоветъ возстановленіе католичества на верху общества, но не испугался. Онъ понималъ потребность массъ. Да вѣдь тутъ нечего было и угадывать. Государственные совѣтники, разосланные послѣ 18-го брюмера для изученія страны, всюду наталкивались на одно и то же явленіе: въ соборѣ у присяжнаго попа дюжина молящихся, въ часовенкѣ ослушника не

протолкнуться. Извѣстный химикъ, бывшій членъ конвента, Фуркруа, доносилъ: „Повсюду празднуютъ воскресенье; въ церквахъ наплывъ: ясно, что французская масса желаетъ возвратиться къ старымъ обычаямъ; уже поздно сопротивляться этой наклонности націи“.

Самъ Наполеонъ лучше всѣхъ описалъ потомъ положеніе дѣла въ ту пору. Онъ говорилъ: „Трудно повѣрить, сколько препятствій пришлось мнѣ побѣдить, чтобы возстановить католичество! Скорѣе пошли бы за мною, если бъ я выкинулъ знамя протестантизма... Въ государственномъ совѣтѣ прямо говорили: „ну, такъ станемъ протестантами — и намъ не будетъ дѣла до конкордата“. Правда, среди доставшихся мнѣ развалинъ и смуты я могъ выбирать между католицизмомъ и протестантизмомъ; правда и то, что все толкало къ послѣднему. Но, помимо того, что меня влекло къ моей родной религіи, у меня были самыя возвышенныя побужденія. Объявивъ протестантизмъ, я разбилъ бы Францію на двѣ великія партіи, а я не хотѣлъ ни одной. Я вызвалъ бы ужасы религіозныхъ войнъ, тогда какъ просвѣщеніе вѣка и моя воля требовали совсѣмъ устранить ихъ. Эти двѣ партіи, истребляя другъ друга, сдѣлали бы Францію рабой Европы, а не ея госпожой, какъ я мечталъ“. Наполеонъ прибавлялъ: „Во Франціи вообще слишкомъ мало религіи, чтобы выкроить изъ нея двѣ!“

Цѣль Бонапарта ясна. Она была чисто политическая. Первый консулъ возсоединилъ церковь съ государствомъ, но такъ, что первая стала служанкой второго. На этомъ условіи допускалась свобода совѣсти, то-есть терпѣлись всякія исповѣданія. Вскорѣ мы увидимъ, какъ Наполеонъ примѣнилъ это начало и къ еврейскому вопросу.

Мы видѣли, какъ первый консулъ, приравнивая свою „поповщину“ къ своей жандармеріи, прямо называлъ религію „опорой государства“. И она скоро вымуштровалась, памятуя такой случай. Одинъ батюшка высказалъ было свое пониманіе искусства постарому: онъ лишилъ христіанскаго погребенія балетную танцовщицу. Бонапартъ немедленно отрѣшилъ его отъ должности на три мѣсяца, „чтобы дать ему время поразмыслить о томъ, какъ

Христосъ молился за своихъ враговъ“. Въ то же время первый консулъ утѣшалъ друзей свободы тѣмъ, что его конкордатъ-де— не что иное, какъ окончательная побѣда философіи, подчиненіе церкви государству, „прививка религіи, послѣ которой она черезъ пятьдесятъ лѣтъ исчезнетъ во Франціи“. Лафайету онъ сказалъ: „Я поставилъ поповъ ниже, чѣмъ вы ставили: епископъ будетъ крайне счастливъ пообѣдать у префекта. И развѣ пустяки — заставить папу и духовенство высказаться противъ законности правъ Бурбоновъ“. На о. св. Елены Наполеонъ высказался весь: „Я надѣялся захватить этого папу въ свои руки: и тогда — какое вліяніе, какой рычагъ, чтобы ворочать воззрѣніями всего міра! Если бъ я возвратился изъ Москвы побѣдителемъ, я заставилъ бы папу не сожалѣть о своей свѣтской власти: я сдѣлалъ бы изъ него идола; онъ жилъ бы подлѣ меня. Парижъ сталъ бы столицей всего христіанства; и я управлялъ бы религіознымъ міромъ точно такъ же, какъ политическимъ. Мои соборы были бы представителями христіанства, а папы были бы только ихъ предсѣдателями. Я открывалъ бы и закрывалъ ихъ, одобрялъ бы и обнародовалъ ихъ постановленія, какъ Константинъ и Карлъ Великій!“

На дѣлѣ вышло не то. Хотя Бонапартъ обратилъ католическую церковь въ жандармерію, но то была преторіанская охрана. Конкордатъ былъ возстановленіемъ свѣтской власти папъ, а каноническая инвеститура — тѣмъ ихъ оружіемъ, которое привело Генриха IV въ Каноссу. Возродилась безконечная борьба императорства съ папствомъ, истомившая даже такого богатыря свѣтской власти, какъ Наполеонъ.

Первый консулъ не забылъ и остальныхъ христіанскихъ церквей. Онъ распорядился съ ними съ такою же великой развязностью. Къ протестантизму даже прямо примѣнялись Статьи: тутъ все—съ „разрѣшенія, одобренія, благоволенія“ правительства, которое утверждало пасторовъ, избираемыхъ консисторіями, но зато государство не скупилось на деньги и даже завело академію для подготовки пасторовъ. Протестантскія церкви „не могли сноситься ни съ какой иностранною державой“ и призна-

вались только кальвинизмъ да лютеранство, съ исключеніемъ всѣхъ сектъ.

Если Наполеонъ постигалъ государственное значеніе религіи и успѣлъ даже здѣсь провести свою волю, то понятны его заботы о *просвѣщеніи* народа, которое гораздо легче обратить въ орудіе власти. Онъ и тутъ хотѣлъ создать изъ ничего цѣлую величавую систему.

Здѣсь, какъ почти во всемъ, революція успѣла только вымести старый соръ да возвѣстить новыя просвѣтительныя начала. Учредительница тотчасъ же возвѣстила: „Будетъ создано и устроено народное просвѣщеніе, общее для всѣхъ гражданъ и даровое въ тѣхъ частяхъ, которыя необходимы всякому человѣку“. И она успѣла заслушать обстоятельную записку Талейрана по педагогіи. То же сдѣлало законодательное собраніе, поручившее это дѣло глубокому мыслителю Кондорсэ. Конвентъ уже ревностно занялся воспитаніемъ, которому Робеспьеръ придавалъ столь великое значеніе. Онъ гордился этой задачей и потратилъ на нее не мало времени. Народное образованіе было объявлено свободнымъ, всеобщимъ, даровымъ и обязательнымъ. Оно опиралось на энциклопедическія свѣдѣнія, безъ примѣси церковности. Кондорсэ хотѣлъ даже распространить его одинаково и на дѣвочекъ. Было высказано много плановъ, среди которыхъ работа Сенъ-Жюста выдавалась своею обширностью и своеобразностью. Конвентъ уже переходилъ отъ теоріи къ практикѣ. Онъ приступалъ къ цѣлой системѣ воспитанія, подъ именемъ школъ „начальныхъ“, центральныхъ (среднія) и спеціальныхъ (высшихъ). Изъ десяти послѣднихъ онъ успѣлъ только исполнить мысль Декарта о наглядномъ обученіи, въ видѣ консерваторіи искусствъ и ремеслъ, да основать политехническую школу, консерваторію музыкальную, нормальную школу, медицинскія школы, военную школу, наконецъ, Институтъ, совмѣстившій въ себѣ, какъ представитель науки, всѣ старыя „академіи“.

Но, конечно, все это были благія пожеланія да теорія. Даже если бъ былъ полный миръ и куча денегъ, что можно было сдѣлать въ пять лѣтъ съ появленія знаменитаго декрета конвента

(октябрь 1795), который даже консерваторы во Франціи называютъ цѣлымъ „кодексомъ народнаго просвѣщенія?“ Вѣдь не успѣли народиться даже учителя: революція, конечно, упразднила всю „жиденькую учебу стараго порядка“, находившуюся въ рукахъ клира и особенно іезуитовъ. Немудрено, что лишь случайные „профессора“ читали какіе попало „курсы“, не было ни программъ, ни экзаменовъ, ни дипломовъ, въ то время еще неизбѣжныхъ. Начальныхъ школъ, можно сказать, не было вовсе: уже поговаривали о возвращеніи къ содѣйствію приходскихъ батюшекъ и о возстановленіи старыхъ жалкихъ „коллежей“ (гимназій). Люсьенъ Бонапартъ доносилъ брату, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ: „Во Франціи почти нѣтъ обученія“.

Бонапартъ рѣшилъ немедленно искоренить такое „невѣжество и варварство“, — и лѣтъ въ пять совершилось педагогическое чудо. Уже въ 1799 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была учреждена „генеральная дирекція народнаго просвѣщенія“.

Было отчислено 120 милліоновъ изъ національныхъ имуществъ. Въ 1802 г. явилась новая педагогическая система, заимствованная, по формѣ, у конвента, лишь съ переименованіемъ центральныхъ школъ во „второ-разрядныя“ и „лицеи“. Въ три года возникло $4^1/_2$ тысячи первоначальныхъ школъ, 750 второразрядныхъ и 45 лицеевъ, гдѣ впервые было установлено реальное образованіе съ новыми языками. Надъ ними возвышались девять спеціальныхъ заведеній, изъ которыхъ пять были посвящены точнымъ и опытнымъ наукамъ, одно — юриспруденціи, одно — географіи, исторіи и политической экономіи и два—искусствамъ. Сверхъ того были развиты военная школа въ С.-Сирѣ, французская коллегія, музей естественной исторіи и школа живыхъ восточныхъ языковъ; были вновь учреждены школа мостовъ и шоссе, школа художествъ и ремеслъ и національный Институтъ, который ежегодно давалъ отчеты о ходѣ всѣхъ наукъ.

Но въ систему конвента вложили новую душу. Здѣсь, въ свою очередь, водворились централизація, повелительность и недовѣріе властелина. Педагогія стала монополіей государства: частнымъ лицамъ разрѣшались только второразрядныя школы, да и то по

казеннымъ программамъ и подъ надзоромъ правительства до мелочей. Вездѣ, не исключая высшаго преподаванія, господствовали „освященные государствомъ методы“ и уставы, съ опредѣленіемъ числа и продолжительности лекцій, формы и содержанія экзаменовъ; на каждомъ шагу встрѣчался надзоръ общихъ властей и особыхъ „инспекцій“. Все было направлено къ созданію „хорошихъ гражданъ“, къ развитію узкой практичности, ремесленности, а про научный духъ не упоминалось ни слова. Цѣль была прямо указана докладчикомъ новаго закона въ трибунатѣ, Редереромъ: „Предлагаемое учрежденіе не чисто нравственное, но также политическое; оно должно соединить съ правительствомъ и начинающееся и кончающееся поколѣнія, привязать къ нему отцовъ посредствомъ дѣтей, и дѣтей — посредствомъ отцовъ, установить родъ общественнаго родства“. Наполеонъ прибавилъ: „Главная моя цѣль при учрежденіи корпораціи учителей — создать средство руководить политическими и нравственными убѣжденіями“.

Вся казенная учеба касалась только мальчиковъ; о дѣвочкахъ одинъ клеврет Бонапарта сказалъ въ палатѣ, что, „говоря откровенно, эта интересная половина общества должна быть посвящена исключительно заботамъ о домоводствѣ“. А самъ Наполеонъ выразился просто по-солдатски: „Не думаю, чтобы нужно было заниматься воспитаніемъ дѣвочекъ. Это — дѣло ихъ матерей. Общественное воспитаніе не пристало имъ: вѣдь онѣ не призваны жить въ обществѣ. Все ихъ назначеніе въ бракѣ“. Меньше всего думали о массахъ: первоначальныя школы предоставлялись попеченію общинъ и родителей, только подъ руководствомъ подпрефектовъ. Мысль революціи о даровомъ обученіи казалась Бонапарту „романомъ“: онъ требовалъ для народа прежде всего „религіи“, а затѣмъ самаго „необходимаго“, чтобы только „человѣкъ не былъ слѣпымъ орудіемъ среды“. Впрочемъ, съ тѣмъ же расчетомъ отмѣрялась наука и лицеямъ, этимъ любимцамъ перваго консула. Когда Фуркруа явился съ широкимъ планомъ средняго образованія, Бонапартъ вычеркнулъ всю философію и часть исторіи, замѣтивъ: „Немножко латыни и математики; больше не требуется“. И гуманитарное образованіе было

ограничено здѣсь начатками древнихъ языковъ да номенклатурой по литературѣ и исторіи, прекращавшейся 1789 годомъ: даже въ Институтѣ было закрыто отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ, какъ гнѣздо „идеологіи“. Зато въ лицеяхъ было множество „профессоровъ военныхъ упражненій“: каждая минута „питомцевъ отечества“ переживалась по правиламъ шагистики и по барабану.

Переполненные офицерами и священниками, эти интернаты походили не то на казармы, не то на монастыри; зато ихъ питомцы были привязаны, вмѣстѣ съ своими отцами, къ правительству болѣе, чѣмъ шестью тысячами крупныхъ стипендій. И, по внѣшности, здѣсь господствовали лоскъ и дисциплина іезуитскихъ школъ, благодаря надзору префектовъ и „конкурсамъ“ между всѣми лицеями. Въ высшихъ заведеніяхъ царствовали такіе же порядки, съ помощью назначаемыхъ правительствомъ профессоровъ, директоровъ, „генералъ-инспекторовъ, административныхъ бюро и дисциплинарныхъ совѣтовъ“.

Еще ярче проявился цезаризмъ въ той военной смѣлости, съ которою взялся Бонапартъ за такую щекотливую задачу, какъ руководство главнымъ орудіемъ просвѣщенія—*печатью*. Послѣднюю составляли тѣ самые журналы, которые еще такъ недавно горячо отвѣчали на его просьбы восхвалять его, „его одного“. А теперь они позволяли себѣ изрѣдка лишь самые невинные намеки [1]). И на эту-то печать накинулся первый консулъ, забывая завѣтъ Объявленія Правъ, что свобода печати — „одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка“. Впрочемъ, и тутъ Наполеонъ былъ лишь продолжателемъ непосредственнаго прошлаго. Конвентъ объявлялъ: „Кто будетъ уличенъ въ составленіи или напечатаніи сочиненій или рукописей, которыя требуютъ распущенія національнаго представительства, возстановленія королевской или иной

---

[1]) Напримѣръ, „Gazette de France“ разсказала такой «анекдотъ» о конституціи VIII года: «Одинъ думецъ читалъ конституцію. Толпа вокругъ него такъ волновалась, что ничего не было слышно. «Я ничего не поняла», говоритъ одна женщина сосѣдкѣ. «А я не проронила ни словечка».—«Ну, такъ что же въ этой конституціи?»... — «Тамъ Буонапарте!»

власти вредной державности народа, — тотъ будетъ приведенъ въ чрезвычайное судилище и подвергнется смертной казни". Директорія сначала только поставила журналы „подъ надзоръ полиціи" и ввела гербовый сборъ съ нихъ. Затѣмъ она опредѣлила массовую ссылку „собственниковъ, издателей, редакторовъ, авторовъ" 42-хъ газетъ.

Первый консулъ воспользовался любопытнымъ умолчаніемъ о печати въ конституціи VIII года. Когда Лафайетъ со своими друзьями пообѣщали ему поддержку за свободу печати, онъ воскликнулъ: „Чего ожидать отъ людей, у которыхъ въ головѣ метафизика 1789 года? Свобода печати! Дай я ее — и сейчасъ у меня будетъ 30 газетъ роялистическихъ и 30 якобинскихъ: и мнѣ придется управлять съ меньшинствомъ". И явился указъ о закрытіи газетъ „за статьи, противныя общественному порядку, державности народа, славѣ арміи и дружественныхъ націй, хотя бы онѣ были почерпнуты изъ иностранныхъ газетъ: всегда можно брать извѣстія изъ „Монитёра" (Указателя)". Этотъ революціонный „Монитёръ" превратился въ офиціальный органъ перваго консула. Подлѣ него уцѣлѣло лишь 13 газетъ изъ 73-хъ, съ 18.000 подписчиковъ, на всю Францію. И насчетъ ихъ префектъ полиціи часто получалъ отъ Наполеона такія записочки: „Велите перемѣнить редактора; сдѣлайте выговоръ за перепечатку изъ нѣмецкихъ газетъ" и т. д. „Ради обезпеченія свободы печати", велѣно было представлять книги въ полицію, до продажи, „чтобы тотчасъ же можно было остановить дурныя сочиненія". Такъ же поступали съ театральными пьесами, и съ той поры во Франціи скончался „аристофановскій театръ".

А съ авторами расправлялись совсѣмъ по-военному. Одинъ академикъ былъ выгнанъ, какъ „унижающій корпорацію", за ничтожную книжку о революціи. Публицистъ Констанъ и поэтъ Шенье были исключены изъ трибуната и лишились права писать. Г-жа Сталь была изгнана изъ Франціи на два года за нѣсколько словъ, сказанныхъ въ своей гостиной. Она вела себя скромно, возвратилась до срока и проживала въ деревнѣ у пріятельницы. Бонапартъ написалъ Фушэ: „Объявите ей, что если черезъ пять

дней она все еще будетъ тамъ, ее отправятъ за границу съ жандармами. Эта женщина — чисто зловѣщая птица: ея появленіе всегда служитъ признакомъ какого-нибудь волненія". Въ то же время другая писательница, г-жа Жанлисъ, получила пенсію: она указала Наполеону на возвращеніе соперницы и превозносила его въ своихъ сочиненіяхъ.

Первый консулъ думалъ распоряжаться и чужою печатью. Самъ онъ называлъ англичанъ въ „Монитёрѣ" „убійцами, продажными, пьяницами, пиратами", а ихъ парламентскіе выборы— „кровавыми сатурналіями"; но послѣ амьенскаго мира потребовалъ, чтобы они выдали ему „памфлетистовъ" (эмигрантовъ) и не смѣли чернить его въ своихъ газетахъ. Онъ злился на ихъ правительство, когда оно отвѣтило, что въ Англіи „печать свободна по конституціи" и что оно само подвергается, съ ея стороны, неменьшимъ оскорбленіямъ.

XXVI. Новое общество.

Могикане свободы. — Партіи и адская машина. — Разрывъ съ 1789 годомъ. — Моро и герцогъ Антьенскій. — Старый «свѣтъ». — Новая литература и искусство. — Почетный Легіонъ. — Новый дворъ. — Корсиканскій кланъ въ Тюльери.

Въ четыре съ половиной года, среди неимовѣрно тяжкихъ и блестящихъ великихъ подвиговъ, совершились крупныя и всесторонніе реформы; и въ основаніе ихъ былъ заложенъ цезаризмъ, которому могъ позавидовать самъ его отецъ. Ключъ къ пониманію этого чуда, какъ и всей эпохи Наполеона, лежитъ въ состояніи *общества*. Сначала еще замѣчалось, что оно — плодъ просвѣщенія революціи: оно было поистинѣ просвѣщенно, привычно къ критикѣ. Даже масса еще понимала и помнила магическія слова Объявленія Правъ и была проникнута вольтерьянствомъ, а интеллигенція красовалась людьми убѣжденія, таланта и мужества. Среди нихъ была и такая женщина, какъ богатая аристократка, дочь Неккера, г-жа Сталь, которая послѣ 18-го

брюмера на вопросъ Бонапарта: „Чего она хочетъ?“ отвѣчала: „Дѣло не въ томъ, чего я хочу, а въ томъ, что я думаю“.

Эти люди не только вліяли на общество черезъ такіе „салоны“, какъ у Сталь, но и участвовали во власти: среди законодателей, даже въ министерствахъ было не мало избранниковъ эпохи борьбы за новыя идеи — членовъ разныхъ революціонныхъ собраній, въ особенности Учредительницы; но больше всего было ихъ въ трибунатѣ, который и называлъ себя „защитникомъ свободы“. Тутъ „похитителю державности націи“ доставалось не мало отъ такихъ борцовъ краснорѣчія, какъ Карно, Лафайетъ, Жозефъ Шенье, Жансенэ. Вождемъ ихъ былъ любимецъ г-жи Сталь, душа ея салона, 33-лѣтній Бенжаменъ Констанъ. Страстный, даровитый потомокъ гугенотовъ, блестящій публицистъ и ораторъ, онъ съ примѣрнымъ мужествомъ сразу сцѣпился съ „человѣкомъ 18-го брюмера“, отстаивая „независимость“ трибуната. „Безъ нея, — воскликнулъ онъ, — будетъ только рабство да молчаніе, — молчаніе, которое услышитъ вся Европа!“ Трибунатъ даже отвергъ часть Кодекса большинствомъ 65-ти голосовъ противъ 13-ти.

Подобныя голосовки бывали и въ законодательномъ корпусѣ; даже государственный совѣтъ назвалъ ордена „погремушками“ (hochets). Лафайетъ подавилъ въ себѣ чувство личной признательности къ человѣку, спасшему его отъ австрійскаго каземата. Онъ подалъ голосъ противъ пожизненнаго консульства и написалъ Бонапарту: „Подожду, пока ваша должность не будетъ покоиться на основаніяхъ, достойныхъ націи и васъ“. А великій Карно воскликнулъ: „Сердце говоритъ мнѣ, что свободное правленіе легче и прочнѣе всякаго произвола!“ И онъ удалился изъ отечества въ скитальчество. Противъ конкордата возстали всѣ высшія учрежденія и сами личные друзья Бонапарта. Послышался ропотъ даже среди военныхъ, особенно въ рейнской арміи, у другого великаго человѣка — у Моро, который держался въ сторонѣ, презирая милости счастливаго соперника. И при коронаціи, по словамъ одного владыки, „засмѣйся кто-нибудь и — намъ предстояла опасность залиться хохотомъ гомеровскихъ боговъ“.

Давали знать о себѣ и политическія партіи. Теоретики оппозиціи, конституціоналисты собирались въ салонахъ такихъ умницъ, какъ г-жа Сталь, или такихъ прелестницъ, какъ Рекамье. Партіями дѣйствія были якобинцы, вѣрнѣе — республиканцы, и роялисты. Бонапартъ больше всего боялся первыхъ, а самыми опасными были вторые. Это оказалось тотчасъ же. Въ самомъ началѣ 1800 года первый консулъ думалъ покончить съ вандейцами миромъ, объявивъ амнистію тѣмъ изъ нихъ, которые немедленно положатъ оружіе. Ихъ видные главари, дѣйствительно, подчинились; но масса упорствовала, подстрекаемая юркими подпольными дѣятелями. Тогда Бонапартъ приказалъ Эдувилю, стоявшему съ войсками въ Вандеѣ: „Поспѣши же внести ужасъ и смерть въ ряды этихъ разбойниковъ! Чтобъ къ 1-му марта не существовало ни одного изъ нихъ!“

И знаменитая Вандея была живо подавлена въ крови. Но роялизмъ спѣшилъ отомстить. Его агенты, съ Сенъ-Режаномъ во главѣ, устроили въ концѣ года знаменитую „адскую машину“ — бочепокъ пороха съ пулями, который чуть не взорвалъ на воздухъ Бонапарта, ѣхавшаго въ Оперу, убилъ и искалѣчилъ 64 человѣка и повредилъ съ полсотни домовъ. Нити этого заговора доходили до Тюльери: Жозефина понимала, что значило желаніе ея супруга ввести въ Кодексъ разводъ „по несходству характеровъ“. Два года спустя, эта безплодная жена придумала другое средство — бракъ Луп-Бонапарта съ ея Гортензіей, при полномъ несходствѣ характеровъ: сына ихъ предполагалось сдѣлать наслѣдникомъ Наполеона. Немудрено, что послѣ адской машины была сдѣлана болѣе серьезная попытка, связанная съ громкимъ именемъ генерала, измѣнившаго революціи, которая прославила его не по заслугамъ. Бѣжавшій изъ ссылки Пишегрю пробрался въ Лондонъ, гдѣ терся подлѣ принцевъ Артура, Берри и Кондэ. Оттуда онъ проникъ на англійскія деньги въ Парижъ, чтобъ поддержать заговоръ одного изъ послѣднихъ главарей Вандеи, отчаяннаго, но недалекаго, неосторожнаго Жоржа Кадудаля. Фушэ все развѣдалъ во-время и ловко самъ поджигалъ заговорщиковъ, надѣясь вовлечь въ дѣло Моро и изловить бур-

бонскихъ принцевъ, которые собирались высадиться во Францію при первомъ успѣхѣ своихъ агентовъ. Пытки доставили ему нужныя признанія заподозрѣнныхъ. Кадудаль былъ разстрѣлянъ. Пишегрю „умертвилъ себя“ въ тюрьмѣ, — кажется, самолично, но тогда всѣ вѣрили, что это было дѣломъ Бонапарта.

Эта исторія съ Пишегрю, Кадудалемъ и Моро была не только самая громкая въ ту пору, но и поучительная для всѣхъ временъ. Она прекрасно рисуетъ и всю низость человѣческой природы среди нравственнаго разгрома, и всю ловкость новаго цезаризма. Это — чистый романъ, не хуже „Тайнъ Парижа“. Въ немъ, конечно, много вымышленнаго, но и того, что доказано и освѣщено теперь документами, достаточно, чтобы видѣть истинное воплощеніе Лекока въ лицѣ такихъ богатырей негодяйства, какъ Мегэ де-ля-Тушъ и шайка д'Антрэга. Эти молодцы такъ ловко вели дѣло, что самъ Наполеонъ не могъ изловить ихъ. Онъ живо чувствовалъ ихъ руку, искалъ ихъ, считая душой всѣхъ заговоровъ самого Талейрана; но они ускользнули изъ рукъ и шпіоновъ Фушэ и жандармовъ Савари. Зная теперь всѣ сѣти, которыми была опутана жизнь перваго консула, мы поймемъ его ожесточеніе, а также судьбу Моро и герцога Ангьенскаго.

И новому Цезарю лучше стараго удалось справиться даже съ этой новой адской машиной. Нельзя не подивиться и здѣсь его мужеству, ловкости и желѣзной волѣ. Къ концу консульства заговоры прекратились точно такъ же, какъ и оппозиція: и большому кораблю открылось большое, безпрепятственное плаваніе.

Наполеонъ оказался и отличнымъ сыщикомъ. Новые документы доказываютъ, что онъ самъ принималъ горячее участіе въ подвигахъ Фушэ и ловко велъ дѣло Кадудаля. Онъ самъ говорилъ тогда же: „Я не подвергался серьезной опасности: полиція внимательно слѣдила за каждымъ шагомъ заговорщиковъ“. Но Бонапартъ былъ головой выше разныхъ Фушэ. Онъ возвелъ ихъ дѣло въ перлъ созданія восхитительнымъ макіавеллизмомъ высшаго полета, съ помощью котораго ему удалось провести всѣхъ своихъ враговъ во Франціи.

Первый консулъ сначала казался простодушнымъ добрякомъ, который только думалъ о томъ, чтобы всѣхъ примирить съ 18-мъ брюмера. Была объявлена всеобщая амнистія, и должности раздавались людямъ всѣхъ партій. Но „сыну революціи“ нужно было въ особенности щадить ближайшее преданіе. И Бонапартъ называлъ себя „гражданиномъ-генераломъ“, жилъ помѣщански, бесѣдовалъ запросто съ простонародьемъ и сержантами, якшался съ учеными и писателями. Онъ возвратилъ Лафайета, Карно и другихъ славныхъ дѣятелей революціи, а своему сопернику Моро далъ главный постъ въ арміи. „Правительственный дворецъ“, какъ былъ названъ Тюльери, украшали бюсты Демосѳена, Брута, Мирабо и Вашингтона.

Но вскорѣ республиканцевъ начали прижимать, а роялистовъ поощрять. Уже въ 1799 г. „60 идеологовъ“ попали частью въ Гвіану, частью подъ надзоръ полиціи; затѣмъ многіе были гильотинированы безъ шуму, за изобрѣтенные господиномъ Фушэ заговоры. Послѣ рѣзкой рѣчи Констана въ трибунатѣ, Фушэ сказалъ г-жѣ Сталь, какъ его „подстрекательницѣ“: „Совѣтую вамъ проѣхаться въ деревню“. И вслѣдъ за нею были высланы ея пріятельницы — г-жи Рекамье, Шеврёзъ, Дама и др. Въ то же время освобождали изъ тюремъ „неприсяжныхъ“ священниковъ, и Бонапартъ собственноручно выпустилъ заложниковъ Вандеи: Эдувиль уже успѣлъ исполнить его приказъ такъ усердно, что Вандея была усмирена навѣки. Помаленьку начали возвращаться и эмигранты — по усмотрѣнію перваго консула; имъ даже давались иногда должности. Оттого большинство „да“ въ вопросѣ о пожизненномъ консульствѣ принадлежало роялистамъ: этотъ плебисцитъ должно считать *разрывомъ Бонапарта съ людьми 1789 года*, которые наивно помогали 18-му брюмера, въ надеждѣ „получить отъ человѣка ту свободу, которой они не могли добиться отъ законовъ“.

Премудрый Людовикъ XVIII даже прозрѣлъ тогда новаго Монка въ лицѣ генерала, который дѣйствительно дѣлалъ какіе-то смутные намеки для успокоенія Европы. Онъ предложилъ Бонапарту мечъ констабля Франціи, но получилъ такой отвѣтъ: „Не желайте воз-

вратиться: вамъ пришлось бы перешагнуть черезъ 500.000 труповъ!“

Вслѣдъ за тѣмъ первый консулъ, зная, въ чемъ дѣло, приписалъ адскую машину „якобинцамъ“, при чемъ сказалъ: „Если они и не брались за ножъ, то они способны на это“. При этомъ онъ наглядно показалъ, какъ полководцы понимаютъ конституцію. Такъ какъ ни трибуны ни законодатели не соглашались на опалу невиновныхъ, то первый консулъ прибѣгнулъ къ „правительственному акту“, т.-е. къ административной мѣрѣ. Подобно Ивану Грозному, онъ выбралъ въ „своемъ поминаніи“ пятьсотъ „сержантовъ революціи“ — и кого казнилъ, кого сослалъ, кого заточилъ въ провинціи. Тогда же были брошены въ тюрьму разныя „республиканки“, и во главѣ ихъ вдовы Марата и Бабёфа; но сестра благодѣтеля Робеспьера получила пенсію. При такихъ мѣропріятіяхъ первый консулъ надѣялся кстати обѣлиться въ глазахъ офиціальной Европы, которая, въ лицѣ Питта, называла его „сыномъ и бойцомъ якобинцевъ“. Онъ удостоился отъ Павла I дружескаго приглашенія стать королемъ „для искорененія началъ революціи“.

Оставалось вытравить эти начала въ войскахъ. Тутъ, дѣйствительно дѣло было неладно. Въ арміи были свои знаменитости. Еще больше было честолюбцевъ, которые приписывали успѣхи своего вчерашняго товарища одному счастью и не были довольны наградами. Отчего было этимъ отважнымъ сынамъ революціи не попытаться устроить собственное 18-е брюмера или не подслужиться Бурбонамъ, которые обѣщали имъ цѣлое Эльдорадо? Судя по бумагамъ Антрэга, такіе тузы арміи, какъ Массена и Сюше, передавали въ Лондонъ тайны Бонапарта. Начальникъ западной арміи, завистливый Бернадотъ, не скрывалъ своего негодованія; его помощники Марбо и Симонъ были арестованы за участіе въ заговорѣ въ Реннѣ. Было еще нѣсколько заговоровъ между офицерами, нити которыхъ проходили къ главному клубку въ рукахъ бывшаго генерала Пишегрю. Бонапартъ расправлялся съ ними по-военному, но тихонько: ему не хотѣлось, чтобы общество знало о такомъ серьезномъ скандалѣ.

Но главная опасность сосредоточивалась въ рейнской арміи, наиболѣе славной, образованной и преданной великому Моро. Она была отправлена на Санъ-Доминго, гдѣ почти вся погибла. Затѣмъ пришла очередь Моро. Этотъ ученикъ Пишегрю былъ только разъ побитъ Суворовымъ. Ему было всего 43 года, а онъ уже славился какъ первоклассный полководецъ и только что одержалъ наполеоновскую побѣду надъ австрійцами, подъ Гогенлиденомъ, и уже былъ недалеко отъ Вѣны. Нужды нѣтъ, что Моро помогъ 18-му брюмера: Бонапартъ боялся его больше всѣхъ, какъ славы и совѣсти Франціи, хотя этотъ гордый, благородный человѣкъ никогда не унизился бы до заговора или тайной интриги и поэтому гнушался своего учителя. То былъ такой же убѣжденный, симпатичный и популярный республиканецъ, какъ его другъ Лафайетъ. „Я сталъ воиномъ потому, что былъ гражданиномъ“, сказалъ этотъ юристъ по воспитанію. Ради Франціи онъ служилъ своему сопернику. Но его лавры не давали спать Бонапарту: послѣ Гогенлиндена ему пришлось выйти въ отставку.

Моро заживо схоронилъ себя въ тиши уединенія. Но самое молчаніе независимой знаменитости было укоромъ Бонапарту: французы, какъ римляне временъ Оразеи Пета, смотрѣли, „чего *не* дѣлаетъ“ герой убѣжденія. Напрасно Пишегрю, начальникъ Моро въ первую революціонную войну, старался вовлечь его въ заговоръ, чему тайкомъ помогалъ и Фушэ: самъ Кадудаль доказалъ, что это не удалось. А Бонапартъ чернилъ соперника въ газетахъ и даже гравюрахъ, какъ предателя, вождя „звѣрскихъ негодяевъ“, и, наконецъ, отдалъ его подъ судъ. Но имъ же назначенные судьи смутились отъ гордыхъ и благородныхъ рѣчей доблестнаго генерала: они сначала совсѣмъ оправдали его, потомъ приговорили лишь къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Первый консулъ замѣнилъ эту кару вѣчнымъ изгнаніемъ: Моро уѣхалъ въ Соединенные Штаты Америки.

Самый опасный соперникъ Наполеона оказался плохимъ политикомъ. Онъ примкнулъ къ 18-му брюмера въ надеждѣ, что Бонапартъ, ставши главой государства, сойдетъ съ военнаго по-

принца. Теперь онъ не участвовалъ въ заговорѣ, но достаточно застрялъ въ ловушкѣ: онъ имѣлъ таинственныя свиданія съ Пишегрю и написалъ первому консулу полупризнаніе, по настоянію своей молодой жены. И популярность его рухнула. А кончилъ онъ тѣмъ, что въ 1813 г. возвратился въ Европу, по приглашенію Александра I, чтобы составить планъ кампаніи противъ Франціи. Подъ Дрезденомъ ему оторвало французскимъ ядромъ обѣ ноги: его схоронили въ Петербургѣ.

Однако не зазпались бы новые друзья, роялисты! Дѣло Пишегрю дало поводъ Бонапарту показать, что, если онъ благоволитъ къ роялистамъ, то лишь какъ къ мастерамъ повиноваться. Чтобы выбить у нихъ изъ головы старый кумиръ, онъ расправился съ Бурбонами такъ, что міръ затрепеталъ отъ страха и негодованія. Съ затаенной радостью поджидалъ хищникъ ихъ принцевъ — Артура и Берри. Но ихъ высадка не состоялась. Тогда Бонапартъ остановилъ свой взоръ на другомъ отпрыскѣ Бурбоновъ — на *герцогѣ Ангьенскомъ*, послѣднемъ представителѣ той фамиліи Кондэ, которая именно не одобряла заговора Кадудаля. Этотъ 32-лѣтній принцъ проживалъ въ Боденсѣ, у границы Франціи, предаваясь охотѣ да любви: его бумаги доказываютъ неопровержимо его невинность относительно заговоровъ. Въ мартѣ 1804 года французскіе драгуны схватили юношу. Въ слѣдующую ночь герцогъ былъ разстрѣлянъ. Несчастный успѣлъ только вырвать у себя нѣсколько волосъ и снять съ пальца перстень для своей милой да воскликнуть: „Боже мой! За что же это?“

Когда Наполеонъ лежалъ на смертномъ одрѣ, кто-то прочелъ ему англійскую газету, гдѣ его называли убійцей герцога Ангьенскаго. Онъ приподнялся, схватилъ перо и приписалъ къ своему завѣщанію: „Это было необходимо для безопасности, благоденствія и чести французскаго народа. Тогда графъ Артуа, по собственному его сознанію, держалъ въ Парижѣ 60 убійцъ, чтобы умертвить меня. При такихъ обстоятельствахъ я теперь поступилъ бы точно такъ же“. Бонапартъ отвѣчалъ Жозефинѣ, молившей о пощадѣ герцога: „Вы — ребенокъ: вы не понимаете

общественнаго дѣла. Я — государственный мужъ, я — французская революція: я долженъ соблюдать ее". Онъ правъ былъ только въ одномъ: герцогъ Ангьенскій становился тогда надеждой роялистовъ, которые начинали покидать для него ничтожныхъ братьевъ Людовика XVI. И Талейранъ съ Фушэ совѣтовали Бонапарту примѣромъ опаснаго принца пресѣчь эту безконечную цѣль заговоровъ. Впрочемъ, впослѣдствіи Наполеонъ самъ признавался, что смерть герцога „повредила ему въ общественномъ мнѣніи, а въ политическомъ отношеніи не принесла никакой пользы". Да, безъ этого политическаго убійства, которое возстановило противъ него не только всѣ правительства, но и все общественное мнѣніе, Бонапартъ былъ бы сильнѣе въ ту минуту. Рядъ заговоровъ сослужилъ ему хорошую службу: и во Франціи и внѣ ея за него становилось большинство, какъ за мученика порядка и устроенія расшатанной страны. Даже Моро, какъ мы видѣли, утратилъ свою великую популярность: тогда вѣдь никому не было вдомекъ, что первый консулъ, самъ принимавшій горячее участіе въ продѣлкахъ тогдашнихъ Лекоковъ, отлично зналъ, какъ далекъ былъ его соперникъ отъ всякихъ заговоровъ.

Расправа съ Ангьенскимъ и съ Моро ясно показываетъ, что такая могучая и беззавѣтная сила, какъ первый консулъ, сломила бы хоть кого. А тогдашнее общество было уже и безъ того надломлено. Герои оппозиціи замолкли оттого, что то были вожди безъ арміи. Люди временъ консульства представляли собой развитіе типа золотой молодежи эпохи директоріи. Общество было Гамлетомъ: питомцы Просвѣщенія понимали, въ чемъ дѣло, но у нихъ не было воли для сопротивленія цезаризму. Растлѣваемые „геніемъ ада", они заботились только о личномъ интересѣ: для огромнаго большинства политика становилась въ тягость, а дѣльный абсолютизмъ — благодѣяніемъ. Всѣ основы „реакціи" были налицо.

Главной причиной перелома въ обществѣ было переутомленіе отъ напряженной „акціи", дѣятельности, да и какой! — непосильной. Все влеклось къ тишинѣ уединенія въ собственномъ міркѣ, къ мѣщанскому прозябанію, съ его будничнымъ счастьемъ. А тутъ

нужно было вновь сколачивать домишки и зашибать копейку. „Каналья“, который въ революцію пòтомъ и кровью создалъ „новую буржуазію“ воображалъ, что выскочка-богатырь оборонитъ его отъ знатныхъ хищниковъ и алчныхъ богачей и снабдитъ его заработкомъ: ему давались, на ряду съ академикомъ, награды за изобрѣтенія, а его дѣти воспитывались на казенный счетъ. Войны позволяли ему сбыть лишніе рты въ своей семьѣ, которые еще умножали работу, распоряжаясь чужими рынками. А эти рты превращались въ солдатъ, проповѣдывавшихъ въ странѣ поклоненіе генію побѣдъ. Новая буржуазія чуяла наступленіе своего царства: она съ восторгомъ слѣдила за изворотами хозяина, который положилъ собственность въ основу жизни и тотчасъ отмѣнилъ прогрессивный налогъ. Войны были манной небесной для „новыхъ богачей“ — подрядчиковъ-биржевиковъ: замѣстительствомъ въ арміи они откупали свою кровь, которая въ то же время проникла въ ряды чиновниковъ и интеллигенціи. На руку была имъ и восточная роскошь Тюльери, которая быстро просачивалась въ общество, служившее Мамону.

Поднимались и „привилегированные“, которые, вмѣстѣ съ „поповщиной“, были второй причиною быстраго паденія нравовъ. — „Только эти люди умѣютъ служить“, говаривалъ Наполеонъ. — „Я предлагалъ имъ мѣста въ арміи, но они отказались. Я открылъ имъ переднія моего дворца, и они хлынули туда толпами!“ Выпущенные изъ тюремъ священники, до 40.000 семействъ самыхъ покорныхъ эмигрантовъ, послужили закваской *сервилизма*, или раболѣпія. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ общество стало неузнаваемо. Констанъ сказалъ г-жѣ Сталь: „Вотъ вашъ салонъ полонъ любезниковъ, но скажи я мою рѣчь — и завтра онъ опустѣетъ“. „Слѣдуйте голосу вашей совѣсти!“ отвѣчала хозяйка и на другой день получила отъ всѣхъ приглашенныхъ отказъ, подъ разными предлогами. Шенье воскликнулъ тогда: „Наши арміи 10 лѣтъ сражались, чтобы мы стали *гражданами*, а мы вдругъ превратились въ *подданныхъ*!“ Когда явилось пожизненное консульство, многіе именитые республиканцы (Барèръ, живописецъ Давидъ) срывали пальму первенства въ раболѣпіи. Законода-

тельный корпусъ украсился бюстомъ властителя. Въ „день Наполеона“ (15 августа) Парижъ заблисталъ магическими N. B. (Napoléon Bonoparte), вспыхнулъ волшебными огнями, а залы Тюльери наполнились мундирами, фраками и шлейфами. Послѣдними проблесками старыхъ нравовъ служилъ ропотъ промежъ себя по поводу конкордата, Почетнаго Легіона и дѣла Моро.

Гробовое молчаніе сопровождало и „очищеніе“ трибуната и даже венсенское убійство: послѣднее вызвало отставку одного Шатобріана. При обсужденіи императорства въ трибунатѣ одинъ Карно излилъ свою республиканскую душу: противъ него поднялась цѣлая армія новыхъ ораторовъ, которые, при громкихъ рукоплесканіяхъ, сравнивали избранника судебъ съ Карломъ Великимъ и даже съ Геркулесомъ, задушившимъ змѣй безначалія. Одинъ трибунъ даже назвалъ Бонапарта „ваше консульское величество“. Наконецъ и такіе атлеты революціи, какъ Лафайетъ, Грегуаръ, Кабанисъ, даже самъ Карно сталъ мирно работать со всѣми, отожествляться съ консульствомъ.

На такой нравственной почвѣ быстро созрѣли плоды „свѣта“ стараго порядка. Мѣщанско-лагерная мода конца вѣка смѣнилась старымъ нарядомъ: сабля — шпагой, сапоги, — башмаками съ пряжкой, фраки—богатыми камзолами; и гражданина снова смѣнилъ „мосье“ — сначала въ казенныхъ бумагахъ, потомъ и въ общежитіи. Въ Тюльери возвратилось веселое чувственное легкомысліе временъ Маріи-Антуанетты, въ соединеніи со строгой, напыщенной роскошью Людовика XIV. И въ свѣтѣ грубоватое панибратство революціоперовъ уступило мѣсто „галантности“, утонченной вѣжливости старыхъ салоновъ. Чопорная монархическая набожность овладѣла всѣми, въ особенности дамами; возрождались монастыри, завѣщались имущества духовенству; начинали со вздохами слушать проповѣди и странствовать по святымъ мѣстамъ и кладбищамъ, гдѣ назначались любовныя свиданія. И всюду искоренялись слѣды революціи, начиная съ улицъ по городамъ, которымъ были возвращены старыя наименованія.

Новый обликъ общества тотчасъ отразился въ литературѣ. Она впадала въ пустынную метафизику, за невозможностью за-

ниматься современною реальностью. Образовался кружокъ „нравственниковъ“. Ихъ „Меркурій“, поощряемый Жозефиной, началъ похваливать католичество подъ предлогомъ „свободы совѣсти“, а потомъ наступать на „матеріалистовъ и вольнодумцевъ“ „Плеяды“ — журнала, который издавался Жозефомъ Шенье и Жансенэ. На Шенье посыпались гоненія властей и ненависть общества. Предтеча романтизма, даровитый Лемерсье, прозябалъ на одинъ франкъ въ день; но на вопросъ Бонапарта, отчего онъ не ставитъ новыхъ драмъ, отвѣчалъ: „я жду!“ Нравственники восторжествовали, когда явилось евангеліе реакціи — „Геній христіанства“ Шатобріана (1802 г.). Этотъ представитель стариннаго, родовитаго дворянства тоже былъ въ Аркадіи: въ 1797 г. онъ погрѣшилъ, издавъ „Опытъ о революціяхъ“, обвѣянный духомъ Руссо. Теперь онъ спѣшилъ очиститься съ трескомъ и блескомъ. „Геній христіанства“ — кодексъ сентиментализма, отъ котораго оставался одинъ шагъ до духовидѣнія и инквизиціи: и онъ былъ расхватанъ въ нѣсколько дней, къ восторгу клира и Фушэ, который тогда сказалъ одному владыкѣ: „Между вашею и моею должностью, право, много общаго“. Бонапартъ обрадовался такой неожиданной поддержкѣ своего конкордата. И вотъ Шатобріанъ сразу становится „кумиромъ общества“ и главою литературнаго кружка Элизы Бонапартъ и дипломатическимъ агентомъ перваго консула въ Римѣ. Рядомъ съ такою модною философіей поощрялось свыше риѳмоплетство, затянутое въ правила лжеклассицизма. И между тѣмъ, какъ серьезные люди уединялись и чудачествовали, свѣтскій человѣкъ становился Адольфомъ, Рэнэ, Освальдомъ романовъ Констана, Шатобріана и г-жи Сталь — этими скучающими тѣнями безъ воли и жизненной энергіи.

Та же скука казеннаго лжеклассицизма господствовала въ искусствѣ: то была сухая риторическая школа эксъ-якобинца Давида, который всюду совалъ капральчика въ героическихъ позахъ. А въ наукѣ царилъ свой Наполеонъ — Кювье, этотъ литераторъ и художникъ съ замашками вельможи. Онъ возстановлялъ Бога въ Музеѣ естественной исторіи и задержалъ полетъ генія Сентъ-Иллера, установителя ламаркизма, который промелькъ-

нулъ, какъ метеоръ, чтобы лѣтъ на 60 потонуть во мракѣ реакціи. На него сыпались милости Бонапарта такъ же, какъ и на пашу Института, астронома Ля-Пляса, второго гонителя Ламарка, да на математика Монжа, который вытравлялъ республиканскій духъ въ политехнической школѣ. А Ламаркъ терпѣлъ нужду и выносилъ вообще презрѣніе. Его участь раздѣлялъ умершій 30 лѣтъ позже геніальный анатомъ Биша, близкій къ нему по смѣлости открытій.

Это перерожденіе французовъ было заклеймлено рядомъ мѣръ, представлявшихъ наглядный разрывъ съ демократіей и республиканствомъ. Постепенно возстановлялся нравственный кодексъ „жантильомовъ“. Въ манифестахъ слова „отечество, свобода“ замѣнялись „вѣрностью, славой“, въ особенности же дворянскою „честью“. Прибавлялись награды за выслугу — „почетное“ оружіе и т. п.; имена удостоенныхъ записывались на мраморныхъ доскахъ, какъ въ школахъ, гдѣ также разжигалось тщеславіе наградами и „конкурсами“.

Наконецъ возникъ и *Почетный Легіонъ*. Замыселъ Наполеона былъ и здѣсь величественъ и глубокъ. Не даромъ онъ не только сохранился до сихъ поръ [1]), но и сейчасъ представляетъ одно изъ самыхъ популярныхъ учрежденій во Франціи, да и за ея предѣлами. Прибавимъ, что въ области человѣческаго тщеславія это—самое возвышенное явленіе, на которомъ все-таки замѣтенъ отблескъ Просвѣщенія и великой революціи. До тѣхъ поръ подобныя „отличія“ имѣли весьма узкій смыслъ, связанный съ развитіемъ абсолютизма повсюду: оттого революція уничтожила ихъ, вмѣстѣ со всякими титулами и другими символами суетности. Наполеону хотѣлось расширить этотъ смыслъ, придать знакамъ отличія общественное, патріотическое значеніе.

Мысль Бонапарта выразилась уже въ декабрѣ 1799 г., когда онъ ввелъ „почетное оружіе“ за военныя отличія. Никто не

---

[1]) Почетный Легіонъ пережилъ пять революцій. Сенатъ 1814 г., проклинавшій Наполеона и сочинившій новую конституцію, схватился прежде всего за него; то же видимъ въ хартіи Людовика XVIII, гдѣ эта мѣра приписывалась только Генриху IV.

возражалъ противъ этого; по всѣ предостерегали перваго консула пасчетъ разныхъ „побрякушекъ“ стараго порядка для гражданской службы. Наполеонъ воскликнулъ: „Если различать военныя почести отъ гражданскихъ, то придется установить два ордена; а вѣдь нація одна! А если станемъ давать ордена только военнымъ, выйдетъ еще хуже, тогда нація совсѣмъ будетъ не при чемъ“.

Этотъ замыселъ Бонапарта, какъ врага феодальной привилегированности, былъ развитъ въ слѣдующихъ его словахъ: „До сихъ поръ на свѣтѣ было только двѣ власти — военная и церковная“. Онъ хотѣлъ выдвинуть на ряду съ ними, если не поставить выше ихъ, третью власть — гражданскую, такъ сказать, всенародную. Онъ думалъ слить тутъ все общество и тѣмъ подавить вѣчное соперничество тѣхъ двухъ властей, столь вредное для государства. Въ его глазахъ таланты, подвиги, даже „знанія и добродѣтели“, гдѣ бы они ни были, и какъ бы далеко ни стояли они отъ „службы“ государственной, составляютъ общественную силу и заслугу. И Бонапартъ не побоялся проводить эту новую мысль, требовавшую возстановленія старой опошленной формы, среди дѣтей Просвѣщенія и революціи! Онъ предвидѣлъ опасность. Ни одно изъ его учрежденій, за исключеніемъ конкордата, не встрѣчало столько сопротивленія, не вызывало столько негодованія и глумленія. Въ трибунатѣ оно было принято, послѣ страстныхъ преній, большинствомъ всего 56 голосовъ противъ 38, въ законодательномъ корпусѣ — большинствомъ 166 противъ 110. И все-таки въ 1802 году явился Почетный Легіонъ, по обычаю Наполеона наполненный громкими словами древняго Рима.

Предводимый самимъ первымъ консуломъ, „Легіонъ“ состоялъ изъ 16-ти „когортъ“ (римскія роты). Тутъ были „великіе офицеры, командующіе“, простые „офицеры“ и „легіонеры“. Всѣ назначались Бонапартомъ пожизненно и получали отъ 250 до 5.000 франковъ пенсіи; для немощныхъ легіонеровъ въ каждой когортѣ устраивалась богадѣльня. Легіонъ представлялся Наполеону настоящею арміей, вѣрнѣе какимъ-то рыцарскимъ орде-

помъ средневѣковья. Онъ имѣлъ собственное управленіе и свои засѣданія, гдѣ торжественно произносились „похвальныя слова“ (éloges) умершимъ членамъ. Бонапартъ одарилъ его недвижимостью, приносившею болѣе 5 милл. фр. дохода. И онъ всегда старался держать его на достойной высотѣ: во все его царствованіе число легіонеровъ не превышало 30.000; послѣ него ихъ было вдвое больше.

Въ воображеніи Наполеона его Легіонъ представлялся величавой дружиной паладиновъ вокругъ Карла Великаго, защитниковъ добра, почетной стражей новой Франціи. Это — какой-то генеральный штабъ всей націи, главный нервъ ея жизни: легіонеры были распредѣлены по избирательнымъ коллегіямъ. Въ уставѣ Почетнаго Легіона сказано: „Каждый легіонеръ клянется честью посвятить себя службѣ республики, сохраненію ея владѣній въ цѣлости, защитѣ ея правительства, законовъ и освященной ими собственности. Онъ клянется также сопротивляться всѣми мѣрами, допускаемыми справедливостью, разумомъ и законами, всякому замыслу, клонящемуся къ возстановленію феодальнаго строя и связанныхъ съ нимъ титуловъ и званій. Наконецъ онъ клянется всѣми силами содѣйствовать сохранепію свободы и равенства“.

Но въ этой присягѣ чуется странное сліяніе двухъ теченій. Свобода, равенство, долой феодализмъ! Это — дань еще сильному тогда республиканству. Оттого во всемъ уставѣ Легіона ни разу не упомянуто слово „орденъ“, а также избѣгнуты старинныя слова „командоръ“; рыцарь“ [1]). И „Великимъ канцлеромъ“ или управляющимъ Легіона былъ назначенъ Ласепѣдъ — членъ Института, за которымъ были только научныя заслуги: послѣ Наполеона эта должность была исключительнымъ удѣломъ военныхъ сановниковъ. Все это такъ. Но „защита правительства и собственности“ — это уже звуки изъ другой оперы. А вотъ и подобные же факты. Въ уставѣ Легіона прежде всего говорилось

---

[1]) Нынѣшніе commandeur, chevalier, а также grand maître de l'ordre (гросмейстеръ ордена) появились при реставраціи (1816).

о военныхъ, а далѣе прибавлено: „Великія заслуги предъ *государствомъ* въ области законодательства, дипломатіи, администраціи, юстиціи, или наукъ даютъ *также* право на допущеніе (въ Легіонъ), если только оказавшія ихъ лица состоятъ въ *національной гвардіи* своего мѣстожительства". И во все время при Наполеонѣ было только 1.200 легіонеровъ изъ штатскихъ.

Наполеонъ и самъ сознавалъ, что вторая опера была даже звучнѣе первой. Онъ не скрывалъ, что его цѣль — создать не то мальтійскій, не то іезуитскій орденъ. Онъ сказалъ одному изъ „идеалоговъ", громившихъ Легіонъ: „И вы думаете, что анализомъ (наукой) можно создавать людей? Никогда! Анализъ годенъ только для ученаго въ его кабинетѣ. Для солдата нужны слава, отличія, награды. „Французы и послѣ революціи остались галлами", имъ такъ же любы эти разноцвѣтныя ленточки, эта пустяковина, какъ и церковныя церемоніи. Съ этими презрѣнными погремушками можно управлять людьми!" Наполеонъ не ошибся. Тогда уже никто не понималъ такихъ классическихъ наградъ, какъ дубовый вѣнокъ, приговоръ — „заслужилъ предъ отечествомъ", или вѣчная память въ рядахъ товарищей. Всѣ бросились за красной ленточкой: первый засіялъ „цареубійца" Камбасересъ.

Возвратъ къ старинѣ завершался наглядно для всего міра бытомъ Тюльери. Уже безконечные заговоры заставили перваго консула перемѣнить свой бытъ. Какъ это ни противно было ему, приходилось разыгрывать роль птички въ золотой клѣткѣ. Фушэ окружилъ его образцовымъ шпіонствомъ. Бонапартъ ѣздилъ подъ конвоемъ гвардейцевъ; въ Мальмезонѣ чуть не за каждымъ кустомъ скрывался часовой или сыщикъ. Первый консулъ началъ замыкаться въ тѣсномъ кружкѣ наперсниковъ, въ цѣпяхъ могучаго этикета. Это стало ясно особенно послѣ Маренго, когда вообще Наполеонъ окончательно почувствовалъ себя какимъ-то божествомъ. Съ тѣхъ-то поръ въ Тюльери исчезъ великій „гражданинъ". Самъ онъ замѣнилъ мундиръ придворнымъ парадомъ, а вельможъ нарядилъ въ пудреные парики „съ сумочкой" временъ Людовика XIV. Властитель сталъ недоступенъ и молча-

ливъ; ему кланялись чуть не до земли; у него и у его супруги испрашивали аудіенцій. Получая уже 6 милліоновъ на свою особу, онъ завелъ настоящій дворъ: адъютанты превратились въ „камергеровъ“ и „префектовъ дворца“.

Зимой властитель „изволилъ пребывать“ въ Тюльери, лѣтомъ— въ С.-Клу. Эти святилища наполнились эмигрантами, изъ которыхъ уже девять десятыхъ возвратились домой. Была выписана изъ Италіи пѣвица-красавица, а Жозефину перевели въ нижній этажъ. Тогда же Бонапартъ спѣшно выдалъ Гортензію за своего любимца Люи, первенецъ которыхъ, походившій на него лицомъ, предназначался потомъ въ наслѣдники императора.

Какъ встарь, снаружи, въ Тюльери царствовали чопорный этикетъ да парадный блескъ, хотя элегантность баловъ нарушалась армейщиной съ ея неуклюжими дамами, „не умѣвшими ходить по паркету“. Княжна Долгорукая, знавшая тогдашній Тюльери лично, мѣтко сказала: „Это — еще не настоящій дворъ, но и не лагерь“. Новый дворъ отличался отъ стараго еще тѣмъ, что дамы играли въ немъ роль утѣхъ, но не имѣли никакого политическаго значенія, которое всецѣло принадлежало самому владыкѣ.

Внутри же дворца кипѣли драмы корсиканскаго клана. Обширная родня перваго консула стала старухой изъ сказки о Золотой Рыбкѣ, но тиранизируемой старикомъ. Летиція, проживавшая въ собственномъ дворцѣ, ворчала, по старой памяти, на недостатокъ, а сама все копила деньгу. Фешъ нылъ, пока не добился кардинальской шапки и архіепископства. Самые скромные братцы, добродушный уживчивый Жозефъ и слабенькій Люи, да пасынокъ Евгеній, уже обнаруживали добросовѣстную независимость, которою они прославились потомъ, когда сдѣлались монархами и отстаивали своихъ подданныхъ. Люи, сверхъ того, не могъ простить брату „бѣдствія своей жизни“, какъ называлъ онъ бракъ съ Гортензіей, съ которой „не жилъ и 4-хъ мѣсяцевъ“. Жеромъ, этотъ второй Веніаминъ Бонапарта, не былъ утѣшенъ даже крупнымъ мѣстомъ въ морскомъ министерствѣ: вѣдь онъ покинулъ по его приказу и свою милую Америку и любящую

жену-красавицу. Настоящая красавица Полина, генеральша-вдовушка, не угомонилась, ставши даже княгинею Боргезэ: ея легкомысліе, ея частыя измѣны мужу путали всѣхъ. Хитрая, честолюбивая Каролина, превосходившая волей своего мужа, Мюрата, служила заводчицей козней, мутившихъ весь домъ. Самая эпергичная послѣ Наполеона, но взбалмошная литературная дама, Элиза, мужъ которой, бѣдный корсиканецъ Баччоки, сталъ комендантомъ Марсели, дружила съ Люсьеномъ, который изъинтриговался до того, что былъ выгнанъ изъ Франціи. Все это грызлось между собою и интриговало изъ-за денегъ и власти. Въ особенности кипѣла борьба между семьей Богарнэ и корсиканскимъ кланомъ. Весь дворъ распадался на „бонапартистовъ“ и „богарнистовъ“, напоминавшихъ Монтековъ и Капулетовъ, или арманьяковъ и бургундцевъ. Кланомъ предводила коварная Каролина, которая подстраивала разводъ владыки съ бѣздѣтной супругой: вѣдь консульская чета состояла лишь въ гражданскомъ бракѣ, не освященномъ церковнымъ обрядомъ! И Жозефина оглашала дворецъ рыданіями отъ грубости и вѣчныхъ измѣнъ своего Зевса. А въ кабинетѣ господина нерѣдко подымался цѣлый содомъ: слышались крики, ругань. Наполеонъ разъ чуть не прибилъ Люсьена, а тотъ чуть не закололъ его.

XXVII. Войны и дипломатія консульства.

Зерно великой арміи. — Неизбѣжность войны. — Генуя и Маренго. — Массена и Дезэ. — Моро и Гогенлиденъ. — Люневильскій миръ. — Протей дипломатіи. — Амьенскій миръ и новый разрывъ съ Англіей. — «Перелицовка Европы». — «Императоръ французовъ и итальянскій король».

Мы старались по возможности описать и объяснить, по современнымъ свѣдѣніямъ, внутреннія дѣла консульства. Мы старались проникнуть въ тайну того несравненнаго, по могуществу и порядку, цезаризма, который удалось утвердить Бонапарту въ какіе-нибудь четыре года. Мы не касались только самаго естественнаго вопроса, когда говоришь о Наполеонѣ, — военнаго дѣла.

Оно непосредственно связано съ внѣшнею политикой консульства. Мы сейчасъ увидимъ, что эта политика неизбѣжно должна была быть воинственной. Бонапартъ, конечно, понималъ это лучше всѣхъ. Вѣдь похитители престола, выскочки всегда нуждаются въ войнѣ для упроченія своей власти. Это подтвердилъ впослѣдствіи вовсе не воинственный племянникъ Цезаря XIX вѣка. А Наполеонъ, чуявшій въ себѣ непобѣдимый боевой геній, сознавалъ, что все достигнутое имъ было доставлено ему полями битвъ. Да и описанный нами цезаризмъ немыслимъ безъ первоклассной арміи.

Конечно, Бонапартъ не упустилъ изъ виду ничего, что можно было сдѣлать тогда въ этомъ направленіи. Если вообще мало говорятъ о консульской арміи, то только потому, что она стушевывается передъ „великой“ арміей имперіи и затмевается громадой крупныхъ внутреннихъ дѣлъ. Но безъ нея немыслима сама великая армія: она была зерномъ послѣдней. Въ ней уже было 1.200 молодцовъ консульской гвардіи, за каждымъ изъ которыхъ числилось по четыре блестящихъ кампаніи: то были какъ бы кадры дивныхъ ветерановъ „императорской гвардіи“, которыхъ можно назвать солью войска и гордостью военной исторіи. Конечно, и тутъ Наполеонъ не съ неба свалился. Уже „конскрипція“ 1798 года превращала войско изъ символа вооруженной націи, какъ было при революціи, въ особый отдѣлъ государственной службы. Бонапартъ только довершилъ это дѣло: онъ превратилъ войну въ ремесло, солдата—въ куклу дисциплины—въ бездушную принадлежность вождя, лагеря и знамени. Онъ достигъ этого введеніемъ замѣстительства и жребія: каждый вытянувшій жребій могъ откупиться; остальные становились какъ бы особыми существами. А старые солдаты сами возвращались на службу какъ на свое земное поприще, съ котораго былъ лишь одинъ выходъ—могила или госпиталь. Офицерство было скопленіемъ дарованій отовсюду — какъ съ самыхъ низовъ націи, такъ и изъ честолюбивой молодежи знати, уже прильнувшей къ роковому человѣку. Въ мирное время эта армія безпрерывно упражнялась въ трехъ лагеряхъ и содержалась образцово. Съ этою цѣлью было учре-

ждено даже второе военное министерство — „военная администрація“. И это новое чудо создалось, можно сказать, на другой день послѣ 18-го брюмера, когда военный министръ доложилъ Бонапарту, что никто не знаетъ числа войскъ, никто не платитъ имъ жалованья, не кормитъ и не одѣваетъ ихъ!

Этотъ министръ былъ достоинъ своего господина. То былъ несравненный хозяинъ арміи, Бертье, — преемникъ славнаго Карно не по одному мѣсту. Онъ напоминалъ его талантомъ, въ особенности же трудолюбіемъ и исполнительностью. То была правая рука Наполеона, образцовый подготовитель того военнаго строя, безъ котораго немыслима ни одна изъ блестящихъ кампаній новаго цезаря. Съ его-то помощью первый консулъ успѣлъ живо и тихонько образовать „резервную армію“ изъ лучшихъ новобранцевъ, зачисленныхъ въ кадры отборныхъ ветерановъ. А на полѣ брани великому завоевателю помогали такіе опытные и прославленные соревнователи непобѣдимости, какъ Моро на Рейнѣ и Массена въ Италіи.

Такъ въ рукахъ Бонапарта, можно сказать, дрожали силы войны, а ему нечего было искать противниковъ, изобрѣтать поводы къ дракѣ. Война была неизбѣжна уже въ силу историческихъ требованій. Здѣсь опять Бонапартъ былъ прямымъ продолжателемъ предшествующей эпохи. Будь онъ самымъ мирнымъ существомъ въ мірѣ, ему пришлось бы воевать: сама Европа вызывала его на бой. Его дружелюбныя предложенія встрѣтили самый рѣзкій, обидный отпоръ. Австрія и не думала уступать Ломбардію, отвоеванную второю коалиціей; Англія удерживала Мальту и Египетъ. Объ отвѣчали дерзко. Надменный министръ императора Франца II, Тугутъ, мечтавшій о первенствѣ Австріи въ Европѣ, спрашивалъ: „Склонитъ ли генералъ Бонапартъ французовъ къ признанію основъ международнаго права?“ Питтъ требовалъ ни больше ни меньше, какъ возстановленія Бурбоновъ. Эти союзницы сознавали, что, несмотря на измѣну Россіи, вторая коалиція была еще могущественна: у Австріи стояло подъ знаменами, въ Италіи и у Рейна, вдвое больше войскъ, чѣмъ у Франціи; у Англіи еще не истощилось золото, которымъ она

скупала кровь южныхъ нѣмцевъ, сардинцевъ и неаполитанцевъ. Онѣ забывали только, что у врага еще не изсякла богатырская сила революціоннаго порыва, а къ ней присоединилась беззавѣтная преданность такому генію побѣдъ, какъ Бонапартъ. Союзницы не сознавали, что имъ некого выставить противъ такой военной троицы, какъ Наполеонъ, Моро и Массена. У нихъ не было даже эрцгерцога Карла: этотъ крайне впечатлительный, эпилептическій потомокъ Габсбурговъ удалился съ своего блестящаго поприща, оскорбленный надменными педантами Вѣны. Онъ сдалъ начальство честному, но ничтожному Краю, а въ Италіи командовалъ такой же честный, но немощный и тупой старикъ Мелясъ.

Бонапартъ задумалъ блестящій планъ — поддержать рейнскую армію своимъ свѣжимъ резервомъ и, ошеломивъ врага, двинуться прямо на Вѣну. Но этому замыслу суждено было исполниться лишь 5 лѣтъ спустя: доблестный 37-лѣтній Моро не захотѣлъ подчиниться 30-лѣтнему сопернику, а конституція VIII года, считавшая консульство гражданскимъ учрежденіемъ, не говорила, кому быть главнокомандующимъ. Бонапартъ создалъ новый планъ — броситься съ резервомъ въ разрѣзъ между Краемъ и Мелясомъ, заградивъ послѣднему отступленіе изъ Италіи. То была отчаянная кампанія: никогда еще счастье не помогало геніальности Наполеона до такой степени. Онъ началъ съ ошибки, вообразивъ, что австрійцы не дерзнутъ напасть на Массену. А Мелясъ дерзнулъ: у него была цѣлая армія противъ избитаго Суворовымъ отряда французовъ, которые походили на толпу голодныхъ, полунагихъ разбойниковъ. Австрійцы заперли ихъ въ Генуѣ, передъ которой стоялъ англійскій флотъ. Но Массена совершилъ такой же подвигъ, какъ подъ Цюрихомъ. Онъ ввелъ желѣзную дисциплину и поднялъ духъ солдатъ. Питаясь травами да кожей зайцевъ, они почти ежедневными 60-ю вылазками истребили больше враговъ, чѣмъ сколько было ихъ самихъ. Это дало возможность Бонапарту исполнить свой планъ. Искусно утаивъ свои сборы отъ лазутчиковъ, онъ совершилъ переходъ черезъ Большой С. Бернаръ, достойный Ганнибала и Суворова,

и свалился къ непріятелю, какъ снѣгъ на голову. Однако онъ не спѣшилъ на выручку къ своему противнику 18-го брюмера, и Массена сдался, хотя и на самыхъ почетныхъ условіяхъ.

За это ревнивецъ чуть не поплатился всѣмъ. У Мелясса развязались руки и опять стало вдвое больше войскъ, чѣмъ у французовъ. А Бонапартъ сдѣлалъ новую ошибку въ расчетѣ: онъ наткнулся на всѣ силы врага у Маренго (іюнь, 1880), близъ Александріи. Французы были разбиты. Мелясъ отправилъ курьера съ вѣстью о побѣдѣ и уѣхалъ въ крѣпость отдохнуть, предоставивъ помощнику преслѣдовать непріятеля. Задумчиво сидѣлъ Бонапартъ у дороги и нервно хлесталъ пыль, подымаемую его отступающими солдатами. Вдругъ явился Дезэ съ своею дивизіей. Этого искуснаго и безпорочнаго генерала называли „Баярдомъ арміи“. Солдаты любили 32-лѣтняго командира, какъ своего отца. Они видѣли, какъ онъ лѣчилъ у себя зачумленнаго, отъ котораго отказался госпиталь. Они слышали его слова: „Пока меня любятъ солдаты, буду бить врага!“ Дезэ только что вернулся изъ Египта. Онъ стоялъ неподалеку и, заслышавъ пушечную пальбу, самъ догадался прійти на выручку къ товарищамъ. „Первая битва потеряна, но у насъ есть время выиграть вторую!“ крикнулъ онъ и ударилъ въ тылъ побѣдителямъ, во главѣ бригады „несравненныхъ“. Пуля тотчасъ же сразила героя наповалъ, но Маренго осталось за Бонапартомъ.

Наполеонъ приписалъ себѣ побѣду рядомъ лживыхъ бюллетеней. Зато онъ превосходно воспользовался побѣдой, которая въ одинъ день погубила всѣ успѣхи Суворова. Тутъ-то Наполеонъ выказалъ себя великимъ стратегомъ: его общій планъ кампаніи былъ такъ геніаленъ, что проиграй онъ Маренго — онъ задалъ бы его австрійцамъ въ другомъ мѣстѣ. То была заранѣе выигранная шахматная партія: Маренго — одно изъ четырехъ генеральныхъ сраженій, данныхъ великимъ государственнымъ мужемъ старому порядку вещей. Оно доставило Бонапарту неоспоримое владычество надъ Франціей. Побѣдитель завелъ казну, взявъ большую контрибуцію съ сѣверной Италіи и взваливъ на нее содержаніе своей арміи. Онъ утвердился, поспѣшивъ въ Па-

рижъ съ новыми лаврами: тамъ, у Талейрана, уже разсуждали, кого, въ случаѣ неудачи, поставить на его мѣсто — Карно или Лафайета?

Расправа съ австрійцами въ Германіи была предоставлена генералу Моро. Этотъ образцовый полководецъ изучилъ мѣстность, какъ свои пять пальцевъ, вымуштровалъ солдать безустанными упражненіями, пріучилъ офицеровъ къ математической точности въ исполненіи, а главное — внесъ въ армію духъ благородства. Съ меньшими силами онъ восемь разъ разбилъ австрійцевъ и прижалъ ихъ къ Ульму. Получи онъ подкрѣпленіе изъ резерва— и слава Бонапарта 1805 года была бы за нимъ; но онъ самъ отдѣлилъ отрядъ въ Италію, еще разъ сработавъ въ руку сопернику. Тѣмъ не менѣе, у Гогенлиндена (декабрь 1800) Моро одержалъ одну изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ вѣка, заманивъ врага въ западню силой своей геніальной проницательности, мужественнаго хладнокровія и изумительнаго изученія мѣстности.

То была лебединая пѣсня республиканскихъ армій: съ тѣхъ поръ въ рядахъ французовъ уже не видать такого идейнаго патріотизма, такой безкорыстной храбрости, такой беззавѣтной преданности солдатъ и офицеровъ другъ къ другу, такой простоты и серьезности вождей. Духъ этихъ армій словно умеръ тогда въ лицѣ поэтическаго вояки, честнаго и скромнаго Ляпитра Оверискаго. Онъ прославился въ Пиренеяхъ, какъ геній „адской колонны“ гренадеровъ, затѣмъ занимался наукой въ отставкѣ, а теперь, когда ему было подъ 60, вновь поступилъ къ Моро солдатомъ-добровольцемъ: его назвали официально „первымъ гренадеромъ республики“. Когда сразило его копье венгерскаго улана, армія три дня носила трауръ. Сердце послѣдняго могикана революціоннаго воинства хранилось въ серебряной вазѣ у старѣйшаго сержанта, а имя осталось въ спискѣ. Когда оно произносилось на перекличкѣ, сержантъ выступалъ и рапортовалъ: „умеръ на полѣ чести“.

Моро донесъ о побѣдѣ съ трогательной скромностью, въ двухъ строкахъ. Самъ Бонапартъ воскликнулъ, что соперникъ превзошелъ его, хотя потомъ онъ все приписывалъ тутъ случаю.

Передъ Моро лежалъ свободный путь въ Вѣну. Товарищи звали его туда, но онъ сказалъ, что „предпочитаетъ завоевать миръ“. И онъ заставилъ Франца II замириться помимо Англіи, чего никакъ не могли добиться Бонапартъ съ Талейраномъ. *Люневильскій миръ* (февраль 1801) былъ подтвержденіемъ кампо-формійскаго, но съ отягченіемъ для Австріи: Тоскана была отнята у австрійскаго эрцгерцога и образовала королевство *Этрурію; весь* Рейнъ сталъ границей Франціи; снова была выдвинута „секуляризація“, за которую уже ручался Францъ II, какъ нѣмецкій императоръ, представляя Бонапарту право слѣдить за ея исполненіемъ. Наконецъ по требованію Наполеона упорный Тугутъ былъ замѣненъ уступчивымъ, трусливымъ Кобенцлемъ.

То было окончательное униженіе маститаго Габсбурга, которому оставалось перенести свои алчные взоры съ запада на востокъ. Самъ Францъ II писалъ тогда: „Я до того истощилъ мою монархію относительно людей и денегъ, что она уже не въ состояніи занимать подобающее мѣсто въ европейскомъ равновѣсіи. Я утратилъ и всѣ мои политическія связи: въ состояніи такого ослабленія, я не могу разсчитывать ни на какой искренній союзъ“.

Пагубный для Габсбурга миръ означалъ верхъ могущества Франціи. То было вѣнчаніе революціоннаго плана пропаганды и завоеванія. Надзоръ за секуляризаціей давалъ Бонапарту право вмѣшиваться во всѣ дѣла Германіи. Италія вся поступала подъ его вліяніе. Французскіе чиновники попрежнему управляли республиками Цизальпійской и Лигурійской, при чемъ къ первой изъ нихъ были прибавлены папскія легаціи и Модена. Если Этрурія была уступлена, то лишь временно и номинально: Бонапартъ отдалъ ее полоумному испанскому Бурбону, герцогу пармскому, и за это получилъ отъ Испаніи Парму, Эльбу и Луизіану. Если были отмѣнены республики Римская и Партенопейская, то также къ выгодѣ Франціи. Папа съ урѣзанными владѣніями становился ея орудіемъ, какъ государь, и опорой Бонапарта, какъ глава католичества: „А какое тутъ получалось вліяніе, какой рычагъ противъ остальной Европы!“ восклицалъ потомъ

Наполеонъ. Сверхъ того, возстановленіемъ папы, такъ же какъ возвращеніемъ Неаполя Бурбонамъ и неприсоединеніемъ Піемонта ко Франціи, подкупалась Россія; между тѣмъ, Піемонтомъ управляли французы, а Фердинандъ IV допустилъ ихъ корпусъ въ Тарентъ и закрылъ свои гавани для англійскихъ судовъ.

Бонапартъ довершилъ эту жатву побѣдъ успѣхами своей дипломатіи. Павелъ I былъ у него въ рукахъ. Наполеонъ подбилъ его потребовать себѣ Мальту у англичанъ. Тѣ, конечно, отказали — и царь сталъ ихъ заклятымъ врагомъ: онъ даже захватилъ ихъ корабли въ своихъ гаваняхъ и воскресилъ мысль Екатерины II въ видѣ „лиги вооруженнаго нейтралитета“, заодно съ Швеціей, Даніей и Пруссіей. Въ то же время Павелъ призналъ естественныя границы Франціи, выгналъ изъ Россіи эмигрантовъ и самого Людовика XVIII, пилъ за здоровье Бонапарта и поставилъ его бюстъ у себя во дворцѣ. Наполеонъ склонилъ Пруссію къ дружественному нейтралитету, давъ ей къ тому же выгодное обѣщаніе не допускать расширенія Австріи въ Германіи. Въ Испаніи онъ поставилъ покорное ему министерство Годоя, и она, а за нею и Португалія принуждены были закрыть свои гавани британскимъ судамъ. Весь материкъ былъ въ рукахъ Бонапарта. Вездѣ, отъ Германіи до Португаліи, стояли отряды его войскъ; всѣ берега, отъ Балтики до Атлантики, повиновались ему. Отовсюду текли деньги въ его военную кассу: въ бюджетѣ Франціи возникла новая статья— *внѣшніе доходы*, т.-е. сотни милліоновъ, которые взимались, даже въ мирное время, не только съ покоренныхъ или враждебныхъ, но и съ союзныхъ націй.

Съ такими силами можно было, наконецъ, отважиться нанести смертельный ударъ самому могучему, самому гордому и неприступному врагу Франціи, охраняемому океаномъ. И было пора. Англія становилась такимъ же тираномъ на водахъ, какъ Бонапартъ на сушѣ. Богатая обладательница 800 отличныхъ судовъ и стотысячной арміи отчаянныхъ моряковъ, съ талантливыми вождями, она вѣчно наступала на всѣхъ приморскихъ жителей, блокировала порты Франціи и ея союзниковъ, обогащалась торговыми призами даже насчетъ нейтральныхъ. Она рѣшила по-

губить колоніальное значеніе Голландіи и Испаніи и истребить флоты Франціи и Даніи и уже была близка къ цѣли.

Англичане захватили навсегда Мальту (сентябрь 1800), заморивъ голодомъ французовъ, которые сдались, однако, на условіи: отвезти ихъ домой. Они собирались захватить и ихъ доблестную армію въ Египтѣ. Покинутый Бонапартомъ, отрѣзанный отъ міра среди песчаной пустыни, смутился было самъ безстрашный Клеберъ: онъ предложилъ англичанамъ почетную здачу, но они потребовали плѣна. Тогда герой напомнилъ Леонида такимъ воззваніемъ: „Солдаты на такую наглость отвѣчаютъ только побѣдами. Приготовьтесь къ бою!“ И 1 противъ 10 онъ началъ бить англичанъ, турокъ, арабовъ и усмирилъ жестокій мятежъ въ Каирѣ. Затѣмъ Клеберъ сталъ устраивать страну, какъ французскую колонію: бралъ туземцевъ въ армію, пекся о бѣдныхъ, доставлялъ всѣмъ работу, ввелъ хорошую систему налоговъ. Онъ навсегда сдѣлалъ имя французовъ обаятельнымъ въ Египтѣ: главный шейхъ мамелюковъ обратился въ его вѣрнаго слугу. Но нашелся фанатикъ, который закололъ благодѣтеля своей страны, въ тотъ самый день, когда у Маренго погибъ Дезэ: оба молодыхъ друга пали столпами лучшихъ преданій республики, очищая путь Бонапарту. Бездарный преемникъ Клебера не могъ справиться съ свѣжими тучами враговъ, насѣдавшихъ отовсюду на таявшую горсть французовъ, изнывавшихъ отъ зноя, голода, и заразы: онъ сдался, но на условіи, чтобы англичане отвезли ихъ домой со всѣми военными почестями.

Захвативъ все Средиземное море, англичане бросились въ сѣверныя воды. Тутъ выдвинулся страшный Нельсонъ. Онъ не слушался начальника и чуть не погубилъ англійскаго флота подъ ударами грозныхъ датскихъ батарей: только эта дерзость да коварное воззваніе къ датчанамъ доставили успѣхъ англичанамъ: датчане принуждены были отказаться отъ лиги вооруженнаго нейтралитета.

Но и англичанамъ становилось не подъ силу такое долгое и глубокое напряженіе: они начали даже терпѣть пораженія на морѣ — мелкія, но доказавшія, что обученный ими врагъ обод-

рялся. Въ Великобританіи подымался ропотъ населенія, истощеннаго налогами до того, что мѣстами наставалъ голодъ. Ея долгъ дошелъ до 12 милліардовъ. Противъ нея выступала вся Европа и даже Соединенные Штаты, приставшіе къ вооруженному нейтралитету. Данія закрыла для ея судовъ устья Эльбы, а Пруссія, захватившая Ганноверъ, — устья Везера и Эмса. Павелъ I собирался даже осуществить „великій планъ“ Бонапарта — двинуть казаковъ въ Индію, куда могли проникнуть и французы, если не черезъ Египетъ, то черезъ Персію, которая уже склонялась подъ ихъ вліяніе. И если Наполеонъ вскорѣ былъ сраженъ внезапностью кончины своего сѣвернаго друга замиреніемъ его преемника съ Англіей, зато Александръ I заключилъ также договоръ съ Франціей о своемъ посредничествѣ въ Германіи, Италіи и Турціи.

Вполнѣ обезпеченный на материкѣ, Бонапартъ уже собирался броситься на непокорный островъ: уже была готова масса перевозочныхъ судовъ для „арміи булонскаго лагеря“, и пешеходныя аттаки Нельсона на эти „орѣховыя скорлупы“ кончились неудачей. Неукротимаго Питта смѣнилъ вялый, миролюбивый Аддингтонъ — и тотчасъ же послѣдовалъ *амьенскій миръ* (мартъ 1802 г.) Англіи съ Франціей, Испаніей и Батавской республикой. Франція обязывалась только вывести свои войска изъ Тарента и уступала Россіи съ Портой покровительство надъ Іоническими островами, но превративъ ихъ въ республику Семи Острововъ. Англичане же отказывались отъ своихъ вожделѣній насчетъ Средиземнаго моря: Египетъ возвращался султану, Мальта — іоаннитамъ. Мало того, Великобританія возвращала французамъ всѣ свои завоеванія на морѣ и обязывалась не вмѣшиваться въ дѣла материка. Георгъ III отказался даже отъ титула „короля Франціи“, который носили его предшественники со времени Столѣтней войны. Оппозиція въ Вестминстерѣ гнѣвно восклицала: „Мы утвердили господство Франціи на материкѣ!“ Аддингтонъ утѣшался только тѣмъ, что „это — не обыкновенный миръ, а истинное замиреніе двухъ первыхъ націй въ мірѣ“.

Вселенная ликовала. Теперь только революція вправду завершилась, и „ангелъ мира“ простеръ свои крылья надъ дымившейся

кровью Европой. Безконечною вереницей странствовали иностранцы въ Парижъ посѣтить мѣста, которымъ ужасы 15 лѣтъ дали безсмертіе, взглянуть на „рокового человѣка“, заклявшаго фурій усобицы и повергшаго Европу въ трепетъ: они благоговѣйно дивились „генію ада“, сумѣвшему побѣдить даже себя самого. А въ глазахъ французовъ Бонапартъ, „закрывшій храмъ Януса“, по его собственнымъ словамъ, становился Генрихомъ IV, добрымъ пастыремъ счастливаго народа. Имъ не могло и сниться ничего выше такого могущества, такой славы, какъ миры люневильскій и амьенскій. Вотъ когда слѣдовало умереть Наполеону, завѣщавъ Франціи всеобщій почетъ, славу и вліяніе повсюду, естественныя границы и образцовый порядокъ внутри!

Но народамъ пришлось быстро разочароваться. Бонапартъ не вѣрилъ въ миръ, да и считалъ его невыгоднымъ для себя. „Державы,—сказалъ онъ, — все думаютъ о войнѣ: такъ лучше поспѣшить! Вѣдь у нихъ съ каждымъ днемъ меркнетъ воспоминаніе о послѣднихъ пораженіяхъ; обаяніе нашихъ побѣдъ слабѣетъ. Мнѣ выгодно, если сосѣди принудятъ меня взяться за оружіе, пока оно не заржавѣло. Между старыми монархіями и новою республикой всегда будетъ господствовать воинственное настроеніе. Въ нашемъ положеніи всякій миръ — лишь краткое перемиріе: по мнѣ, мое предназначеніе — воевать безпрерывно“.

Онъ не ошибался относительно тайныхъ замысловъ державъ. Напрасно Уитвортъ доносилъ: „Каждый годъ мира ослабляетъ консульское правительство; путемъ мира мы гораздо больше, чѣмъ открытой враждой, держимъ его въ осадномъ положеніи“. Англичане не послушались своего дальновиднаго посланника: они помогли Бонапарту, вызвавъ его на новую ужасную борьбу. Напрасно Фоксъ, съѣздившій въ Парижъ для личнаго знакомства съ Бонапартомъ, распинался за него: парламентъ кричалъ, что амьенскій миръ — утвержденіе владычества Франціи на материкѣ. А Георгъ III прибавилъ: „Этотъ миръ — не болѣе, какъ попытка“. И было созвано огромное ополченіе.

Надменный, алчный Джонъ Буль и не думалъ соблюдать амьенскій миръ. Онъ не выпускалъ Мальты изъ своихъ цѣпкихъ

рукъ и не могъ простить „корсиканцу“ своего разочарованія, когда тотъ не только отказался отъ торговаго договора, но закрылъ европейскіе порты для его судовъ и сталъ развивать промышленность Франціи. Англія попрежнему держала у себя эмигрантовъ, графа Артуа и спаряжала заговорщиковъ въ Парижъ, а ея печать выливала потоки грязи на „выскочку“ и „исчадіе революціи“.

Съ другой стороны, Бонапартъ становился грозенъ. Тогда уже слагались тѣ мрачныя, властительныя черты, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность историческаго облика Наполеона точно такъ же, какъ треуголка и скрещенныя руки малорослой фигуры. Первый консулъ дѣлается нестерпимъ въ своемъ высокомѣріи, самомнѣніи и лихорадочной жаждѣ борьбы. Нервная раздражительность, мелочная щекотливость деспота приводятъ его къ рѣзкостямъ и дерзостямъ направо и налѣво, къ оскорбительнымъ, внезапнымъ сценамъ уже не съ опозорившеюся Австріей, но и съ такими силами, какъ Англія и Россія.

Письма къ царю становятся почти армейскими бюллетенями, безъ слова любезности: онъ даже не считаетъ нужнымъ отвѣчать на теплую благодарность Александра I за Коленкура. Изъ его гнѣвныхъ устъ уже произносятся выговоры царю даже за смѣну министровъ въ Петербургѣ, съ напоминаніемъ о тѣхъ выгодахъ, которыя первый консулъ даровалъ его „родственникамъ и союзникамъ“. Бонапартъ высказываетъ нашему послу, Маркову, свое недовольство получаемыми имъ рескриптами и прибавляетъ: „Я не могу простирать моей снисходительности до униженія обратиться въ вассала“. А когда Марковъ предложилъ ему перечесть бумаги и указать оскорбительныя мѣста въ нихъ, ему отвѣчали: „Мнѣ не нужно читать во второй разъ... Я не могу сказать точно, но я вообще почувствовалъ, что стали изъясняться совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде“. Лицемѣріе, коварство сквозятъ повсюду.

Уже каждое движеніе было дѣломъ тонкаго искусства, было разсчитано на душевное впечатлѣніе, на слабости противниковъ; и совершается оно публично, съ шумомъ и блескомъ сцениче-

скаго представленія. Уже выработалась знаменитая манера всеобщаго оглушенія внезапностью, неожиданностью: сегодня безпричинныя оскорбленія и запугиванія, рыканье льва, завтра — такія же ласки кошачьей лапки, кротость и даже лесть, особенно когда первый пріемъ встрѣчалъ твердый отпоръ; сегодня поразительная сдержанность и дѣтская незлобивость, завтра — напускная запальчивость, это memento mori, воскресившее въ памяти смущенныхъ современниковъ погибель драгоцѣнной вазы, ускорившую миръ въ Кампо-Форміо. Макіавеллизмъ уже объявлялся правиломъ жизни, которымъ могутъ пренебрегать только тупицы и пошляки. Если прежде Ростопчинъ могъ поразить міръ своей аксіомой о пожарахъ сосѣдей, то теперь она находила подтвержденіе въ болѣе авторитетныхъ и красивыхъ словахъ Бонапарта: „Справедливость государствъ, это — ихъ выгоды и удобства; вынужденное великодушіе есть страсть или, скорѣе, слабость“. Въ душѣ революціоннаго генерала разгоралась алчность міроправителя. Его хищническій взоръ уже выходилъ за предѣлы Европы, падая на широкую полосу народовъ отъ Португаліи до Индіи, отъ Швеціи до варварійцевъ Алжира и феллаховъ Египта.

Къ концу 1802 года политическій небосклонъ омрачился. Побѣдитель у Маренго чувствовалъ приливъ силъ, сознавалъ всеобщее оцѣпенѣніе подъ давленіемъ сходившихся въ его рукахъ нитей дипломатіи и массы отборнаго войска, готоваго ринуться на знакомый путь торжествъ. И его бурная природа и это побѣдоносное воинство скучали безъ дѣла, которое такъ легко доставляло имъ рай земной. Бонапартомъ овладѣвали жажда внѣшней дѣятельности, самовластіе, ярость. Чуялось ему, что пришла пора раздавить соперницу за каналомъ и залечь Соловьемъ-Разбойникомъ всѣ дороги, отъ угрюмыхъ озеръ Шотландіи до улыбающихся береговъ Босфора, до опьяняющихъ нѣгой водъ Нила. Горе было становившимся ему на пути! Баловня судьбы въ военномъ мундирѣ не остановили бы ни годная для простыхъ смертныхъ мораль ни склоняющаяся предъ мечомъ дипломатія [1]).

[1]) Эта характеристика развивающагося новаго человѣка въ Наполеонѣ сдѣлана на основаніи изданныхъ нами документовъ парижскаго и петер-

„Роковой человѣкъ“ рвался, прежде всего, обрушиться на Англію: „онъ живетъ только мыслью объ ея уничтоженіи“, доносилъ русскій посолъ. Тогда-то Бонапартъ впервые прибѣгнулъ къ тому притворному взрыву ярости, которымъ потомъ такъ любилъ озадачивать державы. На торжественной аудіенціи, передъ которой онъ шутилъ со своими сестрами и игралъ съ мальчикомъ брата Люи, онъ крикнулъ Уитворту: „Вы воевали съ нами 10 лѣтъ и хотите воевать еще 15 лѣтъ! Вы принуждаете меня къ этому: французскій народъ можно убить, но не запугать! Англичане первые обнажатъ мечъ: я послѣдній вложу его въ ножны. Они не уважаютъ договоровъ: нужно наложить на нихъ трауръ!“ Бонапартъ думалъ застращать, напугать врага: у него ничего не было приготовлено для войны. Но англичане отвѣчали требованіемъ, чтобы французы, признавъ за ними Мальту, очистили Голландію и Швейцарію и дали вознагражденіе сардинскому королю.

Посланники соперниковъ покинули свои посты (май 1803), чтобы не возвращаться на нихъ до конца поприща Наполеона. Англичане начали войну до ея объявленія: они, какъ пираты, захватили суда Франціи и Голландіи съ товарами на 200 милліоновъ. Французы тотчасъ же вступили въ Ганноверъ и возвратились въ Тарентъ. А въ Булонѣ опять закопошилось до $2^1/_2$ тысячъ плоскодонныхъ судовъ и канонерскихъ шлюпокъ, и 120.000 молодцовъ „англійской арміи“ поспѣшно обучались матросской службѣ. Бонапартъ же, вспомнивавшій прежде Цезаря да Карла Великаго, теперь громко вызывалъ тѣнь Вильгельма Завоевателя [1]). Тогда же онъ продалъ Луизіану Соединеннымъ Штатамъ,

---

бургскаго архивовъ. См. *Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I*, т. I въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. 70. Особенно важны депеши Маркова Кочубею (20 марта 1802) и двору (22 іюня и 11 декабря 1802), а также записка Ростопчина, представленная императору Павлу I, по его собственному повелѣнію, и разъясненная нами въ „Revue d'Histoire diplomatique“ (1889, 2). Эти документы помѣщены у насъ подъ №№ 154, 182, 198, 234.

[1]) Недавно англійскій генералиссимусъ Уольсли основывалъ свой протестъ противъ плана тоннеля черезъ каналъ именно на томъ, что «вели-

что привело, 8 лѣтъ спустя, къ войнѣ между ними и Англіей. Нація искренно поддерживала своего героя, пылая ненавистью къ безцеремоннымъ британцамъ.

Такъ Франція наслаждалась миромъ всего одинъ годъ. Она не могла даже утѣшаться мыслью, что ей приходится мѣриться силами съ одной только своей вѣчной соперницей. Борьба съ англичанами, которые орудовали обыкновенно чужою кровью и нападали на колоніи врага по всему свѣту, всегда была міровымъ потрясеніемъ. Теперь же она означала европейскую войну еще потому, что на материкѣ и безъ того всюду скоплялся горючій матеріалъ. Виной тому былъ самъ безпокойный „геній ада“. Ослѣпленный мнѣніемъ, что никто не смѣетъ перечить ему, Бонапартъ всюду мутилъ, всѣхъ задиралъ, все тревожилъ. Онъ уже забывался до того, что подражалъ королю — Солнцу въ такихъ международныхъ разбояхъ, какъ „присоединенія“ въ мирное время.

Судьба сосѣдей Франціи показывала и слѣпому, какая печальная участь грозила Европѣ. Такой многообѣщавшій въ будущемъ плодъ революціонной пропаганды, какъ „поясъ“ республикъ-сестеръ, становился укоромъ Франціи, превращаясь въ веревку висѣлицы для народовъ. Здѣсь совершалось то же, что было съ самою Франціей послѣ 18-го брюмера: конституціи, начертанныя по подобію великой революціи, принимали монархическій оттѣнокъ. По всей линіи, отъ Сѣвернаго до Средиземнаго моря молчаливо разражались грозные „государственные удары“, стоившіе грохота пушекъ подъ Маренго.

Лучшимъ поясненіемъ этого болѣзненнаго состоянія материка, этого безпрерывнаго нарушенія международнаго права служила Голландія. Генеральные штаты Батавской республики постепенно были отраженіемъ учредительнаго собранія, конвента и директоріи. При этихъ формахъ голландцы жили спокойно, благословляя великодушную сосѣдку, которая дала имъ болѣе человѣческую

чайшій солдатъ въ мірѣ, Наполеонъ», считалъ высадку въ Англію возможной.

жизнь, подавивъ пережитки феодализма. Теперь Бонапартъ наградилъ и ихъ консульствомъ: онъ сократилъ права штатовъ и возстановилъ, въ лицѣ одного изъ своихъ наперсниковъ, штатгальтера, или „регента“ (октябрь 1801). Онъ даже осмѣлился прикрыть это насиліе плебисцитомъ — и срѣзался: получилось всего 50.000 „да“; остальные промолчали. Но Наполеонъ преспокойно принялъ „молчаніе за знакъ согласія“. Голландцы рады были хоть тому, что у нихъ возникъ образцовый порядокъ, какъ въ Парижѣ, и былъ введенъ Наполеоновъ кодексъ.

Итальянцы также благословляли Францію за отмѣну феодализма и за Наполеоновъ кодексъ. Но не дешево достались имъ эти благодѣянія революціи: Бонапартъ все перевернулъ у нихъ вверхъ дномъ, по существу, при соблюденіи приличныхъ внѣшнихъ формъ. Цизальпина превратилась въ Итальянскую республику (въ началѣ 1802) — ловкій намекъ на національное объединеніе; въ сердцахъ итальянцевъ уже трепеталъ патріотизмъ, подъ вліяніемъ пѣсенъ Альфьери о „свободной и единой Италіи“. Но и здѣсь власть была сосредоточена въ рукахъ „президента“, для выбора котораго была созвана въ Ліонѣ „консульта“ изъ именитыхъ итальянцевъ. Эти „представители“ націи, хотя и были назначены самимъ первымъ консуломъ, однако выбрали своего; но Талейранъ поправилъ ихъ ошибку — и президентомъ оказался Бонапартъ. А одинъ „президентъ“ вмѣсто трехъ „консуловъ“ могъ служить предостереженіемъ для самихъ французовъ. Въ іюнѣ явились подобныя конституціи въ Лигурійской и Луккской республикахъ: президентами въ нихъ были посажены наперсники перваго консула. Въ сентябрѣ расправились съ Пьемонтомъ, пользуясь смертью его пылкаго защитника, Павла I: онъ превратился въ 6 французскихъ департаментовъ, одинъ — съ громкимъ именемъ „Маренго“. Папа былъ уже въ рукахъ Бонапарта. Надъ Неаполемъ снова повисъ Дамокловъ мечъ, въ видѣ французскаго корпуса, который возвратился въ Тарентъ, что нарушало права второго кліэнта Россіи въ Италіи.

Особенно блистательно проявился политическій геній Бонапарта въ Швейцаріи, среди хаоса, царившаго тамъ послѣ ухода

французскихъ войскъ: онъ и облагодѣтельствовалъ горцевъ, и извлекъ изъ нихъ для себя всевозможныя выгоды. Гельветская республика, измученная битвами второй коалиціи, погибала отъ вновь вспыхнувшихъ усобицъ между затхлою аристократіей „патриціевъ“ и свѣжими стремленіями демократовъ — „патріотовъ“. Патриціи искали помощи у англичанъ и, при ихъ содѣйствіи, били своихъ соперниковъ. Бонапартъ снова выслалъ свои войска на выручку угнетенныхъ, выступилъ самозваннымъ третейскимъ судьей и принялъ титулъ „великаго посредника Гельветской республики“.

Его „актъ посредничества“ (февраль 1803), дѣйствительно, искоренялъ „средневѣковое варварство“: всѣ 19 кантоновъ стали равноправны и сохраняли свои мѣстныя особенности; привилегіи патриціевъ были уничтожены и замѣнены потомъ Наполеоновымъ кодексомъ; вездѣ правили „сельскія и городскія общины“; единство же страны выражалось въ „сеймѣ“, который собирался ежегодно на 1 мѣсяцъ, поперемѣнно въ каждомъ кантонѣ. Но оставивъ патріотамъ вліяніе въ отдѣльныхъ кантонахъ, первый консулъ захватилъ центральную власть, сосредоточивъ ее и здѣсь въ рукахъ „президента“ союза. Лишь изъ страха передъ Россіей и Англіей, онъ пока не принялъ на себя этого званія, зато вручилъ его своему наперснику, которому далъ пенсію. Тогда же онъ обратился къ швейцарамъ, какъ къ своимъ солдатамъ, съ такою рѣчью: „Обязанная своей независимостью Франціи, ваша страна должна быть ея вѣчнымъ другомъ: иначе тотчасъ присоединю васъ. Никогда не потерплю въ Швейцаріи иного вліянія, кромѣ моего!“ До конца его поприща горцы оставались вѣрными Франціи и спокойными, довольными внутри. Ради этого спокойствія они перенесли молчаливо новый разбой сосѣда. Бонапартъ отобралъ у нихъ Валлисъ, важный въ военномъ отношеніи: тамъ перевалъ черезъ Симплонъ. Покуда онъ обратилъ эту землицу въ республику, конечно, съ французскимъ управленіемъ.

Наконецъ Бонапартъ устроилъ и Германію по своему желанію. Онъ и здѣсь оказалъ благодѣянія народу, подорвавъ такой

уродливый пережитокъ феодализма, какъ священная римско-нѣмецкая имперія, и введя впослѣдствіи свой кодексъ. Онъ не подозрѣвалъ, что этимъ подрываль и свое будущее, расчищая путь національному объединенію нѣмцевъ: покуда ему нужно было только обезсилить Австрію и перехватить ея вліяніе въ Германіи — и онъ достигъ цѣли. Австрія, ничего даже не подозрѣвавшая, была вдругъ вытѣснена изъ „отечества“, уединена и направлена на славяно-венгерскій востокъ: было уничтожено ея главное орудіе въ Германіи — духовные фюрсты и имперскіе города, за что ей выкинули клочокъ земли для герцога тосканскаго. Въ то же время были усилены наперсники Бонапарта — южные князья, особенно Баварія да Пруссія, которые получили вдвое больше, чѣмъ теряли на лѣвомъ берегу Рейна. Изъ массы независимыхъ владѣній въ Нѣмецкой имперіи уцѣлѣло лишь съ полсотни болѣе крупныхъ государствъ и до 6 вольныхъ городовъ; число курфюрстовъ было увеличено до 10.

Такова была знаменитая „секуляризація“, которая служила завершеніемъ реформаціи, бранденбургской политики и вестфальскаго мира. Ея планъ былъ составленъ еще Сіейсомъ (1795 г.) и служилъ основаніемъ для работъ раштадтскаго конгресса, прерваннаго войной; теперь онъ вошелъ почти дословно въ роспись Талейрана, которая была принята и Россіей, какъ сдѣлка, выгодная для родственниковъ Александра I въ южной Германіи. Дѣло было оформлено въ видѣ протокола имперскаго сейма (февраль 1803). И настало самое наглядное торжество Бонапарта. Пока Талейранъ составлялъ роспись, фюрсты наводняли его переднія, жаждая подачекъ: они ухаживали за его любимцами и лакеями, носили на рукахъ его собачку, забывали на его столѣ драгоцѣнныя табакерки съ червонцами.

Въ томъ же году самъ Бонапартъ огласилъ одно таинственное дѣло, которое служило всѣмъ, какъ доказательство его міровыхъ замысловъ. То былъ хвастливый отчетъ Себастіани, его „торговаго агента“ на Востокѣ. Эта „миссія“, интриговавшая въ Турціи, Персіи и Сиріи, приходила къ заключенію, что „теперь достаточно 6.000 французовъ, чтобы вновь завоевать Египетъ“. А оттуда

рукой подать до Ость-Индіи, гдѣ уже возмущалъ туземцевъ генералъ Декаэнъ, который перенесся потомъ на Иль-де-Франсъ, откуда лѣтъ 8 отважно грабилъ своими крейсерами торговыя суда Англіи.

Вскорѣ убійство герцога Ангьенскаго показало, куда можетъ хватить рука человѣка, который самъ считалъ себя выше всякихъ правилъ и законовъ. „Пусть же знаютъ враги моей политики, на что я способенъ, и оставятъ меня въ покоѣ!“ воскликнулъ онъ тогда. А прусскій посланникъ доносилъ: „Насиліе противъ герцога Ангьенскаго лишило Бонапарта большей части довѣрія, восторга, преданности и сочувствія“. Пала даже рента на биржѣ. Въ Европѣ оставался одинъ страхъ передъ Франціей, какъ передъ новымъ терроромъ. Она уже предчувствовала тѣ ужасныя слова, которыя были включены Талейраномъ въ наказъ французскому посланнику въ Лондонѣ, полгода спустя послѣ амьенскаго мира: „Первому консулу всего 33 года. Онъ пока разрушилъ лишь второстепенныя государства. Кто знаетъ, сколько времени понадобится ему, чтобы перелицовать Европу и воскресить западную имперію?“ Вскорѣ особая комиссія изготовила проектъ новой государственной печати, съ гербомъ въ видѣ „покоющагося льва“. Бонапартъ перечеркнулъ его и подписалъ первымъ почеркомъ: „Парящій Орелъ“.

Эта печать знаменовала новый государственный переворотъ, еще какую-то небывалую „конституцію“. Онъ сталъ неизбѣжнымъ послѣ того, какъ въ $4^1/_2$ года, среди перерожденнаго общества, былъ возстановленъ *старый порядокъ*, съ прибавкой той могучей *централизаціи*, которой онъ никакъ не могъ добиться. Этотъ порядокъ воскресъ во всѣхъ областяхъ жизни, какъ въ матеріальной, такъ и въ идейной культурѣ: оставалось вѣнчать зданіе, обозначить новое историческое явленіе подобающимъ именемъ. Оно не могло называться попрежнему „королевствомъ“: выскочка, сынъ революціи, выковавшій собственноручно новую корону изъ булата, былъ воплощеннымъ разрывомъ съ этимъ сѣдымъ и опозореннымъ преданіемъ Франціи: въ мартѣ 1804 г. онъ сжегъ за собой корабли, полнвъ ихъ кровью юнаго отпрыска старины,

вся вина котораго состояла въ томъ, что онъ былъ Бурбонъ. Новый Цезарь перешелъ свой Рубиконъ — и въ маѣ онъ принялъ званіе *императора*, которое было почетнымъ титуломъ въ легіонахъ Юлія Цезаря. Къ тому же въ Европѣ, трепетавшей передъ побѣдоноснымъ корспканцемъ, эта кличка считалась выше королевской.

Великое событіе, которымъ начинался вѣкъ, носилось въ воздухѣ: въ обществѣ слышались разговоры о „французской имперіи“, о „гальскомъ императорѣ“. Дѣло замышлялось уже за полтора года передъ тѣмъ. Мѣсяца два оно подготовлялось непосредственно рядомъ интригъ, въ особенности же работой полиціи. Во время процессовъ Пишегрю и Моро появились чиновничьи адресы Бонапарту. Затѣмъ сенатъ, вдохновляемый г-мъ Фушэ, просилъ „великаго человѣка“ сохранить „сынамъ содѣянное имъ для отцовъ“, содѣлать свое твореніе столь же „безсмертнымъ“, какъ его „слова“. „Вы, — заявлялъ онъ,—извлекли насъ изъ хаоса прошедшаго: мы благословляемъ благодѣянія настоящаго: обезпечьте же намъ будущее“. Первый консулъ просилъ дать ему подумать: въ челобитной сенаторовъ не было слова „имперіи“, которой не желалъ даже государственный совѣтъ, несмотря на всѣ ухищренія находчиваго Люсьена.

Тѣмъ временемъ префекты стали обдѣлывать свои департаменты, а сенату и трибунату пригрозили „нетерпѣніемъ арміи“, будто бы готовой „совершить революцію, которая должна быть дѣломъ гражданскихъ властей“. Наконецъ трибунатъ высказался въ пользу наслѣдственной имперіи, хотя прибавилъ: „Франція ожидаетъ отъ фамиліи Бонапарта болѣе, чѣмъ отъ всякой другой, сохраненія выгодъ революціи и правъ и свободы избравшаго ее народа“. Согласился и законодательный корпусъ. Тогда только Наполеонъ отвѣчалъ сенату: „Сообщите мнѣ вашу мысль вполнѣ. Я желаю, чтобы 14-го іюля мы могли сказать французскому народу: 15 лѣтъ тому назадъ, вы въ добровольномъ порывѣ взялись за оружіе и завоевали свободу, равенство, славу; сегодня эти первыя блага націй упрочены безповоротно, утверждены за вами и за вашими дѣтьми“.

Въ маѣ 1804 года явился уродливый сенатусъ-консульть, представляющій собой *шестую* конституцію или „конституцію XII года“: „правленіе *республики* довѣряется *императору*“ наслѣдственно въ семьѣ Бонапарта. При отсутствіи кровнаго или „усыновленнаго“ наслѣдника престолъ переходилъ къ самымъ покорнымъ братьямъ Наполеона — къ Жозефу и Люп.

Отрядъ сенаторовъ и офицеровъ, въ сопровожденіи трубачей и барабанщиковъ, обошелъ улицы, возглашая имперію среди населенія столицы, на лицахъ котораго были написаны частью изумленіе, частью равнодушіе. Наполеонъ тотчасъ же принялъ титулъ „императора французовъ“, хотя имя „республики“ красовалось еще года три. Уже потомъ спросили народъ. По свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, онъ видѣлъ въ оппозиціи сенаторовъ лишь заботу о самихъ себѣ, какъ было съ парламентомъ передъ революціей:въ огромномъ большинствѣ онъ сознавалъ необходимость крѣпкой власти, страшась, послѣ заговоровъ, возврата какъ террора, такъ и Бурбоновъ. Это доказалъ плебисцитъ: онъ далъ $3^1/_2$ милліона „да“ и $2^1/_2$ тысячи „нѣтъ“. Въ числѣ послѣднихъ оказались всѣ парижскіе адвокаты и юристы.

2-го декабря совершилось пышное коронованіе, напомнившее французамъ дни короля-Солнце, съ тою разницей, что, какъ говорятъ очевидцы, положеніе правительства было очень тяжелымъ: сановники боялись, какъ бы молчаливая, равнодушная толпа, по лицамъ которой змѣились насмѣшливыя улыбки, не разразилась хохотомъ надъ воскрешеніемъ средневѣковаго маскарада. Церемоніалъ былъ роскошный: ему предшествовало нѣсколько репетицій, съ помощью механическихъ куколъ, указывавшихъ движенія каждаго актера. Императоръ не согласился только причаститься наканунѣ: говорили, будто онъ боялся яда итальянскихъ прелатовъ. Зато онъ обвѣнчался тогда, хотя и тайно, съ Жозефиной, которая была до тѣхъ поръ, въ глазахъ Церкви, лишь его метрессой.

Избранникъ народа прибылъ въ соборъ парижской Богоматери въ золотой каретѣ Бурбоновъ; генералы несли корону Карла Великаго и другіе знаки абсолютизма, а братья Наполеона—шлейфъ

Жозефины. Обрядъ совершалъ самъ папа Пій VII. Наполеонъ заставилъ его прождать цѣлый часъ. Онъ зѣвалъ во время службы. Онъ самъ крѣпко схватилъ корону и плотно нахлобучилъ ее на голову, затѣмъ надѣлъ ее и на свою супругу, павшую предъ нимъ на колѣни. Положивъ руки на Библію, новоявленный императоръ воскликнулъ: „Клянусь отстаивать основы революціи и цѣлость французской земли! Клянусь управлять на благо, на счастье и славу французскаго народа!“ Послѣ коронаціи Наполеонъ сказалъ Жозефинѣ: „Я выигралъ сраженіе!“ А папа поникъ главой. Св. отецъ усердствовалъ, надѣясь на новый „Пипиновъ даръ“, но получилъ только возстановленіе грегоріанскаго календаря, да и то лишь съ 1-го января 1806 г.; въ то же время во Франціи былъ уничтоженъ орденъ іезуитовъ. Полгода спустя, императоръ французовъ, подобно Карлу Великому, короновался, въ Миланѣ, какъ *итальянскій король*. То была еще болѣе пышная, какъ бы міровая церемонія: при низкихъ поклонахъ иностранныхъ пословъ Наполеонъ возложилъ на себя 14-вѣковую древность — желѣзную корону лангобардовъ. При этомъ онъ грозно выкрикнулъ старинную клятву: „Богъ далъ ее мнѣ. Горе тому, кто вздумаетъ коснуться ея!“ [1]).

---

1) Этимъ мы заканчиваемъ нашъ историческій очеркъ жизни *Набуліоне Буонапарте* и *Бонапарта*. Исторію *императора Наполеона* выдѣляемъ въ самостоятельное изслѣдованіе, для котораго нашъ біографическій очеркъ въ изданіи Павленкова можетъ служить развѣ только программой. Изданія новыхъ документовъ и научныхъ обработокъ нашего предмета не перестаютъ заваливать книжный рынокъ. Не успѣваешь слѣдить за ними. Только что мы написали для нынѣшней книжки «Вѣстника Всемірной Исторіи» о заговорахъ временъ консульства, какъ явилось цѣлое изслѣдованіе извѣстнаго историка, Эрнеста Додэ (брата покойнаго романиста) о дѣлѣ Кадудаля, по новымъ документамъ. Въ нашемъ историческомъ очеркѣ первой имперіи мы постараемся, по мѣрѣ силъ, воспользоваться всей этой грудой новаго матеріала.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. Набуліоне Буонапарте.

Стр.

I. Отчій кровъ. 1769—1779 гг. 3
II. Воспитаніе кадета. 1779—1785 гг. 10
III. Гарнизонъ. 1785—1789 гг. 15
IV. Отмѣна „стараго порядка". 1789 г. 26
V. Родина и якобинство. 1789—1792 гг. 35
VI. Конецъ корсиканства. 1792—1793 гг. 43
VII. Авиньонъ и Тулонъ. 1793 г. 50
VIII. Ницца и терроръ. 1794 г. 58
IX. Заключеніе въ фортѣ и „бѣлый терроръ". 1795 г. 67
X. Не у дѣлъ. Жозефина. 1795 г. 77

Б. Наполеонъ Бонапартъ.

XI. Колыбель „рокового человѣка". 1796 г. 89
XII. Итальянскій походъ 1796—1797 гг. 103
XIII. Второй Цезарь. 1797 г. 110
XIV. Начальница-рабыня. 1796—1797 гг. 125
XV. „Заклятой врагъ" и „Свобода морей". 1797—1798 гг. 137
XVI. Египетская экспедиція. 1798—1799 гг. 145
XVII. Мятежникъ-„спаситель". 1799 г. 160
XVIII. Восемнадцатое брюмера. Конецъ вѣка. 173

В. Бонапартъ-консулъ.

XIX. Первый человѣкъ Франціи. 1799—1802 гг. 185
XX. Новая форма правленія. 213
XXI. Именитый правитель. Законы. 222
XXII. Практика законовъ и цезаризмъ. 227
XXIII. Новая администрація 231
XXIV. Экономика консульства 244
XXV. Психика консульства 260
XXVI. Новое общество. 274
XXVII. Войны и дипломатія консульства. 291

V

1-25

Цѣна 1р. 25к.

Изданіе Т-ва И.Д.Сытина.